

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

КИТАЙ В МИРОВОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Выпуск XX
Ежегодное издание

Москва
ИДВ РАН
2015

УДК [327+339.5](510)
ББК 66.5(5Кит)+66.59(5Кит)
К45

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

Рецензенты:

д. и. н. Н.Л. Мамаева, к. и. н. В.Н. Павлятенко, к. э. н. И.В. Ушаков

Редколлегия:

к. э. н. Е.И. Сафронова (отв. редактор, составитель), О.У. Муфаззалова

К45 Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XX: ежегодное издание / сост., отв. редактор Е.И. Сафронова. — М.: ИДВ РАН, 2015. — 376 с.

ISBN 978-5-8381-0299-7

XX выпуск данного ежегодного издания, состоящий из трех разделов — «Международные отношения КНР», «Внешнеэкономическая политика КНР» и «История внешней политики и экономических связей Китая» — включает статьи специалистов из ИДВ РАН, других исследовательских структур в России и за рубежом. Рассмотрение получили такие вопросы, как роль РФ и Китая в деле формирования нового мирового порядка, текущее и потенциальное российско-китайское взаимодействие на двух- и многостороннем уровнях, вопросы внешнеэкономической политики Пекина и характеристика его курса в отношении некоторых стран-партнеров (США, Индия, Корея и др.), направления и перспективы сотрудничества стран ШОС. Особенностью данного выпуска стал анализ рядом авторов различных аспектов китайской стратегии «Экономический пояс Шелкового пути» и возможностей ее сопряжения с проектом ЕАЭС. Есть и статьи, посвященные таким острым темам, как влияние территориальных проблем на китайско-японские и российско-японские отношения, участие Китая в «арктической гонке», международное значение производства стратегических вооружений в КНР. Книга также содержит работы по вопросам истории внешних связей Китая.

Ключевые слова: Китай, Россия, международные отношения, новый мировой порядок, внешняя политика КНР, российско-китайское сотрудничество, безопасность, региональные зоны напряженности, ШОС, Экономический пояс Шелкового пути, Евразийский экономический союз, Центральная Азия, гуманитарные связи, Арктика, внешнеэкономические связи, программы развития, интеграционные проекты, государственно-частное партнерство, история внешней политики Китая.

Статьи отражают авторскую точку зрения, не обязательно совпадающую с мнением издателя. Ответственность за достоверность опубликованных сведений несут авторы.

**УДК [327+339.5](510)
ББК 66.5(5Кит)+66.59(5Кит)**

© Сафронова Е.И., составление, 2015
© ИДВ РАН, 2015
© Коллектив авторов, 2015

ISBN 978-5-8381-0299-7

***Посвящается
боевому братству народов
СССР/РФ и Китая
на полях Второй мировой войны***

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Титаренко М.Л., Петровский В.Е.</i> Россия и Китай как опоры нового мирового порядка	7
<i>Лузянин С.Г.</i> Россия и Китай: глобальные и региональные измерения безопасности и сотрудничества — 2015 г.	29
<i>Ларин А.Г.</i> Возрождение Китая и некоторые вопросы российско-китайского сотрудничества	37
<i>Уянаев С.В.</i> Сотрудничество в защите итогов Второй мировой войны как важное направление российско-китайского взаимодействия в сфере обеспечения мира и безопасности	57
<i>Виноградов А.О.</i> Новый тип отношений и Новый шелковый путь. К вопросу о внешнеполитических инновациях Китая	69
<i>Клименко А.Ф.</i> Возможные шаги России во взаимодействии с Китаем по обеспечению безопасности на пространстве ШОС	88
<i>Васильев Л.Е.</i> Некоторые аспекты политики Китая в Центральной Азии	104
<i>Сафронова Е.И.</i> Текущая и перспективная роль гуманитарного сотрудничества в деле развития ШОС	119

<i>Болятко А.В.</i> Стратегия США в АТР и отношения с Китаем	135
<i>Ли Юнхуэй</i> Влияние территориальных проблем на китайско-японские и российско-японские отношения	142
<i>Кашин В.Б.</i> К вопросу о масштабах производства стратегических вооружений в КНР: международное значение	154
<i>Морозов Ю.В., Клименко А.Ф.</i> Китай и другие государства Северо-Восточной Азии в «арктической гонке»	173
<i>Ян Юйхэн</i> Сотрудничество КНР и России в сфере лингвистического образования как аспект и фактор их гуманитарного взаимодействия	192

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР

<i>Портяков В.Я.</i> Россия, Индия и Китай в мировой экономике и торговле в 2014—2015 гг.	202
<i>Гордиенко Д.В.</i> Сравнительная оценка экономической мощи КНР и ведущих индустриально развитых и развивающихся стран мира ..	213
<i>Тимофеев О.А.</i> Российско-китайские и многосторонние интеграционные проекты и их влияние на развитие Дальнего Востока	229
<i>Уянаев С.В.</i> Новые «Шелковые пути» Китая: принципы и параметры официальной «дорожной карты»	242
<i>Антипов К.В.</i> Экономический коридор «КНР—Пакистан» открывает Шелковый путь на запад	260

<i>Мокрецкий А. Ч.</i> Китайский проект «Экономического пояса Шелкового пути»: перспективы участия Беларуси	273
<i>Матвеев В. А.</i> Многосторонние проекты на пространстве ШОС: оценка механизмов их реализации	282
<i>Алимов Р. К.</i> О роли Китая в выходе Таджикистана из транспортного тупика	292
<i>Балакин В. И.</i> Республика Корея в региональной интеграционной стратегии КНР	306

ИСТОРИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ КИТАЯ

<i>Александрова М. В.</i> Сельское хозяйство Северо-Востока Китая в первой половине XX века: эндогенные и экзогенные факторы формирования специализации	315
<i>Саркисова Г. И.</i> Некоторые аспекты жизни Цинской империи в восприятии членов VII Русской православной миссии в Пекине (1781—1794 гг.)	343
Summary	363
Сведения об авторах	372

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР

М. Л. Титаренко, В. Е. Петровский

РОССИЯ И КИТАЙ КАК ОПОРЫ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Аннотация. Существующий мировой порядок не выдерживает испытания реальностью. Все большее влияние на ход мировых событий оказывает группа стран с быстроразвивающейся экономикой, добивающихся более справедливого мирового устройства, изменения сложившейся финансово-экономической системы, реформы глобального управления. Этому препятствуют действия США и ряда западных стран, направленные на ревизию и произвольное толкование базовых норм международного права, на подрыв принципа суверенитета и территориальной целостности государств, права народов на самостоятельный выбор общественной системы и пути развития.

Констатация того, что современный мировой порядок разбалансирован и нуждается в реформировании, закономерно ведет к необходимости укрепления его фундаментальных «опор», основанных на многополярности. Именно такого курса придерживаются Россия, Китай, Индия, страны ШОС, БРИКС и ряд развивающихся стран. Все более возрастает значение стратегического партнерства и конструктивного взаимодействия России и Китая в решении глобальных проблем. Российско-китайские отношения являются важнейшим фактором мира и стабильности в АТР и мире в целом. Меж-

ду двумя странами установилось равноправное партнерство, не направленное против какой-либо третьей стороны и способное стать образцом межгосударственных отношений в XXI веке.

Ключевые слова: новый мировой порядок, многополярный мир, Азиатско-Тихоокеанский регион, глобальное управление, межкультурный диалог, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), РИК, БРИКС.

Обстановка в мире в последние годы претерпевает глубокие потрясения, ведущие к обострению ранее существовавших противоречий и нарастанию напряженности и различных угроз. С одной стороны, продолжаются ускоренные глобализацией процессы интеграции государств, на основе принципов полицентризма идет поиск оптимальной модели международного общения, с другой — не утихают последствия глобального финансово-экономического кризиса, в различных регионах — в Европе (Украина), на Ближнем Востоке, в Северо-Восточной Азии (СВА) — имеют место серьезные вызовы региональной и глобальной безопасности. Периодически возникают обострения, связанные как с унаследованными от прошлого нерешенными вопросами территориального, пограничного разграничения, так и с последствиями гегемонистской политики США и их союзников.

США подготовили и спровоцировали конфликт на Украине с целью изоляции и ослабления России. Единственным относительно стабильным регионом, который к тому же сравнительно успешно преодолевает последствия кризиса, является Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), хотя и здесь тлеет ряд очагов напряженности — трудности корейского урегулирования и территориальные споры между рядом стран.

В мире нарастают новые вызовы и угрозы. Невиданные размеры принял международный терроризм, политика Запада поощряет «столкновение цивилизаций», насилие над собственным народом порождают масштабные протестные движения, справиться с которыми все труднее, а применяемые для этого методы зачастую лишь усугубляют положение.

В условиях дальнейшего углубления процессов глобализации и связанного с ними роста взаимозависимости государств, а также не-

гативного воздействия на международную ситуацию мирового экономического кризиса все очевиднее становится необходимость реформы механизмов глобального управления, повышается значение построения новых равноправных отношений между развитыми странами во главе с США и развивающимся миром. Но при этом сохраняется тенденция развития мира к многополярности. Как отметил министр иностранных дел РФ С. Лавров, «идет процесс перераспределения мощи и влияния в мире, растет роль Азиатско-Тихоокеанского региона, который становится одним из ведущих локомотивов экономического роста»¹.

В мировом сообществе крепнет убеждение, что нужны принципиально иные подходы к урегулированию мировых проблем, такие решения, которые отвечали бы интересам безопасности и развития. Все большее влияние на ход мировых событий оказывает группа стран с быстроразвивающейся экономикой, добивающихся справедливого миропорядка, изменения сложившейся финансово-экономической системы, обеспечивающей ныне в первую очередь интересы развитых стран.

В последнее время дает о себе знать и другая тенденция — тенденция, порождающая опасные новые вызовы и угрозы процессам мирного развития и придающая происходящим переменам турбулентный, труднопредсказуемый характер. По-прежнему актуальным является урегулирование в целом ряде «горячих точек». Обращает на себя внимание неравномерность посткризисного «глобального восстановления». Не ослабевают и террористические угрозы, а также новые вызовы, связанные с трансграничной преступностью, энергетической, экологической и продовольственной безопасностью, глобальными климатическими изменениями.

Напоминают о себе и определенные действия, направленные на ревизию и произвольное толкование базовых норм международного права, на подрыв принципа суверенитета и территориальной целостности государств, права народов на самостоятельный выбор общественной системы и пути развития. Некоторые силы пытаются воспрепятствовать объективным изменениям в мировом балансе экономического и политического влияния.

Г. Киссинджер в своей новой книге «Мировой порядок» констатирует: «Ливия охвачена гражданской войной, армии фундаменти-

стов строят самопровозглашенный халифат в Сирии и Ираке, а молодая демократия Афганистана — на грани паралича. К этим бедам добавились возобновление напряженных отношений с Россией, в то время как обещания сотрудничества с Китаем вступают в противоречие с публичными обвинениями в адрес его руководства. Концепция порядка, лежавшая в основе современной эпохи, не выдерживает новых реалий... огромные регионы мира никогда не разделяли западную концепцию порядка, и лишь вынужденно соглашались с ней... Порядок, провозглашенный и установленный Западом, подошел к поворотному моменту».

Мнение Киссинджера по этому вопросу, безусловно, заслуживает внимания. Он обосновывает его тремя фундаментальными обстоятельствами:

«Во-первых, сама природа государства — этой базовой формальной ячейки мирового сообщества — подверглась многочисленным попыткам ревизии. Европа решила, что переросла старое понятие государства с его независимостью и суверенным правом, и взялась строить внешнюю политику преимущественно на принципах «мягкой силы»... Столкновение между мировой экономикой и политическими институтами, которые якобы ею управляют, также приводит к потере чувства общей цели, что необходимо для мирового порядка. Экономика становится все более глобальной, а политическое устройство по-прежнему основано на национальном государстве... Третья слабость нынешнего мироустройства — в отсутствии эффективного механизма взаимодействия, консультаций и возможного сотрудничества между великими державами по наиболее важным вопросам мировой повестки дня»².

Однако Г. Киссинджер забывает еще об одном важном факторе — стремлении США укрепить свою гегемонию и политику прямого вмешательства, «право» на устранение неугодных режимов и лиц. Что это как не политика глобального терроризма, возведенная в ранг государственной? В своем ежегодном послании к Конгрессу США в январе 2015 г. Барак Обама заявил: «Вопрос не в том, должна ли Америка руководить миром, а в том, как это делать», и добавил при этом, говоря об антироссийской санкционной политике, что «сегодня Америка сильна и едина со своими союзниками, а Россия изолирована, и ее экономика в руинах»³.

Констатация того, что современный мировой порядок разбалансирован и нуждается в реформировании, закономерно ведет к необходимости укрепления его фундаментальных «опор», основанных на многополярности и полицентричности современного мира. Именно такого курса придерживаются Россия, Китай, Индия, страны ШОС, БРИКС и ряд развивающихся стран.

«На фоне фундаментальных перемен в международной среде, нарастания неуправляемости и самых разнообразных угроз нам необходим новый глобальный консенсус ответственных сил. Речь не может идти ни о каких-то локальных сделках, ни о разделе сфер влияния в духе классической дипломатии, ни о чьем-то полном доминировании... Это тем более актуально — учитывая укрепление и рост отдельных регионов планеты, — что формирует объективный запрос на институциональное оформление таких полюсов, на создание мощных региональных организаций и выработку правил их взаимодействия. Кооперация этих центров серьезно добавила бы устойчивости мировой безопасности, политике и экономике», — заявил В.В. Путин в выступлении на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» в октябре 2014 г.⁴

В такой общей турбулентной ситуации продолжает проявлять себя одна из основных особенностей современного мира — динамичный *рост новых центров влияния, прежде всего в Азии и АТР*. Они обретают все больший удельный вес в мировых делах, меняют привычный баланс сил и на этой основе объективно претендуют на роль, соизмеримую с «весом» традиционных мировых центров, представленных ранее лишь, как правило, Западом. Все это предопределяет устойчиво высокое место Азии и АТР в мировой политике.

В этой противоречивой и сложной обстановке еще больше возрастает значение стратегического партнерства и взаимодействия в решении глобальных проблем России и Китая — двух соседних государств, придерживающихся сходных либо близких позиций по основным вопросам мировой политики.

Что касается России, то она в силу объективных и цивилизационных причин придает первоочередное значение в своей политике пространству новых государств бывшего СССР — членов СНГ, где проживает около 30 млн соотечественников, активизирует курс на евразийскую интеграцию, связанный с развитием Евразийского эко-

номического союза (ЕАЭС). Одновременно Россия как великая держава ведет активный курс практически «по всем азимутам». Новой особенностью последних лет, причем исключительно важной для судьбы страны, стал выдвинутый президентом В.В. Путиным курс, преследующий далеко идущую цель — повернуть Россию лицом к Азии и АТР, в целом мобилизовать материальные и духовные силы страны и сознание граждан РФ на подъем и развитие восточных регионов, углубление сотрудничества с нашими дальневосточными и азиатскими соседями, прежде всего с Китаем, Индией, государствами АСЕАН.

Страна взяла решительный курс на усиление своих позиций в СВА и АТР в целом, скорейшую интеграцию в экономическую и политическую жизнь региона, что рассматривается как одна из первоочередных задач, имеющих огромное значение для ее выживания, развития и безопасности. Среди граждан и, что особенно важно, в общественной и политической элитах крепнет осознание самоидентификации России как евроазиатской тихоокеанской державы, что в полной мере отвечает особенностям самосознания многонационального населения и геополитическому положению страны.

Обращаясь 4 декабря 2014 г. с ежегодным Посланием Федеральному Собранию, Владимир Путин подчеркнул: «Наша цель — приобрести как можно больше равноправных партнёров — как на Западе, так и на Востоке. Будем расширять своё присутствие в тех регионах, где сейчас набирают силу интеграционные процессы, где не смешивают политику и экономику, а, наоборот, снимают барьеры для торговли, для обмена технологиями и инвестициями, для свободного передвижения людей»⁵.

Важнейший фактор, привлекающий к себе внимание мирового сообщества, — происходящее в течение нескольких последних десятилетий *стремительное «возвышение» Китая* на основе стратегии мирного развития, содействия совместному развитию и поиску взаимного выигрыша. Китайские руководители неустанно подчеркивают исключительно мирные цели подъема своей страны. Начав с глубоких экономических преобразований, которые вывели КНР на позиции одной из главных мировых держав, страна оказывает сейчас все более осязаемое воздействие и на ход политических процессов в мире.

Принятые на XVIII съезде КПК (ноябрь 2012 г.) и на 1-й сессии ВСНП 12-го созыва (март 2013 г.) установки свидетельствуют о стремлении Китая активизировать свою роль в решении глобальных проблем. В докладе председателя КНР Ху Цзиньтао на съезде указывалось, что Китай намерен активнее участвовать в международных делах «в целях продвижения рационального и справедливого развития международной системы», «играть роль большой и ответственной страны, на совместных началах реагировать на вызовы глобального характера»⁶. В заявлении нового руководителя Китая Си Цзиньпина в ноябре 2012 г. поставлена цель добиться «великого возрождения китайской нации», осуществления вековой «китайской мечты»⁷.

Регионом, где наиболее отчетливо видны возросшие вес и влияние Китая, является АТР. Пекин активно продвигает не только многостороннюю дипломатию, но и двусторонние связи, сфокусированные на трех направлениях — с крупными, соседними и развивающимися странами, стремится к налаживанию конструктивного диалога и недопущению прямой конфронтации, развивая, в частности, отношения экономической взаимозависимости.

Китай намерен «развивать и укреплять отношения с соседними странами», в чем можно видеть оценку взаимодействия между Китаем и Россией. Если следовать этой логике, то можно сказать, что отношения с Россией остаются для Китая важными и необходимыми. Об этом в том числе свидетельствуют заявленные на партийном съезде приоритеты политики КНР на мировой арене. Эти приоритеты проглядываются в следующей формуле, изложенной в отчетном докладе съезду партии: «Мы будем активно участвовать в многосторонних проектах, поддерживать ООН, страны «двадцатки», ШОС, БРИКС и другие организации, направлять международный порядок в сторону рациональности и справедливости»⁸.

Вместе с тем аналитики китайской внешней политики прогнозируют, что в ближайшие годы основным дипломатическим объектом КНР останутся Соединенные Штаты Америки. С этой целью в американском секторе китайской дипломатии будут предприниматься *попытки выстраивания новых отношений Китая с США* и недопущения перерастания возникающих политико-экономических, военных и региональных (прежде всего с точки зрения столкнове-

ния китайско-американских интересов в АТР) противоречий с Вашингтоном в острые противостояния и конфронтации.

На протяжении последних лет на Западе активно обсуждают возможность формирования геополитического альянса между США и КНР, создания Вашингтоном и Пекином коалиции в виде так называемой Большой двойки (G-2), экономического и политического блокирования двух стран в формате так называемой Кимерики. При этом, по мнению экспертов, в руках Китая сосредоточились бы сильные рычаги экономического воздействия на США (огромные валютные ресурсы, американские долговые обязательства, положительный баланс в двусторонней торговле и пр.). Однако сама по себе взаимосвязь двух крупнейших экономик вполне объективна и отнюдь не обязательно чревата конфликтом: более того, сам процесс блокизации понуждает обе страны к взаимодействию.

Переосмысление администрацией Б. Обамы итогов китайской политики Дж. Буша-мл. привело Вашингтон к выводу, что заставить Пекин скорректировать его курс (как политический, так и валютный) в пользу США вряд ли возможно. Отсюда возникла мысль предложить ему некий большой проект, в данном случае двуполусность, в рамках которого необходимые Вашингтону действия могли бы трактоваться не как уступки, а как шаги по налаживанию совместного управления и создания соответствующих структур мирового порядка.

В то же время развернуто масштабное наступление Соединенных Штатов по «возвращению в Азию» — дальнейшему наращиванию американского военного присутствия в АТР, укреплению их политических и экономических позиций, усилению влияния в региональных организациях Тихоокеанской Азии в опоре на американских военно-политических союзников, формированию так называемого Транстихоокеанского партнерства, где США играли бы ведущую роль. При этом в Вашингтоне не скрывают, что одна из целей американских действий — «сдерживание» Китая. Заявлено, что XXI век будет «тихоокеанским веком» в политике.

К идее G-2 в Пекине изначально отнеслись весьма осторожно. Для обоих государств является характерным внутреннее убеждение в обоснованности претензии каждого из них на ведущую глобальную роль, и альянсы типа «двойки» или «Кимерики» могут возникать из

тактических соображений, но никогда не будут иметь долговременной стратегической перспективы.

Экономические и геополитические интересы Китая и США объективно требуют согласования позиций и координации усилий в целях избежания общих для сторон негативных последствий в мировой экономике и политике. Поэтому в определенных, хотя и фрагментарных, аспектах и ракурсах, концепция G-2 может быть реализована для выработки совместных подходов к разрешению двусторонних и глобальных финансово-экономических проблем, региональных и локальных кризисных и конфликтных ситуаций.

Выступая 10 ноября 2014 г. в Пекине, президент США Б. Обама призвал Китай «участвовать в установлении мирового порядка», а не в его «подрыве». А один из ведущих американских стратегов Збигнев Бжезинский считает, что надо идти дальше и формализовать американо-китайское партнерство в «Тихоокеанском акте». «Китай понимает, что нет больше гегемона, на котором лежала бы вся ответственность за поддержание глобальной стабильности. Мы должны разделить обязательства. Только две самые большие и влиятельные державы смогут установить мировой порядок, в который будут включены и другие страны — Европа, Япония, Индия, АСЕАН, Латинская Америка», — заявил Бжезинский в интервью The World Post (делая при этом оговорку о том, что «было бы хорошо, если бы и Россия приняла участие в укреплении стабильности»)⁹.

В РФ считают, что улучшение двусторонних американо-китайских отношений не угрожает российским экономическим и геостратегическим интересам, а, напротив, создает новые (и в перспективе более благоприятные) условия для их защиты и продвижения. Любые многосторонние структуры диалога и сотрудничества с участием КНР и США в АТР и за пределами региона, которые предполагают участие нашей страны, укрепляют позиции России и пополняют ее дипломатический инструментарий.

Опыт Евро-Атлантического региона показывает, что механизм СБСЕ оказался пригодным и эффективным (а также сравнительно долговременным и малозатратным) как рамочная структура диалога различных по идеологии двух мировых систем и регулирования bipolarной конфронтации. Можно понять разочарование в СБСЕ и особенно в ОБСЕ тех, кто связывает их деятельность с последовав-

шим за этим распадом СССР и исчезновением мировой социалистической системы.

Однако китайская экономика, демонстрирующая устойчивость и уверенные темпы роста, закрепляет лидирующую роль КПК в политической системе Китая и не дает оснований для прогнозов об эволюции КНР, в обозримой перспективе, в сторону «западной» модели. Поэтому в АТР (хотя холодная война там, как и в Европе, уже закончилась) можно предвидеть исторически длительное сосуществование «двух систем» с разными экономическими и политическими моделями (китайской и западной) и альтернативными идеологическими и ценностными установками.

Европейская модель «мирного сосуществования» с использованием принципов и механизмов СБСЕ/ОБСЕ может оказаться в Северо-Восточной Азии и АТР весьма востребованной и уместной. В Пекине это отчетливо понимают: не случайно в докладе генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК подчеркнуто, что Китай будет строить отношения со всеми странами на основе пяти принципов мирного сосуществования, и говорится: «Мы будем принимать активное участие в многосторонних делах... стимулируя развитие международного порядка и международных систем в справедливом и разумном направлении»¹⁰.

Китайский опыт построения конвергентного многоукладного общества, в котором сочетается многовековой позитивный мировой опыт развития рыночной экономики с социалистической направленностью социальной политики государства и развитием консультативной демократии, приобретает все большее международное звучание и значение.

Россия и Китай создали новую модель отношений между странами с различными социально-экономическими системами. Она закреплена в российско-китайских официальных документах, включая Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г. Российско-китайские отношения являются важнейшим фактором мира и стабильности в АТР и в мире в целом. Между двумя странами установилась атмосфера подлинного доверия и взаимопонимания, настоящее равноправное партнерство, не направленное против какой-либо третьей стороны и способное стать образцом межгосударственных отношений двух крупных соседних держав в XXI веке.

Усиление КНР не представляет угрозы для российских интересов на региональном и глобальном уровне. Россия и Китай — несущие опоры многополярной международной конструкции, равно заинтересованные в ее стабильности и устойчивости. Сфера близости или совпадения их интересов существенно шире сферы возможных разногласий или несовпадений. Российско-китайское стратегическое партнерство из политической декларации последовательно трансформируется в конкретную политическую практику, в том числе в крупные совместные международные инициативы по упорядочению и гармонизации международных отношений, формированию многополярности, отстаиванию принципов международного права и Устава ООН, противодействию политике гегемонизма и диктата.

Как подчеркнул В.В. Путин в своей программной статье «Россия и меняющийся мир», опубликованной 27 февраля 2012 г. в газете «Московские новости»: «Своим поведением на мировой арене Китай не дает повода говорить о его претензиях на доминирование. Китайский голос действительно звучит в мире все увереннее, и мы приветствуем это, поскольку Пекин разделяет наше видение формирующегося равноправного миропорядка»¹¹.

Более того, Китай выступает объективным союзником и надежным партнером России в деле продвижения инициатив по созданию многосторонних механизмов безопасности и сотрудничества. В последние годы Пекин заметно активизировал деятельность в этом направлении с целью обеспечить безопасность и стабильность по периметру своих границ и создать благоприятные внешние условия для социально-экономического развития страны. Причем Китай не просто стремится интегрироваться в существующие международные механизмы на региональном и глобальном уровне, но, по мере роста своей роли в мировой экономике и политике, претендует также на участие в выработке новых «правил игры» в сфере глобального управления и построения нового международного порядка.

Сотрудничество России и Китая в решении международных вопросов путем политического диалога позволило предотвратить осложнение ситуации на Корейском полуострове, активизировать интеграционные тенденции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Россия и Китай активно взаимодействуют в решении сложных во-

просов, связанных с иранской и ближневосточной проблемами, реформой международной финансовой системы и другими глобальными проблемами в рамках Организации Объединенных Наций¹².

Углубление стратегического взаимодействия и партнерства на мировой арене привело к тому, что Россия и Китай активизировали выработку согласованных планов и акций по обеспечению взаимной безопасности и международной стабильности. Об этом наглядно свидетельствуют позиции по вопросам территориальной целостности каждой из стран, а также по урегулированию конфликтных ситуаций вокруг Сирии, Ирана, ядерной проблемы на Корейском полуострове. Обе стороны выступили с инициативой построения в АТР открытой, транспарентной, равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества, за реализацию совместной российско-китайской инициативы о сотрудничестве по укреплению безопасности в АТР, выдвинутой главами двух стран в сентябре 2010 г.

По инициативе лидеров России и Китая возник целый ряд диалоговых структур и организаций нового типа, которые позволяют продвигать и отстаивать жизненные интересы безопасности, территориальной целостности и суверенитета наших стран политическими средствами, не прибегая к военной конфронтации, кроме, разумеется, случаев прямой военной угрозы. Примером таких совместных реализованных инициатив является создание Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), образование диалоговых структур Россия—Индия—Китай (РИК), а затем — БРИКС (Бразилия—Россия—Индия—Китай—Южная Африка).

В феврале 2015 г. министры иностранных дел стран РИК провели в Пекине свою 13-ю китайско-российско-индийскую встречу. По ее итогам министр иностранных дел КНР Ван И заявил, что «за 13 лет механизм встреч глав МИД Китая, России и Индии непрерывно развивался, и главным образом он способствовал трем факторам. Во-первых, он стимулировал благоприятные двусторонние отношения стран, являющихся стратегическими партнерами друг для друга... Во-вторых, механизм встреч способствовал сходимости внешнеполитических концепций трех стран, единству или близости позиций по основным важным международным и региональным вопросам... В-третьих, он стимулировал переплетение интересов и требований трех стран, способствующих развитию как государств, так и

их народов, что является движущей силой укрепления трехстороннего сотрудничества»¹³.

РИК как диалоговая структура — новый тип взаимодействия стран в условиях глобализации — подчеркивает значение суверенности каждой из взаимодействующих сторон и вместе с тем раскрывает потенциал сотрудничества в интересах развития каждой из сторон, взаимодействия на международной арене, в том числе в урегулировании нерешенных проблем двусторонних отношений и конфликтных ситуаций.

БРИКС развивается с использованием накопленного в рамках платформы РИК опыта «трех не»: не союзничество, не конфронтация, не присоединение. Это — ответ развивающихся стран на вызовы кризиса, на вызовы политики военного, экономического и культурного диктата со стороны крупных высокоразвитых стран. *В связи с этим можно с полным основанием сказать, что создание БРИКС явилось одним из наиболее значимых геополитических событий последнего десятилетия.*

Основу влияния БРИКС на международной арене составляют растущая экономическая мощь государств-участников, значимость их деятельности как одной из главных движущих сил развития глобальной экономики, значительная численность населения, наличие богатых природных ресурсов. На страны БРИКС приходится 42 % от общемировой численности населения, 26 % от общемировой площади территории, 14,6 % от мирового суммарного ВВП¹⁴. БРИКС сможет получить позитивное развитие и будет иметь растущее влияние, если эта «площадка» создаст модель взаимовыгодных, равноправных, не-конфронтационных, конструктивно соревновательных отношений в экономической, политической, гуманитарной и военной сферах.

БРИКС — это не иерархия стран, а диалоговая структура достойных, равноправных представителей великих культур, уважающих интересы друг друга, строящих отношения на основе взаимодействия, синергии, взаимоучета интересов друг друга или, как говорят наши китайские друзья, на основе достижения взаимного выигрыша. Речь идет о формировании и продвижении в международные отношения новой философии мироустройства, гармонизации международных экономических, политических и межцивилизационных

отношений. Перед странами БРИКС и их правящими элитами стоит грандиозная задача взаимного познания, формулирования широкой платформы взаимопонимания, гуманитарных обменов, взаимной учебы, взаимного стимулирования развития.

В области международных экономических и финансовых отношений страны БРИКС последовательно и с растущей настойчивостью выступают в пользу реформирования устаревшей международной финансово-экономической архитектуры, не учитывающей возросший экономический вес стран с формирующейся рыночной экономикой и развивающихся стран, за создание новой, более справедливой, надежной и стабильной финансовой системы, содействующей устойчивому развитию всех стран и обменов между ними.

На встрече глав государств и правительств стран БРИКС накануне саммита G-20 в ноябре 2014 г. в Брисбене В.В. Путин отметил, что успешно выполняются решения по созданию в БРИКС собственных финансовых институтов — Банка развития и Пула условных валютных резервов с суммарным объемом капитала 200 млрд долл. У БРИКС появляются общие механизмы, способные стабилизировать национальные рынки капитала в случае кризисных ситуаций в глобальной экономике; новые возможности для совместного кредитования позволят расширить торговые и инвестиционные связи¹⁵.

Взаимодействие между участниками «пятёрки» укрепляется и по другим направлениям. Более эффективной становится промышленная и технологическая кооперация. Появляются новые совместные проекты в таких областях, как энергетика, добыча и переработка полезных ископаемых, агроиндустрия, высокие технологии (атомная энергетика, самолетостроение, космос, микроэлектроника и пр.). Мы выступаем с общих позиций по вопросам международной информационной безопасности, обмениваемся опытом в решении острых социальных проблем развития здравоохранения, образования и науки.

В международных отношениях страны БРИКС содействуют формированию полицентричной системы мироустройства, выступают против монополярной политической системы, политики силового давления и ущемления суверенитета других государств, за твердое соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права, Устава ООН, решений Совета Безопасности, за совершенст-

вование структуры и повышение действенности и представительности Совета Безопасности в обеспечении справедливого мирового порядка, всеобщей безопасности.

Еще одна важная особенность БРИКС как фактора, содействующего становлению новых правил и цивилизованных норм глобального управления, заключается в том, что эта система полифонично объединяет и структурирует конструктивный диалог нескольких крупных мировых цивилизаций — китайской, индийской, евроазиатско-российской, африканской и латиноамериканской. Подобная диалоговая цивилизационная структура может выступать фактором взаимообогащения культур и мощной «мягкой силой» сдерживания и противодействия культурной экспансии, политике сплошной вестернизации, проводимой странами «золотого миллиарда».

В гуманитарной сфере страны БРИКС выступают за утверждение социальной ответственности личности, обеспечивают условия для соблюдения прав человека, уделяют особое внимание совершенствованию межличностных нравственных отношений, последовательно прилагают усилия для развития и совершенствования роли гуманитарных факторов внутри общества и в международных отношениях.

Особенностью стратегии стран БРИКС является их готовность решать международные проблемы в тесном взаимодействии с экономически развитыми странами в рамках таких структур, как «Группа двадцати» (G-20), «Группа восьми» (G-8), АТЭС, СНГ и др. В этом плане страны БРИКС поддерживают усилия G-20 как главного на сегодняшний день механизма международного экономического сотрудничества, направленного на смягчение или ликвидацию разного рода «чрезмерных глобальных дисбалансов», включая вопросы регулирования уровня государственного долга, экономических дисбалансов, бюджетных дефицитов, доходов населения, торговых балансов, инвестиционного климата и содействия притоку инвестиций.

Как полагает известный американский политолог А. Пар, «В рамках G-20 Россия является важным субъектом формирования нового многополярного миропорядка. Наряду с ЕС, Китаем, Индией Россия составляет равноправный с США политический полюс....

Для поддержки идеи многополярного мироустройства Россия нуждается в Китае — и наоборот. Только вместе они могут обеспечить трансформацию G-8 в G-20 и изменить действующий Вашингтонский консенсус либеральной мировой торговли, ввести альтернативные доллару валюты в мировой торговле и реформировать ВТО»¹⁶.

Россия и Китай координируют свои усилия, содействуя региональной экономической интеграции в АТР, в частности в рамках Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Саммит АТЭС в Пекине в ноябре 2014 г. дал старт процессу создания зоны свободной торговли в АТР (АТЗСТ). «Дорожная карта по содействию продвижению создания АТЗСТ», утвержденная лидерами АТЭС, стала важной вехой в истории организации и развития региональной экономической интеграции.

Как отмечается в комментарии агентства Синьхуа, «в противовес стагнирующим торговым переговорам ВТО по вопросам многосторонней торговли и запутанной многообразными двусторонними торговыми соглашениями торговой среде данная зона свободной торговли может стать моделью построения глобальной свободной торговли, что в конечном счете изменит экономический ландшафт всего мира»¹⁷.

Необходимо значительно повысить внимание к проблемам Шанхайской организации сотрудничества, учитывая исключительное значение этой организации для России. Имея огромный потенциал, ШОС пока мало чем может похвастаться в плане достижения значимых практических результатов, тогда как тревожная ситуация в мире и в Центральной Азии, как зоне ответственности ШОС, требует более активных действий. Представляется целесообразным подвергнуть специальному анализу нынешние процессы в Центральной Азии, разработав (возможно, в сотрудничестве с ОДКБ) конкретные меры по стабилизации обстановки в регионе, оказанию помощи странам, переживающим особые трудности (Киргизия, Таджикистан).

Возникла настоятельная необходимость изыскания путей эффективного сотрудничества между ШОС, ЕАЭС, ОДКБ. Очевидно, следует также переосмыслить политику ШОС в афганском вопросе, где организация, по сути, занимает позицию стороннего наблюдателя, хотя угрозы, исходящие с территории Афганистана, непосред-

венно затрагивают интересы центральноазиатских стран, России и Китая, ставят под вопрос стабильность и безопасность большей части азиатского континента.

Обеспечение региональной безопасности и стабильности будет способствовать реализации предложенного Китаем проекта «Экономического пояса Великого шелкового пути». Это — комплексный мега-проект нового типа, нацеленный на углубление торговых связей и экономического сотрудничества между центральными и западными районами КНР и Центральной, Южной и Западной Азией, призванный дать толчок экономическому взаимодействию в Евразии, осуществить перераспределение региональных ресурсов в энергетике, продуктах минерального происхождения, туризме, культуре, промышленности и сельском хозяйстве.

Динамика отношений России со странами Восточной Азии убедительно доказывает, что в этом регионе все более отчетливо осознают две основные причины кризиса современной системы мироустройства (их триггером и стал украинский кризис), которые весьма точно характеризовал обозреватель «Гардиан»: «Вот-вот развернутся две гигантские пружины. Первая «пружина» — обида России на уменьшение ее империи за последние 25 лет. Вторая — обида в странах BRICS и G-20 на многовековое колониальное господство Запада. В XXI веке «Украин» прибавится»¹⁸.

В свою очередь, министр иностранных дел России С.Лавров с трибуны 69-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН дал аналогичную, но дипломатически выверенную формулировку: «Сегодня все отчетливее проступает противоречие между потребностью в коллективных, партнерских действиях в интересах выработки адекватных ответов на общие для всех вызовы и стремлением ряда государств к доминированию, к возрождению архаичного блокового мышления, основанного на казарменной дисциплине и ущербной логике «свой—чужой»»¹⁹.

В настоящее время система международных отношений и существующий мировой порядок проходят «испытание Украиной». В КНР, которую связывают с Россией отношения всеобъемлющего конструктивного партнерства и стратегического взаимодействия, с пониманием и сочувствием относятся к действиям России в отношении украинского кризиса.

Более того, в Китае говорят о необходимости помочь России в этой трудной ситуации как своим опытом выхода из западных санкций, введенных после событий на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г. (тогда попытка изолировать Китай полностью сорвалась), так и позитивным сотрудничеством, позволяющим нивелировать действие уже введенных санкций (как это произошло после введения санкций против Ирана).

Не следует заблуждаться по поводу того, что официальный Пекин воздерживается от открытой поддержки России в украинском вопросе — там считают, что это могло бы быть расценено как косвенное поощрение сепаратистских настроений в Тибете и Синьцзян-Уйгурском автономном районе (по этой же причине Китай ранее воздержался от признания независимости Абхазии и Южной Осетии). Кроме того, Китаю не хочется рисковать открытой конфронтацией с Западом из-за России и Украины.

В связи с этим в России заговорили даже о возможности создания российско-китайского военно-политического альянса в стиле 1950-х годов. Но в это верится с трудом — обе страны не готовы ущемлять свои национальные интересы в угоду партнеру или ограничивать суверенитет в принятии ключевых решений (именно это подразумевает классический военно-политический альянс). Но Россия и Китай могут и действительно идут на более тесное сближение и координацию усилий в сфере политики и дипломатии, военно-технического сотрудничества и пр.

Для российско-китайских отношений это будет означать дополнительный мощный стимул к «повороту на Восток», который уже декларировался российским руководством, но практическая реализация которого пока заставляет себя ждать. Можно предвидеть активизацию усилий по развитию российско-китайского диалога во всех сферах: торгово-экономических отношений, приграничного и межрегионального сотрудничества, контактов в культурно-гуманитарной сфере.

И за этим будет стоять не желание «дружить против Запада», а попытка обеспечить взаимными усилиями свои национальные и геополитические интересы в создавшихся условиях. Попытка выстроить новую игру с позитивной суммой, влияя на выработку правил этой игры. Неприятие попыток изолировать Россию на международной арене будет побуждать и Китай, и РФ более активно настаивать

на реформе системы глобального управления, существующего мирового порядка и современного международного права.

Как отмечается в комментарии агентства Синьхуа от 12 октября 2014 г., «Хотя взаимовыгодные китайско-российские отношения приносят пользу не только самим странам, но также региону и миру в целом, тем не менее, некоторые видят в данном сотрудничестве своего рода антизападную коалицию.... В китайско-российской дружбе они видят ответ на так называемый «поворот к Азии» США и санкции против России. Подобного рода мировоззрение иначе как анахроничным и ошибочным и не назовешь.... В действительности, Китай и РФ являются лишь рациональными партнерами, кроме всего прочего страны придерживаются схожих точек зрения на международные дела, а также обладают взаимодополняемостью в плане наличия ресурсов, способных положительно сказаться на обоюдном развитии»²⁰.

Печальный опыт развития советско-китайских отношений 1960—1970-х годов диктует необходимость взаимного учета и взаимного уважения интересов и выбора каждой из сторон, невмешательства во внутренние дела друг друга, доверительной открытости и взаимной терпимости. Но даже соблюдение вышеназванных принципов отнюдь не исключает возможности появления каких-либо неожиданных осложнений.

Это ставит перед обеими сторонами важную, принципиальную задачу правильного отношения к возникающим различиям в подходах к текущим проблемам, дружеской терпимости к различиям в менталитете и системе цивилизационных ценностей. Существование таких различий — это не угроза, а норма. При правильном подходе они становятся фактором взаимного обогащения, взаимной учебы. Тезис Конфуция о том, что человеколюбие проявляется в умении создавать гармонию различий, «единство различного», должен стать методологической основой в обеспечении и сохранении многообразия культур и талантов.

Теоретическое осмысление кризиса нынешней системы мироустройства еще предстоит. Однако события вокруг Украины показали, что современный мировой порядок и его международно-правовое оформление, рассчитанные на сосуществование унитарных «национальных государств», не отвечают очевидным реалиям. События

на Украине свидетельствуют о том, что там еще не завершили процесс формирования нации и строительства национального государства, чтобы обеспечить условия для равноправного развития всех народов, проживающих на территории Украины, — и тех, кто считает себя «коренными» украинцами, и русских, и венгров, и румын, и словаков, и других.

Подтверждается концепция «второго нового миропорядка», с которой выступил российско-американский политолог Николай Злобин: «Распад СССР еще не закончился.... Империи распадаются долго и мучительно. Особенно если они состояли из соседствующих территорий и перемешанного по множеству критериев населения... Границы внутри СССР носили прикладной политический характер. Сегодня они часто выглядят нелогично, противоречат реальности. Они не могут стать долгосрочной основой новой политической географии Евразии. Существующие ныне на постсоветском пространстве границы неизбежно будут меняться»²¹.

Понимание этого (которое проявляется на Востоке) помогло бы Западу более адекватно реагировать на то, что происходит на Украине, и на обстоятельства, побудившие Крым вернуться в Россию. С формальной точки зрения это действительно выходит «за рамки», установленные ранее для стандартных «национальных государств» и игнорирующие права и интересы тех, кто пока в них по объективно-историческим причинам не вписывается. Большее понимание, готовность проявить терпение, а не бить во все колокола и угрожать изоляцией — вот что помогло бы нормализовать ситуацию и восстановить отношения России и Запада.

Партнеры России по укреплению многополярных основ современного миропорядка полностью разделяют такую позицию. Так, помощник российского президента Юрий Ушаков сообщил журналистам, что на встрече в Брисбене все лидеры стран БРИКС заявили о незаконности санкций в отношении России, которые нарушают Устав ООН и препятствуют экономическому восстановлению. Он подчеркнул, что российская сторона не поднимала тему санкций во время встречи. Лидеры стран БРИКС сами затронули ее, «без какого-либо намека с нашей стороны»²².

Взаимное уважение выбора друг друга и невмешательство во внутренние дела, поддержание атмосферы доверия, равноправного

взаимодействия и сотрудничества стали основой для формирования новой платформы отношений России и ее партнеров по нарождающемуся миропорядку. Это не союзнические отношения: они не направлены против какой-либо третьей державы. Фактор всеобъемлющего стратегического партнерства и взаимодействия играет синергетическую роль резонатора, объективно способствующего росту глобального влияния и совокупной мощи, безопасности и стабильности каждого из партнеров как субъектов мировой политики.

Примечания

¹ Выступление министра иностранных дел России С.В.Лаврова в рамках «правительственного часа» в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, М., 10.10.2012. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/B9C3B5A73C9D665144257A93003F945A

² *Киссинджер Г.* Как сконструировать новый мировой порядок. Цит. по: URL: <http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Kak-skonstruirovat-Novyi-mirovoi-poryadok-16911>

³ Цит. по: URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/01/20/remarks-president-state-union-address-january-20-2015>

⁴ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» 24 октября 2014 г. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/46860>

⁵ Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://www.kremlin.ru/news/47173>

⁶ *Ху Цзиньтао.* Твердо продвигаться вперед по пути социализма с китайской спецификой и бороться за полное построение среднезажиточного общества. Доклад на XVIII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 8 ноября 2012 г. Цит. по URL: <http://www.cntv.ru/2012/11/19/ARTI1353295607045239.shtml>

⁷ Цит. по: URL: http://ru.theorchina.org/xsqy_2477/201409/t20140915_312515.shtml

⁸ URL: <http://www.cntv.ru/2012/11/19/ARTI1353295607045239.shtml>

⁹ Бжезинский: нам нужен американо-китайский пакт стабильности. Цит. по: URL: http://www.infox.ru/authority/foreign/2014/11/12/Bzhezinskiy__nam_nu_print.phtml

¹⁰ URL: <http://www.cntv.ru/2012/11/19/ARTI1353295607045239.shtml>

¹¹ *Путин В.В.* Россия и меняющийся мир // Московские новости. 27.02.2012.

¹² URL: http://m.russian.china.org.cn/russian/doc_1_26356_229327.html

¹³ URL: http://russian.news.cn/china/2015-02/03/c_133965674.htm

¹⁴ URL: <http://www.brics.mid.ru/brics.nsf/0/68660EECB2508E27C3257856003DF115>

¹⁵ Встреча глав государств и правительств стран БРИКС. URL: <http://news.kremlin.ru/news/47017>

¹⁶ *Pap A.* Россия и новый мировой порядок // Янтарный мост. Международный журнал. 2013. № 4 (12). URL: http://www.amberbridge.org/userfiles/file/amberjournal/issue12/rus/13_4_RU4.pdf

¹⁷ Комментарий: Встреча АТЭС в Пекине укрепила партнерские связи АТР. URL: http://russian.news.cn/china/2014-11/12/c_133785199.htm

¹⁸ *Garton Ash, Timothy.* Putin has more admirers than the west might think // The Guardian. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/apr/17/vladimir-putin-admirers-india-china-ukraine>

¹⁹ Выступление министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на 69-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Нью-Йорк. 27.09.2014. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/42A12ECFF2162A4B44257D6000655B82

²⁰ Китайско-российское партнерство основано на сотрудничестве и взаимном выигрыше. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/gdxw/t1201415.htm>

²¹ URL: <http://www.snob.ru/selected/entry/19044>

²² URL: <http://lenta.ru/news/2014/11/15/ushakov/>

С.Г. Лузянин

РОССИЯ И КИТАЙ: ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВА — 2015 г.

Аннотация. В статье анализируется ситуация в сфере безопасности в Восточной Азии, рассматривается влияние на нее РФ, Китая и США. Особое внимание уделено значению для дела со-развития и поддержания стабильности в Евразии мегапроекта создания нового экономического пространства через сопряжение стратегий «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Характеризуется и роль ШОС как потенциальной технологической базы для реализации как проекта ЕАЭС, так и геополитического ядра сочетаемых проектов ЭПШП + ЕАЭС.

Ключевые слова: Евразия, Россия, КНР, США, безопасность, Экономический пояс Шелкового пути, Евразийский экономический союз, со-развитие, ШОС.

Россия и Китай.

Сфера безопасности в Восточной Азии

Вплане региональной безопасности проблемным для России остается регион Северо-Восточной Азии (СВА). Сохраняются вызовы и угрозы, исходящие с Корейского полуострова, территориальный спор с Японией и др.

Происходит достаточно быстрое обновление блоковой американской политики в Восточной Азии, идущее как на институциональном, так и идеологическом уровнях. Используя двусторонние военно-политические союзы (японо-американский, американо-южнокорейский), США активно формируют «антикитайские группы» (Австралия, Вьетнам, Индия, Мьянма), пытаясь институционально оформить их в некие «структуры безопасности». Понятно, что до создания аналога «Азиатского НАТО» еще далеко. Но процесс, к сожалению, для интересов КНР и РФ складывается неблагоприятно.

В основе «американского вызова» Китаю и России несколько базовых «аргументов»: а) общее возвышение КНР в мире и регионе Восточной Азии, которое якобы несет угрозу и необходимость сдерживания Поднебесной; б) обострение территориальных (островных) споров КНР в Южно-Китайском (ЮКМ) и Восточно-Китайском море (ВКМ) с Японией, Вьетнамом, Филиппинами и рядом других государств.

Для России особо чувствительными является спор двух «пар»: а) китайско-японской в ВКМ по вопросу принадлежности Дяюйдао/Сенкаку и б) китайско-вьетнамской в ЮКМ (Парасельские острова). При этом в китайско-японском территориальном споре российский нейтралитет Японией воспринимается достаточно спокойно. Китай же постоянно предлагает России активно поддерживать его, увязывая проблему Дяюйдао/Сенкаку с курильским вопросом.

В китайско-вьетнамском споре недовольство российской позицией проявляют уже обе стороны. Причем китайскую раздражает не только официальный нейтралитет РФ в целом, но и действия ее нефтегазовых компаний по разведке и освоению шельфовых углеводородных месторождений в территориальных водах Вьетнама, в частности. Хотя все это происходит в рамках действующих российско-вьетнамских контрактов.

Понятно, что подобные «технологические» нестыковки консервируются Москвой и Пекином за счет больших политических ресурсов российско-китайского стратегического партнерства. Но, по большому счету, Москве дипломатически приходится постоянно лавировать между Пекином и Ханоем. Иных вариантов в нынешней ситуации пока нет. Оба государства (КНР и СРВ) чрезвычайно цен-

ны для России и с точки зрения двусторонних отношений, и в плане поддержания безопасности и стабильности в регионе.

Американцы прекрасно понимают подобную специфику, пытаются использовать ее в своих интересах. За последние годы американо-вьетнамские отношения вышли фактически на уровень полноценного, стратегического сотрудничества. На ноябрь 2015 г. (после очередного саммита АТЭС в Маниле) запланирован официальный визит американского президента во Вьетнам, во время которого тема военно-политического сближения, скорее всего, будет центральной.

Можно ли компенсировать РФ и КНР американские вызовы в Азии?

Несмотря на обновление американской блоковой стратегии, в регионе СВА не сложилось открытого противостояния по российско-европейской/украинской модели. Среди азиатских стран нет единства по вопросу о присоединении к антироссийским санкциям, а те, кто присоединился (Япония и др.), сделали это чисто формально. США не удастся сформировать в Восточной Азии единый антироссийский фронт.

Украинский кризис сковал часть американских военно-политических ресурсов, объективно затормозив процесс «возвращения» США в АТР. При этом Вашингтон, реагируя на глобальное возвышение Китая, вынужден проводить двойное сдерживание — и России, и КНР. Многие китайские ученые признают, что украинский кризис дает Китаю даже некоторую передышку в плане геополитического китайско-американского соперничества.

При этом следует учитывать, что китайско-американское соперничество сочетается с дальнейшей регионально-экономической интеграцией и кооперацией США и КНР. Отношения «нового типа», которые 3 года назад провозгласили лидеры двух стран — Б. Обама и Си Цзиньпин, в мае 2015 г. будут, скорее всего, расширены. В ноябре 2015 г. председатель КНР Си Цзиньпин планирует посетить США и провести полномасштабные переговоры с Б. Обамой о согласо-

нии общего видения по проблеме реализации проекта Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и по другим вопросам.

Однако ключевым трендом в системе «США—РФ—КНР» остается дальнейшее сближение России и Китая. Визит председателя Си Цзиньпина в Москву 8—9 мая 2015 г. на празднование 70-летия Великой Победы и подписание 37 официальных двусторонних документов еще раз продемонстрировали приоритетность целей китайской политики в глобальном масштабе.

Что касается украинского кризиса, то он лишь отчасти стал дополнительным фактором углубления российско-китайского стратегического партнерства, хотя и не единственным. Концепция «поворота России на Восток» была, как известно, разработана задолго до украинских событий. Начало ее нынешней реализации, скорее, совпадает по времени, чем вынужденное обстоятельство.

Специфика российско-китайского сближения в сфере безопасности состоит в том, что оба государства вплотную подошли к той черте, которая отделяет партнерство от военно-политического союзничества. Но в нынешних условиях ни Москва, ни Пекин не хотят ее переступить и не планируют создание двустороннего военного альянса. В рамках существующего партнерства многие атрибуты союзнических отношений неформально присутствуют и успешно развиваются — регулярные военные (сухопутные и морские) учения в двустороннем и коллективном (ШОС) форматах, совещания министров обороны и пр.

Базовым документом двустороннего российско-китайского партнерства, как известно, является Договор 2001 года, который содержит ст. 9 о режимах консультаций в случае угроз для одной из сторон со стороны третьей/третьих держав.

«Один Пояс — Один Путь» и ЕАЭС. Строительство единой Евразии?

В КНР и других странах идет активная экспертная разработка механизмов реализации сухопутного Пояса. Вопросов пока больше, чем ответов. Например, какие инструменты (транспортные, инвестиционные, торгово-экономические или иные) будут использова-

ны Пекином в качестве приоритетных? Какие страны попадут в зону Пояса в первую очередь, а какие — во вторую? Планируется ли реализация некоей «сквозной» инвестиционной/транспортной политики в отношении 21 государства в рамках Пояса, или речь пойдет об интенсификации двусторонних моделей КНР с каждым из потенциальных участников? Что в первую очередь движет Си Цзиньпином: глобальная ли политическая мотивация (что согласуется с общим курсом «возвышения Китая»)¹ или исключительно экономический интерес получения от Пояса и Пути новых ресурсных и иных дивидендов?

В рамках проходившего (26—29 марта 2015 г.) Боаоского форума на часть вопросов китайский лидер Си Цзиньпин дал общие ответы, обозначив принципы, рамки и примерные стратегические векторы реализации проекта «Пояс и Путь»². Дополнительную конкретизацию сочетания двух проектов лидеры РФ и КНР провели 8 мая 2015 г. в Москве, подписав «Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и экономического пояса проекта «Шелковый путь».

Тем не менее, многие эксперты продолжают задавать вопрос, почему Китай готов идти на такие колоссальные расходы именно сегодня, когда он переживает не самые лучшие времена в связи со сменой экстенсивной модели реформ на интенсивную и относительным замедлением прироста его ВВП (до 7,6 % за 2014 г.). Возможно, что в основе лежат также расчеты создать в Евразии в будущем новую базу индустриального роста для КНР, учитывая, что США и другие государства стали выводить из Китая свои производственные мощности в третьи страны.

Пока на все эти вопросы нет точных и аргументированных ответов ни у китайских, ни у других ученых. Опираясь пока приходится лишь на разрозненные факты и политические заявления китайского руководства о важности и чрезвычайной полезности проекта для всех участников. Причем, полезность Пояса и Пути пока точно не аргументируется китайскими представителями, но при этом практически на всех конференциях и форумах, посвященных данной теме, ими постоянно говорится о необходимости использовать предоставленный Китаем «исторический шанс» для развития. Причем, этот тезис дается иногда в жесткой, императивной форме, не предпола-

гающей иных (кроме согласия и благодарности) ответов от стран-партнеров³.

Очевидно, что кроме потенциальных рисков Пояс объективно несет конструктивный экономический заряд. Он, в частности, предусматривает активную инвестиционную и торгово-экономическую политику в отношении вовлеченных групп, включая расширение строительства железнодорожных и автомобильных магистралей. В перспективе объединенная транспортная сеть, как считают в Пекине, позволит создать транспортный коридор от АТР до стран Западной Европы. Планируемая сеть объединит 18 азиатских и европейских государств общей площадью 50 млн кв. км с населением в 3 млрд человек⁴. За прошедшие 10 лет ежегодный прирост товарооборота Китая со странами, расположенными вдоль ЭПШП, составлял около 19 %, а в 2014 г. объем торговли Китая с ними превысил 600 млрд долл.⁵

Подписанные в Кремле 8 мая 2015 г. 37 российско-китайских документов о всестороннем сотрудничестве означают, что, кроме «прикладных» (углеводородных и транспортных, инвестиционных и пр.) компонентов, дан старт формированию российско-китайской евразийской стратегии на основе объединения двух проектов — Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза.

Механизмы сопряжения строительства ЕАЭС и ЭПШП, очевидно, будут включать в себя весь спектр экономических, инвестиционных и транспортных форм взаимодействий. Но вряд ли мы можем говорить о реальной интеграции Евразии между проектом ЕАЭС (институализированной структурой) и ЭПШП, который по сути является практическим процессом. Самое главное, что между В. Путиным и Си Цзиньпином 8 мая произошло полное и окончательное (взаимное) признание каждого проекта. Фактически, стороны дали старт формированию нового (российско-китайского) «хартленда» в интересах всех государств континента, мира и развития. В общем, это новое слово в геополитике современного взаимозависимого и нестабильного мира.

Возможно, что в рамках сближения проектов целесообразно использование площадок ШОС как базовых для реализации всего комплекса инфраструктурных, финансово-экономических и других

инициатив в регионе Центральной Азии, а с подключением Индии и Пакистана к ШОС и Южной Азии — и оказания экономической помощи кризисному Афганистану.

Можно предположить, что создаваемый мегапроект не будет позиционироваться Москвой и Пекином как некая альтернатива Транстихоокеанскому партнерству (ТТП). Для этого нет пока необходимых ресурсов и политической воли. Однако будет подчеркиваться его открытость и транспарентность с возможным подключением других участников — не-членов ЕАЭС или ЭПШП. Одновременно просматривается расширение финансово-инвестиционной деятельности Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), в который входят уже 52 государства, включая Россию.

Ключевую роль в процессе создания единого экономического пространства будет играть обновленная ШОС, которая объективно может стать не только технологически базовой площадкой для реализации российско-китайского евразийского проекта, но и геополитическим/евразийским ядром проектов «Один Пояс — Один Путь» (ЭПШП) + ЕАЭС. С учетом расширения Организации на уровне постоянных членов, стран-наблюдателей и партнеров по диалогу в ближайшей перспективе, роль ШОС как модератора российско-китайской (евразийской) интеграции будет усиливаться.

Создание единого экономического пространства — длительный и сложный процесс, чреватый массой проблем и противоречий. При этом, учитывая возвышение Китая, превращение его в мировую сверхдержаву и стабилизацию России в условиях открытой холодной войны, навязанной Западом, данная стратегия отвечает взаимным интересам и предоставляет возможность сохранять контроль над ситуацией в Евразии в целях укрепления стабильности и взаимного развития.

Примечания

¹ Лузянин С.Г. Китай и VIII съезд КПК. Внутренние и внешние ориентиры // Обозреватель-Observer. Научно-аналитический журнал. 2013. № 1 (276). С. 54—60.

² Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2015-03/28/c_134105858.htm.

³ Лузянин С.Г, Сазонов С.Л. Экономический пояс Шелкового пути: модель 2015 года // Observer- Обозреватель. Научно-аналитический журнал. 2015. № 5 (304). С.35—47.

⁴ Zhao Shengnan, Zhao Yinan, Mo Jingxi. Pacts to boost economic cooperation // China Daily. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2013-11/29/content_17139294.htm

⁵ Li meets APEC Finance Ministers Meeting's delegations heads in Beijing. URL: <http://english.people.com.cn/n/2014/1021/c102839-8797994.html>

А.Г. Ларин

ВОЗРОЖДЕНИЕ КИТАЯ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация. Строительство Китаем нового Шелкового пути укрепляет его позиции на постсоветском пространстве и несет для России как шансы, так и вызовы. В нынешней международной обстановке взаимодействие с КНР приобретает для РФ особую важность.

Возрастают надежды на содействие Китая в подъеме Сибири и Дальнего Востока, осуществляемом пока без особенного успеха, прорисовывается курс на допуск Китая к стратегическим добывающим предприятиям региона. Однако возрождение зауральской части страны невозможно без модернизации функционирующей там экономической модели, а сделать это можем только мы сами. И именно это позволит наладить более эффективное сотрудничество с Китаем.

Ключевые слова: Экономический пояс Шелкового пути, Россия на Шелковом пути, программы развития Сибири и Дальнего Востока, российско-китайское сотрудничество в Сибири и на Дальнем Востоке.

Еще в прошлом столетии в Китае родилась формула: «XXI век будет веком Китая». Так оно и происходит на самом деле. XXI век еще начинается, а Китай уже превратился в одну из двух самых влиятельных держав мира, бросающую вызов США. Выдвинутая Председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. концепция «Пояса и

Пути» («Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского пути XXI века») по мере ее реализации — а реализация уже разворачивается — придает Китаю все больший вес на Евразийском континенте, да и во всем мире. Стратегия Китая в мировой экономике — это наступательная стратегия.

В такой ситуации укреплять отношения с могущественным соседом и одновременно извлекать из них максимальную пользу — отнюдь не простая задача для России. Китай обладает огромными возможностями содействовать другим странам, но также и воздействовать на них, вольно или невольно, руководствуясь собственными интересами.

В предлагаемой статье мы рассмотрим в сжатом виде два сравнительно небольших фрагмента каждой из двух названных выше тем: концепцию Экономического пояса Шелкового пути и некоторые аспекты российско-китайского сотрудничества в регионе Сибири — Дальнего Востока. В обоих фрагментах поднимаются крайне важные и актуальные для России вопросы взаимоотношений с КНР.

Экономический пояс Шелкового пути — новая концепция выхода Китая во внешний мир

7 сентября 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин, выступая в Назарбаевском университете в г. Астана, выдвинул концепцию построения Экономического пояса Шелкового пути — огромной зоны экономического сотрудничества, которая, простираясь от Китая до Европы, охватывала бы около 3 млрд жителей планеты¹. С тех пор инициатива лидера КНР, вызвавшая поначалу самые разноречивые толкования политиков и экспертов, обрела более четкие контуры.

Стало ясно, что идея экономической интеграции, составляющая лейтмотив китайской концепции, означает не создание гигантской структуры с жесткими правилами и обязательствами ее членов, например, скажем, зоны свободной торговли, а их интенсивное экономическое сближение едва ли не по всем мыслимым направлениям: транспортное строительство, торговля, инвестиции, либерализация торговли, расчеты в национальных валютах, прокладка трубопроводов, развитие телекоммуникаций и даже использование «мягкой»

силы — привлечение в Китай тысяч студентов. В этом процессе естественным образом участвуют все существующие международные структуры: ШОС, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), ЕС, а равно будущие структуры, если они появятся, например, на основе американского проекта Нового Шелкового пути. «Если уж проводить аналогии, то я думаю, что это больше похоже на то, что мы раньше часто называли сотрудничество типа «Юг—Юг», — отметил посол КНР в РФ Ли Хуэй².

Прояснились и географические очертания Экономического пояса. Одна из его ветвей проходит из Китая в Европу через Казахстан и Россию, другая — через Центральную Азию и Ближний Восток. Третьей частью нередко считают планируемый «экономический коридор» из Китая в Индию, Бангладеш и Мьянму, а также коридор Китай—Пакистан.

Параллельно с проектом Экономического пояса Пекин предложил общественности еще одну идею — Морского шелкового пути XXI века. Сдвоенная концепция «Пояс и Путь» была объявлена «главной программой политики открытости внешнему миру и экономического сотрудничества Китая с зарубежными странами»³.

Суммарный смысл «Пояса» и «Пути» состоит в создании благоприятных условий для того, чтобы поднять на новый уровень экономическую деятельность КНР в восточном полушарии, а тем самым и усилить его роль в мировой политике. Необходимость такого рывка проистекает из выдвинутой нынешним (пятым) поколением руководства КНР стратегической цели возрождения китайской нации, из амбициозных задач построения к 2021 г. среднезажиточного общества, а к 2049 г. — богатого и сильного модернизированного социалистического государства.

Для удовлетворения растущего внутреннего спроса, накопления капитала, решения социальных задач Китай должен увеличивать импорт энергоносителей и промышленного сырья, расширять экспорт как традиционных товаров ширпотреба, так и продукции современных технологий. Начавшаяся переориентация на внутренний рынок в связи со сменой модели экономического развития создает новые стимулы для расширения внешнеторгового экономического обмена.

Не меньший интерес для Китая представляет инфраструктурное строительство за рубежом как объект крупных капиталовложений, которые сулят значительную, хотя и не скорую, прибыль. Инвестиции в стратегически важные объекты дают также возможность проникнуть в экономику других стран, что имеет существенное значение и с хозяйственной, и с геополитической точек зрения.

Экономическое могущество Пекина обеспечивает ему в строительстве Экономического пояса положение неформального лидера, который выполняет самую важную из всех функций — пополнение и распределение финансовых средств, для чего в Китае создан Фонд Шелкового пояса с капиталом 40 млрд долл. Для этой цели будет привлечен и формируемый по инициативе КНР Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, среди учредителей которого значатся Россия, Казахстан, Узбекистан и Таджикистан.

Сверх того, Китай проводит разного рода научные и практические форумы, организует выступления в СМИ и т. д. Такая деятельность — раскручивание бренда нового Шелкового пояса — уже идет полным ходом.

Новая китайская инициатива адресована едва ли не в первую очередь постсоветским республикам Центральной Азии — ближайшим соседям Китая на Шелковом пути, служащим для него важнейшим источником энергетического сырья и рынком сбыта промышленной продукции, транзитным звеном для транспортировки товаров в Европу, а также опорной базой для экономического развития Синьцзяна. Сверх того ЦА, как и весь Шелковый путь, играет для Китая важную роль в плане обеспечения экономической безопасности, поскольку в условиях нарастающего противостояния с КНР США укрепляют свои военные союзы и увеличивают военно-морские силы в Восточной Азии, создавая таким образом угрозу жизненно важным морским коммуникациям Китая.

Известный китайский экономист Ху Аньган с коллегами разделили Экономический пояс Шелкового пути на три части: «ядро» — постсоветские государства Центральной Азии; «зона, примыкающая к «ядру»»; и, наконец, «зона расширения», состоящая из стран Европы и Северной Африки. Россия зачислена в «зону расширения». Что может принести ей вхождение в Экономический пояс Шелкового пути?

Руководители КНР подчеркивают, что их концепция основана на принципе «общего выигрыша» (*гун ин*) самого Китая и его партнеров, и по большому счету это действительно так, поскольку интересы Китая и многих других стран на современном этапе развития мировой экономики в значительной мере совпадают. В ходе зарубежных визитов лидеров КНР, начавшихся сразу после знаковой речи председателя КНР и проходивших под лозунгом «Шелкового пути», были достигнуты многочисленные договоренности о новых крупных инвестиционных и торговых сделках. Не удивительно, что официальные и деловые круги всех стран восприняли китайскую концепцию с безусловным одобрением. Наибольший энтузиазм она вызвала в центральноазиатских странах, для которых сотрудничество с КНР означает не только оживление экономики, но и расширение выхода на международные рынки. В странах ЦА, разумеется, четко понимают, что сближение с Китаем имеет и обратную сторону: одностороннее развитие сырьевых отраслей, чреватое возникновением экономической зависимости от могущественного партнера. Подобные же риски несет в себе и создание совместных предприятий. Однако никакого иного реального варианта развития у них не просматривается (хотя и считается, что членство в ЕАЭС открывает им путь к индустриализации).

Неоднозначной, содержащей и шансы, и вызовы, оказывается перспектива участия в строительстве Шелкового пути и для России.

Естественным шансом, уже используемым, служит выполнение Россией роли транзитера китайских грузов в Европу. По ее железным дорогам еженедельно проходят два—три состава из КНР. Приложив определенные усилия, Россия может превратить свой участок трансконтинентальной магистрали в современный мощный транспортный коридор: модернизировать его материальную базу и логистику, урегулировать проблемы таможенного контроля и оплаты транзита. Интенсивное использование модернизированной трассы может дать России, помимо прямых доходов от транзита, еще и оживление движения по внутренним маршрутам, и толчок к развитию прилегающих территорий.

Для Китая этот коридор является единственным, и потому исключительно важным сухопутным путем в Европу. Как пишет китайская пресса, Си Цзиньпин во время встречи с президентом

В.В. Путиным на зимней Олимпиаде в Сочи заручился его согласием «соединить российские трансевразийские железные дороги с Экономической полосой»⁴. Альтернативная трасса через Центральную Азию, Каспий (или в обход Каспия) и Турцию пока еще далека от завершения. Чтобы превратить ее из геополитического проекта в полноценный материальный объект, требуется решить комплекс далеко не простых проблем, среди которых: необходимость многомиллиардных инвестиций, инженерные трудности строительства дороги на горном рельефе, несогласие Киргизии и Узбекистана на прокладку пути по своей территории, трения между республиками Закавказья, наконец, те же вопросы таможенного контроля и оплаты транзита, помноженные на многочисленность пересекаемых границ. Не исключено, что долгие разговоры о южном варианте и тестовых проводках по ней китайских грузовых поездов имеют одной из целей размягнуть позицию России в переговорах о совместной модернизации ее участка трансконтинентального коридора.

Как бы то ни было, Китай готов подключиться к прокладке через Россию надежной трассы с высокой пропускной способностью. Во время визита премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна в Россию в октябре 2014 г. стороны договорились об изучении проектов совместного строительства ряда участков высокоскоростного транспортного коридора Европа—Азия, прежде всего дороги Москва — Казань, прокладка которой была запланирована российским правительством ранее. И уже в мае 2015 г. в Москве в ходе переговоров В.В. Путина и Си Цзиньпина было решено, что китайская сторона выделит на строительство дороги 300 млрд руб.⁵ Формы компенсации затрат Китая неизвестны, но общий принцип его соучастия в инфраструктурном строительстве таков: китайская сторона предоставляет капитал, технологии и оборудование, но потом на долгосрочной основе участвует в эксплуатации построенного объекта.

Что же касается скоростной магистрали Пекин—Москва, сооружение которой позволит сократить время в пути с шести до двух суток, то здесь возникает сложный и щекотливый вопрос относительно других ее участков, в частности, того, который находится между Казанью и российско-казахстанской границей. У России нет нужды превращать его в высокоскоростной, это нужно Китаю. Но если эту дорогостоящую модернизацию будет проводить Китай, то кто тогда

станет владельцем данного участка? Кто будет эксплуатировать его и получать доходы от эксплуатации? Такой же вопрос может возникнуть, по-видимому, и на казахстанском отрезке трансконтинентальной трассы.

Минус данного варианта состоит в том, что при улучшении качества трансконтинентальной трассы через Казахстан снизится интерес перевозчиков к транссибирскому транзитному каналу, который уже сегодня теряет очки в соревновании с этой трассой⁶. Пороками Транссиба давно уже стали наличие узких мест, малая скорость, завышенные тарифы, громоздкость процедур оформления грузов. А такое развитие событий отрицательно скажется на наших планах возрождения Сибири и Дальнего Востока.

При потере транзитной привлекательности функции Транссиба сведутся главным образом к экспорту сибирского сырья и сбору грузов с примыкающих железнодорожных путей Китая. Правда, в пров. Хэйлунцзян уже началось строительство железнодорожных линий от Харбина к Транссибу и БАМу через Маньчжурию, Тунцзян и Суйфэньхэ⁷ (что, кстати, также подается как реализация концепции Шелкового пути) с расчетом на товарные потоки из различных провинций Китая. Но принципиальное положение дел от этого не меняется.

Еще один минус приобщения России к Шелковому пути, вероятно, будет выражаться в том, что на фоне новых китайских капиталовложений снизится интерес стран ЦА к участию в ШОС, где, к их неудовольствию, китайские планы создания Банка развития ШОС или Фонда ШОС так и остаются нереализованными, тогда как функции ШОС в сферах политики и безопасности представляются лидерам этих стран менее актуальными. Для Китая снижение привлекательности ШОС будет компенсироваться ростом его собственного экономического присутствия в ЦА, для России — не будет.

Далее, высказываются опасения, что новые китайские инвестиции в экономику Казахстана могут поставить его в противоречивую ситуацию, поскольку он является и членом ЕАЭС. То же касается и Киргизии. Не случайно китайские политологи говорят о том, что отношения между ЭПШП и ЕАЭС включают в себя и сотрудничество, и конкуренцию⁸. Назревающий здесь конфликт интересов тем более неприятен, что таможенные барьеры, разделяющие Казахстан и

Киргизию с Китаем, отнюдь не являются непроницаемыми, в них зияют огромные дыры.

Таким образом, финансовая экспансия Китая по Шелковому пути означает для России оттеснение ее с прежних позиций и лучшее, что Россия может сделать в ответ — это в каждом конкретном случае искать способ минимизировать свои потери, развивая в то же время сотрудничество с Китаем во всех обширных сферах, где это отвечает ее интересам. Здесь важно, чтобы в даже нынешних условиях, когда положение страны ухудшилось в результате украинского кризиса и конфронтации с Западом, диалог ответственных лиц с китайскими партнерами о деловом сотрудничестве не велся бы с позиции слабости.

О повышении эффективности российско-китайского сотрудничества в Сибири и на Дальнем Востоке

Если руководители КНР основным содержанием всей своей внешней политики считают строительство Пояса и Пути, то президент РФ объявил «нашим главным приоритетом на весь XXI век» подъем Сибири и Дальнего Востока⁹, что неизбежно подразумевает и существенное расширение участия Китая в экономическом строительстве, которое предполагается развернуть в этой части России. Начатый Россией разворот на Восток прежде всего означает в международном плане разворот к Китаю, что четко подтверждено Совместным заявлением Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия от 20 мая 2014 г. и заключением в мае 2014 г. газовой «сделки века».

Осмысление задач, сформулированных в Совместном заявлении, заставляет вновь и вновь возвращаться к вопросу о повышении эффективности российско-китайского взаимодействия, которая пока еще оставляет желать много лучшего. Проблема здесь заключается отнюдь не в движении от хорошего к еще лучшему.

Двустороннее сотрудничество осуществляется на основе четырехлетних Планов по реализации положений Договора о добросо-

седстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР (2004—2008, 2009—2012, 2013—2016 гг.), которые успешно выполняются. Однако, будучи документами обобщенного характера, они почти не содержат четких заданий, т. е. названий конкретных совместных проектов, и потому критерии выполнения оказываются размытыми. Перечень конкретных проектов представлен в одобренной президентами двух государств «Программе сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики»¹⁰, рассчитанной на 2009—2018 гг. Этот документ авторитетные российские эксперты вскоре после его появления фактически признали непроработанным, отметив, что «механизмы реализации Программы сотрудничества в нее не включены»¹¹ и предложив ряд принципиальных дополнений с целью ее расширения в отраслевом и региональном планах, после чего Программа перестала фигурировать в публичных дебатах о будущем Дальнего Востока¹². К 2013 г. количество объектов, запланированных в Программе для строительства в России, сократилось с первоначальных 94 до 57. На данный момент создается полное впечатление, что она провалилась, хотя возврат к ней, использование каких-то ее проработок не исключены.

В поисках причин провала полезно обратиться к опыту составления наших внутренних программ подъема Зауральской России.

Еще в 1996 г. правительство РФ утвердило программу «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996—2005 гг.». Программа готовилась долго, с 1992 г., и потому, казалось бы, должна была отличаться тщательной проработкой. Тем не менее, позже программа несколько раз подвергалась редактированию с продлением сроков исполнения: в 2002 г. была представлена программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996—2005 гг. и на период до 2010 г.»; в 2007 — «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 г.».

29 марта 2013 г. правительство РФ утвердило государственную программу «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона», рассчитанную на 2014—2025 гг., однако 15 апреля того же года решение правительства было признано утратившим силу¹³, а 19 декабря программа «Экономическое и социаль-

ное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 г.» была продлена до 2018 г.¹⁴

Сверх того, в 2009 г. был принят параллельный по содержанию документ: «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.», который, в отличие от названных программ, носил заведомо индикативный характер и представлял собой изложенную деловым языком радужную мечту о новом Дальнем Востоке — цветущем крае с современной динамичной экономикой и благоденствующим населением.

Неоднократная корректировка и продление программ были вызваны тем, что они не выполнялись. Сам по себе факт невыполнения той или иной программы — явление достаточно распространенное, однако в данном случае положение дел с выполнением программ оказалось удручающим. «Базовая Федеральная целевая программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 г. выполнена на 28 %, а идеология комплексного развития территорий, которая заложена в Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г., так и не прижилась на наших широтах», — докладывал губернатор Амурской области О. Кожемяко в 2012 г.¹⁵ Приходится с сожалением констатировать, что попытки переломить ситуацию хронического экономического и демографического кризиса на Дальнем Востоке так и не принесли успеха. Не удалось ни «закрепить население в регионе путем сохранения и создания новых рабочих мест», ни «снять инфраструктурные ограничения развития экономики на региональном уровне», ни реализовать в запланированном объеме проекты, касающиеся инженерной инфраструктуры и социальной среды¹⁶. Мало того, сибирские ученые фиксируют нарастание «периферийности», т. е. запущенности, что ведет к сжатию экономического пространства, к усилению «очаговости» в развитии производительных сил, к возрастанию «пассивности и равнодушия» населения внутри очагов. При этом имеющийся потенциал сотрудничества приграничных районов в Китае используется чрезвычайно слабо¹⁷.

Почему, несмотря на обилие программ, вывести Дальний Восток и Байкальский регион из кризиса оказалось непосильной задачей? Специалисты отмечают в этих программах размытость целевых

установок, распыленность финансовых ресурсов, несбалансированность составных частей и т. д.¹⁸ Но дальше возникает вопрос о природе этих недостатков, ясно осознаваемых, но, тем не менее, повторяющихся из программы в программу. Представляется, что накопление нереализованных и нереализуемых планов — закономерный плод функционирования нашей («переходной») экономической модели с присущими ей коренными дефектами, такими, как: плохая управляемость, плохой инвестиционный климат, низкая производительность труда, низкое качество работ, коррупция, затратность строительства и производства. Или, на другом уровне обобщения, по Марксу: налицо неразвитость производительных сил, скованных ущербными производственными отношениями. То же, что мы имели в СССР, но в других конкретных формах.

В этих условиях разработка разного рода программ, как федеральных, так и местных, превращается из способа управления экономикой в имитацию управления, оторванную от реальной жизни и призванную оправдать существование бюрократического аппарата. На заседании президиума госсовета по вопросам развития Дальнего Востока и Забайкалья в 2012 г. В.В. Путин заявил, что «систему управления развитием нельзя признать эффективной»¹⁹.

Но, ведь, на той же самой экономической модели основаны и программы сотрудничества с Китаем, и коль скоро наши внутренние программы представляют собой малопригодный к употреблению плод кабинетного творчества, такими же должны быть и совместные программы, по крайней мере, их российская часть, которая готовится в тех же самых кабинетах. Создается впечатление, что совместные программы вызваны к жизни не столько нуждами экономики, сколько политическими расчетами. В отсутствие должного инвестиционного климата они в принципе не могут служить эффективными инструментами решения главной задачи: привлечения иностранного капитала.

Далее. Национальные интересы России требуют размещать новые обрабатывающие мощности на собственной территории. В различных российских и совместных документах, в экспертных разработках выдвигаются заманчивые идеи создания на Дальнем Востоке при участии иностранного капитала мощностей не только по первичной, но и по более глубокой переработке природного сырья,

производству продукции с высокой добавленной стоимостью и даже новых видов конкурентоспособной на мировых рынках инновационной продукции²⁰. Говорится об этом и в Совместном заявлении РФ и КНР от 20 мая 2014 г. Изготовление такой продукции принесло бы России гораздо больший доход, чем экспорт необработанного сырья. Однако национальные интересы Китая стимулируют его инвестиционную деятельность в Сибири и на Дальнем Востоке в тем меньшей степени, чем дальше инвестор уходит от добычи сырья по производственной цепочке.

Мало того, Китай обладает серьезными преимуществами перед Россией как площадка для размещения мощностей по переработке российского сырья. К его преимуществам относятся: огромная емкость рынка, большие инвестиционные возможности, сохраняющаяся в значительной мере дешевизна рабочей силы, умение копировать передовые виды техники, способность быстро создавать современную инфраструктуру, наличие стабильных выходов на многие рынки региона. Все эти плюсы китайской экономики делают выгодным не только для китайских, но и для российских компаний, все равно, государственных или частных, создание совместных производств на российском сырье и размещение их в КНР с оплатой китайской доли участия тем же сырьем.

В условиях более чем скромного притока иностранных, в том числе китайских, инвестиций в Сибирь и на Дальний Восток, будучи к тому же последнее время отрезанной от западных кредитов, Россия ищет выход, помимо увеличения экспорта сырьевых товаров, в открытии все более широкого доступа Китаю к своим природным ресурсам — неоднозначная политика, положительная стороны которой перевешивают отрицательные лишь до определенного момента.

Ко времени нынешнего разворота на Восток Китай был соучастником проекта строительства завода по производству сжиженного газа «Ямал» (доля 20 %) и совладельцем компаний «Вениннефть» (25,1 %) и «Удмуртнефть». Он приобрел также 49 % акций в СП «Восток энерджи» и столько же — в проекте завода по производству СПГ во Владивостоке.

Новый этап российско-китайского всеобъемлющего партнерства ознаменовался продажей Китаю в ноябре 2014 г. на более льготных условиях, чем предлагаются европейским партнерам,

10 % акций компании «Ванкорнфть», являющейся базовым поставщиком нефти в КНР по трубопроводу ВСТО. Ванкор — одно из крупнейших нефтегазовых месторождений, введенных в эксплуатацию в РФ, по своему значению оно должно считаться стратегическим. Комментируя эту сделку в беседе с заместителем премьера Госсовета КНР Чжан Гаоли, В.В. Путин подчеркнул: «Государство будет поддерживать такие планы. Будем приветствовать Ваше участие»²¹.

В феврале 2015 г. на Красноярском экономическом форуме вице-премьер А. Дворкович заявил, что не усматривает политических препятствий для продажи китайским партнерам более 50 % в стратегических месторождениях. «Есть отдельная тема по шельфу, куда китайцы приглашаются как миноритарные акционеры, — оговорился он, — но по большинству проектов таких препятствий я не вижу»²². (Освоение новых шельфовых месторождений рискованно и дорого; предложения на этот счет, сделанные «Роснефтью» в 2014 г., китайские компании, судя по прессе, не поддержали.)

Выступление А. Дворковича вызвало шквал возмущенных комментариев. Известный российский эксперт по российско-китайским отношениям А. Островский отметил: «Передавать контрольный пакет на недра нельзя, иначе Россия окажется вне игры. Это значит, недра уже не будут нашими, и российские газ и нефть напрямую пойдут в Китай. Замечу, китайцы уже имеют опыт подобных сделок — они осуществляли их в Африке»²³.

Из каких соображений шокирующее заявление Дворковича было сделано публично, можно только гадать. Но реакция на него вполне понятна: провозглашенный им курс является крайне рискованным с точки зрения экономической безопасности государства; как правило, правительство той или иной страны стремится не допустить перехода в чужие руки ключевых объектов национальной экономики, особенно в руки более сильных игроков. В экспертном докладе, подготовленном Центром политической информации, отмечается, что продажа активов китайским компаниям «пока осуществляется российской стороной без должной осторожности и долгосрочности подходов, что чревато серьезными рисками роста зависимости от КНР и предметных финансовых потерь»²⁴.

Кстати сказать, китайская сторона в свое время не разрешила «Газпрому» войти в консорциум по строительству газопровода Тарим—Шанхай. Монгольская Народная Республика не спешит открыть Китаю путь к своим природным богатствам.

Стоит отметить, что отдельные уязвимые для критики в этом плане шаги российская сторона предпринимала и ранее. Так, китайская компания ООО «Горнопромышленная Южная» получила лицензию на геологическое изучение, разведку и добычу рудного серебра, золота и сурьмы в Магаданской области²⁵. Между тем, предоставление права на геологоразведочные работы иностранным компаниям нередко рассматривается как опасный шаг, способный нанести ущерб суверенитету государства в отношении его природных богатств. Именно так в Китае после создания КНР расценивали деятельность гоминьдановского правительства.

В мае 2015 г. в ходе визита Си Цзиньпина в Москву на празднование дня Победы двумя сторонами был подписан большой пакет крупных кредитных сделок, в основном между ведущими банками и инвестиционными фондами России и Китая. Документы предусматривают создание механизмов кредитования и финансирование длинного перечня объектов, за небольшими исключениями — на территории Сибири и Дальнего Востока. Речь идет, в частности, о добыче и переработке полезных ископаемых, инфраструктурных и телекоммуникационных проектах, агропромышленном комплексе, программах жилищного строительства. Планируется создание совместных предприятий для развития электрических сетей в Восточной Сибири и гидростроительства на притоках Амура. Российский фонд прямых инвестиций рассчитывает с помощью китайских партнеров привлечь 20—25 млрд долл. к реализации проектов в нефтехимической и алмазодобывающей отраслях.

Надо надеяться, что эти соглашения окажут заметную помощь России в решении ее финансовых проблем, и крайне важно, чтобы она эффективно использовалась в интересах государства. На данный момент — и это вполне естественно — соглашения вызывают множество вопросов, ответы на которые будут проясняться по мере проработки подписанных документов. Один из ключевых вопросов касается выплаты по кредитам: будет ли она производиться в виде денежных средств или путем предоставления кредиторам доли в

акциях российских предприятий? Не является ли упомянутый выше призыв А. Дворковича намеком на то, что правительство, по крайней мере в ряде случаев, ориентируется на расчет по кредитам посредством предоставления акций «добычных» компаний? И что кредиты по предварительной договоренности предоставлены именно на таких условиях?

Не следует забывать, что Китай, располагая достаточно широким кругом поставщиков нефти, заинтересован в нефтяных сделках с Россией меньше, чем она, и что Китай неизменно показывает себя настойчивым и жестким партнером в деловой сфере. Достаточно вспомнить для примера, что в 2011 г., почти сразу после начала поставок нефти в КНР по ВСТО, китайская сторона начала недоплачивать «Роснефти», ссылаясь на то, что транспортировка нефти по трубопроводу обходится дешевле, чем по железной дороге. Российской стороне пришлось сесть за стол переговоров и, в конце концов, уступить 1,5 долл. за баррель, что в сумме вылилось в 3 млрд долл.²⁶

Дело, однако, заключается не только в рисках, связанных с нарастающей тенденцией допуска Китая к обладанию стратегически месторождениями минеральных ресурсов. Оно состоит еще и в том, что эта тенденция не создает необходимых условий для возрождения Зауральской России. То же касается и зарубежных кредитов. И то, и другое позволяет получить средства для решения текущих частных задач, в лучшем случае среднесрочных (что само по себе немаловажно), ценой риска возникновения зависимости от внешних инвесторов. Действительный выход из сложившегося положения дел за Уралом состоит в модернизации функционирующей там экономической модели*. Обновленная экономика должна быть основанной на конкуренции, привлекательной для инвесторов, восприимчивой к инновациям и генерирующей инновации, способной самоочищаться от коррупции. Попытки половинчатого усовершенствования модели («консервативной модернизация») дают слабые

* Подчеркнем на всякий случай, что под модернизацией экономической модели мы имеем в виду не создание новых отраслей, установку нового оборудования и запуск новых технологических процессов, а установление новых экономических, т. е. производственных, отношений. Именно оно, в свою очередь, должно сделать успешным и обновление производственных мощностей, и повышение качества жизни.

результаты, поэтому некоторые ведущие российские специалисты призывают к радикальным экономическим преобразованиям (в то время как другие не выходят далеко за рамки идей, излагаемых в официальных документах).

Последовательные реформаторы рекомендуют пересмотреть принципиальную базу экономического строительства: «Сибири нужна свобода. Прежде всего — свобода предпринимательства, потому что только бизнес может развивать территории, а не те, кто делит собираемые с предприятий налоги»²⁷. В. Иноземцев считает необходимым «отказ от нерентабельных, помпезных, изначально нежизнеспособных стратегий и мега-программ в пользу развития инициативы самих регионов» и приводит в пример те успешные страны, где «ставка делается на компактные и эффективные региональные проекты, самостоятельно осуществляемые бизнес-сообществом при поддержке и контроле государства»²⁸.

Между тем столь кардинальные экономические преобразования в планах российского руководства пока не просматриваются, а менее решительные меры, предусматриваемые в официальных документах, повторяются там из года в год, однако, плохо реализуются, даже будучи подкреплены огромными бюджетными вливаниями. Самой заметной новацией является идея создания на Востоке страны территорий опережающего развития (ТОР), своего рода аналогов китайских специальных экономических зон, со льготными условиями для бизнеса, конкурентными с ключевыми деловыми центрами АТР. Время покажет, насколько ТОР окажутся работоспособными в российских условиях, удастся ли распространить условия ТОР на другие территории Зауралья, возможно ли вообще построить в азиатской части России более совершенную экономику, чем в ее европейской части. И в какой мере могут быть использованы для перестройки российской экономики большие китайские кредиты.

Пока же застарелые пороки нашей экономики так и остаются ее системными свойствами. Приведем здесь небольшой пример, касающийся одного из основных зол России — коррупции. Во время заседания президиума Госсовета по вопросам лесного хозяйства (Улан-Удэ, 11 апреля 2013 г.) президент В.В. Путин вскрыл все язвы и беды лесного ведомства, от пренебрежения вопросами защиты и воспроизводства леса до «начетничества и коррупции»²⁹, подверг

деятельность чиновников жесткой критике и потребовал от правительства наладить работу отрасли. Однако конкретные меры свелись к смене руководства Рослесхоза, вопрос о создании принципиально более действенных антикоррупционных механизмов не был даже поставлен. И в апреле 2015 г. полпред президента в ДВО Ю. Трутнев признал: «Коррупция поразила ключевые отрасли Дальнего Востока — добывающую, лесную и рыбную промышленность»³⁰.

Символично, что он сделал это заявление в связи с расследованием дела о хищении более 4 млрд руб. на верфи «Звезда», занимающейся ремонтом атомных подводных лодок, и это — не первое раскрытое там хищение.

* * *

Возрождение Китая и, в частности, строительство Нового шелкового пути, ставшее (вместе с концепцией Морского шелкового пути XX века) стержнем его внешнеэкономической деятельности, ведет к существенному увеличению его влияния на всем Евразийском континенте. Для России усиление позиций КНР на постсоветском пространстве несет и шансы, которыми следует умело воспользоваться, и неизбежные вызовы.

В условиях нынешнего противостояния России с Западом взаимодействие с КНР должно быть особенно результативным. Прежде всего это касается Сибири и Дальнего Востока, где попытки преодолеть демографический и экономический кризис посредством серии государственных программ оказываются неудачными, а, соответственно, не оправдывает ожиданий и сотрудничество с Китаем. Испытывая нехватку средств, правительство склоняется к небезопасному курсу на увеличение продажи долей в «добычных» предприятиях, даже стратегически значимых, инвесторам из КНР. Действительно, финансы, предоставляемые китайской стороной, способны смягчить остроту ситуации. Однако ключом к возрождению зауральской части страны является модернизация функционирующей там экономической модели — то, что можем сделать только мы сами. А от решения этой задачи зависит и повышение эффективности сотрудничества с Китаем.

Примечания

¹ Посольство Китайской Народной Республики в Республике Казахстан. Укреплять дружбу народов, вместе открыть светлое будущее. Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаевском университете. 16.09.2013. URL: <http://kz.chineseembassy.org/rus/zhgx/t1077192.htm>

² Доклад Посла КНР в РФ Ли Хуэя в Московском государственном университете путей сообщения. Новости Посольства КНР в РФ. 2015.02.14. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/sghd/t1237889>

³ *Жэньмин Ван*. Стратегия «Пояс и Путь» отныне является главной программой... 13.04.2015. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0413/c31521-8877122.html>

⁴ Единство мнений Китая и России через призму олимпиады в Сочи // Китай. 2014. № 3. С. 17.

⁵ Путин: Китай профинансирует проект ВСМ Москва—Казань на 300 млрд рублей // Российская газета. 08.05.2015.

⁶ *Сазонов С.Л.* Транспорт Китайской Народной Республики / ИДВ РАН. М., 2012.

⁷ РБК. Китай выделил \$27,7 млрд на строительство железных дорог к границе с РФ 27.09.2014. URL: [http://www.rbc.ru/rbcfreeneews/54266b97cbb20f9ecc13f084#xtor=AL-\[internal_traffic\]](http://www.rbc.ru/rbcfreeneews/54266b97cbb20f9ecc13f084#xtor=AL-[internal_traffic]) (дата обращения: 30.09.2014).

⁸ *Жэньминь Ван*. Евразийский союз и Китай — совместное развитие между конкуренцией и сотрудничеством. 29.09.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0929/c31519-8789711.html> (дата обращения: 30.09.2014).

⁹ Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825>.

¹⁰ Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики / Политическое образование. URL: <http://www.lawinrussia.ru/aktualnie-tsitati/2010-02-16/programma-sotrudnichestva-mezhdu-regionami-dalnego-vostoka-i-vostochnoy-sibiri-rossiyskoy-federatsi>

¹¹ *Кулешов В., Атанов Н., Безруков Л., Малов В., Санеев Б., Сысоева Н.* О некоторых аспектах совершенствования российско-китайского межрегионального сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 6. С. 67.

¹² Подробнее о Программе сотрудничества см.: *Новоселова Л.В.* Российско-китайское инвестиционное сотрудничество: состояние и перспективы // Азия и Африка сегодня. 2013. № 1.

¹³ Гарант-информ. Распоряжение Правительства РФ от 29 марта 2013 г. ... утратило силу. URL: <http://base.garant.ru/70351168/#help>

¹⁴ REGNUM. Программа развития Дальнего востока и Сибири продлена до 2018 г. 19.12.2013. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1747176.html>

¹⁵ Стенограмма заседания президиума Госсовета по развитию ДВ и Забайкалья. 30.11.2012. URL: <http://www.yktimes.ru/politika/stenogramma-zasedaniya-prezidiuma-gossoveta-po-razvitiyu-dv-i-zabaykalya/>

¹⁶ Развитие Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 г. / Росжелдор. URL: http://www.roszeldor.ru/feder_programms/feder_programms_zabaykal; См. также Интернет-портал Правительства РФ. URL: <http://правительство.рф/docs/23437/21> марта 2013 г.

¹⁷ См.: *Крюков В.А.* Растущая периферия // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2014. № 11. С. 2—4; *Башкуева Е.Ю., Атаманов Н.И.* Потенциал сотрудничества приграничных муниципальных образований Забайкальского края и сопредельных территорий Китая // ЭКО. С. 55—69.

¹⁸ См., напр.: *Минакир П., Прокапало О.* Программы и стратегии развития российского Дальнего Востока // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 5.

¹⁹ Стенограмма заседания президиума Госсовета по развитию ДВ и Забайкалья. 30.11.2012. URL: <http://www.yktimes.ru/politika/stenogramma-zasedaniya-prezidiuma-gossoveta-po-razvitiyu-dv-i-zabaykalya/>

²⁰ Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года // Гарант-информ — Правовой квартал. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6632462>

²¹ Беседа с заместителем председателя Госсовета КНР Чжан Гаоли. 01.09.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46530>

²² РИА Новости. Дворкович не видит препятствий для доли КНР более 50 % в месторождениях. 27.02.2015. URL: <http://ria.ru/economy/20150227/1049908556.html>

²³ INTERPOLIT. Великая китайская цена. 28.02.2015. URL: http://interpolit.ru/blog/velikaja_kitajskaja_cena/2015-02-28-4436

²⁴ Развитие российско-китайских отношений на примере глобальных проектов. Доклад / Центр политической информации. М., 2015. URL: http://www.polit-info.ru/images/data/gallery/0_8803__muhin_na_pechat_.pdf

²⁵ *Кашина Н.* Инвестиционное сотрудничество Дальнего Востока РФ и Северо-Восточного Китая в добывающем секторе экономики // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 2. С. 102.

²⁶ Пусенкова Н. Российская энергетическая политика на востоке: китайская головоломка Роснефти // *Russie Nei Visions*/ # 70.С. 20. URL: http://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_rnv_70_poussenkova_rosneft_rus_april_2013.pdf

²⁷ Зубов В., Иноземцев В. Сибирь: новый поворот // *Ведомости*. 05.02.2014.

²⁸ Иноземцев В. На пути к прогрессу // *East Russia*. 26.08.2014. URL: <http://inozemtsev.net/2014/08/%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B2%D1%8C%D1%8E-%D0%BD%D0%B0-%D0%BF%D1%83%D1%82%D0%B8-%D0%BA-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%81%D1%83/>

²⁹ Владимир Путин: в лесной отрасли процветает коррупция // *ВостокТеле-Информ*. 12.04.2013. URL: <http://vt-inform.ru/vti/137/64064.php>

³⁰ Трутнев: коррупция поразила ключевые отрасли Дальнего Востока // *РИА Новости*. 16.04.2015. URL: <http://ria.ru/politics/20150416/1058844095.html>

С.В. Уянаев

СОТРУДНИЧЕСТВО В ЗАЩИТЕ ИТОГОВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ КАК ВАЖНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ*

Аннотация. В статье рассматриваются возможные направления взаимодействия России и Китая с целью не допустить пересмотра общепризнанных итогов Второй мировой войны, анализируется связь такого сотрудничества с нынешними задачами поддержания международного мира и безопасности, построения справедливого миропорядка. Автор исследует мотивы и цели, стоящие за фальсификациями военной истории, напоминает о большом вкладе РФ и КНР в разгром фашизма и милитаризма, подчеркивает актуальность совместных усилий РФ и КНР в деле защиты исторической правды.

Ключевые слова: Россия, Китай, взаимодействие, итоги войны, фальсификации, миропорядок, безопасность.

Палитра всеобъемлющего российско-китайского стратегического партнерства охватывает сегодня самые широкие сферы. Ныне это насыщенный комплекс: от конкретных вопросов межгосударствен-

* Подготовлено при содействии РГНФ, совместный исследовательский проект РГНФ-ВАОН № 14-27-09001 «Пути укрепления безопасности и сотрудничества в Восточной Азии».

ного экономического, политического и культурно-гуманитарного взаимодействия до тесного сотрудничества по различным вопросам международной глобальной и региональной политики. Свое важное место в этом спектре связей занимает согласование и координация действий по злободневной сегодня теме — теме защиты исторических итогов Второй мировой войны от пересмотра, а иногда и открытой фальсификации.

Причем значимость такого сотрудничества в последнее время заметно возросла, и произошло это не только на фоне 70-летнего юбилея Победы, но и в силу заметно участвовавших, к сожалению, попыток ревизии военной истории, к которым прибегают определенные международные силы, прежде всего в странах Запада.

В чем актуальность поставленного вопроса?

Очевидно, что политика «пересмотра» чревата целым рядом вызовов, рисков и даже угроз. А они, в свою очередь, проистекают из тех опасных целевых задач, которые ставят перед собой инициаторы перекраивания истории.

Что под прицелом?

Важнейшим итогом Второй мировой войны явились закрепленные рядом признанных международных форумов того периода *основы послевоенного мирового устройства*.

Речь, прежде всего, идет о создании системы Организации Объединенных Наций, включая Совет Безопасности ООН с правом вето для пяти постоянных членов — структуры, которая была призвана стать гарантом международного мира, универсальным инструментом регулирования международных споров. Становление ООН в военный период носило поэтапный характер, соответствовавший нарастающим успехам союзников по антигитлеровской и антияпонской войне, причем важными вехами на этом пути стала не только Вашингтонская конференция (декабрь 1941 — январь 1942 г.), впервые зафиксировавшая термин «Объединенные нации»¹, но и конференция в Москве (октябрь 1943 г.), где итоговый совместный документ был принят от имени не только уже сложившейся «Большой тройки» (СССР—США—Великобритания), но и Китая². Московская «Декла-

рация четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности» провозглашала «необходимость создания в ближайшее время всеобщей международной организации для поддержания мира и безопасности, которая должна быть основана на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств»³. Позднее основы организации и принципов ООН были согласованы на Конференциях в Думбартон-Оуксе (сентябрь—октябрь 1944 г.)⁴ и Ялте (февраль 1945 г.)⁵. А вскоре, еще за два с лишним месяца до окончания Второй мировой (26 июня 1945 г.), в Сан-Франциско делегатами 50 стран был подписан Устав ООН из 111 статей⁶.

Нельзя не признать, что, несмотря на компромиссный, а потому не всегда совершенный характер ряда решений и невзирая на назревшую ныне необходимость должного реформирования, ООН многие десятилетия в целом достойно несла непростую миссию поддержания международного мира. Более того, и сегодня именно ООН остается наиболее авторитетной универсальной международной организацией, которая с точки зрения коллегиальности и приближения к принципу подлинной демократизации международных отношений сохраняет свою незаменимость, является особенно востребованной в условиях перехода нынешнего мира к многополярному порядку. «Центром регулирования международных отношений и координации мировой политики в XXI веке должна оставаться ООН, которая доказала свою безальтернативность и наделена уникальной легитимностью. Россия поддерживает усилия по укреплению ее центральной и координирующей роли», — говорится в Концепции внешней политики РФ⁷.

Другой важный итог Победы 1945-го — это международно-правовые *решения по вопросам государственных территорий и границ*, в том числе связанные с возвратом государствами-агрессорами территорий, оккупированных в ходе завершившейся и других захватнических войн. Несмотря на некоторые серьезные изменения, которые (в силу главным образом внутригосударственных процессов) претерпели в последние десятилетия географические карты, в частности, бывших СССР и Югославии, механизмы созданной на международных конференциях 1943—1945 гг. системы (ее часто называют ялтинско-потсдамской) действуют и сегодня. В соответствии с ней в целом сохраняется (за указанными исключениями) послевоенное

территориальное статус-кво в Европе и на Дальнем Востоке (границы между Японией и СССР/РФ, Японией и Китаем, независимость Монголии и корейских государств).

Самостоятельным вопросом является тот факт, что ряд территориальных решений военного периода стал предметом произвольного толкования со стороны, в частности, Японии и стоящих за ней США. Это, однако, не оказывает принципиального влияния на значение принятых на конференциях Второй мировой войны документов, в любом случае обеспечивших послевоенную территориальную стабильность.

Не менее важным, незыблемым итогом Второй мировой является адекватное признание *вклада* в разгром сил фашизма и милитаризма главных держав-победителей, в том числе СССР и Китая, включая понесенные ими огромные потери.

Наконец, едва ли не главным уроком войны стала потребность всеобщего осознания неотвратимости трагедии, которая связана с произвольным применением военной силы, политикой гегемонии и диктата, а тем более с делением народов по принципу «высших и низших» рас. Однако, как, к сожалению, показывает практика, именно перечисленные результаты и уроки Второй мировой войны попали в последнее время «под западный прицел», стали главными (наряду с другими) объектами нарастающей ревизии и исторического подлога. И это отнюдь не случайно. Достаточно представить даже беглую характеристику тех сил, которые стоят за действиями фальсификаторов.

Двойной замысел

Как правило, речь идет о деструктивных силах, которые ныне всячески противятся формированию многополярного миропорядка и заинтересованы в консервации однополярного мира, де-факто сложившегося после распада СССР.

Этим силам мешает не только возрождающаяся Россия, на примерах Южной Осетии и Крыма показавшая решимость и способность отстаивать свои национальные интересы, но и динамично развивающийся Китай, который самым фактом своего роста бросает

вызов идеям одностороннего доминирования. Российско-китайское сотрудничество стало важным фактором формирования многополярного мира. Вовсе не случайно поэтому, что именно РФ и КНР «выносятся» в фокус западной политики «сдерживания». А ревизию результатов Победы в некоторых западных столицах рассматривают, похоже, как один из действенных ее инструментов. Переписывая «под себя» военное прошлое, эти силы исходят из двуединой задачи — не только принизить историческое место СССР/России и Китая в разгроме фашизма и милитаризма, но и в не меньшей степени девальвировать *сегодняшние* международные позиции обеих стран.

Отдельной целью фальсификаторов видится психологическое давление на массовое сознание. Народы, вынесшие основную тяжесть войны, они пытаются лишить исторической памяти, а в молодом поколении стремятся подорвать своего рода ментальный код, оставленный в наследство дедами и прадедами-победителями. С учетом того значения, которое в деле патриотического воспитания отводится в России и КНР теме героического прошлого, включая важнейшее место Победы в 1945 г., эти силы по сути пытаются разрушить фундамент внутреннего единства и общественной консолидации обеих стран.

Вот почему умалется и даже отрицается решающий вклад СССР в разгром нацистской Германии. Вот почему некоторые восточноевропейские, прибалтийские и нынешние киевские лидеры, явно отрабатывающие симпатии США, закрывают сегодня глаза на шествия неонацистов в своих городах, а уничтожение Красной армией гитлеровского фашизма в его логове называют «вторжением» СССР.

Вот почему замалчивается и роль Китая на азиатско-тихоокеанском театре военных действий, а многолетнее сопротивление китайского народа японским агрессорам уводится «в тень заслуг» войск США.

Напротив, гипертрофируются военные достижения и «миротворческая» миссия как раз западных союзников: тем самым, как очевидно, перебрасывается, своего рода «смысловой мост» в нынешнее время, якобы и сегодня дающий США и Западу преимущественное право вершить мировые дела.

Последствия такой политики, игнорирующей роль созданной по итогам войны ООН, хорошо известны. Это — примеры бомбардиро-

вок Югославии, вторжения в Ирак, западных воздушных ударов в Ливии, попыток свержения легитимного правительства Сирии, разжигания украинского кризиса.

Не случайной на этом фоне выглядит и годами провоцируемая США и их союзниками напряженность, которая, среди прочего, мешает справедливому урегулированию ряда территориальных вопросов. Это, в частности, касается островных территорий в Охотском и Восточно-Японском морях, хотя принципиальные подходы к международно-правовым решениям здесь были в многом определены союзниками в упомянутых договоренностях международных конференций Второй мировой войны, например, Ялтинской, Каирской, Потсдамской.

Суммарно все это в итоге наносит серьезный ущерб делу обеспечения международной стабильности и безопасности, ведет к появлению новых «разделительных линий» как в Европе, так и в Азии и АТР.

Отпор фальсификациям как совместная задача

Россия и Китай, которые не только внесли немалый вклад в разгром сил агрессии и диктата во Второй мировой войне, но и сегодня отстаивают идеи демократического и равноправного миропорядка, являются естественными союзниками в деле защиты исторической правды и справедливости. Для обеих стран, повторим, подвиг в годы минувшей войны служит мощным фактором внутренней консолидации и патриотического воспитания. Не случайно, еще в 2010 г. стороны провели совместные мероприятия по случаю 65-летия Победы, опубликовав специальное совместное заявление. В нем подчеркивалось, что Россия и Китай «решительно осуждают попытки фальсифицировать историю Второй мировой войны, очернить освободителей», а ревизия закрепленных в Уставе ООН ее итогов «чревата возрождением атмосферы враждебности», «делает тщетным поиск адекватных ответов на стоящие перед миром вызовы и угрозы». Москва и Пекин выразили при этом совместную решимость «и далее работать во имя формирования справедливого и рационального международного порядка»⁸.

В ходе майского (2014 г.) визита президента В. Путина в КНР руководители двух стран заявили о намерении провести совместные мероприятия «в ознаменование 70-летия Победы над германским фашизмом и японским милитаризмом на европейском и азиатском театрах военных действий Второй мировой войны». Стороны подчеркнули готовность продолжить «решительное противодействие попыткам фальсификации истории и подрыва послевоенного миропорядка»⁹.

Председатель Си Цзиньпин одним из первых среди мировых лидеров откликнулся на приглашение принять участие в праздничных мероприятиях в Москве 9 мая. Такой же была реакция российского руководства на возможность посетить в начале сентября аналогичные юбилейные торжества в китайской столице.

Направления сотрудничества

Можно выделить ряд основных, уже наметившихся, а также перспективных направлений сотрудничества двух стран по защите итогов Победы.

Во-первых, это совместная работа по широкой и целенаправленной популяризации и пропаганде (как внутри своих стран, так и за рубежом) огромного вклада обеих стран в победоносное завершение Второй мировой войны.

22 июня 1941 г. против СССР было развернуто свыше 64 % личного состава ВС Германии¹⁰. Согласно широко известным фактам на советско-германском фронте гитлеровская Германия вместе с союзниками потеряла более 3/4 всех дивизий, утраченных ею в ходе войны¹¹. А приходящаяся на Восточный фронт доля потерь в войсках Германии и сателлитов оценивается в 90 %¹². За это СССР заплатил 27 млн жизней своих людей.

Начатая летом 1937 г. полномасштабная агрессия Японии, стала не просто прологом, а де-факто началом Второй мировой войны, а 8-летнее сопротивление китайского народа не только явилось признанным сухопутным фронтом (до конца 1941 г. единственным) на ее азиатско-тихоокеанском театре, но и с осени 1939 г. без малого полтора года играло для будущих Объединенных наций роль де-факто «второго фронта» и на европейском театре боевых действий¹³.

Весьма показательным свидетельством изначально высокой оценки вклада и роли Китая во Второй мировой войне является редко вспоминаемый факт: как подчеркивается в официальных материалах ООН, на конференции в Сан-Франциско именно «представителям Китая, первой жертве агрессии со стороны держав оси, выпала честь подписаться первыми» при принятии Устава ООН и Статута Международного суда¹⁴.

Китай, в отличие от многих капитулировавших стран, на годы связал серьезные силы оккупантов, ограничивая их возможности для новой экспансии. В вооруженной антияпонской борьбе Китай с 1931 г. потерял до 4 млн солдат и офицеров и вчетверо больше гражданских лиц, погибших не только от боевых действий, но и от спровоцированных войной голода и болезней¹⁵. В КНР ныне существуют и заметно большие оценки, согласно которым «свыше 35 млн китайцев пожертвовали своими жизнями, защищая родину» в войне сопротивления японским захватчикам¹⁶.

Во-вторых, актуальными являются согласованные действия, остаивающие «непреодолимое значение принципиальных международных документов военного периода», включая итоги наиболее важных конференций союзных держав. Особого акцента заслуживают, в частности, важные для России Крымские (Ялтинские) соглашения от 11 февраля 1945 г., а также имеющая не меньшее значение для Китая Каирская декларация (1 декабря 1943 г.).

Напомним, что, согласно решениям, принятым на Ялтинской конференции, Япония, в частности, должна была «возвратить Советскому Союзу южную часть о. Сахалина и все прилегающие к ней острова», передать СССР Курильские острова¹⁷. В соответствии с Каирским соглашением «цель» борьбы союзников против японской агрессии заключалась в том, «чтобы все территории, которые Япония отторгла у китайцев, как, например, Маньчжурия, Формоза и Пескадорские острова, были возвращены Китайской Республике»¹⁸.

В данном сюжете, впрочем, уместно небольшое отступление. Понятно, что «Ялтинское соглашение по вопросам Дальнего Востока» может восприниматься в Китае с «исторической осторожностью»: оно предусматривало «status quo» (а, значит, независимость) Внешней Монголии, давало вступающему в войну против Японии Советскому Союзу ряд преимуществ на территории Китая — «вос-

становление аренды Порт-Артура, как военно-морской базы», «совместную эксплуатацию Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железной дороги»¹⁹. Как подчеркивалось, к примеру, некоторое время назад в китайской правительственной печати, в 1945 г. «Китаю не оставалось ничего другого, как принять решения Ялты по Дальнему Востоку»²⁰.

Тем не менее, вспомним, что уже при заключении китайско-советского Договора (август 1945 г.) советская сторона пошла на ряд уступок, отказавшись, в частности, от ялтинской формулировки об «аренде Порт-Артура» и заменив ее формулой «совместного использования». Главное же в том, что уже менее чем через 5 лет, в соответствии с соглашением о Порт-Артуре, подписанном одновременно с заключением межгосударственного Договора между СССР и КНР, основания для всех «ялтинских озабоченностей» Китая оказались, по сути, практически снятыми.

Так, были оговорены весьма скорые сроки завершения присутствия СССР в Порт-Артуре, и к маю 1955 г. вывод советских войск и передача сооружений правительству КНР были завершены; еще ранее, к 31 декабря 1952 г. в пользу КНР была безвозмездно отдана Китайская Чанчуньская железная дорога²¹.

Все это объективно не могло не сказываться на китайских подходах к ялтинским документам. Не случайно, в современных экспертных публикациях КНР нередко вполне позитивные оценки Ялты, в которых выделяется, прежде всего, продемонстрированная там решимость «разгромить императорскую Японию»²², отмечается значение «ялтинской системы для установления мира и стабильности в Восточной Азии»²³. Подчеркивается при этом, что попытки некоторых сил в США «похоронить» эту систему «чреваты сломом правовых основ региональной стабильности и угрозой превращения уже решенных проблем в новые споры»²⁴.

Из сказанного следует, что для объединения усилий в деле защиты и соблюдения важных международных договоренностей Второй мировой войны, включая итоги Каира и Ялты, у России и Китая нет видимых препятствий.

В-третьих, необходимы взаимная популяризация и доведение до широких масс, прежде всего молодежи, фактов тесного сотрудничества двух стран в борьбе против сил фашизма и милитаризма.

СССР был первой страной, которая стала оказывать Китаю военно-политическую поддержку и военно-техническую помощь, поставив в 1937—1941 гг. в почти 1 тыс. самолетов, свыше 1 тыс. орудий, порядка 10 тыс. пулеметов, 50 тыс. винтовок и другое оружие. В стране работали свыше 3, 5 тыс. советских военных специалистов, а в небе Китая сражались 2 тыс. советских летчиков-добровольцев, каждый десятый из них погиб²⁵. Братские могилы сотен советских воинов почтительно охраняются во многих районах Китая. На заключительном этапе войны именно СССР разгромил костяк японских сухопутных сил — Квантунскую армию и освободила Северо-Восток Китая, внося решительный вклад в полное изгнание захватчиков. В то же время Китай, «связавший» значительные силы Японии, объективно «сузил» ее возможности для удара в спину СССР, что было особенно ценно в критически важном для Советского Союза 1941 г.

Все это заложило в свое время прочную традицию боевого братства между народами двух стран, более того, и ныне способно служить надежным фундаментом их дружбы и взаимодоверия.

Наконец, не вызывает сомнения не только не ослабевающая, но и возрастающая актуальность координации действий России и Китая в целях формирования справедливого и рационального миропорядка, обеспечивающего глобальный мир и международную стабильность. Кроме того, такие совместные усилия являются защитой от попыток нарушить актуальные и сегодня завоевания послевоенного устройства, заслоном перед стремлением деструктивных сил обесценить как историческую, так и нынешнюю международную роль России и КНР.

Примечания

¹ Declaration By United Nations. URL: <http://www.ibiblio.org/pha/policy/1942/420101a.html>

² 1 ноября 1943 г. печати был передан для опубликования документ, подписанный накануне Вячеславом Михайловичем Молотовым, Антони Иденом, Корделлом Хэллом и Фу Бин-сяном, китайским послом в Москве. См.: URL: <http://www.un.org/ru/aboutun/history/moscowteheran.shtml>.

³ MOSCOW CONFERENCE. October. 1943. JOINT FOUR-NATION DECLARATION. URL: <http://www.ibiblio.org/pha/policy/1943/431000a.html>. См. также: Громыко А.А. История внешней политики СССР 1917—1980 гг. Московская и Тегеранская конференции 1943 г. URL: http://society.polbu.ru/gromyko_politics/ch82_iv.html.

⁴ Думбартон-Оукс и Ялта. URL: http://www.un.org/ru/aboutun/history/dumbarton_yalta.shtml

⁵ См.: Крымская конференция. 4—11 февраля 1945 г. Конференция руководителей трех союзных держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании в Крыму. Коммюнике. ст. IV. «Конференция Объединенных наций». URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/War_Conf/krim17.htm

⁶ Конференция в Сан-Франциско. URL: http://www.un.org/ru/aboutun/history/sanfrancisco_conference.shtml

⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7fOpenDocument>

⁸ Совместное заявление президента Российской Федерации Д.А. Медведева и председателя Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао в связи с 65-летием окончания Второй мировой войны. 27 сентября 2010 г. URL: http://www.kremlin.ru/ref_notes/720

⁹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. 20 мая 2014 г. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1642.

¹⁰ URL: <http://krieg.wallst.ru/frames-k/allarmy.html>; URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%E2%F0%E8_%E2_%C2%E5%EB%E8%EA%EE%E9_%CE%F2%E5%F7%E5%F1%F2%E2%E5%ED%ED%EE%E9_%E2%EE%E9%ED%E5.

¹¹ На советско-германском фронте Германия потеряла 506,5, а ее союзники — до 100 дивизий, аналогичные потери Германии на других фронтах — 176 дивизий. URL: http://ruskline.ru/analitika/2010/10/05/ocenka_sootnosheniya_poterna_sovetskogermanskom_i_na_zapadnom_frontah.

¹² Там же.

¹³ См. напр.: Каирская декларация 1943 г. предопределила полный разгром Японии и продемонстрировала возвращение Китая в число великих мировых держав. (Интервью Ю. Тавровского). URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8472707.html>

¹⁴ Конференция в Сан-Франциско. URL: http://www.un.org/ru/aboutun/history/sanfrancisco_conference.shtml.

¹⁵ См.: Японо-китайская война (1937—1945). URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AF%D0%BF%D0%BE%D0%BD%D0%BE-%D0%BA%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0_\(1937%E2%80%941945\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AF%D0%BF%D0%BE%D0%BD%D0%BE-%D0%BA%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0_(1937%E2%80%941945)); «Борьба китайского народа против агрессии японского империализма». URL: <http://militera.lib.ru/h/12/02/02.html>; Кто воевал числом, а кто — умением. Чудовищная правда о потерях СССР во Второй мировой. Ч. 2 Потери остальных стран — участниц Второй мировой войны. Потери Китая. URL: <http://coollib.com/b/264582/read>

¹⁶ Комментарий: Китай и Россия вместе стоят на страже истории. URL: http://russian.news.cn/china/2015-03/03/c_134033529.htm

¹⁷ The Yalta Conference. URL: <http://avalon.law.yale.edu/wwii/yalta.asp>

¹⁸ Cairo Communique. URL: http://www.ndl.go.jp/constitution/e/shiryu/01/002_46/002_46tx.html

¹⁹ Ялтинское соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока. URL: http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/194502krym.php

²⁰ Together to create lofty cause of history. URL: <http://en.people.cn/90001/90780/91342/6791217.html>

²¹ Советско-китайские отношения в 1950—1960-е гг. URL: <http://fir-one.narod.ru/Huhl-SSSR-Kitaj.doc>

²² URL: <http://en.people.cn/n/2014/0821/c98649-8772382.html>

²³ URL: <http://en.people.cn/90780/7621120.html>

²⁴ URL: <http://en.people.cn/90883/7883497.html>

²⁵ См.: *Тавровский Ю.* Забытая половина Второй мировой // НГ-Дипкурьер. URL: http://www.ng.ru/courier/2010-05-17/9_china_ww2.html

А.О. Виноградов

НОВЫЙ ТИП ОТНОШЕНИЙ И НОВЫЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ. К ВОПРОСУ О ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЯХ КИТАЯ

Аннотация. В статье рассматриваются новые моменты во внешней политике Китая последних двух лет. Особое внимание уделено вопросу использования термина «новый тип отношений» и концепции «Один пояс — один путь». На основании анализа места России в современных внешнеполитических построениях китайского руководства формулируются рекомендации для российской стороны.

Ключевые слова: Китай, внешняя политика, Россия, новый миропорядок, «новый Шелковый путь».

Новый тип отношений

В 2012 г. в докладе на XIII съезде КПК бывший генеральный секретарь Компартии Китая Ху Цзиньтао, продолжая творчески развивать теорию «трех миров» председателя Мао, разделил отношения Китая в мире на три направления, различные по своему характеру и наполнению. Это: 1) отношения с развитыми странами; 2) отношения с сопредельными странами; 3) отношения с развивающимися государствами¹.

Абзац, посвященный развитым странам, начинается с подчеркивания пяти принципов мирного сосуществования как основы отношений

Китая со всеми государствами. Далее говорится о том, что Китай в отношениях с развитыми странами будет расширять сферу сотрудничества, устраняя разногласия и «*продвигая создание нового типа отношений между крупными государствами, характеризующихся длительным, стабильным и здоровым развитием*» (推动建立长期稳定健康发展的新型大国关系 — *tuidong jianli changqi wending jiankang fazhande xinxing daguo guanxi*). Отметим, что перевод термина «даго» как «крупные государства», данный в официальном тексте материалов съезда на русском языке, не совсем точен. «Даго» чаще переводится как «державы» (и впоследствии термин «даго гуаньси» стал переводиться и в официальных документах как «междержавные отношения»).

Отношения с сопредельными странами предлагается строить «с неизменной доброжелательностью и по-партнерски» (与邻为善, 以邻为半 — *yu ling wei shan, yu ling wei ban*), укреплять с ними не только отношения дружбы и добрососедства, но и «старательно добиваться того, чтобы они больше выгадывали от нашего развития» (努力使自身发展更好惠及周边国家 — *nuli shi zishen fazhan genghao huiji zhoubian guojia*). Последнюю фразу можно перевести и как «стараться облагодетельствовать соседние страны путем собственного развития», поскольку значение иероглифа 惠 — доброта, милость, благодетельствовать, оказывать честь, пожаловать, удостоить.

В отношениях с развивающимися странами (которые, как было подчеркнуто на съезде, «многочисленны») Китай будет усиливать сплочение и сотрудничество, охранять их законные права и интересы, а также поддерживать их в увеличении представительности и права голоса в международных делах, оставаясь «навсегда их надежными друзьями и искренними партнерами»².

Подобное деление позволило российским комментаторам оптимистично заметить, что Россия фактически входит во все три вышеуказанных направления (она — крупное государство, один из главных соседей Китая и она же — развивающаяся страна, чьи интересы совпадают с китайскими). И это, дескать, является свидетельством ее приоритетности во внешнеполитической деятельности китайского руководства.

На самом деле ситуация выглядит немного сложнее. Начнем с понятия «новый тип отношений», которое, как утверждает, например, в статье А. Мокрецкого «Основные направления китайской

дипломатии»³, применяется по отношению к «ведущим мировым державам». К последним, по мнению указанного автора, в КНР относят, помимо самого Китая, США, Россию и ЕС.

Формально термин «новый тип отношений» действительно употребляется достаточно широко. В том числе и по отношению к России, а также к отдельным странам ЕС и т. д. Например, Ли Кэцян октябре 2014 г. в Гамбурге на саммите Китай—ЕС в рамках форума, который так и назывался «Формирование нового типа межгосударственных отношений на основе взаимной выгоды», заявил, что Китай готов прилагать совместные с Европой усилия, чтобы создать новый тип взаимовыгодных межгосударственных отношений. А Си Цзиньпин в феврале 2015 г. призывал Францию прилагать общие усилия к созданию международных отношений нового типа, основой которых станут «сотрудничество и общий выигрыш»⁴.

Это вроде бы опровергает утверждения тех аналитиков, которые указывали на то, что данный термин («строительство нового типа отношений») применяется в КНР только к отношениям между Китаем и США.

Однако если попробовать вникнуть глубже в нюансы китайского внешнеполитического языка, то выяснится, что термин «новый тип отношений» в зависимости от сферы применения имеет разный смысл и разное наполнение. Наиболее ярко это можно заметить на примере интервью министра иностранных дел КНР Ван И в Москве во время подготовки к визиту Си Цзиньпина на празднование 70-летия Победы. В первой части интервью, данного каналу «Россия-24», где речь идет о РФ, говорится, что Китай «готов работать со странами, в число которых входит и Россия, ради выстраивания нового типа международных отношений, для которых важны сотрудничество и взаимная выгода, а не конфронтация и соперничество». А в конце Ван И, отвечая на вопрос об отношениях с США, говорит, что «Китай выступил с инициативой формирования нового типа государственных отношений между обеими странами, в основе которых лежат отказ от конфликта и конфронтации, взаимное уважение и совместное развитие путем взаимовыгодного сотрудничества». В переводе на русский получается практически одинаково, однако разница на самом деле принципиальна — в первом случае речь идет о просто международных отношениях (新型国际关系), а во втором — об отноше-

ниях между державами (新型大国关系). И это, кстати, отражено и в английском варианте перевода интервью — в первом случае переведено как «a new type of international relations», во втором — «a new type of major-country relations»⁵.

То, что именно второй термин применяется для отношений с США, подтверждает и пресс-конференция Ван И в рамках ежегодной сессии ВСНП в марте 2015 г.: «Визит председателя КНР Си Цзиньпина в США, запланированный на осень этого года, придаст новый импульс развитию китайско-американских межгосударственных отношений нового типа»⁶.

Можно упомянуть также выступление китайского посла в Бельгии Цюй Сина на симпозиуме на тему «Китайско-американские отношения — конфронтация столетия на европейском и азиатском континентах», где он также говорил о том, что между КНР и США можно создать межгосударственные отношения нового типа⁷.

Другими словами, «отношения нового типа» подразделяются на «международные отношения нового типа» (и в этом случае термин может применяться практически ко всем государствам) и «межгосударственные отношения нового типа» (в этом случае имеются в виду отношения между Китаем и США). Отсюда следует не совсем веселый, но вполне логичный в сегодняшней ситуации вывод: китайцы на настоящий момент видят в качестве стран, обладающих всеми признаками «державы» (или сверхдержавы, если пользоваться терминами более раннего времени), лишь себя и США. Россию, Европейский союз, а также все остальные страны и межгосударственные образования они державами не считают. И для этого, согласимся, у них есть определенные основания. В случае с ЕС мы имеем в достаточной степени аморфное образование, не способное проводить целиком самостоятельную и субъектную общую внешнюю политику (независимую от США)⁸. А в случае с Россией мы имеем слабую в экономическом отношении страну, героически преодолевающую собственные трудности и вполне успешно противостоящую давлению Запада, но не имеющую достаточно ресурсов (финансово-экономических) для того, чтобы иметь решающий голос в формировании нового международного порядка. Россия находится лишь в конце первого десятка торговых партнеров Китая, уступая ведущим партнерам по объему двустороннего экономического сотрудничества в разы.

Не совсем одинаково и содержание того, что имеется в виду под «новым типом отношений». Что касается соседей и других стран — подчеркивается выгода для тех, кто откажется от «конфронтации и соперничества» и присоединится к китайскому «экономическому локомотиву», по отношению к США — необходимость взаимного уважения и равноправия.

Таким образом, Россия в геополитических построениях нынешнего китайского истеблишмента относится исключительно ко второму блоку — соседних стран, получающих выгоду от того, что рядом есть стремительно развивающийся Китай. То, что Россия не принадлежит к развивающимся странам, для китайской внешнеполитической традиции — аксиома. Не только потому, что она преемница Советского Союза. Россия — европейская страна (даже с поправкой на то, что евроазиатская). А все европейские страны в соответствии с теорией «трех миров» Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина принадлежат ко «второму миру» (Советский Союз, напомним, наряду с США составлял «первый мир»). Все развивающиеся страны (т. е. все, кроме стран европейской цивилизации и Японии) принадлежат к третьему миру (заметим, что данный термин активно используется в международных отношениях и сегодня, наряду с сопоставлениями Север—Юг и Запад—Восток, также отчетливо имеющими цивилизационную составляющую). И Китай, представляющий, по терминологии китайских политологов и лидеров, «наиболее развитую из развивающихся стран», является и исторически, и по факту естественным лидером всех стран третьего мира.

Замечу, что вышесказанное никоим образом не ставит под сомнение важность стратегического партнерства России и Китая, которую еще раз доказали майский визит лидера КНР в Москву и его присутствие на параде Победы. Однако учитывать нюансы в отношении к нам нашего партнера, взаимодействие с которым, по словам президента России В.В. Путина, находится «на беспрецедентном уровне»⁹, на мой взгляд, необходимо. То, что Россия рассматривается в Китае во втором блоке (т. е. как «соседняя страна») и к ней применима вполне двусмысленная (но имеющая давние корни в китайской исторической традиции) формулировка «страны, получающей выгоды от развития Китая», должно учитываться нами при анализе и китайской внешней политики, и наших отношений с вели-

ким восточным соседом. Хотя бы для того, чтобы не испытывать лишних иллюзий, как это было некоторое время назад при попытках наладить равноправные и взаимовыгодные отношения с Европейским союзом.

Новый Шелковый путь

Главной новацией в развитии отношений Китая с соседями (да и с остальным миром) в последнее время является инициатива Си Цзиньпина по поводу строительства «нового Шелкового пути».

«Новый Шелковый путь» можно считать в полном смысле визитной карточкой нынешнего китайского руководителя. Именно Си Цзиньпин выдвинул эту идею и лично ее продвигает и лоббирует. И не исключено, что именно она после его ухода со сцены в 2022 г. будет, как велит современная политическая традиция Китая, включена в Устав КПК как его основной вклад в развитие китайской политической мысли¹⁰.

Хотя поначалу, когда Си Цзиньпин впервые выступил с идеей возрождения и строительства Великого шелкового пути (в 2013 г. во время своего визита в Казахстан и лекции в местном университете), она показалась комментаторам, в том числе и китайским, с которыми приходилось общаться, не более чем риторической фигурой и благопожеланием. С позиций же сегодняшнего дня эта идея, получившая уже конкретное развитие и частичное воплощение на практике, выглядит как глубоко продуманная многоцелевая и всеобъемлющая стратегия, грамотно учитывающая как исторические аналогии, так и сегодняшние потребности Китая. И совсем не случайно, что эта концепция была впервые озвучена именно в Казахстане — президент Назарбаев не только вовремя оценил ее потенциал, но и дополнил собственной концепцией новой экономической политики «Светлый путь», сопряженной с китайской¹¹. И сегодня Казахстан наряду с Китаем наиболее активно продвигает все, что связано с идеей возрождения Шелкового пути и строительства так называемого экономического пояса Шелкового пути, в том числе Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ). А во время последнего визита премьер-министра Казахстана К. Масимова в марте в Ки-

тай (Масимов участвовал в работе Боаосского азиатского форума) стороны подписали 33 документа о сотрудничестве на общую сумму 23,6 млрд долл.¹²

Стратегия «Один пояс — один путь» (так она называется теперь после конкретизации и разделения на две части — «экономический пояс Шелкового пути» и «морской Шелковый путь XXI века») — это не только асимметричный китайский ответ США в плане обеспечения безопасности путей доставки сырья и важный элемент в построении собственного мира, параллельного существующему¹³. Это та самая геэкономика, которую с успехом использует Китай для достижения своих целей и которая в сегодняшнем мире все больше приходит на смену геополитике, являющейся основой внешнеполитических построений США. При этом нельзя не заметить, что в Китае учли исторический опыт, когда с развитием кораблестроения и навигации сухопутный Шелковый путь оказался вытесненным морским¹⁴ — сегодня они объединяют эти два пути в одну стратегию.

В отличие от геополитики, геэкономика позволяет добиваться не только лояльности со стороны самых различных государств мира (начиная с ближайших соседей и заканчивая далекой Латинской Америкой), но и, наряду с обеспечением стратегической безопасности КНР в части поставок сырья из-за рубежа, формирует спрос на производимую в Китае продукцию. А именно спрос (а не ресурсы, как показано в работах известных российских макроэкономистов¹⁵) в сегодняшнем мире является главным фактором развития. Спрос формируется не только путем обеспечения более эффективных способов доставки китайской продукции конечному потребителю (таковым вплоть до настоящего времени являются развитые страны мира — США, ЕС и Япония), но и путем создания дополнительного интереса к китайской продукции в ходе строительства различных элементов инфраструктуры по всему миру. Создания дополнительного спроса в тех областях, где Китай сегодня является несомненным лидером — стройматериалы (от цемента до металла), строительные машины, квалифицированная рабочая сила, технологии быстрого возведения зданий. И, разумеется, технологии строительства высокоскоростных железных дорог, по протяженности которых Китай превосходит все страны мира, включая Японию. И вполне

понятно, что Китай готов инвестировать в эти проекты огромные средства, поскольку в конечном счете они работают на дальнейшее развитие экономики самого Китая. Тем более что эти средства есть — в последние годы Китай накопил огромный запас валютных резервов.

В комментарии по поводу создания Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, который, как пишут китайцы, «является важной финансовой платформой, функционирование которой направлено на поддержку стратегии «Одного пояса — одного пути», не скрывается, что «целью этой стратегии является перераспределение продуктов китайского перепроизводства за рубеж, а также выход национальной валюты за пределы внутреннего рынка. АБИИ, предоставляя странам вдоль Пояса и Пути кредиты в жэньминьби, помогая им в строительстве инфраструктурных объектов, тем самым будет способствовать постепенному расходованию излишков производительной мощности Китая: продуктов металлургии, цемента и других стройматериалов, а также высокоскоростных железных дорог, атомной электроэнергии и др. Китай, получив назад выплаты по кредитам, будет закупать на эти деньги сырьевые материалы, добываемые в этих странах. Таким образом, будет формироваться благоприятный цикл взаимовыгодного сотрудничества»¹⁶.

Нельзя не заметить, что с появлением концепции «Один пояс — один путь» конкретизируется содержание термина «инклюзивность» и видоизменяется содержание термина «открытость». Инклюзивность понимается как возможность для других стран включиться в проект построения «китайской мечты» (вспоминается цитата из фильма «Тот самый Мюнхгаузен»: «Присоединяйтесь, господа!»), а открытость («*кайфан*»), которая раньше, во время инициированной патриархом китайских реформ Дэн Сяопином «политики реформ и открытости», означала открытость Китая для внешнего мира, сегодня все больше начинает означать открытость внешнего мира для Китая. Например, по словам представителя Министерства коммерции Китая Шэнь Даньяна, «всемерное стимулирование торгово-экономического сотрудничества со странами на Шелковом пути расширяет открытость рынков стран-партнеров»¹⁷.

Вполне логично, что ответственный представитель специальной Канцелярии по продвижению инициативы «Пояс и Путь» Оу Сяоли

заявляет о том, что «стратегия «пояс и путь» является главной программой политики открытости внешнему миру и экономического сотрудничества Китая с зарубежными странами»¹⁸. А присоединяться к этой программе предлагается уже не только странам, находящимся непосредственно в зоне «экономического пояса» Шелкового пути, но и странам, расположенным далеко за его пределами: странам Юго-Восточной Азии, вплоть до Австралии и Новой Зеландии, или, например, Исландии.

Что же касается стран, прямо или косвенно входящих в зону «Шелкового пути», то беспрецедентная внешнеполитическая активность китайского руководства в последние 1,5—2 года направлена именно на продвижение данной инициативы. Причем в ее продвижении активно участвует лично председатель Си Цзиньпин, совершивший за это время ряд целенаправленных поездок и в страны ЕС, и в Россию, и в среднеазиатские страны, и в Монголию. Причем некоторые из этих поездок были чуть ли не первыми визитами высшего китайского руководителя в эти государства, а сам он использовал (в том числе в беседах в неформальной обстановке) не только свое личное обаяние, но и обаяние своей супруги (это, кстати, тоже одна из новаций во внешнеполитической деятельности нового китайского руководства — ранее жены китайских руководителей или оставались дома, или участвовали в протокольных мероприятиях по собственной программе). Например, посол Таджикистана Рашид Алимов в статье «Мои 10 лет в Китае»¹⁹, вспоминая визит Си Цзиньпина в Таджикистан в сентябре 2014 г., пишет: «Впервые китайский руководитель приехал в Таджикистан с супругой, это, безусловно, тоже свидетельство особого отношения к Таджикистану и украсило этот визит. ...Впервые в истории китайский руководитель был приглашен в гости домой президентом Таджикистана, и они в семейной обстановке обсудили проблемы человечества, это как раз иллюстрирует особые доверительные отношения между двумя руководителями, на которых зиждутся практические всесторонние отношения»²⁰.

В Китае стратегию «Один пояс — один путь» представляют как совершенствование концепции «большого периметра»²¹ и подчеркивают, что «из 7 официальных визитов, которые Си Цзиньпин нанес за минувший год, 5 были организованы в соседние государства»²². При этом, по мнению заместителя директора Дипломатического ин-

ститута КНР Ван Фаня, «семейный стиль» зарубежных визитов Си Цзиньпина воплощает восточное чувство близости и человечность, демонстрируя, что в культуре Китая и его соседей существуют сходства и развиваются общие особенности. В то же время эти визиты подчеркнули внимание, которое придает Китай окружающей экономической стратегии, а также гибкости и прагматичности китайской дипломатии»²³.

Ван Фань считает, что «в результате разработки Китаем дипломатии большого периметра зона влияния теперь расширена до стран, расположенных на побережье Тихого океана. Концепция была улучшена, платформа для сотрудничества расширена, а воздействие и влияние Китая на сопредельные государства также постепенно увеличиваются». По словам Ван Фаня, «в отношении оказания помощи своим соседям Китай занимает правильную и справедливую позицию, извлекая одновременно пользу из своих действий».

Ему вторит заместитель директора Китайского института международных исследований и Института международной стратегии Су Сяохуэй: «С увеличением мощи Китая и влияния этой страны на международной арене не перестает расширяться содержание и объем дипломатических контактов Китая с сопредельными государствами. Зона влияния уже не ограничивается примыкающими к Китаю государствами, покрывая более обширную территорию»²⁴.

Однако в Китае отдают себе отчет в том, что нынешняя активная внешнеполитическая линия КНР может не всем понравиться. И вполне откровенно пишут об этом. Например, в комментарии «Десять вызовов, стоящих перед внешней стратегией Китая в 2015 году»²⁵, в качестве третьего вызова (первый — увеличение непредсказуемости в мировой экономической обстановке, второй — стремление развитых стран переложить на Китай ответственность за мировые проблемы, а также «сверхвысокие» ожидания по поводу Китая со стороны развивающихся стран) указываются как раз «возможные трудности в ходе реализации концепции «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». Эти трудности, по мнению китайских комментаторов, связаны с тем, что «большинство стран, располагающихся на линии этих пояса и пути, находятся в остром геостратегическом противодействии, пре-

бывают под влиянием сложных интриг и борьбы интересов между крупными странами, переживают ухудшение внутренней безопасности и консервативность идей». Тем не менее, эта концепция, которая «сможет глубоко изменить с географической точки зрения экономический и политический облик Евразии, как подчеркивают комментаторы, уже заслужила поддержку более 50 стран»²⁶.

В этом же ряду, по сути, стоят четвертый и шестой вызовы (пятый — это продолжающаяся острая конфронтация в отношениях России и США, отметим, что для Китая этот фактор стоит лишь на пятом месте, а угроза обострения обстановки в Южно-Китайском море — лишь на седьмом, сразу перед возможными сложностями в отношениях с Японией — восьмое место — и США — девятое). Четвертый вызов — «нелегкий путь «чуда высокоскоростной железной дороги», которая, как уже говорилось, является одним из главных средств продвижения концепции «Один пояс — один путь» в конкретную плоскость. Шестой — угроза беспорядков в соседних странах, в частности в Бирме, Афганистане и Пакистане. А всего в 20 соседних с Китаем странах, по мнению китайских комментаторов, «существует большая непредсказуемость обстановки».

Наступление по всему фронту, многовекторность и «удары по точкам»

Концепция «Один пояс — один путь» является главной внешнеполитической новацией нынешнего руководства КНР и «главным направлением удара», где командует лично председатель КНР и генеральный секретарь КПК Си Цзиньпин. По словам Чжоу Ли, заместителя заведующего Отделом международных связей ЦК КПК, в прошлом посланника посольства Китая в РФ и Чрезвычайного и Полномочного Посла КНР в Украине и Казахстане, «строительство экономической полосы Шелкового пути является своего рода необходимостью в условиях противодействия мировому финансовому кризису, совершенствования системы глобального управления и продвижения демократизации международных отношений»²⁷.

Но это отнюдь не единственная новация и не единственное направление в китайском внешнеполитическом наступлении. Тем бо-

лее что, как подчеркивается в статье в журнале «Хуанцю шибао», «Китай не собирается ставить банк (имеется в виду АБИИ) на кон в играх с Америкой. Не станет он рисковать и своим проектом «Один пояс — один путь», который ошибочно считают ответом на американскую стратегию «перебалансировки сил в АТР». Пытаться найти способ противостоять США, чтобы вырваться вперед, противоречит китайской традиционной философии»²⁸.

Журнал «Китай», характеризуя изменения в китайской дипломатии с приходом нового руководства КНР, пишет: «В течение долгого времени китайская дипломатия демонстрировала реагирующий характер. Другие предлагали темы для обсуждения, а мы реагировали на них или возражали... Ситуация изменилась. Китай как большая страна не только должен иметь силы защитить свои интересы, сохраняя статус-кво, но должен уметь проявлять инициативу, задавая темы обсуждения, изменять существующую обстановку, чтобы получить еще больше государственных выгод и право голоса в международных делах»²⁹. Дипломатия Шелкового пути — это как раз пример не только «нового мышления и нового направления китайской дипломатии», но «активного действия», которое сменило пассивное реагирование. При этом если раньше «дипломатия обслуживала экономическое строительство», то теперь «экономика и дипломатия функционируют параллельно».

Среди других новаций упоминаются «новая концепция азиатской безопасности», выдвинутая Си Цзиньпином в мае 2014 г. в Шанхае на саммите Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, и дипломатия «удара по точкам», названная так по аналогии с приемами из арсенала китайского боевого искусства ушу.

Концепция азиатской безопасности — это, по сути, идея, перенятая у России, которая долгое время безуспешно продвигала ее на различных международных форумах в Азии, надеясь таким образом компенсировать свое отставание в экономическом взаимодействии в регионе. Однако Китай теперь подчеркивает, что страны Азии (к которым Россия относится лишь частично) должны сами решать свою судьбу, поскольку «в течение долгого времени в проблемах безопасности, существующих в Афганистане, Пакистане, Юго-Восточной Азии и Северо-Восточной Азии, вмешательство и вторжение

внешних факторов не принесли мира и спокойствия этим регионам, а, наоборот, сделали ситуацию региональной безопасности еще более сложной». «Активно выдвинув концепцию азиатской безопасности, Китай надеется усилить право голоса Азии в делах, касающихся ее собственной безопасности»³⁰.

Что же касается дипломатии «удара по точкам», то, называя именно так дипломатические усилия высшего китайского руководства (прежде всего Си Цзиньпина) последних двух лет, китайские комментаторы подчеркивают то, что каждый визит китайского лидера готовится отдельно и тщательно. В качестве примеров таких визитов, закончившихся «в высшей степени успешно», приводят визит председателя Си в Сочи на открытие Олимпиады, а также поездки Си Цзиньпина в Республику Корея и Монголию. Как подчеркивает директор Китайского института международных проблем Цюй Син, «дипломатия “удара по точкам” характеризуется быстротой, высокой эффективностью и оперативностью»³¹.

В качестве еще одной новой черты китайской дипломатии на современном этапе китайские комментаторы называют «дипломатию на своем поле»³². Дело в том, что все больше международных мероприятий самого высшего уровня проходят на территории Китая (китайцы активно предлагают себя в качестве площадки для их проведения, не жалея денег на организационные расходы). И, естественно, при этом учитывается фактор «своего поля», заимствованный из области спортивных соревнований. Опыт проведения Олимпиады-2008, Шанхайской всемирной выставки ЭКСПО-2010, Бооского форума и других мероприятий (из крупных — в 2014 г. в мае в Шанхае прошел саммит Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, в ноябре в Пекине — ряд совещаний в рамках АТЭС, включая саммит этого форума) показал, что Китай может не только являться гостеприимным хозяином, но и использовать фактор «своего поля» к собственной выгоде. Китайские комментаторы подчеркивают, что с помощью «дипломатии на своем поле» можно не только продемонстрировать национальную «мягкую силу». Страна-хозяин «может использовать все благоприятные условия и собственные преимущества для наделения своих представителей большим правом слова, разработки повестки дня и выдвижения тем для обсуждения, благоприятных для нее, продвижения разработки по-

лезных для себя международных правил или порядка». И нынешний Китай всем этим активно пользуется.

Кроме того, развивает свой собственный опыт. Например, успешный опыт в создании и функционировании отдельного от структур ЕС форума «Китай — страны Центральной и Восточной Европы» (ЦВЕ) со штаб-квартирой в Пекине, где размещены представители всех этих стран, и ежегодными встречами в формате «премьер Госсовета КНР — руководители всех стран ЦВЕ», Китай, по-видимому, решил распространить и на Латинскую Америку. В начале января 2015 г. в Пекине прошел первый форум «Китай—CELAC» (CELAC — Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна). Открывая форум, Си Цзиньпин подчеркнул, что «Китай готов работать с латиноамериканскими странами и странами Карибского бассейна на долгосрочной основе и со стратегической перспективой, для того чтобы создать новую платформу для коллективного сотрудничества между обеими сторонами», и пообещал инвестировать в этот регион 250 млрд долл. в течение следующего десятилетия. Средства будут направлены на инфраструктурные проекты, проекты в сфере технологий, а также научные исследования и разработки³³.

Объем двусторонней торговли (между Китаем и странами CELAC) к 2025 г. должен увеличиться до 500 млрд долл. (при том, что с 2000 г. он уже увеличился в 22 раза, в результате чего Китай превратился в «центрального игрока в регионе»). Оценивая результаты пекинского форума, министр иностранных дел Эквадора Рикардо Патино на закрытии третьего саммита CELAC в Коста-Рике 29 января 2015 г. заявил, что «Соединенные Штаты больше не являются нашим привилегированным партнером. Сейчас наш привилегированный партнер — Китай». И это при том, что структура двусторонней торговли стран CELAC с Китаем продолжает оставаться для первых крайне негативной (они экспортируют в Китай несколько видов сырья и полезных ископаемых, получая взамен широкую номенклатуру продукции машиностроения и технологии), а китайская продукция все больше вытесняет с местных рынков продукцию соседних стран. Например, импорт в Аргентину продукции из Бразилии упал в 2014 г. на 25 %. В области машинного оборудования падение импорта из Бразилии составило 34 %, по сравнению с ростом китайского импорта на 14 %.

Выводы

Если суммировать вышесказанное и посмотреть на ситуацию в контексте глобальной ситуации в мире, то картина получается многослойной и многоплановой. Воспользовавшись тем, что Россия и ведущие страны Запада (США и ЕС) оказались в 2014 г. вовлечены в серьезные геополитические конфликты (прежде всего, конечно, конфликт на Украине, продолжающий отвлекать практически все внимание и общества, и СМИ, и дипломатических ведомств этих стран), Китай резко активизировал свою внешнеполитическую деятельность и развернул масштабное геоэкономическое наступление на самых различных фронтах. Используя различные формы и стратегии на самых различных направлениях, он сумел достичь в этом наступлении ряда успехов. Одним из таких успехов можно считать договоренность о создании финансовой структуры стран БРИКС, достигнутую в июле 2014 г. при активном участии России. Однако для самого Китая, как представляется, большее значение имеет создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, где России, подавшей заявку на вступление в состав учредителей банка буквально на флажке (в последний день — 31 марта 2015 г.), уготована, на мой взгляд, второстепенная роль рядового участника. В отличие, напомним, от Казахстана, первым поддержавшего не только концепцию «Один пояс — один путь», но и проект создания банка. Недаром одно из первых заседаний соучредителей АБИИ прошло в Астане. АБИИ, являющийся финансовым рычагом продвижения концепции «нового Шелкового пути», уже переходит к финансированию конкретных проектов (первым будет строительство железной дороги Пекин—Багдад).

Успехи международного наступления КНР позволили некоторым китайским комментаторам уже сегодня рассуждать о том, что «доминирование США в мире, продолжавшееся более 100 лет, вступило в последний этап», и о стратегии Китая в «постамериканскую эру»³⁴. А бывшему госсекретарю США Мадлен Олбрайт заявить о том, что «США действовали неразумно в вопросе присоединения к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (англ. аббревиатура — АИВ), с инициативой об учреждении которого выступил Китай»³⁵.

Сотрудничество с РФ — лишь одно из направлений внешнеполитической активности Китая, действительно важное для него, но не принципиальное. От России в этих условиях требуются особая гибкость и искусность внешней политики, повышение ее, если говорить научным языком, фундированности, т. е. повышение качества научной экспертизы, воссоздание того экспертного института, который существовал в советское время, прежде всего на китайском направлении, привлечение экспертов к принятию внешнеполитических решений и выделение соответствующих инвестиций для этого. Сотрудничество с Китаем не должно рассматриваться через призму отношений РФ со странами ЕС и США, оно должно быть отдельным стратегическим направлением, где необходимы тщательный анализ и долгосрочный прогноз.

Действия Китая по созданию параллельной политэкономической реальности должны учитываться в российской внешней политике, в том числе в отношениях с самыми близкими партнерами. Так, например, на мой взгляд, планы по развитию ЕАЭС и Единого таможенного пространства с участием Белоруссии, Казахстана и других центральноазиатских стран нуждаются не просто в «сопряжении» с концепцией Шелкового пути, как об этом сказано в ходе визита Си Цзиньпина в Москву в начале мая 2015 г. Они нуждаются в серьезной корректировке и обсуждении с партнерами РФ с учетом новых реалий. Успешный визит китайского лидера в Россию на празднование 70-летия Победы не должен закрывать от нас тот факт, что на пути в Москву Си Цзиньпин посетил Астану, а после пребывания в Москве отправился с визитом в Минск. И оба эти визита были также в высшей степени успешными и насыщенными договоренностями об экономическом сотрудничестве в рамках концепции «нового Шелкового пути».

Что касается совместного с китайской стороной проекта по строительству высокоскоростных железных дорог в РФ, то здесь российской стороне вряд ли стоит так уж настаивать на использовании российских материалов и локализации производства. Любой, кто имеет возможность сравнить китайские поезда и дороги с многострадальным «Сапсаном», поймет, что в этой области мы, увы, отстали от китайцев безнадежно. И это, по-видимому, тот случай, когда можно «расслабиться и получить удовольствие». А заодно поучиться

у китайских партнеров и обрести опыт подобного строительства (а, возможно, и управления) на будущее. Упущенное время будет стоить дороже. И если руководство РЖД этого не понимает, ему должны объяснить те, кто вправе это сделать. Из шести планирующихся веток «нового Шелкового пути», которые свяжут Китай с конечными пунктами в Европе, лишь две предполагаются с участием России и частично пройдут по ее территории. При этом их план по-прежнему находится в стадии обсуждения, тогда как остальные ветки — уже строятся. И все это несмотря на годами продолжающиеся разговоры о том, что Россия в силу своего географического положения должна стать мостом между Европой и Азией....

Россия по-прежнему остается важным для Китая стратегическим партнером и в силу своего геостратегического положения, и в силу военной мощи, и в силу того, что многие интересы у нас с китайцами совпадают. Однако партнерство с такой страной, как сегодняшний Китай, требует от России все большей тщательности, подготовки и учета собственных интересов.

Примечания

¹ Доклад Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК (полный текст). URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8023974.html>

² Там же.

³ Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 1. С. 45.

⁴ Синьхуа, 02.02.2015.

⁵ URL: http://news.xinhuanet.com/english/2015-04/09/c_134138146.htm

⁶ Синьхуа, 8.08.2015.

⁷ Russian.news.cn. 15.04.2015.

⁸ Подробнее см.: «Однако»: альманах. Апрель — май 2015 г.

⁹ URL: <http://ria.ru/east/20150508/1063269299.html>

¹⁰ В сегодняшнем Китае, как известно, существует практика, в соответствии с которой в процессе так называемой смены поколений основные заслуги и теоретические новации уходящего лидера (занимающего посты и председателя КНР, и генерального секретаря правящей партии) добавляются в параграф Устава КПК, в котором перечислены теоретические основы ее деятельности. В нынешнем виде это звучит так: «В своей деятельности Компартия Китая руково-

дствуется марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна, теорией начального этапа социализма и концепцией реформ и открытости Дэн Сяопина, теорией трех представительств Цзян Цзэминя, а также научной концепцией развития гармоничного общества Ху Цзиньтао».

¹¹ В комментарии японского журнала «Дипломат», цитируемого китайским новостным агентством, по поводу данной инициативы говорится, что «движущая сила этой новой политики Казахстана частично исходит из необходимости избавиться от зависимости от российской экономики, особенно сейчас, когда российская экономика с трудом передвигается под гнетом западных санкций». URL: russian.china.org.cn. 02.04.2015.

¹² Там же.

¹³ Подробнее об этом см.: *Виноградов А.О.* Асимметричный ответ, или стратегия Китая в глобальном мире // *Философские науки*. 2015. Вып. № 1. С. 116—134.

¹⁴ Подробнее об этом см.: *Петров А.М.* Великий шелковый путь. М., 1995. При этом А.М. Петров на материале археологических раскопок показывает, что структура тогдашней торговли по Шелковому пути являлась в большой степени односторонней — Китай поставлял в Европу товары и отчасти технологии, а в ответ получал серебро и золото. Сегодняшняя ситуация, кстати, начинает все больше напоминать ту, которая существовала во время активного функционирования древнего Шелкового пути.

¹⁵ См., прежде всего, работы Михаила Хазина и Олега Григорьева. URL: http://worldcrisis.ru/crisis/crisis/wc_menumap_t?SUBMENU=KHAZIN.

¹⁶ URL: russian.china.org.cn. 10.04.2015.

¹⁷ Синьхуа 31.03.2015 из Пекина.

¹⁸ Синьхуа. 11.04.2015.

¹⁹ Синьхуа. 08.14.2015.

²⁰ Там же.

²¹ URL: russian.china.org.cn 15.01.2015 (подборка эксклюзивных комментариев, посвященных итогам внешнеполитического года).

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ URL: russian.china.org.cn 14.01.2015.

²⁶ Там же.

²⁷ *Чжоу Ли.* Экономическая полоса Шелкового пути — воплощение мира, развития и процветания // *Китай*. 2014. № 12. С. 36—38.

²⁸ URL: <http://inosmi.ru/fareast/20150319/226973903.html> (Оригинал публикации: 亚投行, 中国的"和"赢了美国的"斗").

²⁹ *Ван Фан.* Дипломатия: от «реагирования» до «проявления инициативы» // *Китай*. 2014. № 12. С. 32.

³⁰ Там же. С. 34.

³¹ Там же.

³² *Чжан Ин.* Мудрость «дипломатии на своем поле» // *Китай*. 2014. № 12. С. 35.

³³ Здесь и далее использована информация с сайта ПолиСМИ. *Рауль Зибечи.* Китай застолбил заявку на Латинскую Америку. 18.03.2015. URL: <http://polismi.ru/biblioteka/authors/422-Raul%20Zibechi.html>. Оригинал публикации: *China Stakes Its Claim in Latin America*.

³⁴ См.: *Ван Сянсуй.* Мировая архитектура в «постамериканскую эру» и стратегия Китая // *Чжунго вайцзяо*. 2014. № 10. С. 66—80.

³⁵ Синьхуа. 01.04.2015.

А. Ф. Клименко

ВОЗМОЖНЫЕ ШАГИ РОССИИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С КИТАЕМ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ НА ПРОСТРАНСТВЕ ШОС

Аннотация. В статье анализируется взаимосвязь наркоторговли и международного терроризма. Оценивается их влияние на безопасность и стабильность Центрально-Азиатского региона. Рассматриваются возможные шаги России в интересах обеспечения национальной и региональной безопасности во взаимодействии с ее партнерами по Шанхайской организации сотрудничества.

Ключевые слова: наркоторговля, безопасность, угроза, Центральная Азия, «Исламское государство» (ИГ), Талибан, Афганистан, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

О развитии ситуации в Афганистане в связи с сокращением контингента международных сил

Накануне саммита Шанхайской организации сотрудничества, который состоялся в столице Таджикистана Душанбе в сентябре 2014 г., прошло заседание совета министров иностранных дел стран-участниц ШОС. Одной из ключевых тем, обсуждавшейся на заседании, стала ситуация в Центральной Азии с учетом изменения обстановки в Афганистане в результате вывода из этой страны войск Международных сил содействия безопасности (ИСАФ), представленных в основном войсками США и их союзников по НАТО.

По мнению спецпредставителя президента РФ по Афганистану З. Кабулова, «талибы могут предпринять новое масштабное наступление на правительственные войска уже весной 2015 г. и даже осаждать столицу страны»¹. Можно порадоваться тому, что этого пока не произошло. Но, тем не менее, ситуация такова, что талибы постепенно расширяют зону своего влияния на ряд районов непосредственно вокруг Кабула. Теперь они контролируют не только пуштунский юго-восток страны, где у них всегда были сильные позиции, но и обстановку в провинциях вокруг столицы. Сегодня становится все более очевидным, что Вашингтону и его западным союзникам не удалось нанести сколько-нибудь серьезного военного поражения афганским талибам. Более того, последние смогли наладить тесные связи и взаимодействие с пакистанскими талибами. В связи с этим российский министр иностранных дел С. Лавров особо подчеркнул, что ситуация в Афганистане критическая и не исключено, что после вывода иностранных войск из этой страны может последовать дестабилизация всего Центрально-Азиатского региона. Здесь следует огорчиться, что в конце декабря 2014 г., после завершения вывода из Афганистана основного воинского контингента Международных сил содействия безопасности, Североатлантический альянс приступил к проведению качественно новой небоевой миссии в Афганистане под кодовым названием «Решительная поддержка» (Resolute Support). Обеспечивать ее будут 28 стран НАТО и 14 государств-партнеров. Мандат «Решительной поддержки», которая рассчитана на два года, при необходимости может быть продлен. Миссию будут выполнять порядка 12,5 тыс. инструкторов и советников, включая 10,8 тыс. американцев². Им поставлена задача оказывать афганским силовикам помощь в борьбе с терроризмом, в том числе при проведении боевых операций в случае стремительного наступления боевиков «Талибана». Официально задача небоевой миссии — обучение и повышение профессионального уровня национальных сил безопасности, но самим инструкторам и советникам запрещено лично участвовать в боевых действиях. Генсек НАТО Йенс Столтенберг пояснил, что миссия также будет участвовать в финансировании афганских сил безопасности и формировать прочную систему сотрудничества на основе взаимных интересов. Планируется, что эти силы — 350 тыс. афганских военнослужащих и полицей-

ских — будут обеспечивать безопасность на всей территории страны. Но, как полагают военные эксперты, эта группировка вряд ли будет способна успешно выполнить поставленную перед ней задачу.

Очевидно с учетом этого, президент США Б. Обама обнародовал указ, позволяющий американским войскам в Афганистане действовать и против «Аль-Каиды», и против «Талибана». Кроме того, документ санкционирует авиаудары «при определенных обстоятельствах» для поддержки операций афганских сил безопасности и их «сопровождение» американскими военнослужащими в войсковых операциях. Однако в главном вопросе и Обама, и его советники остались непреклонны: в 2015 г. численность американского контингента не должна превышать 10,8 тыс. человек, в 2016 г. — 5 тыс. военнослужащих, а после 2016 г. — не более 1 тыс. солдат³. Видимо, до конца президентского срока Обамы тенденция сокращения американского присутствия будет сохраняться. Цифры эти, разумеется, достаточно условные, поскольку не включают в себя численность персонала частных военных, работающих в Афганистане по подрядам от Пентагона и других организаций.

Наркоторговля как источник угрозы национальной и региональной безопасности

И все же остающаяся на территории Афганистана НАТОвско-американская группировка, общей численностью 12,5 тыс. человек (по другим сведениям — более 15 тыс.), размещенная в девяти укрепленных военных базах, вряд ли будет способна оказать существенное влияние на стабилизацию обстановки в стране. Однако ее потенциал может оказаться вполне достаточным для контроля за наркотрафиком и извлечения из этого «прибыли». Не случайно за период пребывания в Афганистане коалиционных сил во главе с США сформировалась глобальная и разветвленная, вплоть до Европы, сеть наркоторговли. По данным Управления по борьбе с наркотиками и международной преступностью ООН, посевы в Афганистане опиумного мака в 2014 г. превысили 290 тыс. га, что почти на 40 % больше, чем год назад, а производство опиума составило около 6 тыс. т, что на 50 % превысило предыдущий уровень. Доля Афгани-

стана в мировом производстве опиума выросла почти до 90 % в 2013 г.⁴

Подтверждение предположению о покровительстве со стороны США наркоторговли можно найти в книге американского эксперта Дж. Коулмана⁵. «Истинная причина процветания наркоторговли, — пишет он, — заключается в том, что она контролируется самыми высокопоставленными семьями в мире, которые являются частями гигантской скоординированной машины, извлекающей прибыль». Одной из наиболее мощных сил, контролирующей мировую торговлю наркотиками, Дж. Коулман считает Комитет трехсот — тайное объединение влиятельных западных политиков и финансистов и ряда членов Бильдербергского клуба. В свое время именно их заинтересованность в Косово как удобном перевалочном пункте для доставки наркотиков из Афганистана в Европу могла сыграть свою роль в истории развала Югославии. Известно, что план отделения Косово от Сербии был принят на заседании Бильдербергского клуба, состоявшемся в канадском г. Кинг-Сити в 1996 г.⁶

Специально занимавшийся этим вопросом американский журналист М. Руперт пишет в своей книге «Переходя Рубикон» («Crossing the Rubicon»): «Чтобы осознать степень участия НАТО и, как следствие, роль Бильдербергского клуба в Косово, нужно понять принципы, которым подчиняется торговля наркотиками. Количество денег, которые ежегодно приносит наркоторговля, ... около 500 млрд евро, освобожденных от уплаты налогов». В действительности «средства, вырученные от продажи наркотиков, являются неотъемлемой и очень важной частью мировой банковской и финансовой систем, поскольку обеспечивают экономику ликвидными наличными деньгами, необходимыми для огромных ежемесячных выплат по производным ценным бумагам и вливаний в инвестиционные “мыльные пузыри” в США и Великобритании»⁷.

Преступная деятельность Бильдербергского клуба и подобных ему тайных организаций западных финансистов и политиков достигла такого размаха, что стала оказывать разрушительное влияние не только на судьбы отдельных государств, но и на международный правопорядок в целом. Это понимают и в КНР. Пекинская пресса обращает внимание на утверждение министра общественной безопасности Китая о том, что «внешние силы используют социаль-

но-экономические противоречия и проблемы в соответствующих странах для свержения власти и пытаются провоцировать новые волны цветных революций, что представляет собой серьезную угрозу для суверенитета и безопасности стран региона и является общей озабоченностью государств-членов ШОС»⁸.

Что касается России, то для нее опасность представляют не столько талибы, сколько базирующиеся на афганской территории среднеазиатские террористические группировки, которые уже располагают в постсоветских странах региона разветвленным подпольем, связанным с местными наркобаронами. Они стремятся создать нелегальные сети на территории России и, как свидетельствуют оперативные данные российских спецслужб, безуспешно.

Своим достаточно благополучным существованием в Афганистане эти группировки финансово и организационно обязаны спецслужбам США, которые внедрились в них свою агентуру. И в любое время от руководства этих группировок потребуют отработать свои долги перед Америкой.

С учетом всего сказанного российская делегация на упомянутом выше саммите ШОС выдвинула идею: для укрепления безопасности стран ШОС преобразовать Региональную антитеррористическую структуру (РАТС) в Центр по борьбе с новыми вызовами и угрозами, для начала распространив ее деятельность на сферу борьбы с наркобизнесом. А в целях противодействия распространению экстремизма в странах Центральной Азии российский министр иностранных дел С. Лавров предложил странам Шанхайской организации сотрудничества подписать рамочное соглашение о взаимодействии по пограничным вопросам⁹.

Взаимосвязь наркоторговли с международным терроризмом. Их влияние на безопасность и стабильность Центральной Азии

Тема региональной безопасности в Центральной Азии и на всем пространстве ШОС нашла свое продолжение: по сообщениям СМИ, вслед за формированием единой структуры Организации по борьбе с наркотрафиком, в Душанбе было заявлено и о создании единой

структуры для борьбы с терроризмом¹⁰. По сути, речь может идти о возможности формирования общих воинских контингентов под единым командованием и совместного использования всех государственных ресурсов против общего противника. В принципе, эта идея неоднократно продвигалась Институтом Дальнего Востока РАН.

Официальным поводом для принятия решения о формировании общих воинских контингентов под единым командованием стала, как упоминалось выше, перспектива вывода войск НАТО из Афганистана на фоне усиливающегося в стране противостояния между правительственными силами и радикалами. Но проблема не ограничивается наличием такого противника, как афганские или пакистанские талибы. Как заметил президент Таджикистана Э. Рахмонов: «...тревожной становится реальность, когда группа лиц является обладателем той современной техники военного назначения и возможностями, которыми ранее обладали лишь государства. Такие изменения кардинально меняют характер проблем, с которыми нам придется сталкиваться, равно как и подходы к их решению»¹¹.

Очевидно, что речь идет об «Исламском государстве» (ИГ), представители которого уже действуют во всех странах-членах ШОС: в России, Китае, Таджикистане, Киргизии, Узбекистане и в Казахстане, а также во всех странах со статусом наблюдателей в ШОС, а это Монголия, Индия, Пакистан, Афганистан и Иран. Заинтересована в борьбе с ИГ и Турция (которой предоставлен официальный статус «партнера ШОС по диалогу»), хотя и с оговорками.

И это не случайно. По словам президента Института Ближнего Востока Е. Сатановского, «Исламское государство» — это первая террористическая структура, «контролирующая территории с многомиллионным населением и финансовые активы в миллиарды долларов. ...Судя по жесткой и по местным меркам вполне эффективной системе управления, выстроенной на захваченных территориях, эта структура вполне может со временем сформировать квазигосударство»¹².

Аналогичные планы строят и другие исламистские группировки. Источник в американской разведке сообщил о том, что новая угроза в лице некоего исламистского движения «Хорасан» может нести в себе большие риски для мира, чем даже головорезы ИГ. Одной из задач, которую ставят перед собой члены движения, — создание на

территории Центральной Азии государства Хорасан, с включением в него Казахстана и других центральноазиатских стран. Любопытно, что ИГ также ставит своей целью создание обширного исламского халифата под названием «Хорасан», как и боевики заявившего о себе нового движения. По информации западных спецслужб, существует вероятность перехода части террористов из ИГ в «Хорасан» в случае успехов американских вооруженных сил в действиях против этого псевдогосударства в Ираке. Исторически «Большой Хорасан» включал в себя территории не только современного Ирана, но также Таджикистана, Афганистана, Узбекистана и Туркменистана. Исламисты планируют восстановить его былое величие, но уже под зелеными знаменами¹³.

Но сказанное выше — это один из возможных вариантов развития событий. А пока настораживающими факторами в отношении возможного будущего «Исламского государства» является гибкость его стратегии, в которой учтены ошибки «Аль-Каиды», не позволившие ей сделать то, что удалось ИГ. Присоединение к ИГ таких джихадистских группировок, как «Ансар Бейт аль-Макдис», действующей на египетском Синае, «Исламского движения Узбекистана», ряда подразделений талибов из «Техрик-е Талибан Пакистан», структур из Магриба и Сахеля и значительного числа более мелких групп по всему миру не стоит игнорировать. Проблема в том, что приток иностранных джихадистов составляет примерно тысячу и более человек в месяц из 80 стран.

Провозглашенное «Исламское государство» уже сейчас стремится распространить объявленный им халифат на все пространство «Большого Ближнего Востока». Экстремисты, имеющие на вооружении танки и артиллерию, действуют при этом не хаотично, а на основе разработанной стратегии и в соответствии с четко поставленными целями.

По мнению политолога А. Степаняна, за ними стоят американцы, которые хотят, чтобы от Туниса шла «прозрачная исламская дуга» до Китая, куда можно будет направить вектор ИГ в целях «освобождения Уйгурской автономии» и развязывания гражданской войны в Китае. «А тюркская ветвь, по их замыслу, от Турции поворачивается на Северный Кавказ, далее в Центральную Азию и идет тоже туда — к уйгурам. Цель американской внешней политики —

это Россия, а вторая их главная цель — Китай. И все эти процессы, которые происходят на Ближнем Востоке, запущены США и направлены против России и Китая»¹⁴. По крайней мере, распространение угроз ИГ на постсоветское пространство может послужить еще одним инструментом морально-психологического и политического давления на Москву, что в условиях конфликта вокруг Украины и недавнего формирования Евразийского экономического союза для Запада явно не было бы лишним.

Возможно, кому-то эти оценки покажутся не совсем точными, поскольку именно США возглавили коалицию, которая наносит воздушные удары по позициям боевиков «Исламского государства». Но, во-первых, бомбовые удары по исламистам американцы наносят там, где им выгодно. А кроме того, авиационные налеты не способны разрушить ни отсутствующую у ИГ инфраструктуру, ни военную организацию, ни органы управления исламистов. Вот только два из довольно профессиональных мнений по этому поводу. Авиаудары коалиции во главе с США по боевикам группировки «Исламское государство» носят поверхностный характер и отличаются малым масштабом, заявил заместитель главы МИД Сирии Фейсал Мекдад. Замминистра подчеркнул, что «наиболее эффективным способом борьбы с “Исламским государством” являются наземные операции», которые проводят сами Сирия и Ирак. Он подчеркнул также, что подготовка антиправительственных сил, которую проводят США, «приводит к затягиванию конфликта и его распространению на другие страны»¹⁵.

Все это дает основание сделать вывод о том, что действия США против «Исламского государства» направлены не на ликвидацию их группировки, а на то, чтобы обозначить те направления, на которых она должна действовать. Метод «управления» руководителями ИГ отработывался, в частности, на совещании представителей военных и разведывательных ведомств Соединенных Штатов, Великобритании, Иордании, Саудовской Аравии и Катара. Оно состоялось в американском посольстве в Аммане в декабре 2014 г., где решался вопрос о необходимости корректировки уже самого «Исламского государства», которое вышло за рамки поставленных перед ним задач. Именно на этом совещании впервые и встал вопрос о «наземной операции» в ее истинном значении — физической ликвидации тех в

руководстве «халифата», кто вышел из-под контроля и не желает больше общаться со своими бывшими кураторами и спонсорами. С остальными организаторы «антитеррористической коалиции» будут договариваться, ставя перед ними новые задачи и, соответственно, предлагая новые условия оплаты их услуг «лицензиями» на освоение новых территорий для «джихада» и извлечения прибылей, с этим занятием связанных¹⁶.

Не исключено, что в качестве одной из таких территорий будет Центрально-Азиатский регион. И тому есть объяснение. Афганские и пакистанские талибы уже наладили связи с руководством созданного на территориях Сирии и Ирака «Исламского государства» и готовы оказать ему поддержку, что было продемонстрировано видеообращениями их лидеров, размещенными в Интернете, в которых они открыто призывают население стран Центрально-Азиатского региона с оружием в руках сражаться на их стороне и стороне ИГ.

Угроза распространения влияния ИГ в Центральной Азии с сопутствующим укреплением позиций радикального исламизма в регионе объясняется наличием восприимчивой к этой идее социальной базы, способной возрасти в численности в случае активизации сторонников ИГ по их возвращению на родину. Установлено, что в рядах афганских и пакистанских талибов и боевиков в Сирии и Ираке воюет около 4 тыс. выходцев из центральноазиатских стран, а на территории Северного Вазиристана (Пакистан) созданы «Исламское движение Восточного Туркестана» и «Исламское движение Узбекистана». Они прошли военную подготовку и обросли международными связями.

Поэтому среди экспертов и политологов все активнее обсуждается тема возможного повторения событий «арабской весны» уже в странах Центральной Азии. В этих государствах имеются многие общие со странами — жертвами «арабской весны» черты: авторитарные, не стремящиеся к проведению назревших реформ правящие режимы; клановость, семейственность власти; высокий уровень коррупции; слабое гражданское общество; отсутствие инструментов мирного перехода власти к другим партиям или элитам; демографический рост на фоне сохраняющейся нищеты и безработицы широких народных масс; популярность идей радикального ислама и т. п.

В той или иной мере все эти явления отмечаются в Киргизии, Таджикистане, Узбекистане, Казахстане и в Туркменистане.

Очевидно, с учетом этого эксперты отмечают, что при организации экспансии радикалов из Афганистана в первую очередь их целью будут Киргизия, Таджикистан и Узбекистан. Не исключены проблемы в Казахстане и Туркменистане (в последнем из названных государств летом минувшего года уже состоялась проба сил исламских радикалов со стороны Афганистана). А в качестве наиболее вероятных плацдармов для организации баз вооруженной исламистской оппозиции можно рассматривать Ферганскую долину Узбекистана и территорию Киргизии¹⁷. При этом, скорее всего, Киргизия может играть роль главного плацдарма и штаба по организации «центральноазиатской весны». Это логично вследствие ее геополитического положения, позволяющего концентрировать на территории страны боевиков для действий по всем ключевым направлениям, включая Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) Китая. Уйгурский фактор, существенный на востоке региона, нельзя сбрасывать со счетов. В связи с этим целесообразно тесное взаимодействие местных центральноазиатских спецслужб с Министерством общественной безопасности КНР, организация совместной работы по уйгурским исламистам в СУАР для определения степени их контактов с местными единомышленниками.

Конечно, в настоящий момент дестабилизация внутривосточной ситуации в центральноазиатских странах и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая даже на фоне растущей активности боевиков «Исламского государства» невысока. Но тем не менее, потенциальная опасность этого сохраняется. Какие же условия могут способствовать ее реализации? Скорее всего, эта опасность будет оставаться на таком уровне до тех пор, пока будет продолжаться миграция радикалов из названных стран к боевикам ИГ в Ирак и Сирию. Но если «Исламское государство» будет разгромлено или, наоборот, стабилизируется, можно ожидать что этот поток радикалов развернется в обратном направлении. Вот тогда потенциальная опасность региональной стабильности на пространстве ШОС трансформируется в непосредственную угрозу для государств-участников этой Организации. Реальность такой возможности подтвердил генеральный секретарь ОДКБ Николай Бордюжа: «...в настоящее время

существует угроза со стороны прежде всего Афганистана странам Центрально-Азиатского региона. В Афганистане увеличивается число экстремистских вооруженных групп и не исключается их проникновения на территории центральноазиатских государств. Кроме того, существует опасность, что те, кто сегодня участвует в боевых действиях на стороне экстремистских и террористических групп за рубежом, могут вернуться на родину с оружием в руках для решения своих политических задач»¹⁸.

Возможные шаги России в интересах обеспечения национальной и региональной безопасности

Рост религиозного экстремизма в Центральной Азии — чрезвычайно опасная тенденция для России. Она усугубляется такими факторами, как сложная ситуация в Таджикистане, нестабильная Киргизия, провокации исламистов на границах с Туркменистаном, который также может стать направлением первого удара. Маловероятно, что у него хватит сил отбиться самостоятельно.

России необходимо четко осознать, что в этой реальности может представлять угрозу, а что сработает на ее национальные интересы. Сложность и опасность обстановки на центральноазиатском направлении обусловлены не только проникновением в регион боевиков «Исламского государства».

Как упоминалось выше, США и НАТО не собираются уходить из Афганистана, сохраняя там свои базы. С военной точки зрения, 10 или 12 тыс. солдат, которые остаются, в течение короткого промежутка времени могут быть развернуты в крупную группировку. Это часть общего плана окружения и давления на Россию, который осуществляется руками США с целью раскола нашей страны.

По мнению ряда экспертов, для России другую проблему в плане экспансии на ее территорию исламистов на современном этапе представляют рост числа общин, контролируемых ими, как это происходит в Дагестане и Поволжье, вытеснение их религиозными лидерами традиционных имамов и захват мечетей в городах со значительной прослойкой населения, исповедующего ислам. Это формирует базу не только для их проникновения в местные органы

власти, включая силовые структуры, но и для давления на центральную власть — как «с мест», так и напрямую. Последствия игнорирования этой реальности могут привести к печальным результатам. Массовые коллективные уличные молебны (до 140 тыс. участников в одной только Москве), организуемые на протяжении последних лет открыто и демонстративно, — это не столько религиозные акты, сколько репетиции, на которых отрабатываются мобилизационные технологии. В случае необходимости они по команде организаторов могут быть в короткие сроки переведены в конфликтный формат¹⁹.

Волнения такого рода, когда они начинаются и перерастают в очередную «цветную революцию», подавляются только ценой больших жертв и колоссальных репутационных и экономических издержек. В случае же, если массовые волнения власть не способна взять под контроль, они приводят к смене режима, как это было в Тунисе, Египте или на Украине.

Существенно осложняет ситуацию наличие второго гражданства у радикалов — выходцев из республик бывшего СССР, в том числе стран Центральной Азии, которые на протяжении длительного времени рассматривались отечественными правоохранительными органами с точки зрения террористической угрозы в последнюю очередь. Но судя по «делу дорожных убийц» Подмоскovie, эта точка зрения была ошибочной. С учетом нарастания напряженности на афгано-туркменской, афгано-узбекской и афгано-таджикской границе (не говоря уже о Киргизии, находящейся в состоянии постоянной внутренней нестабильности) и присутствия в России миллионов выходцев из Центральной Азии на постоянной основе возможность формирования на их базе широкой разведывательно-диверсионной сети более чем реальна.

С учетом сказанного выше, при всех непростых отношениях между государствами, в том или ином виде имеющими отношение к Шанхайской организации сотрудничества, на передний план выходит их готовность действовать единым фронтом против общей угрозы. Это означает и их готовность договариваться друг с другом ради общего процветания: приоритетными проектами для ШОС являются не только стратегические программы экономического развития, но и развитие взаимодействия в сфере безопасности. Таким обра-

зом, речь идет об объединении в рамках не только экономического, но и более тесного военно-политического сотрудничества.

Как известно, лучше всего любую угрозу государству встречать и нейтрализовать на дальних подступах к границам, а не на своей территории. Представляется, что для России, председательствующей в ШОС, задача по укреплению такого сотрудничества становится одной из приоритетных. Положить начало ее реализации можно было бы уже при формировании Стратегии развития Шанхайской организации сотрудничества.

В принципе эта работа уже ведется. Министр иностранных дел РФ С. Лавров в статье, опубликованной в «Российской газете», отметил: «Согласованные подходы к поиску ответов на общие вызовы найдут свое отражение в Стратегии развития ШОС до 2025 г., которую планируется подготовить к заседанию Совета глав государств в Уфе в 2015 г. Документ призван придать дополнительный импульс как взаимодействию в рамках ШОС, так и расширению ее сотрудничества с ведущими многосторонними структурами, прежде всего ООН и ее специализированными учреждениями. Предусматривается также установление связей с Евразийским экономическим союзом»²⁰.

При этом, по словам Лаврова, неизменным приоритетом ШОС останется обеспечение региональной безопасности, в частности — наращивание возможностей совместной борьбы с терроризмом, экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков, особенно на фоне ситуации в Афганистане.

Но все сказанное — все же пока только декларации. Продолжаются заверения как с российской, так и с китайской стороны в том, что ШОС это не военный союз, что это организация нового типа. О том, что ШОС не может стать военным союзом в интервью корреспонденту Синьхуа заявлял главный руководитель совместных антитеррористических учений стран-участниц ШОС «Мирная миссия-2014», заместитель начальника Генерального штаба Народно-освободительной армии Китая Ван Нин. В то же время Ван Нин, противореча себе самому, отметил, что среди целей сотрудничества стран-участниц ШОС — усиление добрососедских отношений, взаимного доверия и обеспечение региональной безопасности.

События последнего времени свидетельствуют, что террористы не всегда будут действовать только мелкими группами. Они могут

захватывать целые страны, как это было в Афганистане и Косово, как это происходит сегодня на Ближнем Востоке при содействии извне (да и вооруженный переворот на Украине, в результате которого во власть пришли неонацисты — тоже пример из этого ряда). Так называемым «Исламским государством» создана армия численностью от 30 до 50 тыс. человек с наличием большого количества бронетанковой техники, артиллерии и даже авиации. В подобных случаях при проведении антитеррористических операций потребуются организованные действия регулярных войск. Поэтому не будем снижать с повестки дня Шанхайской организации сотрудничества задачи по борьбе с угрозами такого масштаба. Они действительно актуальны для всех участников. И Организация должна быть способна им противостоять.

Поэтому в еще большей степени актуализируются записанные в Хартии ШОС пункты, определяющие цели и задачи Организации, посвященные, в той или иной мере, обеспечению безопасности и стабильности и совместному противодействию широкому спектру региональных угроз.

Среди них:

1. Укрепление между государствами-членами взаимного доверия, дружбы и добрососедства.
2. Развитие многопрофильного сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе, содействия построению нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка.
3. Совместное противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех их проявлениях, борьба с незаконным оборотом наркотиков и оружия, другими видами транснациональной преступной деятельности, а также незаконной миграцией.
4. Взаимодействие в предотвращении международных конфликтов и их мирном урегулировании.
5. Совместный поиск решений проблем, которые возникнут в XXI веке.

Нам нужно вести дело к тому, чтобы эти положения в части, касающейся сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе, не оставались пустыми дек-

ларациями. А, если без апологетики, как считает А. Князев, эксперт по Центральной Азии и Среднему Востоку, то очевидно, что ШОС слишком долго «переживает изрядно затянувшийся период поиска собственной идентичности. Хотя можно это назвать и эволюцией институциональных основ, если быть оптимистом. В любом случае уже имеющийся потенциал Организации позволяет считать ее, пусть пока и рыхлым, неустойчивым, но все-таки фундаментом регулирования процессов в сфере безопасности в огромном пространстве»²¹. К сожалению, пока только потенциал, который необходимо реализовывать, и чем быстрее, тем лучше. Конкретные меры в этом направлении были сформулированы и неоднократно предлагались на проводимых в Институте Дальнего Востока РАН конференциях и «круглых столах»²².

Для нас интерес представляет тот факт, что пространство ШОС совпадает с географией известной «дуги нестабильности», когда-то обозначенной Збигневом Бжезинским. Образно говоря, ШОС — это ответ на хаотизацию евразийского пространства, которая осуществляется США и их союзниками. У Бжезинского «дуга» простирается от Балкан до Кашмира. В огромный участок этой дуги уже превращена Украина, на очереди — Исламская Республика Иран, главная региональная держава Среднего Востока, имеющая пока статус наблюдателя при ШОС и являющаяся одним из ведущих кандидатов в ее постоянные члены. Вспомним, что Иран значится в списке врагов США под номером 3 — после России и Китая. Важный поставщик энергоносителей в регионе, способный и готовый защищать свои национальные интересы. Тем более важна задача не допустить дестабилизации этого государства, в том числе и возможностями ШОС. Иначе придется просто наблюдать, как замкнется «дуга Бжезинского», превращаясь в зону сплошной нестабильности и конфликтов, включая пространство ШОС.

Хотя ШОС явно не собирается быть аналогом ЕС или НАТО, причина усиления этой Организации за счет образования в ее структуре элементов, непосредственно отвечающих за обеспечение безопасности ее участников, очевидна: при всех своих противоречиях страны-участницы этой организации должны быть готовы защищаться от посягательств на их безопасность и региональную стабильность. И Россия как председательствующая в ШОС страна в

этот сложный период может и должна оказаться инициатором повышения дееспособности Организации в сфере обеспечения безопасности своих участников.

Примечания

- ¹ Независимое военное обозрение. 23.01.2015.
- ² По уточненным данным МО США, — около 15 тыс.
- ³ URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1883888.html>
- ⁴ URL: www.avesta.tj
- ⁵ Коулман Дж. Иерархии заговорщиков: Комитет трёхсот. М., 2011. С. 320.
- ⁶ Томсинов В.А. Украинский кризис и тайны современной геополитики. М.: Вече, 2015. С. 229.
- ⁷ Цит. по: Томсинов В.А. Указ. соч. С. 230.
- ⁸ URL: www.avesta.tj.
- ⁹ Независимая газета. 03.08.2014.
- ¹⁰ URL: rusvesna.su. 13.09.2014.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Военно-промышленный курьер. 11-17.02.2015.
- ¹³ Деловой еженедельник «КУРСИВЪ». 24.09.2014.
- ¹⁴ Красная звезда. 17.10.2014.
- ¹⁵ URL: <http://ru.journal-neo.org/2015/03/19/rus-vesomy-j-vklad-ssha-v-blizhn-evostochny-j-krizis/>.
- ¹⁶ Столетие. 17.02.2015.
- ¹⁷ URL: vpk-news.ru.
- ¹⁸ Красная звезда. 13.03.2015.
- ¹⁹ Военно-промышленный курьер. 2014. № 46 (564).
- ²⁰ Российская газета. 10.09.2014.
- ²¹ Независимая газета. 15.09.2014.
- ²² См., напр.: Клименко А.Ф. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества: проблема обороны и безопасности. М., 2009. С. 348.

Л.Е. Васильев

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация. Статья посвящена оценке политической ситуации в Центральной Азии. Особое внимание в статье уделено основным направлениям политики, которую проводит Китай во взаимоотношениях с государствами Центрально-Азиатского региона.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, геополитика, внешнеполитическая стратегия КНР, Шанхайская организация сотрудничества, Экономический пояс Шелкового пути.

1. Геополитическая ситуация в Центральной Азии

Центрально-Азиатский регион (ЦАР) занимает важное геостратегическое положение. Его географическая расположенность обеспечивает кратчайшую связь Кавказа и Среднего Востока со странами Восточной Азии, юга и севера континента. Вследствие этого с территории ЦАР удобно контролировать как транзитные пути, так и глубинные тыловые районы крупнейших государств Азии — Китая, Индии и России.

В последние десятилетия ЦАР постепенно перемещается с периферии региональной политики и становится одним из перспективных центров мировой политики и экономики в силу имеющегося геополитического потенциала государств региона в условиях формирования новых параметров геополитического влияния. Его значе-

ние существенно возросло как в геоэкономическом (наличие залежей нефти и газа, запасов урана, золота, других цветных металлов и редкоземельных элементов), так и в геостратегическом плане (удобство прокладки международных коммуникаций влечет в регион мировые державы, и в первую очередь Китай).

На данном этапе ни одно государство ЦАР по своему геополитическому потенциалу не смогло стать «центром силы» и не может в полной мере повлиять на геополитические процессы в регионе. Поэтому на политическую трансформацию государств Центральной Азии и формирование их систем безопасности помимо внутренних факторов огромное влияние оказывают и внешние обстоятельства. В регион пришли и, скорее всего, останутся здесь навсегда такие мировые лидеры современности, как Китай и США.

Вместе с тем следует отметить, что на развитие политической ситуации в регионе оказывает существенное влияние то, что новые суверенные государства ЦАР длительное время входили сначала в состав Российской империи, а затем — Советского Союза.

С одной стороны, это позволило феодальным государствам, расположенным в Центральной Азии, совершить качественный скачок в экономическом и политическом развитии. Но с другой — такие эволюционные скачки имели и негативные последствия. Так, например, отсутствие квалифицированных кадров на местах заставило советское правительство осуществить широкую миграцию населения из европейской части страны в азиатские республики, что вызвало определенную «русификацию» их государственной и общественной жизни. Кроме того, отсутствие на территории региона практически всех основных отраслей современной промышленности при кадровом дефиците стало основной причиной придания сырьевой направленности создаваемой там экономики. И, наконец, централизованная власть в условиях единого государства существенно замедляла развитие местного самоуправления, что, в свою очередь, снижало уровень и качество местных властных структур. Результатом такого положения явилось то, что после декларации государственного суверенитета центральноазиатские государства были вынуждены создавать новые властные структуры, армию, полицию и т. п. в условиях дефицита времени и средств, что негативно сказывалось на эффективности этих структур. Кроме того, местная элита некото-

рых стран ЦАР в своем стремлении защитить национальный суверенитет от возможных угроз со стороны России приняла решение о вытеснении некоренных национальностей, в основном славянских, за пределы своих территорий. Так был нанесен дополнительный удар по социально-экономическому положению в молодых государствах и обстановке в них.

Кроме того, в условиях национального становления обострились межгосударственные отношения. К проблемам, возникшим в регионе, следует отнести:

- территориальные разногласия;
- незавершенность процессов демилитаризации границ;
- проблемы поставок энергетических и сырьевых ресурсов;
- распределение трансграничных водных ресурсов;
- наличие анклавов и мест компактного проживания некоренных национальностей;
- трансграничная торговля и освоение сопредельных территорий;
- нерегулируемая миграция населения;
- транзитная перевозка грузов через территории соседних государств;
- разнонаправленность ориентиров государств региона во внешнеполитической и внутривосточных сферах.

Исходя из складывающейся обстановки, центральноазиатские государства выбрали многовекторность своей внешней политики, во многом вследствие неподготовленности России после распада СССР к выработке адекватной политики развития сотрудничества с новыми центральноазиатскими государствами.

Политика стран Запада в отношении региона была всегда направлена на обеспечение их национальных интересов. Необходимо отметить, что защита традиционных западных ценностей — демократии и прав человека — уже не являются в Центральной Азии приоритетными для Запада. Однако многие проходящие в ЦАР процессы рассматриваются западными политиками с собственной точки зрения, что ведет иногда к искажению действительности и формированию ложных стереотипов. При этом следует учитывать, что этнокультурная характеристика, исторический путь развития, современное положение народов Центральной Азии нельзя назвать благо-

приятными условиями для построения демократического государства по западному образцу. Наоборот, навязывание западных стандартов жизни и государственного устройства приведет к обострению и хаотизации обстановки в центральноазиатских государствах.

Анализируя политику основных мировых акторов в ЦАР, можно сделать вывод о том, что основными узлами противоречий в международных отношениях, способными оказать существенное влияние на ситуацию в регионе в настоящее время, могут стать:

- стремление конкретных стран обеспечить лидирующие позиции в регионе с целью установления эффективного контроля над возможными путями развития возникшей политической ситуации;
- борьба за право обладания ресурсами региона, а также за контроль над стратегическими межрегиональными коммуникациями;
- соперничество в поставках оружия и военной техники, а также в материально-техническом обеспечении вооруженных сил центральноазиатских государств;
- конкуренция за оказание влияния на лидеров государств ЦАР;
- стремление обеспечить контроль над стратегическими отраслями промышленности государств региона;
- соперничество на культурно-образовательном пространстве с попытками овладеть умами местной молодежи.

Кроме того, если оценивать современную политику самих центральноазиатских государств, то к возможным негативным факторам ухудшения геополитической ситуации в регионе следует отнести следующие.

1. Разнонаправленность взглядов руководства центральноазиатских государств в определении стратегических приоритетов развития, что существенно затрудняет процессы региональной интеграции.
2. Соперничество в решении общих вопросов региона с целью получения для своей страны максимальных дивидендов, что приводит к установлению барьеров в торговле, в пересечении границ друг друга, а также вызывает межнациональную напряженность, недоверие и конфликты.
3. Различный уровень экономического развития государств региона, что снижает эффективность решения общих для ЦАР задач.

4. Соседство нестабильных Афганистана и Пакистана, сохраняющаяся угроза проникновения в регион значительных групп исламских экстремистов, а также наличие сепаратистских и экстремистских движений на территориях самих центральноазиатских государств.

В настоящее время нельзя исключать возможность превращения Центральной Азии в одну из мировых «горячих точек» в случае обострения соперничества мировых держав в регионе со всеми вытекающими отсюда последствиями. Более того, ЦАР можно назвать узлом противоречий, зоной высокой конфликтогенности, где остро переплетаются различные проблемы: от использования природных и людских ресурсов, до этнических и межгосударственных противоречий, причем обострение одной из проблем способно вызвать углубление других. Специфика географического положения региона, с одной стороны, делает его выгодным объектом нападения исламских экстремистов с южного и юго-западного направлений, а с другой стороны, ЦАР — это буфер для защиты таких стран, как Россия и Китай, от этих же экстремистов.

Кроме того, практически во всех государствах региона имеются значительные группы населения, пропагандирующие идеи сепаратизма, исламского экстремизма и использующие для достижения своих целей методы и способы террористической борьбы. Сейчас наблюдается продвижение военизированных исламистских группировок к северным и северо-западным районам Афганистана, а также налаживается взаимодействие и продолжается объединение потенциалов «Талибана» и «Исламского движения Узбекистана» с боевиками «Исламского государства (Ирака и Леванта)» (ИГИЛ), в составе которых воюет немало выходцев из стран Центральной Азии, в первую очередь, Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана.

Поэтому, помимо внешнеполитических факторов, отрицательно влияющих на стабильность в регионе, необходимо учитывать и внутренние факторы, действующие в ЦАР, к которым относятся:

- определенная напряженность в двусторонних межгосударственных отношениях центральноазиатских государств;
- латентный конфликтный потенциал Ферганской долины;
- высокие риски и вызовы, вызванные снижением социально-экономического развития государств региона в условиях мирового финансового кризиса;

- сращивание государственных органов с криминальными структурами, покровительство должностных лиц незаконному обороту капитала, коррупции, способствующих снижению степени защищенности экономических и политических прав и свобод человека и гражданина;
- деятельность, направленная на насильственное изменение конституционного строя, в том числе действия, посягающие на политическое устройство, целостность, неприкосновенность территории государства;
- политический экстремизм в любой его форме, разжигание социальной, расовой, этнической, национальной, сословной и родовой вражды или розни.

При этом необходимо отметить, что государства Центральной Азии могут устойчиво развиваться и интегрироваться только при условии региональной стабильности и геополитического равновесия. Перед центральноазиатскими государствами встали вызовы, связанные с разделением границ, споры об использовании водно-земельных ресурсов, социально-экономические проблемы внутреннего характера и представляющие реальную угрозу такие явления современности, как национализм, сепаратизм, политический и религиозный экстремизм, миграция, незаконный оборот оружия и наркотиков, межэтнические конфликты. В ЦАР можно наблюдать частичное возвращение народов региона к потерянному основанию своей цивилизационной культуры. Кроме того, необходимо учитывать активное включение центральноазиатских государств в процесс глобализации, когда столкновение интересов и внешних, и внутренних политических сил угрожает безопасности не только региона, но Европы и Азии в целом, а происходящие изменения в балансе политических сил могут оказывать влияние на формирование современной евразийской модели международных отношений.

2. Политика Китая в Центральной Азии

Центральная Азия стала первым регионом после Юго-Восточной Азии, в котором Пекин обозначил цель: закрепление и наращивание своего политического и экономического присутствия. Имен-

но здесь Китай добился своего признания в качестве регионального актора¹. Хотя, по заявлениям китайского руководства, основными стратегическими направлениями внешней политики КНР являются южное (Тайвань) и восточное (США и Япония), Центральная Азия, находящаяся на северо-западе, рассматривается в качестве своеобразного тыла Поднебесной, а также представляет интерес как территория, по которой должен пройти «Экономический пояс Шелкового пути», являющийся экономической основой возрождения Великого Китая. Другими словами, в Пекине исходят из того, что Центральная Азия играет стратегически важную роль как в обеспечении национальной безопасности современного Китая, так и в его становлении в качестве великой мировой державы. Наряду с Россией этот регион играет роль своего рода глубокого тыла, беспроигрышной опоры перед лицом все более тревожащей Пекин переориентации военных акцентов США на тихоокеанский бассейн, где нарастает конкуренция двух центров тяготения — США и КНР.

Важность Центрально-Азиатского региона для Китая определяются следующими факторами.

1. ЦАР имеет и, скорее всего, будет иметь на длительную перспективу существенное значение с точки зрения обеспечения внешней и внутренней безопасности Китая. Слабость центральноазиатских государств, активная деятельность на их территории сепаратистских и исламских экстремистских организаций, их общая граница с Афганистаном и, наконец, наличие сепаратистских настроений в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) на Северо-Востоке КНР еще длительное время будет вынуждать пекинское руководство уделять серьезное внимание сотрудничеству с государствами региона в сфере безопасности.

2. Энергетическая составляющая в отношениях с государствами Центральной Азии в условиях быстро растущей китайской экономики также крайне важна для современного Китая. Это обусловлено близостью региона к территории КНР, и, следовательно, существенным снижением затрат на транспортировку энергоносителей. Причем, по мере истощения запасов нефти и газа на территории самого Китая значение данного фактора будет возрастать.

3. Учитывая тот факт, что основной вектор развития Китая на долгосрочную перспективу направлен на превращение его в гло-

бальную мировую державу XXI века, геополитическая составляющая его внешнеполитической деятельности, обеспечивающая достижение поставленной цели, должна быть представлена во всех регионах мира, где действуют основные мировые акторы — США, Евросоюз, Япония, Россия, Индия и другие. ЦАР — именно такой регион.

4. В ситуации, когда военное присутствие США и НАТО в Центральной Азии и Афганистане приняло долгосрочный характер, Китай должен учитывать, что в случае обострения обстановки в других близлежащих регионах мира, таких, как Тайвань, Юго-Восточная Азия, Тибет и т. п., ЦАР может стать плацдармом для нанесения ударов по его территории. Поэтому пекинское руководство вынуждено постоянно держать ситуацию под контролем и прилагать все усилия для недопущения военной экспансии США и НАТО в ЦАР.

Процесс проникновения и укрепления позиций Китая в Центральной Азии в последнем десятилетии прошлого века был обусловлен следующим:

- обретением суверенитета и государственности бывшими среднеазиатскими республиками Советского Союза;
- особенностями внешнеполитической деятельности России в этот период, когда ее основной вектор был направлен на выстраивание отношений с Западом, а политика в отношении Центральной Азии, практически, была пущена на самотек;
- опасением молодых центральноазиатских государств по поводу возможности проявления имперских амбиций России, что вызывает их стремление использовать Китай в качестве противовеса ей;
- географической близостью и исторической связью региона с Китаем еще со времен Великого шелкового пути, а также наличием культурных, родовых и семейных связей национальных меньшинств, проживающих в северо-западных районах КНР и на территориях центральноазиатских государств;
- эффективным решением пограничных проблем между Китаем и государствами региона, а также их тесными контактами по обеспечению безопасности в пограничных районах;
- растущей экономической мощью КНР и возможностью получения центральноазиатскими государствами китайской фи-

нансовой и другой помощи для развития собственных экономик;

- общей целью России и Китая — не допустить доминирования США в Центрально-Азиатском регионе².

В настоящее время Китай с достаточной степенью легитимности утвердился в ЦАР, наладил довольно успешные политические и экономические связи с государствами региона как в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), так и вне ее. При этом Пекин постоянно подчеркивает, что признает «особые интересы» России в этом регионе, не стремится к господству в нем и не пытается вмешиваться во внутренние дела соседей. Значение ШОС для Китая обусловлено следующим:

- необходимостью обеспечения безопасности и стабильности в Центральной Азии после вывода из Афганистана войск коалиции;
- недопущением уменьшения значимости Китая в этой Организации в случае приема в нее новых членов, таких, как, например, Индия, Турция и др.;
- активным лоббированием в рамках Организации экономических интересов Китая;
- планомерным созданием в соответствии с принятой программой зоны свободной торговли в ШОС к 2020 г.

Другими словами, если учитывать, что в современных реалиях Россия является основным гарантом безопасности в ЦАР, то Китай хочет стать таким же гарантом его экономического развития. При этом, российское расширение военной инфраструктуры в регионе (прежде всего, в Таджикистане и Кыргызстане), которое наблюдается в настоящее время, не является предметом озабоченности для Пекина, поскольку, во-первых, обеспечивает региональную безопасность; во-вторых, служит сдерживающим фактором усиления влияния США; в третьих, снимает обвинения в геополитических устремлениях Пекина в глазах центральноазиатских лидеров и повышает привлекательность Китая в качестве ключевого инвестора в инфраструктурные и другие экономические проекты в Центральной Азии.

В сентябре 2013 г. китайским руководством была озвучена новая программа радикальной активизации всей внешнеэкономической

деятельности КНР в Евразии под названием «Экономический пояс Шелкового пути». В китайской экспертной трактовке этот проект является попыткой соединить Центральную, Восточную, Южную и Западную Азию различными способами экономического сотрудничества³. При этом, в соответствии с проектом, Китай предполагает вести свою экономическую экспансию в регионе по следующим направлениям:

- продвижение региональной экономической интеграции;
- ускорение строительства единой транспортной сети, которая включала бы в себя сквозную транспортную магистраль от Тихого океана до Балтийского моря и трасс, соединяющих Восточную, Западную и Южную Азию;
- увеличение объемов торгового и инвестиционного сотрудничества;
- снижение и ликвидация торговых барьеров, сокращение издержек, упрощение бюрократических процедур;
- увеличение доли расчетов в национальных валютах;
- расширение «народных связей», с целью «подкрепить региональное сотрудничество прочной социальной и общественной базой»⁴.

Решение закреплять свое присутствие в Центрально-Азиатском регионе — это не тактическое маневрирование Пекина. Оно однозначно носит долгосрочный самодовлеющий характер. Многочисленные факты показывают, что Китай умело пользуется тем, что центральноазиатские страны все больше стремятся разнообразить географию сотрудничества. Причем они сами нередко инициируют конкурентные ситуации в целях извлечения всевозможных выгод. Китай не преминул грамотно и расчетливо воспользоваться этим. Он буквально ворвался в государства Центральной Азии, предлагая свои и подхватывая местные проекты.

При этом нельзя игнорировать два момента в отношениях Китая и центральноазиатских государств. Во-первых, деятельность Китая в целом способствует социально-экономическому развитию центральноазиатских стран, повышению занятости населения и его образовательного уровня, исподволь содействует «стягиванию» региона, все еще разьедаемого центробежными тенденциями. Во-вторых, Китай при всем его благорасположении — отнюдь не альтруист,

хотя и прибегает к адресной безвозмездной помощи. Крупные инвестиционные и кредитные средства, как правило, имеют условием приобретение китайского оборудования и техники, т. е. работают на поддержание сравнительно высоких темпов роста китайской экономики.

При этом, с одной стороны, Китай провозглашает уважение суверенитета и территориальной целостности государств, недопущение гегемонизма, признание разнообразия мира, но с другой — решительно и жестко отстаивает свои национальные интересы, создает прецеденты спорных территорий с соседними странами и добивается их урегулирования в свою пользу, активно проводит экономическую и миграционную экспансию в разных частях мира.

Тем не менее, позитивная направленность китайской политики партнерства нашла благоприятный отклик в политических элитах центральноазиатских стран. Основные элементы китайской модели сделались для них притягательными и до некоторой степени стали ориентирами. К ним следует отнести:

Во-первых, выборочное и дозируемое во времени использование рыночных рычагов в экономической сфере, широкое включение страны в мировое разделение труда и осмотнительное заимствование иностранного опыта, формирование привлекательных условий для перевода на себя потоков зарубежных инвестиций.

Во-вторых, сохранение командных высот в руках государства, в том числе преэминентность механизма долгосрочного планирования.

В-третьих, определяемая двумя вышеназванными моментами и обслуживающая их внешнеполитическая парадигма. Ее исходным пунктом служит идеология практицизма и рациональности, а основные черты:

- невмешательство во внутренние дела;
- уважение выбора народом социального строя и методов развития;
- равенство и взаимная выгода;
- решение проблемных ситуаций политическими средствами;
- поощрение добрососедства⁵.

Современные реалии говорят о том, что Китай строит свою политику в регионе исходя из холодного экономического расчета:

принцип «мягкой силы» является его важнейшим дипломатическим принципом. С Казахстаном, Узбекистаном и Туркменистаном Китай проявляет заинтересованность в сотрудничестве, в основном в нефтегазовой сфере, а с Киргизией и Таджикистаном — в водно-энергетической и транспортно-коммуникационной. Однако экономическая мощь КНР и людские ресурсы могут сыграть определяющую роль в ее доминировании в Центральной Азии в будущем. Китай превратился в главного инвестора в регионе: за 2001—2011 гг. объем китайских инвестиций увеличился более чем в 20 раз, составив более 20 млрд долл. За 20 лет товарооборот между Китаем и государствами региона вырос практически в 100 раз⁶.

В основе китайской внешней политики в любом регионе мира, включая ЦАР, по-прежнему лежит задача обеспечения благоприятных внешних условий для дальнейшего развития Китая и его превращения в мощную мировую державу. При этом следует отметить, что политика Пекина в Центральной Азии стала более активной и наступательной. В какой-то степени это связано и с процессом обновления правящей элиты Китая, приходом к власти политиков — более амбициозных, прагматичных и жестких в отстаивании национальных интересов своей страны. Китай стал действовать на центральноазиатском направлении инициативно, грамотно используя при этом весь набор экономических, политических, военных и других инструментов как в рамках ШОС, так и в двусторонних форматах.

Ранее Пекин был склонен рассматривать регион как сырьевой придаток китайской экономики. Однако с началом реализации проекта «Экономический пояс Шелкового пути» экономическое присутствие КНР в ЦАР, скорее всего, будет идти за счет наращивания проектно-инвестиционной активности, в первую очередь в сырьевых секторах, в развитии транспортных и трубопроводных проектов, увеличении поставок готовой продукции, а также соответствующем финансовом сопровождении этих усилий. По мнению некоторых российских экспертов, китайский проект возрождения Великого шелкового пути представляет собой попытку усилить торговлю, а за ней продвижение китайского влияния в регионе по всем другим направлениям. Не случайно все китайские инвестиции в Центральной Азии, в отличие от российских вложений, реализуются китайскими

фирмами и с использованием китайской рабочей силы. Тем самым увеличивается количество китайцев в Центральной Азии, что с неизменностью ведет к усилению его влияния в регионе⁷.

Присутствие и влияние Китая в странах Центральной Азии — Казахстане, Кыргызстане, Туркменистане и Узбекистане — стремительно растет. Западная стратегия в плане формирования «Нового экономического пояса Шелкового пути», подчеркивает важность Центральной Азии для развития экономики Китая. КНР инвестирует миллиарды долларов в энергетический сектор этих стран, в том числе по контрактам с Казахстаном — 30 млрд; в рамках 31 договора с Узбекистаном — 15 млрд, инвестиции по соглашению о транспортировке природного газа с Туркменистаном достигли 16 млрд долл. Кроме того, Китай предоставил кредиты и помощь на сумму 8 млрд долл. Туркменистану и намерен выделить не менее 1 млрд Таджикистану⁸.

В 2014 г. в отдельных областях отношений между Китаем и странами Центральной Азии был совершен новый прорыв и наметились новые «примечательные моменты» в политической, экономической, культурной областях, а также в сфере безопасности.

Во-первых, новое руководство Китая установило благоприятные «дружеские отношения личного характера» с лидерами стран Центрально-Азиатского региона. В течение года китайские государственные лидеры провели несколько встреч разного характера с лидерами стран Центральной Азии.

Во-вторых, продолжает укрепляться фундамент «отношений стратегического партнерства», установленный в сотрудничестве КНР со всеми странами Центральной Азии. Поддерживается высокая степень координации и сотрудничества по основным региональным и международным вопросам, представляется взаимная мощная поддержка.

В-третьих, международный финансовый кризис продолжает влиять на ситуацию экономического развития региона, а Китай и страны Центральной Азии уверенными шагами движутся в направлении развития совместного партнерства, чтобы методами взаимовыгодного сотрудничества преодолеть многочисленные вызовы международного финансового кризиса и достигнуть положительных

результатов. Так, например, в 2014 г. общий объем торговли между Китаем и странами Центральной Азии превысил 40 млрд долл.⁹

Обобщая изложенное выше, можно выделить ряд основных направлений современной политики Китая в Центральной Азии:

- поддержание стабильности в регионе, содействие его экономическому развитию;
- обеспечение дружеских двусторонних и многосторонних связей государств и безопасности в приграничных районах;
- недопущение монопольного доминирования в регионе какой-либо страны, особенно недружественной КНР;
- обеспечение практической реализации проекта «Экономический пояс Шелкового пути»;
- обеспечение открытости энергетических и других ресурсов ЦАР для экономики Китая;
- создание предпосылок для возможного усиления китайского влияния в регионе.

Следует подчеркнуть также некоторые немаловажные аспекты политики КНР в Центральной Азии, которые в обозримом будущем могут существенно сказаться на ее положении в ЦАР. В настоящее время в международных делах Пекин придерживается принципа «не становится головой», т. е. не принимать на себя бремя лидерства. Кроме того, Китай предпочитает участвовать не в альянсах и военных блоках, а строить двусторонние отношения по принципу стратегического партнерства (Россия, ЕС, АСЕАН и т. д.). Это дает ему право не брать на себя жестких обязательств. Однако нет сомнений в том, что по мере возрастания экономической и военной мощи КНР этот принцип будет пересмотрен.

В настоящее время политика, проводимая Китаем в ЦАР, вносит существенные изменения в структуру международной системы, усиливая полицентричный характер формирующегося миропорядка. В то же время международная система под воздействием дальнейшего подъема КНР может вернуться к «новой биполярности», а в долгосрочной перспективе прийти и к глобальному доминированию Китая. Все будет зависеть от способности Пекина справляться с внутренними и внешними угрозами и вызовами, проецировать свое влияние на глобальные и региональные процессы.

Примечания

¹ Чжао Хуашэн. Китай, Центральная Азия и ШОС. Московский центр Карнеги // Рабочие материалы. 2005. № 5.

² Васильев Л. Политика мировых держав в Центральной Азии и ее влияние на перспективы развития ШОС // Мировые державы в Центральной Азии. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 19.

³ Голишников О. Центральная Азия на прицеле Китая: последствия для России. URL: <http://globalaffairs.ru/> от 06.06.2014

⁴ Ларин А., Матвеев В. Китайская стратегия «продвижения на Запад» и «новый Шелковый путь» // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 5. С. 8.

⁵ Воробьев В. Политика Китая в Центральной Азии. Ноябрь 2012. URL: <http://eurasian-defence.ru/>

⁶ Голишников О. Указ. соч.

⁷ Присутствие Китая в Центрально-Азиатском регионе Центр военно-политических исследований МГИМО. URL: <http://delonovosti.ru/> от 24.09.2014.

⁸ Китай и Россия ведут «Большую игру» в Центральной Азии. URL: <http://inosmi.info/> от 06.10.2014

⁹ Ян Цзинь. Примечательных моментов в отношениях между Китаем и странами Центральной Азии в 2014 г. стало больше. URL: russian.china.org.cn от 10.01.2015.

Е.И. Сафронова

ТЕКУЩАЯ И ПЕРСПЕКТИВНАЯ РОЛЬ ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ДЕЛЕ РАЗВИТИЯ ШОС*

Аннотация. В статье аргументируются значение, роль и безотлагательная необходимость наращивания гуманитарных связей в ШОС. Автор также выдвигает целый ряд рекомендаций для соответствующих российских структур, заинтересованных в повышении действенности гуманитарного сотрудничества РФ с государствами Шанхайской группы. Некоторые из этих рекомендаций видятся применимыми и для эффективизации гуманитарного диалога России с третьими странами.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Россия, Китай, международный имидж страны, гуманитарные связи, «мягкая сила», культурный обмен, сотрудничество в сферах здравоохранения, образования, МЧС РФ.

Вводные положения. В статье автор исходит из того, что гуманитарное сотрудничество вместе с «публичной дипломатией», работой по созданию позитивного международного имиджа страны и ее привлекательной идеологической установкой составляют «мягкую силу» государства.

* Статья подготовлена на основе доклада, сделанного автором на Конференции «Перспективы развития ШОС с точки зрения национальных интересов России» (ИДВ РАН, 25 марта 2015 г.).

На первый взгляд, в условиях глобального кризиса гуманитарный компонент сотрудничества между субъектами международных отношений (СМО) или внутри них (если они представляют собой интернациональные организации) должен отойти на второй, а то и третий план, ибо для СМО актуализируются задачи по сохранению кооперации в первоочередных экономической и финансовой сферах. Однако автор полагает, что гуманитарные связи (ГС) в кризисных условиях могут иметь особое, существенное значение. Именно тогда, когда кризис угрожает торможением экономических начинаний, гуманитарные отношения способны сыграть роль некоего демпфирующего фактора, удерживающего диалог между СМО на видимом уровне, а также отвлечь внимание от неудач на других направлениях. Практическая ценность ГС заключается в том, что они способны послужить механизмом цементирования политико-экономического здания международной организации (в том числе и ШОС), не требуя при этом массивных финансовых вливаний.

* * *

Значение гуманитарных связей в Шанхайской организации сотрудничества обусловлено следующими обстоятельствами.

Согласно Хартии ШОС, расширение гуманитарного сотрудничества (в частности, в виде взаимодействия в области науки и техники, образования, здравоохранения, культуры, спорта и туризма) является одним из направлений деятельности Организации как таковой¹. В рамках международной структуры, отдающей в своей деятельности приоритет стратегическим целям (коей и является ШОС), ГС неизбежно будут иметь не только политическую подоплеку, но и политическую задачу — содействие безопасности и стабильности государств-участников путем формирования климата межлического доверия. А в условиях глобализации международные связи в области культуры и межличесного общения в принципе приобретают особое значение².

Обнаружена взаимосвязь между уровнем знакомства с культурой других стран с уровнем готовности населения к союзам и объединениям с этими странами. Чем больше в стране респондентов, декларировавших свое знакомство с культурой другого государства, тем

выше уровень интеграционных настроений (поддержки идеи вступления своей страны в союзы и объединения). Одним из важных факторов, влияющих на базовые параметры «интереса к стране», является восприятие другой страны как дружественной или враждебной³. Поэтому можно заключить, что гуманитарные связи как механизм лучшего взаимопознания субъектов МО и создания их благоприятного имиджа в глазах друг друга имеют существенное значение для успеха политических и экономических проектов и инициатив.

Гуманитарные связи исключают конфронтацию и способствуют улучшению условий для партнерства, ибо это единственная сфера межстранового общения, где конкуренция имеет позитивный общепользительный эффект. ГС по определению носят неантагонистический, конструктивный характер. А гуманитарное содействие другим членам международных отношений (финансовое или же по линии МЧС, других ведомств, Обществ Красного креста и т. д.) может служить средством наглядной позитивной характеристики внешнеполитического курса государства как в глазах его граждан, так и в глазах всего мирового сообщества.

Представляется, что культурные ценности (мощная составляющая гуманитарного «лица» государства) — единственные, которые нельзя привить насильно. Они не приживаются через принудительное насаждение. Они способны дать ростки на чужой почве только тогда, когда по той или иной причине оказываются востребованными. Поэтому можно сказать, что приятие гуманитарных, в частности, культурных ценностей в «неродных» условиях есть индикатор сигнала «свой—чужой».

Гуманитарный обмен — это уникальная форма международных отношений, которая затрагивает еще и подсознательный, эмоциональный пласт мышления. Потому она способна влиять на умонастроение участников МО длительное время, транслируясь от поколения к поколению. В силу этого не стоит упускать из виду роль гуманитарного сотрудничества как фактора сближения мировоззрения на «наследственно-интуитивном» уровне. (Законы социальной психологии — в действии.)

Продолжительный опыт успешного гуманитарного взаимодействия способен привести к формированию и/или дальнейшему утверждению в двух- и/или многосторонней дипломатической культуре

общих ценностей, норм, стереотипов и поведенческого кода. Последнее обстоятельство непосредственно и положительно сказывается на состоянии их (стратегического) партнерства, ибо обеспечивает расширение общей понятийно-категориальной базы последнего и совершенствование дипломатического языка общения⁴.

Кроме того, гуманитарный обмен и экономически, и эстетически, и этически является более привлекательным инструментом взаимодействия, нежели прямое силовое давление. Это та сфера международных отношений, которая менее подвластна влиянию внешних факторов, чем политическая или экономическая кооперация, не говоря уже об акциях «жесткой силы». (Там, где гуманитарное сотрудничество оказывается успешным, снижается вероятность применения «жесткой силы».) Будучи менее затратным, чем политические и/или экономические проекты, оно более нуждается в проявлении политической воли партнеров, нежели в объемных финансовых вложениях. К тому же его «окупаемость» по времени — значительно выше. И, как уже отмечалось, гуманитарное сотрудничество способно исполнить роль компенсаторного механизма и некоего паллиатива в случае торможения коллективного взаимодействия по другим направлениям.

Жизнеспособность любой международной структуры определяется и таким фактором, как убежденность простого населения стран-участниц в ее практической полезности для него. Гуманитарное сотрудничество (как, впрочем, и любое другое) может быть эффективным только тогда, когда оно реально обеспечивает обратную связь каждой участвующей в нем стороны с простыми гражданами — «реципиентами» гуманитарной помощи или культурно-образовательного воздействия. Иными словами, международная организация способна обеспечить себе возможность успешно осуществлять свои высшие, политико-стратегические цели, только если она достигнет успеха в развитии коллективного гуманитарного сотрудничества — средства трансмиссии позитивной информации о стране-партнере и механизма формирования схождения интересов и мировоззренческих подходов государств-партнеров.

В ШОС существует не так уж и много сфер, где интересы всех стран-участниц и государств-наблюдателей совпадают. Известны противоречия внутри Центрально-Азиатского региона (ЦАР) (внеш-

неполитическое соперничество его крупнейших стран, вопросы во-доделения, прохождения границ, конкуренция на мировых товарных и инвестиционных рынках и др.). Существуют как определенное соперничество РФ и Китая за влияние в Центральной Азии (особенно в экономической сфере), так и заметные разногласия политического и экономического плана между странами-наблюдателями (особенно в паре Индия—Пакистан).

Понятно, что на общую «степень единогласия» внутри ШОС большое значение оказывает состояние отношений между ее ключевыми членами — РФ и Китая. Там, где интересы Москвы и Пекина разнятся, сотрудничество испытывает немалые трудности. Так, попытки активизировать хозяйственную составляющую ШОС за последние годы не отличались особой эффективностью⁵. А вот гуманитарные связи, особенно культурный обмен, — как раз та область, где имеется совпадение интересов всех сторон! И это надо учитывать и использовать. Успешные ГС могут стать действенной предпосылкой единства мнений и по иным направлениям. В этом их особая полезность и специфика. И таково дополнительное обстоятельство, обуславливающее необходимость развития гуманитарного сотрудничества в ШОС именно сейчас.

Ныне особенно важно не забывать о значении гуманитарных связей как средства борьбы за умы, осуществляемой через культурное общение, образовательные контакты, живые межличностные контакты, умелую, ненавязчивую пропаганду. Если мы не осознаем это, то ареал «цветных революций» и «майданов» может обновиться и расшириться. [Где СМО не находят ресурсов для «мягкой силы» (включая экономический ее компонент), там в отстаивании их интересов повышается риск применения «жесткой силы».] Гуманитарный диалог — это средство профилактики социальных пертурбаций: всегда эффективнее и «экономичнее» предупредить недуг, нежели лечить его в стадии обострения.

В плане консолидации своих гуманитарных позиций на пространстве ШОС Россия находится по сравнению с КНР в более благоприятном положении: РФ может опираться на русскоязычные диаспоры в странах Центральной Азии, с которыми следует работать более внимательно и тесно, чем, например, с диаспорами в Западной Европе и США. Последние более ориентированы на полную

интеграцию в жизнь страны проживания, и связи с Родиной для них не столь значимы. С русскоязычными же диаспорами в ЦАР Россию связывает пока еще не распавшееся общее культурное и языковое пространство. Оно представляет собой очень ценный ресурс, который России следует сохранять и всячески поддерживать.

Кроме того, 20 % населения РФ исповедует ислам (суннитского толка), что способно составить дополнительную базу взаимопонимания с населением Центральной Азии, Пакистана и части Индии. Иран — страна в основном мусульман-шиитов, но это не исключает гуманитарных контактов с ним через обмен делегациями мусульманских деятелей культуры и искусств.

Атеистический Китай не может использовать культурно-религиозный ресурс так широко и успешно, как это способна делать Россия. Да и некоторые ограничения в отправлении религиозных обрядов в СУАР КНР⁶ чреваты «смазыванием» достижений «мягкой силы» Китая в ЦАР.

Все это, вкпе с отсутствием общего культурно-образовательно-го и языкового пространств с государствами Центральной Азии, побуждает КНР ускоренными темпами изыскивать возможности для гуманитарных связей с партнерами по ШОС.

Китай уже уделяет большое внимание созданию юридической базы своего гуманитарного проникновения в ареал Организации: им подписаны соответствующие соглашения со всеми странами Шанхайского форума. А на практике учебные центры в КНР готовят специалистов по ШОС со знанием китайского языка, и Пекин увеличивает число стипендий для студентов из центральноазиатских стран.

Кроме того, по сравнению с РФ китайцы демонстрируют большую готовность работать с простыми гражданами, а не только с элитами и официальными организациями.

Представляется, что развитие гуманитарной составляющей Организации нужно Китаю уже не для завоевания авторитета как великой державы (он этого уже достиг), но для «воспитания» круга партнеров, искренне разделяющих китайские ценности и взгляд на мир. Так КНР оттачивает свою «мягкую силу» и экономит средства и усилия, иначе могущие быть направленными на «силу жесткую».

Можно поставить вопрос и о консолидирующем потенциале гуманитарного взаимодействия: насколько эффективной скрепой все-

го здания Организации способно стать гуманитарное сотрудничество? Ныне объединяющая основа ШОС (усматриваемая в противостоянии «трем злам», экономическом со-развитии, культурном взаимоузнавании) не нуждается в кардинальном изменении: она достаточно обстоятельна. С точки зрения социальной психологии, в качестве интегрирующего агента всегда хорошо срабатывает «синдром общего врага». До сих пор этим общим врагом были и остаются «три злые силы». Но видится небесполезным ввести еще один сплачивающий фактор, причем, гуманитарного свойства. Это — борьба с бедностью (которая в той или иной мере существует во всех странах ШОС). И ее стоит возвести в ранг приоритета.

Таковой новый фактор будет хорошо понятен простому человеку. Если рядовой гражданин осознает, что ШОС — это сила, которая сделает его жизнь и жизнь его семьи лучше, то сама идея Организации отпечатается в его мыслях и вообще получит широкую массовую поддержку, т. е. ту самую социально-политическую опору, в которой нуждается любая международная структура, стремящаяся к долголетию. Так ШОС обретет еще одно цементирующее обстоятельство. Но здесь есть два «но».

Во-первых, из соображений престижа стоит подобрать этому новому фактору пропагандистски безупречное название: например, «реализация мер по повышению качества жизни некоторых групп населения стран Организации». Если не найти удачного эвфимизма, то по сути ШОС открыто признается, что бедность на ее пространстве есть. А это не лучшим образом будет сочетаться с ее глобальным «замахом» и имиджем благополучной интернациональной структуры.

Тем не менее, задействование синдрома общего врага в лице бедности — это как раз тот самый случай, когда эта акция может быть конструктивной и даже продуктивной не только по политическим, но и по гуманитарным и даже этическим мотивам!

Во-вторых, ШОС должна, наконец, стать экономически эффективным образованием, иначе борьба с бедностью, даже с привлечением кооперационного ресурса, не будет плодотворной. А для этого нужно время. Пока же эффективность ШОС будет достигаться, надо просто шире информировать людей, что такая организация есть, что она имеет большие, благородные цели, что она может принести пользу не только государствам, но и простому населению.

Однако целевая пропаганда на этом направлении может столкнуться с определенной проблемой: ввиду высокой политической насыщенности современной жизни происходит падение интереса простого населения к официальной информации. Простой человек не воспринимает язык высоких кабинетов. Поэтому агитационную работу с населением разумнее вести под старым, простым, но зачастую эффективным девизом «хлеба и зрелищ».

«Хлеб» — это те направления работы ШОС, которые могли бы принести практическую, осязаемую, прикладную пользу: сотрудничество по охране экологии и здоровья населения, кооперация в образовании людей, защита от природных бедствий, совместная экономическая деятельность на уровне рядовых граждан, т. е. все то, что несет заботу о физическом благополучии человека.

В здравоохранной и экологических сферах реально достижимых направлений сотрудничества по причине ограниченности средств в ШОС не так уж и много. Но они есть.

В области охраны здоровья населения. Думается, это: в эпидемически уязвимых приграничных районах — развертывание средств своевременного оповещения об угрозе заболевания; расширение обмена информацией и образцами вакцин; усиление контроля над санитарным состоянием экспортно-импортной птицы и полуфабрикатов из нее; популяризация среди приграничного населения знаний о массовых инфекционных заболеваниях; создание совместного механизма быстрого реагирования на вспышки эпидемии среди животных, в том числе и эпизоотий ящура, нередких в приграничных районах стран ШОС⁷. Важно также продумать возможность совместной подготовки по единым программам младшего и среднего медицинского персонала для работы в приграничных районах.

В природоохранной сфере. Видимо, целесообразно создать общую базу данных, включающую список приоритетных проблем на стыке экологии и безопасности по особым разделам: горячие промышленно-производственные точки, земельные ресурсы, водные ресурсы с проблемами вододеления и водопользования, вопросы взаимосвязи климатических изменений и природных бедствий.

В области образования. В РФ подготовка специалистов по странам ШОС, похоже, еще не достигла требуемого уровня. Для того, чтобы со знанием дела и эффективно работать со странами Шанхай-

ской группы как на коллективном, так и на двустороннем уровнях, а также не отстать от Китая, уделяющего серьезное внимание этой сфере, видится целесообразным:

— Создать особое направление подготовки в вузах страны (не только принадлежащим к системе «Университетов ШОС») по профильной программе обучения: например, «деятельность ШОС». И в связи с этим продумать систему стипендий для молодежи, желающей получить образование в РФ по направлениям работы Шанхайского форума и с учетом его специфики. Ныне «университеты ШОС», несмотря на их многочисленность (53), занимаются главным образом организацией студенческих обменов. Не пора ли наделить их реальными функциями как мощных просветительско-образовательных центров?

Для поддержания использования русского языка в Центральной Азии и следовательно — недопущения сужения культурного пространства РФ в постсоветском ареале, видится целесообразной разработка стипендиальной и грантовой политики, предусматривающей целевое обучение специалистов из ЦА русскому языку с целью преподавания его на их родине или работы в местных русскоязычных СМИ. Также следует особо продумать систему отбора кандидатов на такое обучение ввиду того, что возможности выбора, которые были в советское время, в силу объективных причин сейчас значительно сужены.

Все это простимулировало бы «внутришосовское» образовательное сотрудничество и повысило бы само качество образования.

— По линии кооперации министерств культуры ШОС разработать план действий, направленный на мирное культурное взаимодействие мусульманского и христианского миров. Здесь важно воспользоваться тем преимуществом, что Россия — многоконфессиональная страна и обладает большим опытом сосуществования и сотрудничества различных религий. Небесполезным видится обмен визитами религиозных лидеров и богословов, организация конференций ученых-теологов и экспозиций произведений культовых искусств, сопровождаемых емкими комментариями специально подготовленных экскурсоводов.

— Для РФ было бы полезным продумать меры по созданию более широкой сети курсов русского языка в странах-наблюдателях —

в Индии, Пакистане, Иране, Афганистане, тем более, что их заинтересованность в этом имеет место. Но не все посольства России в «шосовских» странах располагают культурными центрами, где такая образовательная работа могла бы вестись. Видимо, стоит продумать возможность восполнения этого пробела.

В марте 2015 г. страны БРИКС подписали Меморандум о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций. В его рамках намечено использование следующих форм сотрудничества:

- краткосрочные программы по обмену учеными, исследователями, техническими специалистами и преподавателями;
- специализированные программы обучения для поддержки развития человеческого капитала в сфере науки, технологий и инноваций;
- организация практических семинаров, симпозиумов и конференций в сфере науки, технологий и инноваций в областях, представляющих взаимный интерес;
- обмен информацией в сфере науки, технологий и инноваций;
- формирование и реализация совместных программ и проектов научных исследований и разработок;
- совместные конкурсы в государствах-участниках;
- сотрудничество национальных научных, инженерных и исследовательских организаций и т. д.⁸

Представляется целесообразным адаптированное «перенесение» опыта этого документа на почву ШОС, тем более, что три страны БРИКС (РФ, Индия, Китай) являются членами Шанхайского форума. При наладке перечисленных форм кооперации это позволит обеим организациям сэкономить и интеллектуальные, и финансовые ресурсы.

Научно-техническое сотрудничество могло бы вестись и по таким актуальным и востребованным в ШОС векторам, как геология и геодезия, гидроресурсы и их техническое обслуживание, мелиорация, мирное использование атома, история (в плане недопущения фальсификации истории и неправого пересмотра итогов Второй мировой войны).

Совместная предпринимательская деятельность простых граждан ШОС тоже несет мощный гуманитарный «заряд». Поэтому следует обратить внимание не только на осуществление крупномас-

штабных стратегических проектов в рамках ШОС, но и мер по поощрению межстрановых (в том числе трансграничных) предприятий мелкого и среднего бизнеса, позволяющих простым гражданам и зарабатывать, и лучше узнавать соседей и партнеров по Организации. Важно здесь — не вложение казенных средств, которых и так не хватает, а непротивление юридически приемлемым инициативам «снизу». Население само сумеет организовать, если найдет в этом поддержку и непредвзятый контроль со стороны государства.

Эта деятельность может охватить такие сферы, как создание совместных малых трансграничных предприятий, пунктов распределения питьевой воды и медикаментов, передвижных магазинов-автолавок, на легальном основании осуществляющих продажу или же бартерный обмен продукцией этносов-соседей. Полезно было бы изучить опыт Китая по организации мелкого семейного предпринимательства, обладающего, как оказалось, большим потенциалом по поглощению значительных масс избыточной рабочей силы. Особенно данный опыт может быть полезен в сельском и поселковом хозяйстве, а также в сфере услуг. Это не только сгладит проблему безработицы в некоторых районах ЦАР, сблизит культуру и обычаи предпринимательства по обе стороны границ, расширит знания друг о друге, но и станет средством смягчения межэтнической напряженности и проблемы нелегальной миграции на территорию России⁹.

Объектом ГС является и информационная сфера. Само по себе информационное обеспечение ШОС выглядит довольно солидно. У Организации есть свои официальные интернет-ресурсы: URL: <http://www.sectsko.org/RU123/> и URL: <http://infoshos.ru/>. Основные события в жизни ШОС, саммиты, совещания, визиты руководителей, учения «Мирная миссия» в СМИ стран-участниц получают своевременное освещение. Однако широкие слои населения имеют недостаточные знания о Шанхайском форуме, плохо представляют практическую полезность Организации для рядовых граждан. Вот тут-то могут свою позитивную роль сыграть «зрелища», т. е. массовые культурные мероприятия, гастроли художественных коллективов, выставки, кинопросмотры и т. д. Все то, что информирует и вызывает интерес даже у малообразованных людей, плохо разбирающихся в высокой политике.

«Зрелища» могут быть полезны и потому, что аудио- и видеoinформация сейчас воспринимается с большим интересом и более легко, чем печатные материалы. Недаром ныне часто говорится о «клиповом сознании» массового потребителя информации. Печатные материалы редко пользуются спросом у населения, если только они не снабжены красочными фотографиями и рисунками хорошего качества.

Поэтому видится оправданным продумать особые меры по освещению жизни Организации, адресованные рядовому гражданину. Среди них можно было бы назвать создание серии радиопередач о ШОС для центральных радиостанций стран-участниц. Может быть, по линии социальной рекламы следовало бы запускать короткие видеоролики по ТВ или в кино перед сеансами. В тематику этих аудио- и видеоматериалов следует включить вопросы культуры и быта народов-партнеров и их обычаи. (Обычаи других этносов представляются особенно интересным аспектом взаимознавания.) Также необходимо рассказывать, как именно ШОС может повлиять на экономику, культурную жизнь государств-членов и защиту людей от «трех зол».

Хотя «зрелища» как таковые в ШОС уже есть (например, фестивали культуры стран Организации), однако их недостаточно для того, чтобы они надолго внедрили идею ШОС в массовое сознание. Надо, чтобы их было или больше по количеству, или чтобы они качественно стали действительно яркими и массовыми. Праздники всегда более понятны и приятны людям, и через них надо напоминать о коллективном духе ШОС, а не только о культуре отдельных стран-участниц. Здесь России не стоит недооценивать свое особое конкурентное преимущество в плане формирования зрительского интереса — это балет, опера и изобразительное искусство.

Не следует игнорировать такой фактор, как созидательная эмоциональная сила толпы. Массовое малоуправляемое сосредоточение людей может обладать не только разрушительной, но и позитивной силой, если сумеет вовремя «вбросить» в него нужную мысль или наглядную картину. Поэтому энергия красочных массовых зрелищ под конструктивными лозунгами способна сыграть свою роль. В Китае испокон веков умеют организовывать массовые праздники и использовать их в нужном ключе, т. е. задействовать в гуманитар-

ной деятельности эмоциональную составляющую. Это являет собой продуктивный шаг с точки зрения социальной психологии тоже. Кроме того, китайцам свойственно использовать ту особенность массового сознания, которая ответственна за запоминание создания страной-партнером общественно престижных объектов (административных зданий, стадионов), а также проведения масштабных мероприятий и форумов (Олимпиада-2008, Экспо-2010 в Шанхае, Годы КНР в государствах ШОС и проч.). Эта практика успешно работает на международный имидж Китая, и его опыт может быть небезполезен для применения другими странами ШОС.

К сожалению, гуманитарное сотрудничество в ШОС носит порой дискретный, а то и спонтанный характер. Для придания ему систематизированного склада видится полезным применить наработки проверенных гуманитарных технологий, которые позволят осуществлять целевой индивидуальный подход к каждому гуманитарному проекту. Автор согласен с теми российскими исследователями, которые полагают, что гуманитарные технологии (ГТ) — это комплекс методов управления социо-гуманитарными системами (к которым можно отнести и ШОС). С ГТ можно ассоциировать все, что связано с культурой, СМИ, PR, материальной стороной воздействия на массовое сознание. Можно сказать, что это комплекс мер, осуществляемых в гуманитарном пространстве с помощью словесной и/или зрелищной информации, причем сознательно и адресно. Гуманитарные технологии имеют стратегический характер, т. е. направлены на решение долгосрочных проблем и на развитие «живой», непосредственной коммуникации. Их «полезность» заключается в том, чтобы привить людям-объектам этих технологий оптимистичный взгляд на вещи¹⁰, что очень важно в условиях усугубляющегося глобального кризиса. (Для созидания нужно соответствующее настроение.)

В заключение видится бесполезным предложить еще несколько рекомендаций по повышению эффективности ГС ШОС, которые могут быть учтены и в проекте «Комплексной стратегии расширения гуманитарного влияния Российской Федерации в мире», ожидаемого для представления в ближайшее время.

1. К вопросу о финансировании. Для осуществления гуманитарных начинаний сейчас важно не столько тратить новые и распы-

лять уже выделенные средства, сколько оптимизировать и перекоммутировать то, что есть. ШОС необходима согласованная финансовая политика трат на ГС. Помимо вложений соответствующих официальных структур стран Организации, в финансировании гуманитарных планов ШОС можно было бы задействовать (естественно, на добровольной основе) возможности частного бизнеса, который таким образом получил бы широчайшую аудиторию для своих PR-акций.

2. В диалоге с китайской стороной и другими странами ШОС для России было бы целесообразно деликатно, но настойчиво характеризовать наши обеспокоенности и те цели, которые мы хотим достичь в свете наших интересов. Эффективность российских гуманитарных связей может пострадать от неуместного замалчивания намерений и недопущения разумной транспарентности в дву- и многосторонних контактах.

3. Видится целесообразным поднять вопрос о создании специального рейтингового агентства ШОС. Его деятельность дала бы возможность сгладить тот негативный эффект, который создают рейтинговые агентства Запада, предоставляющие собственные, зачастую предвзятые данные о странах-членах Шанхайского форума, об их экономике, внутренней жизни и о восприятии ШОС в мире. Если «шосовское» агентство станет публиковать свои данные в основных СМИ стран Организации (ТВ, Интернет, радио плюс газеты и журналы), то послужит делу повышения имиджа всей ШОС в мировом общественном мнении. В этом контексте опыт китайского рейтингового агентства Датун может оказаться небесполезным.

4. Стоит продумать и вопрос о бесплатной интернет-рассылке некоторых материалов аналитических служб РАТС (наподобие тому, как распространяют свои работы Фонд Карнеги и аналитическая служба Stratfor). При успехе этой инициативы и организации платной подписки данный проект мог бы стать даже коммерчески оправданным. Пока же он может оказаться уместным для «уравновешивания» мнений и оценок, продуцируемых аналитическими службами стран-конкурентов.

5. В повестку ближайшего Совещания министров культуры Шанхайской организации сотрудничества можно было бы включить

вопрос о мерах по конкретизации и систематизации работы по улучшению международного имиджа ШОС, актуальность и важность которой становится все более очевидной.

6. Для успеха имидж-мейкерской активности Шанхайской группы видится полезным и подключение гуманитарного потенциала других, «непрофильных» служб и ведомств. Так, например, следует более широко использовать еще советский опыт визитов в иностранные порты военных кораблей, программы которых включали непосредственное общение с местным населением, показ фильмов и организацию празднеств и концертов на борту силами моряков. Не стоит игнорировать и возможности по оказанию российскими военными моряками помощи населению других стран, ставшему жертвой эпидемий, природных и антропогенных катастроф.

Итак, в силу того, что политико-экономическая кооперация внутри ШОС ныне осложняется ввиду особенностей современной мировой и региональной обстановки, представляется целесообразным «воспользоваться моментом» и обратить внимание на усиление гуманитарной составляющей Организации.

Примечания

¹ Хартия Шанхайской организации сотрудничества. Принята 7 июня 2002 г. в Санкт-Петербурге. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2002/06/106755.shtml>

² Сафронова Е.И. 10-летие ШОС: некоторые итоги сотрудничества стран организации в области здравоохранения и ликвидации чрезвычайных ситуаций // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVI. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 118; См. Сафронова Е.И. Значение гуманитарного сотрудничества стран ШОС и интересы России // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XIX. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 185.

³ Сафронова Е.И. Значение гуманитарного сотрудничества... С. 190.

⁴ Там же. С. 186.

⁵ Габуев А. Приручить дракона. Как использовать финансовые амбиции Китая в ШОС. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Priruchit-drakona-17316>

⁶ См., в частности, URL: <http://www.ansar.ru/sobcor/oon-kitaj-ushhemlyayet-prava-ujgurskih-musulman> и URL: <http://rus.azattyq.org/content/chinese-muslims-ujgurs-xinjiang/24665611.html>

⁷ Подробнее см.: Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 175.

⁸ URL: <http://government.ru/media/files/YiQZ4L110dE.pdf>

⁹ Подробнее см.: Сафронова Е.И. Значение гуманитарного сотрудничества... С. 189—190.

¹⁰ См. подробнее: Курочкин А.В. Что такое гуманитарные технологии? URL: <http://anapa-pro.com/category/15/article/1413>; Михайлов С. PR — одна из гуманитарных технологий (Комментарий к основной статье). — Там же.

А.В. Болятко

СТРАТЕГИЯ США В АТР И ОТНОШЕНИЯ С КИТАЕМ

Аннотация. В статье анализируются состояние и перспективы китайско-американских отношений. Особое внимание уделено тенденциям развития стратегической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе в связи с изменением государственной и военно-морской стратегии США в АТР. Отмечается, что США, настаивая на сохранении своего мирового лидерства, ныне особо остро ставят вопрос о Китае как о своем главном противнике в региональном и глобальном масштабах.

Ключевые слова: национальная стратегия, военно-морская стратегия, стратегическая ситуация, угрозы и вызовы, соперничество США и Китая, зоны напряженности.

В начале февраля 2015 г. Белым домом была обнародована новая Стратегия национальной безопасности США, которая заменила предыдущий документ, действовавший с мая 2010 г.

Уже в преамбуле к документу американский президент и верховный главнокомандующий вооруженными силами США Барак Обама ставит перед всем американским военно-политическим истеблишментом стратегическую задачу — сохранить в глобальном масштабе перманентное «лидерство США». При этом он убежден: американцев «объединяет общенациональная уверенность в том, что глобальное лидерство Америки остается непреложным»¹. И в этом контексте Б. Обама делает акцент, что деятельность его страны на международной арене должна подкрепляться полной и безоговороч-

ной поддержкой со стороны других государств, являющихся союзниками и партнерами США.

В обновленной стратегии уточнено, что американская внешняя политика не концентрируется на какой-то одной угрозе или одном регионе мира. При этом подчеркивается, что на всех «фронтах» Соединенные Штаты лидируют и должны лидировать «с позиции силы». Кредо Б. Обамы так и сформулировано: «Мы будем лидировать с позиции силы». А в другом месте документа обещано: «Мы будем лидировать, используя все инструменты американской мощи». Новым элементом стратегии стала провозглашенная задача обеспечения некоего «международного порядка», опять-таки основанного на «американском лидерстве».

В оставшийся до завершения своего президентства срок Барак Обама пообещал настаивать на принятии таких военных бюджетов, которые сохраняют «силы и преимущества» Америки, а также заявил о готовности убедить конгресс положить конец сокращению и без того непомерных военных расходов, поскольку, мол, «секвестр бюджета «ослабляет национальную безопасность страны». По словам президента, Соединенные Штаты продолжают выделение значительных средств для усиления военного потенциала в целом, в том числе направляя денежные ресурсы на развитие сил ядерного сдерживания, противоракетной обороны, обеспечение кибербезопасности, создание космических систем и проведение активных разведывательных операций.

В стратегии указывается, что американские вооруженные силы будут и впредь использоваться для проведения «глобальных антитеррористических операций», «выполнять свои обязательства перед союзниками» и «сдерживать агрессию посредством развертывания сил передового базирования и совместных действий». А в случае неэффективности стратегии сдерживания американские вооруженные силы «будут готовы применять военную силу в любой точке мира, воспрещая и останавливая агрессию на многих театрах военных действий».

Из обновленной Стратегии национальной безопасности 2015 г. следует, что Соединенные Штаты станут применять военную силу в одностороннем порядке, в том числе и без санкции Совета Безопасности ООН, когда этого потребуют их «национальные интересы», если кто-то будет угрожать американскому народу, если в опасности окажутся жизнь и благосостояние американцев, а также когда воз-

никнут угрозы безопасности их союзников. По мнению авторов стратегии, национальная безопасность США не ограничивается только их территорией: необходимость ее защиты и укрепления проецируется на весь мир без исключений. В стратегии заметное внимание уделено дальнейшему усилению военного потенциала НАТО и военных структур с участием Соединенных Штатов не только в Европе, но и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также на Ближнем Востоке.

В разделе, касающемся проблематики распространения оружия массового поражения, утверждается, что США привержены идее построения безъядерного мира. Одновременно с этим Вашингтон заявляет о необходимости сохранения «эффективных сил ядерного сдерживания». Странным выглядит заявление актуализированной военно-стратегической установки, что американское военно-политическое руководство будет и впредь «настаивать» на претворении в жизнь Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, одобренного мировым сообществом еще в 1996 г. и проваленного американскими законодателями на стадии его ратификации в 1999 г.

Стратегия 2015 г. не содержит конструктивных идей и предложений по предотвращению размещения оружия в космическом пространстве. Вновь повторяются основные положения космической стратегии США, которая предусматривает военное доминирование Америки в космосе. Нет в обновленном документе и каких-то намеков на возможность введения ограничений на развертывание американской глобальной системы противоракетной обороны, проявление сдержанности в размещении крупных группировок американских ВМС в Мировом океане, сокращение программ по разработке новых гиперзвуковых и высокоточных систем в рамках стратегии «Молниеносный глобальный удар».

Соединенные Штаты, уверовав в свою «исключительную роль, ответственность и уникальность», еще раз показали в директивно закрепленной форме намерение действовать агрессивно и напористо практически во всех частях света, добиваясь достижения своих узкокорыстных целей любыми средствами: дипломатическими, финансово-экономическими и, самое главное, военными.

Предъявляя необоснованные и оторванные от реальности претензии к Российской Федерации и Китайской Народной Республике, а также искажая их внешнюю политику на международной аре-

не, обновленная Стратегия национальной безопасности 2015 г. несет в себе активный антироссийский и антикитайский заряд. Она, по сути дела, призывает к сколачиванию против Москвы и Пекина трансатлантического и трансасиатско-тихоокеанского альянса.

Утвержденный Б. Обамой документ показывает, что нынешнее американское военно-политическое руководство намерено и впредь вмешиваться во внутренние дела суверенных государств, использовать военную силу далеко за пределами США в любое время и по своему усмотрению, настроено в амбиционном порыве утвердить свое глобальное «лидерство»².

Более конкретно задачи США по отношению к Китаю сформулированы в опубликованной в марте 2015 г. военно-морской стратегии («Стратегия военно-морского взаимодействия для XXI века». CS-21R). В ней обновлены концепции и стратегические подходы предыдущего варианта документа от 2007 г. (CS-21) в соответствии с изменившейся обстановкой на морях и океанах. В особенности отчетливо прозвучала трактовка военно-морской активности Китая как угрозы, ибо, по мнению США, китайцы ведут агрессивную политику в регионе и имеют территориальные претензии к соседям. В свете ситуации в Азии документ опубликован своевременно: не только США расширили масштаб своих операций в прибрежных зонах, но и военно-морские силы стран АТР создают оборонные комплексы для противостояния возможным вызовам на море. В целях предотвращения этих вызовов положения новой военно-морской стратегии составлены с учетом широкого спектра морских проблем и мнений, таких, как позиции различных стран в АТР, нетрадиционные вызовы безопасности в контексте реалий множества прибрежных стран, новые технологические трудности в обеспечении безопасности и даже вопросы финансирования как ключевого фактора в планировании военно-морских операций будущего.

Как и предыдущий вариант военно-морской стратегии, новый документ подчеркивает значение военно-морского взаимодействия в качестве фундаментального принципа эффективной военно-морской безопасности. Однако в отличие от ранней версии новый документ представляет военно-морское сотрудничество и международное партнерство как стратегический императив для долгосрочных целей обеспечения безопасности.

Наиболее отличительный аспект CS-21R — прямое признание Китая как основного вызова. В новом документе, в отличие от предыдущего, прямо указывается на китайские военно-морскую экспансию и территориальные притязания как источники региональных «беспорядков». Другим возможным источником «беспорядков» в Азиатско-Тихоокеанском регионе называется Россия.

В силу того, что, по мнению авторов стратегии, традиционные угрозы в перспективе будут расти, в документе опорой действий ВМС США называется передовое присутствие в регионе, а условием успешного проведения операций в области безопасности — создание коалиционных сил, поскольку только такой подход (гибкость, адаптивность и требуемое объединение сил) необходим для обеспечения эффективности военно-морских действий.

В документе указано, что, несмотря на то, что США экспортируют больше энергоресурсов, чем импортируют, они остаются привязанными к конъюнктуре глобальной экономики, которая в свою очередь всецело зависит от бесперебойной поставки нефти и газа из Ближнего Востока и Центральной Азии. ВМС США будут продолжать играть важную роль в обеспечении безопасности потоков нефти путем передового развертывания в ключевых районах мира. Однако упор на задействование передовых позиций требует особой подготовленности ВМС. Авторы стратегии исходят из того, что бюджет Пентагона позволит обеспечить к 2020 г. 300-корабельный состав сил флота, из которых силы передового развертывания будут включать 120 кораблей³.

Военно-морская стратегия выдвигает ряд новых предложений в области оперативных императивов и тенденций. Упор сделан на разработку концепции электромагнитных маневренных боевых действий, космических и киберопераций для достижения желаемого эффекта: в настоящее время кибер-электромагнитная среда является основой для проведения военных операций. В документе подчеркивается, что в условиях финансовых ограничений ВМС должны использовать все доступные инновации для отражения как традиционных, так и нетрадиционных вызовов и угроз.

Авторами стратегии вводится термин «Индо-Азиатско-Тихоокеанский регион», в котором предполагается дислоцировать примерно 60 % кораблей и самолетов ВМС США. Однако это не означает, что

они будут распределены равномерно в западной части Тихоокеанской зоны и в Индийском океане. С ростом военного потенциала Японии, Сингапура и Австралии внимание американских ВМС будут по-прежнему сфокусировано на Тихоокеанском театре военных действий.

Создатели новой стратегии уделили внимание регионам, которые в предыдущих вариантах военно-морской стратегии США не упоминались: Европа и Средний Восток ныне включаются в зону стратегического внимания США. В то же время неясно, как США намереваются обеспечить безопасность вокруг Евразийского континента, в то время как основные силы передового базирования намечено разместить в Тихоокеанской зоне.

Документ предусматривает развертывание ВМС как форму «мягкой силы», особенно в случае таких чрезвычайных ситуаций, как землетрясение 2010 г. на Гаити, цунами в Японии в 2011 г. или тайфун 2013 г. на Филиппинах. Примечательно, что повышенное внимание в вопросе обеспечения безопасности на море в стратегии уделяется Береговой обороне. Более того, авторы объявили, что Береговая оборона США — главное ведомство, ответственное за безопасность в Западном полушарии. Совершенствование Береговой обороны повышает вероятность того, что она сможет обеспечить конвенциональные операции в восточной части Тихоокеанской зоны во время конфликта с Китаем.

Численность флота НОАК увеличивается и скоро он будет крупнейшим в АТР. Китайские ВМС смогут перейти от стратегии ограничения доступа к стратегии доминирования в регионе, причем не только в Тихоокеанской зоне, но и в Индийском океане. Это означает, что США будет необходимо противостоять китайской стратегии ограничения доступа в своих прибрежных водах и быть готовым противодействовать ВМС НОАК в дальней морской зоне. Однако при существующем уровне американских военно-морских сил в регионе представляется маловероятным, что ВМС США будут иметь возможность как контроля ближней морской зоны, так и активных действий в дальней.

В этом смысле нет более вероятной зоны конфликта, чем Южно-Китайское море, где США и их союзники вовлечены в силовое столкновение с Китаем. Вашингтон осознает ограниченность своих

возможностей, поэтому концепция «авиационно-морского сражения» (Air-Sea Battle — ASB) ныне признана устаревшей, и ей на смену 9 января 2015 г. была призвана «Объединенная концепция доступа и маневра к глобальным театрам» (Joint Concept for Access and Maneuver in the Global Commons — JAM-GC)⁴, что позволит Америке выглядеть менее конфронтационной по отношению к Китаю. В действительности ВМС США не только понизили уровень риторики по противостоянию китайскому курсу на предотвращения доступа, но и налаживают более тесное взаимодействие с ВМС Китая. Новая военно-морская стратегия США рассматривает действия Пекина как ответственного игрока в области ВМС, участника контртеррористической операции в Сомали и многонациональных учений на море, подписанта Кодекса поведения при случайных столкновениях на море, что служит снижению градуса подозрительности на морских пространствах Азиатско-Тихоокеанского региона. Авторы новой стратегии видят положительные стороны в продвижении ВМС КНР в районы Индийского и Тихого океанов. КНР участвует в антипиратских операциях в Аденском заливе, оказывает гуманитарную помощь, госпитальное судно вносит свой вклад при устранении последствий ЧС.

Как бы то ни было, но тот факт, что теперь американцы открыто называют Китай источником угрозы, будет стимулом для других стран АТР провести ревизию своих собственных военно-морских стратегий. В регионе, да и в мире в целом, растет осознание того, что США — не единственный арбитр в области военно-морской безопасности.

Примечания

¹ Цит. по: Красная звезда. 16.02.2015. URL: <http://www.redstar.ru/index.php/daty/item/21815-strategiya-sily>

² Там же.

³ НГ. Независимое военное обозрение. 03.04.2015. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2015-04-03/1_usa.html

⁴ См. URL: <http://www.nationaldefense.ru/includes/periodics/navy/2015/0114/202715031/print.shtml>

Ли Юнхуэй

ВЛИЯНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ НА КИТАЙСКО-ЯПОНСКИЕ И РОССИЙСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Аннотация. В течение почти 40 лет после восстановления дипломатических отношений между Китаем и Японией проблема островов Дяоюйдао не оказывала на них большого влияния, а сотрудничество двух государств в различных областях успешно развивалось. Сейчас, по мнению автора, Япония отказывается от соблюдения условий достигнутого ранее консенсуса, согласно которому две страны согласились отложить решение вопроса на будущее. Что касается российско-японской территориальной проблемы, то она касается не только исторического спора об островах южной Курильской гряды, но и трактовки международных договоров и политических документов, фиксирующих итоги Второй мировой войны.

Территориальные проблемы в Северо-Восточной Азии могут быть окончательно разрешены только при условии уважения Японии к непреложным фактам истории, с позиции обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии и дальнейшего развития китайско-японских и российско-японских отношений путем конструктивных переговоров.

Ключевые слова: острова Дяоюйдао, острова южной Курильской гряды, территориальные споры, итоги Второй мировой войны, проблемы региональной безопасности в Северо-Восточной Азии.

Отношения между Китаем и Японией переживают серьезный кризис из-за проблемы островов Дяоюйдао. Территориальный спор по поводу этих островов до сих пор не урегулирован. В последние годы японская сторона пытается показать, что Япония осуществляет «фактический контроль» над островами: от инцидента вблизи спорных островов Дяоюйдао китайского рыболовного судна и японского патрульного корабля в 2010 г. до «покупки» в 2012 г. японским правительством земли на Дяоюйдао, в результате китайско-японские отношения понесли самый серьезный урон с момента нормализации дипломатических отношений в 1972 г.

Регресс в китайско-японских отношениях начался после переизбрания Синдзо Абэ на пост премьер-министра Японии. Двусторонние отношения в политической и экономической сферах из-за спора о суверенитете островов Дяоюйдао находятся в состоянии регресса либо стагнации, противостояние правоохранительных органов двух стран на островах Дяоюйдао становится нормальным явлением.

Проблема островов Дяоюйдао является не просто территориальным спором между странами; непризнание Японией суверенитета Китая над островами Дяоюйдао является следствием попыток пересмотреть итоги Второй мировой войны в Азии и на Тихом океане.

Во-первых, 10 сентября 2012 г. японское правительство объявило о так называемой «покупке» трех островов гряды Дяоюйдао, что явилось серьезным посягательством на территориальный суверенитет Китая. Острова Дяоюйдао — исконная территория Китая. У неоспоримого суверенитета Китая над этими островами есть полные исторические, географические и международно-правовые основания. Острова Дяоюйдао примыкают к китайскому острову Тайвань. Китайцы первыми обнаружили эти острова и дали им название. Наиболее ранние из сохранившихся китайских исторических записей, упоминающих географическое название Дяоюйдао, относятся к 1403 г. Еще в первые годы династии Мин (1368—1644 гг.) для борьбы с японскими пиратами (вокоу) на юго-восточном побережье страны китайское правительство включило острова Дяоюйдао в свою зону обороны.

Династия Цин (1644—1912 гг.) не только продолжила практику включения Дяоюйдао в зону морской обороны, но и четко определила, что данные острова подпадают под юрисдикцию местной тай-

ваньской администрации. В японских же документах самое раннее упоминание Дяоюйдао появилось лишь в 1785 г., причем острова обозначались как китайская территория. Таким образом, заявления о том, что некий японец в 1884 г. первым высадился на островах Дяоюйдао и обнаружил их «необитаемыми», полностью не соответствуют историческим фактам, которые состоят в том, что данные острова с давних пор находились в составе и под юрисдикцией Китая. Заявления Японии о том, что она обладает суверенитетом над Дяоюйдао в соответствии с принципом «первого завладения», не выдерживают никакой критики.

Во-вторых, отторжение Японией у Китая островов Дяоюйдао не имеет никакой юридической силы. С 1884 г. японское правительство начало проводить тайные исследования Дяоюйдао и попыталось их оккупировать. При этом Япония очень четко осознавала, что эти острова принадлежат Китаю, и поэтому, опасаясь китайской реакции, не предпринимала никаких действий по установлению на островах знаков своего суверенитета. Лишь в конце 1894 г., когда стало ясно, что Китай терпит поражение в китайско-японской войне, японское правительство, ссылаясь на «изменение обстановки», решило установить на островах Дяоюйдао опознавательные знаки и включить их в территорию Японии.

14 января 1895 г. правительство Японии тайно приняло решение, предусматривавшее включение Дяоюйдао в юрисдикцию префектуры Окинава. Необходимо особо отметить, что Япония с начала исследования островов Дяоюйдао до их официального «включения» в свою территорию всегда действовала тайком, никогда не предавая свои действия огласке. Это говорит о том, что данные действия не имеют под собой никакой юридической силы с точки зрения международного права. В апреле 1895 г. Китай потерпел поражение в войне и был вынужден подписать с Японией неравноправный Симоносекский договор, согласно которому Китай уступал Японии Тайвань и все прилегающие к нему острова. Дяоюйдао вместе с другими прилегающими к Тайваню островами были переданы Японии.

В-третьих, по итогам Второй мировой войны острова Дяоюйдао на основании международного права были возвращены Китаю. Карирская декларация (декабрь 1943 г.), Потсдамская декларация (июль 1945 г.), Акт о капитуляции Японии (сентябрь 1945 г.) четко опреде-

лили, что Япония должна вернуть Китаю все захваченные и отнятые у него территории. Эти документы являются основными международно-правовыми актами, определившими послевоенный международный порядок. Согласно им, Дяоюйдао, как острова, прилегающие к Тайваню, уже должны были быть возвращены Китаю. У принадлежности Китаю суверенитета над островами Дяоюйдао имеются неоспоримые международно-правовые основания.

В 1951 г. США и ряд других стран без участия Китая и Советского Союза в одностороннем порядке заключили с Японией Сан-Францисский мирный договор. Правительство Китая тогда сразу заявило, что данный договор является незаконным и недействительным. Это ясно и недвусмысленно демонстрирует, что Китай никогда не признавал какие-либо положения Сан-Францисского мирного договора, касающиеся территории Китая, в том числе, естественно, и островов Дяоюйдао. Данная позиция распространяется и на последующие действия США и Японии по установлению незаконной опеки над островами Дяоюйдао на основании Сан-Францисского мирного договора. Поэтому заявления Японии о том, что Китай вплоть до 1970-х годов не выдвигал требования относительно суверенитета над Дяоюйдао, не соответствуют действительности.

В 1971 г. США «возвратили» Японии острова Дяоюйдао вместе с островами Рюкю, что вызвало резкий протест и решительное осуждение правительства КНР и всего китайского народа (включая народ Тайваня). Правительству США пришлось прояснить свою позицию, подчеркнув, что «возвращаются» только «административные полномочия», при этом вопрос о суверенитете над островами Дяоюйдао не затрагивается.

В свое время по вопросу островов Дяоюйдао Китай и Япония достигли взаимопонимания и консенсуса, договорившись «отложить вопрос до последующего разрешения». Китайско-японское совместное заявление 1972 г. и Договор о мире и дружбе между Китаем и Японией 1978 г. прекратили состояние войны между двумя государствами, была осуществлена нормализация дипломатических отношений. В ходе переговоров тогдашние лидеры Китая и Японии с целью достижения главной цели — нормализации отношений — решили временно не затрагивать проблему Дяоюйдао, оставив ее решение на будущее. Это черным по белому зафиксировано в протоколе пере-

говоров, которые провели в 1972 г. в Пекине премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай и премьер-министр Японии Какуэй Танака.

В октябре 1978 г. китайский руководитель Дэн Сяопин совершил визит в Японию для обмена с японской стороной ратификационными грамотами к китайско-японскому Договору о мире и дружбе. На пресс-конференции после переговоров с премьер-министром Японии Такэо Фукудой Дэн Сяопин сделал следующее заявление по проблеме Дяоюйдао: «Во время нормализации дипломатических отношений стороны договорились не затрагивать эту проблему. В ходе обсуждения нынешнего китайско-японского Договора о мире и дружбе мы также договорились не касаться этой проблемы. Мы полагаем, что если невозможно прийти к соглашению, то было бы мудро отложить на время этот вопрос, поскольку он не срочный. Если наше поколение не обладает достаточной мудростью для того, чтобы решить проблему, то у следующего поколения найдётся больше мудрости, и оно сможет найти способ решения проблемы, приемлемый для всех»¹. Никто из представителей японской стороны не возражал по поводу этого заявления.

Благодаря достигнутому консенсусу, в течение почти 40 лет с момента установления дипломатических отношений проблема островов Дяоюйдао не оказывала большого влияния на китайско-японские отношения, а сотрудничество двух государств в различных областях успешно развивалось. Сейчас Япония отказывается от принятых ранее договоренностей отложить решение вопроса на будущее. Проведение так называемой «национализации» представляет собой попытку изменить нынешний статус островов Дяоюйдао, усилить фактический контроль над островами, а также осуществить так называемую «легализацию».

Нынешнее обострение проблемы островов Дяоюйдао отражает противоречия в китайско-японских отношениях и свидетельствует о попытках давления Японии и США на Китай после изменения соотношения сил между Китаем и Японией.

В 2010 г. Китай опередил Японию по объему ВВП в долларовом эквиваленте. Китай уже стал второй экономической державой мира. Общий объем ВВП Китая превышает японский в 1,4 раза, но по доходу на душу населения Китай в 10 раз уступает Японии и занимает 76-е место в мире. Тем не менее, следствием изменений в мировой

расстановке сил является различие международных стратегий, избранных Китаем и Японией. Главной целью Китая является достижение мирного возвышения, но эскалация проблемы островов Дяоюйдао, в определенной степени, представляет собой отражение международных противоречий и реакции Японии, США и ряда других стран на подъем Китая. И Китай стал главным объектом оборонительной стратегии Японии.

С 2010 г. Япония начала заметно менять свою стратегию в отношении Китая. Эти изменения отразились в новой программе национальной обороны 2010 г., которая обуславливает внешнюю стратегию страны и видит Китай главной угрозой национальной обороне, определяя основным направлением оборонительных усилий Японии юго-западные острова, включая острова Дяоюйдао. Это показывает, что основной тон стратегии Японии в отношении Китая изменился от ориентации на сотрудничество двух стран к позиции недоверия и настороженности.

После переизбрания на пост премьер-министра С. Абэ его позиция по проблеме островов Дяоюйдао стала более жесткой. Отношения между Китаем и Японией ухудшились. Используя поддержку обеих палат парламента, С. Абэ намеревался внести изменения в конституцию, которые, впервые после Второй мировой войны, отменяли бы ограничения на развитие вооруженных сил и использование военной силы за рубежом.

Что касается дипломатии, то кабинет министров С. Абэ не торопился улучшать отношения с Китаем и в рамках укрепления японско-американского союза пытался реализовать так называемую «стратегическую дипломатию» с целью создания стратегической структуры для совместного с США сдерживания Китая. Абэ принял участие в переговорах по Транстихоокеанскому партнерству (ТТП), но охладил к переговорам по зоне свободной торговли между Китаем, Японией и Южной Кореей.

С. Абэ считает, что из-за подъема Китая в Америке и Японии необходимо совместно проводить политику сдерживания Китая по формуле «Япония, США+1»: «Япония, США и Южная Корея», «Япония, США и Австралия», «Япония, США и Индия», и даже совместно с Филиппинами и Вьетнамом. Действуя в духе теории «китайской угрозы», кабинет министров С. Абэ поднял шумиху вокруг обвинений од-

ного из кораблей ВМС КНР в использовании радиолокационного оборудования для захвата целей при стрельбе против японского корабля береговой охраны, хотя Китай отверг эти обвинения.

Япония стремится ввести в повестку дня переговоров между главами Японии и Америки «проблему Китая» с целью подчеркнуть, что Китай является угрозой для Японии, и в дальнейшем выработать совместную жесткую позицию по Китаю. В будущем Япония может использовать стратегию давления на Китай по нескольким направлениям одновременно: создавать группировку вокруг Китая, использовать социальные противоречия и сепаратистские силы в Китае, продолжать вмешиваться в тайваньский вопрос и «показывать силу» в проблеме с Дяоюйдао. Такая политика может заставить Китай считать Японию самой серьезной угрозой для себя.

Нынешнее обострение спора по поводу островов Дяоюйдао происходит на фоне перемещения стратегического фокуса США в Азиатско-Тихоокеанский регион. Увеличение американского присутствия в АТР направлено против Китая. США требуют от Японии выступить в качестве поддержки стратегической системы США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Япония хочет использовать американскую поддержку для того, чтобы упрочить свое положение в регионе. США неоднократно ссылались на Договор о безопасности между США и Японией применительно проблеме с Дяоюйдао и пытались использовать Японию с целью сдерживания Китая. США ведут двойственную политику в отношении Японии: когда Япония слишком сильно «поднимается», США оказывают на нее давление, когда она больше чувствует «китайскую угрозу», США обычно говорят о поддержке Японии. Тактика США в отношении китайско-японских отношений состоит в том, чтобы поддерживать противоречия и борьбу между Китаем и Японией, но при этом не допускать конфликтов и насильственных действий. Поэтому можно утверждать, что территориальный спор между Китаем и Японией еще очень долго не разрешится.

В данный момент отношения между Китаем и Японией явно не дойдут до войны или конфликта, но ситуация явно схожа с обстановкой, сложившейся перед началом китайско-японской войны 1894 г. В связи с этим Китаю понадобится принимать превентивные меры, заблаговременно укреплять национальную оборону. Китай

должен продолжать и патрулирование судами береговой охраны. Задача Пекина — подробнее объяснить Японии и международному сообществу основания принадлежности Дяоюйдао Китаю, и при этом продолжать продвигать из поколения в поколение отношения дружбы и добрососедства между Китаем и Японией, стремясь к восстановлению равновесия между борьбой за локальные интересы по островам Дяоюйдао и китайско-японской дружбой.

Проблемы принадлежности островов южной Курильской гряды являются главным противоречием между Россией и Японией. Незадолго до окончания Второй мировой войны Советская армия вступила в войну против Японии и заняла четыре острова на севере Японии. Спустя 70 лет после окончания Второй мировой войны мирной договор между воевавшими странами — Японией и Россией — еще не подписан. Причиной столь редкого случая в истории международных отношений является нерешенность проблемы островов южной Курильском гряды.

В 2010—2011 гг. президент России Д. Медведев и несколько высокопоставленных российских чиновников посещали спорные острова. Президент Д. Медведев стал главой государства, который впервые с советских времен высадился на спорный остров, демонстрируя твердые позиции по территориальной проблеме.

В апреле 2013 г. премьер-министр С. Абэ посетил Россию с официальным визитом. Это был первый раз визит японского лидера в Россию за последние 10 лет. В июне того же года заместители министров иностранных дел двух стран провели консультации в Москве. В ноябре министры иностранных дел и обороны впервые встретились в формате 2+2 в Токио. Температура отношений между Россией и Японией постепенно повышалась.

Россия настаивает на недопустимости ревизии итогов Второй мировой войны. Территориальная проблема включает не только исторический спор о принадлежности островов, но и оценку международных договоров и политических документов, принятых по итогам Второй мировой войны, а также понимание того, что Япония должна понести ответственность за развязывание агрессии. Россия обусловливает принадлежность ей южных Курил следующим:

а) русские первыми открыли Курильские острова, в том числе их южную часть;

б) принадлежность островов была определена Ялтинским соглашением. Отказ России от четырех островов создаст прецедент возврата территории. Нарушение Ялтинского соглашения в данном конкретном случае может послужить толчком к переделу границ послевоенной Азии и Европы. В связи с этим не только Япония будет предъявлять территориальные претензии к России, но и три страны Балтии, Румыния и соседние с бывшими советскими республиками государства. Разрушение границ и послевоенного международного порядка, определенных по Ялтинскому соглашению, может привести к непредсказуемым последствиям.

Япония приводит следующие объяснения принадлежности ей четырех спорных островов:

а) по договорам о территориальной проблеме и границе между Россией (СССР) и Японией четыре острова принадлежат Японии;

б) хотя по Ялтинскому соглашению Курильские острова должны были быть возвращены Советскому Союзу, Ялтинское соглашение было секретным и подписано без участия Японии, в связи с чем не имеет для Японии обязательной силы. В принятой Японией Потсдамской декларации не упомянуто Ялтинское соглашение. Во время Сан-Францисской конференции 1951 г. Япония отказалась от прав на Курильские острова, но не было определено, кому они должны были перейти.

Россия не принимает любых попыток ревизии итогов Второй мировой войны, но признает, что территориальная проблема между двумя странами существует и готова искать пути ее разрешения. В принятой в 1956 г. Советско-японской совместной декларации отмечается, что после подписания мирного договора Советский Союз передаст Японии два острова — Хабомаи и Шикотан. Россия объяснила, что не признает спора о принадлежности южной части Курильской гряды, но по гуманитарным соображениям готова передать эти острова Японии.

Но на фоне холодной войны между Востоком и Западом с 1960-х годов до избрания президентом СССР М.С. Горбачева в 1985 г. Советский Союз не признавал существования территориальной проблемы и отказывался вести переговоры. Итогом визита Горбачева в Японию в апреле 1991 г. стало подписание совместной декларации, в которой официально признавалось существование нерешенной территориальной проблемы.

После распада Советского Союза Россия надеялась получить экономическую помощь от Японии. С этой целью президент России Б. Ельцин признал существование территориальной проблемы между Россией и Японией и даже выдвинул инициативу о поэтапном возвращении островов. Он был готов вести переговоры по территориальной проблеме.

После избрания президентом России Владимир Путин, стремясь к подъему экономики Сибири и Дальнего Востока, выступил за возвращение к Совместной советско-японской декларации 1956 г. Япония продолжала настаивать на суверенитете над четырьмя островами и возвращении их. Но позднее Япония отказалась от позиции возвращения ей всех четырех островов и предложила России признать суверенитет Японии над четырьмя островами, отложив пока обсуждение вопроса о форме и времени возвращения островов.

Ныне Япония стремится улучшить отношение с Россией в связи с «китайским фактором». Россия и Япония провели переговоры в формате 2+2 с участием руководителей оборонных ведомств и МИД двух стран. Согласно японским СМИ, переговоры были проведены по инициативе премьер-министра Японии С. Абэ, выдвинутой им в ходе визита в Россию, с целью создания противовеса Китаю и его сдерживания в отношении юго-западных островов.

Наличие неразрешенных территориальных разногласий вызывает у Японии опасения, что Китай, Южная Корея и Россия выступят против нее сообщая именно сейчас, когда Япония продолжает придерживаться жесткой позиции по островам Дяоюйдао. Поэтому С. Абэ в ходе своего визита приложил максимум усилий для улучшения отношений с Россией. Япония считает, что даже маленькая дипломатическая победа в российско-японских отношениях сможет улучшить ее позиции по территориальным проблемам с Китаем и Южной Кореей.

Однако цель Японии не была достигнута. Министр иностранных дел РФ С. Лавров подчеркнул, что принципом внешней политики России является то, что РФ никогда не дружит с одной страной против других государств. Японская попытка объединения с Россией против Китая потерпела поражение. Японские чиновники, которые участвовали в переговорах, заявили, что Россия не ответила на предложение в отношении Китая. Еще до этой встречи РФ опровергла возможность так называемых переговоров по Китаю. Замес-

титель главы российского МИД И. Моргулов заявил, что переговоры в формате 2+2 проведены по инициативе Японии и что Россия не будет обсуждать Китай за его спиной.

Попытка внести раскол в отношения России и Китая, а также добиться того, чтобы Россия заняла более гибкую позицию по вопросу подписания мирового договора с Японией, не удалась. Представитель МИД КНР позднее заявил, что никакая внешняя сила не может помешать развитию всесторонних отношений стратегического партнерства и взаимодействия между Китаем и Россией. Некоторые хотят вбить клин между КНР и Россией, но их попытки обречены.

Отношения между Россией и Японией, в том числе территориальный спор, касаются стратегического противостояния между Россией и США в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В споре о южных Курилах все время явным или тайным образом присутствует «американский фактор». На Ялтинской конференции 1945 г. было оговорено, что Советский Союз вступает в войну с Японией в обмен на передачу ему Курильских островов, причем каких конкретно — не уточнялось. После начала «холодной войны», невзирая на возражение Советского Союза и других стран, США умышленно оставили неясность по поводу принадлежности южных Курил в соответствующих документах на конференции в Сан-Франциско, а также настаивали на том, что страны, не подписавшие Сан-Францисский мирный договор с Японией, не могут рассчитывать на какие-либо права, вытекающие из положений договора. После заключения в 1960 г. японо-американского договора о безопасности СССР объявил, что не будет передавать острова Японии, которая вступила в коалицию против него.

В 2010 г. США громко объявили о своем «возвращении в Азию». Это вызвало настороженность у России. Если расширение НАТО на Восток является политикой сдерживания в отношении западной части России, то японская дипломатия содействует США в создании военно-политической структуры безопасности в Восточной Азии, выгодной США. «Возвращение» США в Азию, наращивание американской военной мощи в АТР, осложнение американо-китайских отношений, несомненно, затрагивают интересы России.

Не означает ли усиление американского присутствия в АТР попытку создания антироссийской силовой коалиции? Не ослабит ли

оно влияние России в Азиатско-Тихоокеанском регионе? АТР обладает огромными человеческими и природными ресурсами и находится в состоянии бурного экономического развития. Необходимость полноценного подключения России к деятельности мирового сообщества требует от нее серьезной и прагматичной восточной политики, существенной активизации на этом направлении внешнеполитических и внешнеэкономических связей.

Оценивая дипломатию России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, можно констатировать дальнейшее углубление китайско-российских отношений стратегического партнерства и взаимодействия. Президент В. Путин активно участвовал в подготовке и проведении саммита АТЭС. Сообразуясь с обстановкой, Россия приняла оливковую ветвь мира от Японии и согласилась на проведение переговоров в формате 2+2, продолжила курс на урегулирование отношений между Россией и Японией и проведение переговоров по спорным островам. Президент Путин совершил официальные визиты во Вьетнам, Южную Корею и другие страны. Все это показало, что Россия обращает большое внимание на изменение геополитической обстановки в Восточной Азии и ищет ответ на усиление военно-политического влияния США на континенте. РФ демонстрирует свое влияние и роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе и тоже постепенно «возвращается в Азию».

Территориальные проблемы в Северо-Восточной Азии чувствительные и сложные: они могут быть окончательно, мирно и созидательно разрешены только при условии уважения Японии к непреложным фактам истории, с позиции обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии, общего урегулирования обстановки и дальнейшего развития китайско-японских и российско-японских отношений путем практических и откровенных переговоров. Но достичь положительных результатов, проводя внешнюю политику согласно пословице «лис тем и грозен, что царь зверей с ним», не получится. Нам нужно общими усилиями добиваться мира и взаимовыгодного сотрудничества в регионе, разряжать атмосферу недоверия и напряженности.

Примечания

¹ Цит. по: URL: <http://www.interfax.ru/272428>

В.Б. Кашин

К ВОПРОСУ О МАСШТАБАХ ПРОИЗВОДСТВА СТРАТЕГИЧЕСКИХ ВООРУЖЕНИЙ В КНР: МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Аннотация. Статья посвящена структуре и примерным масштабам китайской индустрии производства стратегических вооружений, развитие которых привлекает в последнее время все большее внимание. Хотя Китай реализует беспрецедентные по масштабам научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) по тематике создания новых видов стратегических вооружений, реальные масштабы предприятий, осуществляющих серийный выпуск конечной продукции соответствующего профиля, как показывают приведенные автором данные, остаются небольшими. Несмотря на наличие в КНР двух соперничающих ракетно-космических корпораций (CASC и CASIC), производство баллистических ракет свободно от конкуренции. Предприятия обоих концернов находятся в кооперации друг с другом по стратегической ракетной тематике, а их деятельность замыкается на единственном серийном заводе с ограниченной численностью персонала. Известные данные о ряде ключевых предприятий отрасли говорят о том, что имеющиеся оценки китайских стратегических ядерных арсеналов являются скромными. В то же время уже наметился тренд к переносу центра тяжести в развитии отрасли с НИОКР на серийное производство. По мере завершения наиболее крупных и затратных проектов НИОКР производство будет расти и расширяться, и этот процесс уже пошел.

Ключевые слова: Китай, ядерное оружие, межконтинентальные баллистические ракеты (МБР), баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ), баллистические ракеты средней дальности (БРСД), оборонная промышленность.

Китайское ядерное оружие становится предметом растущего внимания в мире. Это связано как с наметившимися успехами в реализации ряда долгосрочных программ развития китайских стратегических вооружений, так и с растущей напряженностью китайско-американских и китайско-японских отношений. Например, в ходе конференции по рассмотрению Договора о нераспространении ядерного оружия 2015 г. министр иностранных дел Японии Фумио Кисида подчеркнул, что процесс сокращения ядерных вооружений и повышения прозрачности в ядерной сфере не должен ограничиваться Россией и США, причем, по мнению большинства наблюдателей, призыв был главным образом обращен к Китаю¹.

Лишь однажды — в апреле 2004 г. — Китай дал приблизительную оценку своего ядерного потенциала. Министерство иностранных дел КНР отметило, что Китай обладает самым маленьким количеством боеголовок из всех официальных ядерных держав². И на тот момент, и сейчас самой «маленькой» из четырех (помимо Китая) официальных ядерных держав являлась Великобритания. После снятия с вооружения этой страны в 1998 г. ядерных авиабомб британские ядерные силы состоят только из боеголовок баллистических ракет подводных лодок Trident II и, согласно официальным заявлениям британского правительства, включают в себя «менее чем 200» развернутых боеголовок³. Таким образом, можно сделать вывод, что число китайских боеголовок, развернутых на носителях, на тот момент не превышало 200. Нижняя граница возможных оценок никак обозначена не была.

Преобладающие в настоящее время на Западе оценки китайского ядерного потенциала сводятся к тому, что Китай осуществлял и продолжает осуществлять постепенное увеличение числа развернутых боеголовок, которое не носит, однако, драматического характера. Мнение о том, что Китай — единственная признанная ядерная держава, увеличивающая число развернутых боеголовок, но делающая это невысокими темпами, высказывал, в частности, Стокгольм-

ский институт проблем мира (SIPRI), который оценивал китайский арсенал в 250 боеголовок в 2013 г.⁴

Оценки китайского ядерного арсенала серьезно разнятся: от немногим свыше 100 до 2000 и более единиц. Например, бывший начальник Главного штаба Ракетных войск стратегического назначения РФ В.И. Есин считает, что «...в ядерном арсенале КНР, вероятно, насчитывается 1600—1800 ядерных боеприпасов. Из них для оперативного развертывания может быть предназначено 800—900 ед., остальные — для длительного хранения и в очереди на утилизацию после истечения установленных сроков эксплуатации»⁵. Данные расчеты, однако, основаны на ряде допущений, некоторые из которых противоречат доступным открытым данным.

Например, по оценкам В.И. Есина, Китай обладает значительным (440 единиц) количеством ядерных авиабомб⁶. При этом из двух китайских типов самолетов, которые В.И. Есин упоминает в качестве носителей и про которые достоверно известны факты создания специальных модификаций для применения ядерного оружия, один (Q-5) снимается с вооружения, а другой (H-6) превращается в носителя высокоточного неядерного оружия (модификации H-6H, H-6K). Западные официальные публикации, посвященные развитию китайских ядерных сил, свидетельствуют, что авиационные средства доставки ядерного оружия не играют в Китае заметной роли. Например, рассекреченный к настоящему времени доклад Совета национальной безопасности США Конгрессу начала 2000-х годов, прямо указывает, что в китайских ВВС «нет частей, чьей основной миссией является доставка небольшого китайского запаса ядерных бомб. Скорее, на некоторые части могут возлагаться задачи по доставке ядерного оружия в качестве чрезвычайной миссии»⁷.

Перевод китайской структуры, ответственной за хранение и техническое обслуживание ядерных боеприпасов (так называемой «Базы 22»)⁸, в состав Второй артиллерии НОАК (Второго артиллерийского корпуса) в январе 1979 г.⁹ является еще одним показателем того, что авиация и флот на протяжении прошедших с этого времени десятилетий просто не рассматривались в качестве важных носителей ядерного оружия. Это выглядит неудивительным, учитывая относительную слабость и техническую отсталость ВВС НОАК перед

лицом вероятных противников, ставшую очевидной еще в 1970-е годы и частично преодоленную лишь в последние несколько лет.

Также до сих пор неподтвержденным является факт наличия у китайцев тактических ядерных боеприпасов. Достоверно известно, что КНР проводила работы по созданию тактического ядерного оружия, включая боеголовки для баллистических ракет малой дальности, в 1970-е и 1980-е годы. Применение тактического ядерного оружия отрабатывалось на учениях НОАК, проходивших в Северо-Восточном Китае в 1980-е годы. Была осуществлена разработка нейтронного боеприпаса.

Однако по мере того, как становилась очевидной тенденция к нормализации отношений с СССР и, соответственно, снижалась угроза крупномасштабного военного столкновения на северо-востоке, менялось и отношение к тактическому ядерному оружию. От развертывания успешно разработанного и испытанного (работы завершились в 1988 г.) нейтронного оружия Китай отказался вовсе.

Наконец, отметим, что большинство оценок китайских запасов ядерных оружейных материалов исходят из того, что Китай имел две производственных базы по выработке высокообогащенного урана (в Ланьчжоу и Хэпине), работы на которых были прекращены в 1979 и 1987 гг. Производство оружейного плутония на комплексах в Цзюцюане и Гуаньюане было прекращено в 1984 и 1989 гг. соответственно. Исходя из этого, Китай, как предполагается, имеет около 1,8 т оружейного плутония (погрешность — 0,5 т) и 16 т высокообогащенного урана (погрешность — 4 т)¹⁰.

Разумеется, нельзя полностью исключить того, что имеющиеся оценки в корне неверны, и даже допустить вероятность наличия у китайцев неизвестного другим странам подземного производственного комплекса, что может означать, что количество оружейных материалов является существенно большим. Но, в любом случае, на данный момент надежные свидетельства в пользу данной гипотезы отсутствуют.

Конечным производителем ядерных боеприпасов является *Китайская академия инженерной физики*¹¹, непосредственно подчиненная Центральному военному совету КНР. Академия является весьма крупной структурой с 23 тыс. работников¹², однако, помимо задач, связанных с производством ядерного оружия, она выполняет широ-

кий круг научных работ как фундаментального, так и прикладного характера в интересах разных китайских военных и гражданских структур. Академия, в частности, является важным центром развития ядерных технологий для гражданского применения, вовлечена в программы развития лазерных и информационных технологий, электроники и т. п. Вычленение подразделений Академии, непосредственно занятых производством ядерного оружия, с целью оценки масштабов этой работы представляется на данном этапе проблематичным.

В то же время доступной в китайских открытых источниках является информация о «бутылочном горлышке» Китайской академии инженерной физики — предприятии по сборке ядерных боезарядов, известном как завод 903, он же Сычуаньский институт материалов и технологий¹³. Предприятие расположено в городе Цзянью пров. Сычуань, в 150 км от столицы пров. Чэнду и 40 км от города Мянъян. НИИ представляет собой самодостаточный городок с полной инфраструктурой (здравоохранение, ЖКХ, образование, рекреация, телевизионная станция и т. д.). Материалы, датированные ориентировочно 2010—2013 гг., указывают, что предприятие располагало более чем 1000 человек научно-технического персонала, в том числе более 200 докторов наук и 3 академиками Инженерной академии КНР. В описываемый период на предприятии годовой доход инженера составлял в среднем 120 тыс. юаней, старшего инженера около 150 тыс., вспомогательного техперсонала от 100 тыс. юаней¹⁴.

В то же время НИИ является лишь вершиной производственной цепочки в изготовлении ядерных боезарядов; это, судя по всему, исключительно сборочное предприятие, совмещенное с конструкторским бюро, исходя из большого числа докторов наук и трех академиков. Установление масштабов деятельности других предприятий кооперации на данный момент более затруднительно, поскольку их работа может быть сильнее диверсифицирована, чем деятельность завода 903, соответственно, труднее определить численность персонала, занятого в основном военном производстве.

Наиболее видимые изменения, касающиеся китайского стратегического потенциала, происходят в сфере производства и разработки средств доставки ядерного оружия. Попытки оценить производственные возможности китайского ядерного оружейного комплекса

в любом случае основаны на весьма грубых допущениях и утечках из китайских и западных госструктур, которые вполне могут оказаться дезинформацией. Мы же в вопросе о средствах доставки опираемся на относительно надежные данные о производстве, испытаниях и развертывании новых типов вооружений, а также о создании инфраструктуры для них.

В настоящее время, помимо небольшого числа ядерных авиабомб, по-видимому, единственными носителями ядерного оружия в КНР являются баллистические ракеты средней дальности (БРСД), межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) и баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ). Несмотря на то, что поступившие на вооружение Второй артиллерии» ВМС НОАК и ВВС НОАК крылатые ракеты средней дальности (ДН-10, СД-10 и их модификации) потенциально могут являться средствами доставки ядерного оружия, в настоящее время отсутствуют данные о создании для них ядерных боевых частей, а также об учениях по их применению соответствующими подразделениями НОАК.

Вторая артиллерия использует как жидкостные, так и твердотопливные баллистические ракеты. При этом жидкостные межконтинентальные баллистические ракеты DF-3, DF-4 постепенно снимаются с вооружения и заменяются твердотопливными ракетами нового поколения. Ракеты старых типов продолжают сохраняться на вооружении, периодически осуществляются научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по продлению их сроков службы, однако новые, насколько можно судить по доступным китайским источникам, не производятся. Жидкостные МБР DF-5 продолжают составлять важную часть китайского стратегического ядерного потенциала, но их число со второй половины 1990-х остается примерно постоянным (около 20 развернутых ракет). Вероятно, производство таких ракет прекращено в конце 1990-х — начале 2000-х годов, хотя имеющийся их парк продолжает модернизироваться. О перспективных проектах жидкостных баллистических ракет в Китае в настоящее время неизвестно и, скорее всего, китайцами уже давно принято принципиальное решение об отказе от данного класса техники.

Таким образом, производимые и разрабатываемые в настоящее время китайские БРСД, МБР и БРПЛ являются твердотопливными.

По состоянию на 2014 г., Второй артиллерийский корпус НОАК имел в своем распоряжении, по данным справочника The Military Balance:

- около 20 МБР DF-5A;
- около 10 МБР DF-4¹⁵;
- 12 МБР-31;
- 24 МБР DF-31A;
- 6 БРСД DF-3A;
- 80 БРСД DF-21 и DF-21A;
- 36 БРСД DF-21C;
- 6 БРСД DF-21D.

Кроме того, в составе ВМС НОАК находилась 1 небоеспособная атомная ракетная подводная лодка проекта 09-II (Xia, по классификации НАТО) с 12 БРПЛ JL-1 и 3 новых атомных ракетных подводных лодки проекта 09-IV (Jin) с 36 пусковыми установками новых ракет JL-2¹⁶.

Эти данные нельзя считать истиной в последней инстанции. Они не учитывают ракеты DF-26, о появлении которой стало известно в марте 2014 г.¹⁷ Ракеты DF-3, вероятно, уже сняты с вооружения, а количество ракет DF-21D может быть значительно больше 6. Важно также учитывать, что существенная часть ракет DF-21C и, вероятно, все ракеты DF-21D развернуты в неядерном варианте.

В настоящее время реализуются следующие проекты в сфере производства и разработки баллистических ракет, предназначенных для применения ядерного оружия:

- производство баллистических ракет DF-21 различных модификаций и создание их новых вариантов;
- производство баллистических ракет средней дальности DF-26 и создание их новых вариантов;
- производство мобильных межконтинентальных баллистических ракет DF-31A и работы над новой модификацией таких ракет, предположительно оснащенной разделяющейся головной частью индивидуального наведения (РГЧ ИН) — так называемой DF-31B¹⁸;
- производство баллистических ракет подводных лодок JL-2 и создание их новых модификаций, предположительно с увеличенной дальностью и возможностью нести РГЧ ИН;

- разработка новой тяжелой межконтинентальной баллистической ракеты DF-41 — более тяжелой, чем DF-31A, и оснащенной РГЧ ИН;

Следует также отметить, что Китай осуществляет активную программу разработки гиперзвуковых маневрирующих головных частей для баллистических ракет. К декабрю 2014 г. было проведено три испытания гиперзвукового летательного аппарата WU-14, два из которых были успешными¹⁹. Продолжается модернизация имеющегося парка МБР DF-5. Доклад Пентагона о развитии китайских вооруженных сил за 2015 г. впервые определенно говорит о развертывании некоторого количества ракет DF-5, оснащенных разделяющейся головной частью с блоками индивидуального наведения (РГЧ ИН)²⁰. Количество их неизвестно, и, вероятно, речь идет о переоснащении части ракет DF-5 выпуска 1990-х годов.

К числу баллистических ракет средней дальности может быть причислена также ракета DF-16, дальность которой, по тайваньским оценкам, способна достигать 1000 км. Однако, по преобладающим в настоящее время оценкам, DF-16 является заменой производившихся ранее ракет малой дальности DF-15²¹, и вероятнее всего, не имеет ядерного варианта снаряжения.

В целом, китайские программы по разработке новых стратегических средств доставки ядерного оружия ведутся с гигантским размахом и могут быть сравнимы по количеству находящихся в работе проектов лишь с российскими. Одновременно реализуются программы разработки двух-трех новых типов БРСД, одного типа БРПЛ и двух типов МБР, при проводимой серьезной модернизации еще одного имеющегося типа МБР (оснащение DF-5 РГЧ ИН). В то же время США ограничиваются поддержанием и ограниченной модернизацией имеющегося парка МБР и БРПЛ.

Производство стратегических ракетных вооружений, а также многих видов тактического ракетного оружия в Китае находится в руках двух весьма крупных ракетно-космических корпораций — Китайской корпорации космической науки и технологий (China Aerospace Science and Technology Corporation, CASC) и Китайской корпорации космической науки и промышленности (China Aerospace Science and Industry Corporation, CASIC). Взаимоотношения между этими гигантами носят парадоксальный характер. Обе компа-

нии являются конкурентами в сфере производства различных видов тактических ракетных вооружений, включая зенитные ракетные комплексы средней и малой дальности, переносные зенитные ракетные комплексы, баллистические ракеты малой дальности, реактивные системы залпового огня и высокоточные авиационные боеприпасы.

Между корпорациями поддерживается тесная кооперация при реализации наиболее сложных и высокотехнологичных проектов, в частности, относящихся к сфере освоения космоса и производству стратегических вооружений. В целом, CASC в наибольшей степени представлена в сфере производства космической техники. Ее предприятия являются конечными производителями всех китайских серийных ракет-носителей и космических аппаратов. CASIC является конечным производителем всех китайских баллистических ракет средней дальности, баллистических ракет для подводных лодок и межконтинентальных баллистических ракет. В то же время предприятия CASIC играют важную роль в производственной кооперации по выпуску космической техники, а предприятия CASC выполняют значительный объем работ в рамках проектов создания стратегических вооружений.

Обе компании были образованы в 1999 г. путем дробления огромной Китайской авиакосмической корпорации, которая, в свою очередь, являлась наследником Министерства авиационно-космической промышленности КНР, созданного на базе министерств авиационной и космической промышленности. До начала экономических реформ ракетно-космические предприятия были сконцентрированы в Пятой академии Министерства обороны КНР (создано в 1956 г.), затем — в Седьмом, а позднее в Восьмом министерстве машиностроения КНР²².

В настоящее время обе ракетные корпорации эволюционировали в крупные по мировым меркам многопрофильные промышленные компании. Например, в CASIC работает 137 тыс. человек, а предприятия компании расположены на территории всех провинций, городов центрального подчинения и автономных районов страны²³. CASC отличается еще большим размахом деятельности и имеет 170 тыс. сотрудников²⁴. Судя по всем имеющимся данным, гражданский бизнес в обеих компаниях преобладает над военным. CASC

и CASIC широко представлены в таких отраслях промышленности, как автопром, станкостроение, электронная промышленность, информационные технологии, производство нефтехимического оборудования, гражданская авиационная промышленность.

При этом, даже в рамках военной составляющей деятельности обеих корпораций производство стратегических вооружений составляет лишь малую часть. CASC и CASIC производят практически все китайские средства ПВО, всю космическую технику, как гражданского, так и военного назначения, большинство крылатых ракет, значительную часть систем реактивной артиллерии и многое другое. Существующая внутри компаний кооперация по производству стратегических ракетных вооружений относительно невелика. Попытка выделить ее и оценить численность работающего в рамках соответствующих предприятий персонала может дать некоторое (хотя и приблизительное) представление об имеющемся у китайцев потенциале в сфере производства соответствующих систем вооружений.

Основными структурными подразделениями обеих корпораций являются так называемые академии (研究院). Несмотря на исторически сложившееся название, де-факто они являются крупными специализированными холдинговыми компаниями, включающими в себя конструкторские бюро, НИИ, производственные предприятия и вспомогательные службы. Как и большинство компаний китайской оборонной промышленности, «академии» обросли большим числом гражданских бизнесов. Доходы от гражданских производств усиливают финансовую устойчивость «академий». Вовлеченность в гражданскую высокотехнологичную экономику также повышает их возможности по поиску перспективных кадров и создает условия для взаимного перетока военных и гражданских технологий.

Ценными источниками информации о состоянии «академий» и отдельных входящих в их состав предприятий являются находящиеся в открытом доступе справочники, раскрывающие их структуру, профиль работы отдельных предприятий и частично — их экономические показатели. Подобные материалы доступны в китайском сегменте Интернета. Их доступность — следствие того, что CASC и CASIC вынуждены существовать в реалиях рыночной экономики, конкурируя за перспективные кадры; основным источником полезных данных являются кадровые сайты и кадровые разделы интер-

нет-страниц ведущих технических университетов. Наиболее полную информацию (загружена в июле 2013 г.) можно найти на сайте Харбинского технологического университета²⁵ — важнейшего поставщика кадров для китайской оборонной промышленности.

Производство стратегических вооружений требует широчайшей производственной кооперации, в которую вовлечены как предприятия всех 10 основных военно-промышленных корпораций КНР, так и многие предприятия гражданского сектора экономики. Можно, однако, попытаться идентифицировать поставщиков первого уровня, в деятельности которых участие в производстве и разработке стратегических вооружений играет особенно важную роль. «Академиями», в наибольшей степени вовлеченными в производство стратегических баллистических ракет, являются, по всей видимости, 1-я и 4-я академии CASC и 4-я академия корпорации CASIC, в ведении которой находится основной китайский сборочный завод по производству твердотопливных БРСД, МБР и БРПЛ — завод 307, он же — Нанкинская корпорация «Восход».

1-я академия CASC, известная как Китайская академия технологич ракет-носителей (CALT), представляет собой многопрофильную компанию с 28 тыс. работников, включающую в себя 11 «дочек». Компания на середину 2013 г. располагала активами на сумму 50,7 млрд юаней. CALT — главный китайский центр производства ракет-носителей «Великий поход» в кооперации с Шанхайской академией космических технологий SAST. Академия является прародителем всей китайской ракетной промышленности в целом. Ряд входящих в нее НИИ, занятых разработкой систем управления и бортовой электроники ракет, новых материалов и т. д., являются инфраструктурными для всей отрасли и обслуживают потребности всех ракетных предприятий концернов CASC и CASIC. Ключевым производственным активом академии является пекинский завод № 211, известный также как «Столичная компания космического машиностроения» (首都航天机械公司), со штатом 5300 работников. Это главный производитель китайских космических ракет-носителей. Начиная с самой первой ракеты «Великий поход-1», собранной в апреле 1970 г., по июнь 2012 г. завод изготовил 122 ракеты-носителя. Завод, по доступным данным, отвечал также за производство всех китайских жидкостных БРСД и МБР, и можно предположить,

что предприятие продолжает участвовать в работах по продлению сроков службы и модернизации тех из них, что еще остаются на вооружении.

Вторым крупнейшим производственным активом компании является пекинский завод № 519 с 4100 работниками (на 2013 г.), отвечающий за производство наземного стартового оборудования для ракет-носителей и, возможно, для отдельных типов ракетной техники военного назначения.

Важнейшим конструкторским центром академии является Первое конструкторское бюро (第一设计部), где разрабатываются все китайские РН «Великий поход» и, видимо, продолжается работа по сопровождению основных типов жидкостных баллистических ракет. КБ-1, вероятно, координирует работу ряда НИИ, входящих в состав академии. Обладая обширным опытом, КБ может участвовать в работах над баллистическими ракетами корпорации CASIC, предоставляя свою экспертизу в таких сферах, как цифровые системы управления, расчеты прочности, системы телеметрии и т. п.

Наряду с космической тематикой CALT в последние годы все больше внимания уделяла проектам, связанным с производством некоторых видов тактического ракетного оружия, включая тяжелые реактивные системы залпового огня и баллистические ракеты малой дальности. Недавно CALT попыталась выдвинуться на новый перспективный участок рынка военной продукции, продемонстрировав на авиасалоне в Чжухае в ноябре 2014 г. прототип сверхзвуковой крылатой ракеты CX-1, по внешнему виду и заявленным характеристикам напоминающую российскую ракету «Яхонт»²⁶.

Не удивительно, что для такой активной экспансии CALT создала специальное подразделение по тактическому оружию (战术武器事业部). Подразделение, сформированное предположительно между 2011 и 2013 гг., по состоянию на июль 2013 г. имело 200 человек персонала, в том числе 28 докторов наук и 60 инженеров высшей категории. Как и КБ-1, подразделение по тактическому оружию, вероятно, выступает системным интегратором и головным разработчиком таких вооружений, как CX-1, основные агрегаты которых могут создаваться входящими в состав компании НИИ.

Среди «инфраструктурных» НИИ, которые могут быть вовлечены в программы разработки и производства средств доставки ЯО,

можно выделить НИИ-12 (системы управления ракетами), НИИ-14 (электромеханические агрегаты), НИИ-15 (наземное стартовое оборудование ракетных комплексов, включая ПУ баллистических ракет), НИИ-18 (сервоприводы), НИИ-703 (специальные материалы), НИИ-102 (измерительные приборы).

В целом, многообразие задач, решаемых САЛТ, затрудняет оценку численности сотрудников, вовлеченных в работы по созданию образцов современного стратегического ядерного оружия. Но важная роль в этих проектах самого САЛТ и специалистов входящих в него специализированных НИИ и экспертов КБ-1 не вызывает сомнений. Данный тезис, в частности, подтверждается фактом посещения академии в октябре 2013 г. командующим ВМС НОАК адмиралом У Шэнли, который выразил академии благодарность в связи с успехом в разработке важной системы оружия, под которой, по всей видимости, понималась БРПЛ JL-2²⁷.

Таким образом, САЛТ выступает ключевым элементом в китайской индустрии стратегических вооружений, хотя ее роль в производстве конечных изделий постепенно снижается. САЛТ является, главным образом, разработчиком и производителем основных элементов ракетных комплексов, включая системы управления ракетами, высокоточные приводы, специальные материалы, измерительные приборы, возможно, некоторые элементы стартового оборудования.

4-я академия CASC, основные учреждения которой сосредоточены в городе Сиань пров. Шэньси, является главным китайским центром разработки и производства твердотопливных ракетных двигателей и материалов для них. Академия была создана в 1962 г. в силу принятия китайским руководством политического решения о работах в области твердотопливных ракет. По состоянию на 2013 г., в академии работали более 11 тыс. человек. В ее состав входили 6 НИИ, сосредотачивавших в себе как производственную, так и научно-конструкторскую деятельность, а также 2 завода. НИИ и серийные заводы 4-й академии CASC играют важную роль в производстве межконтинентальных баллистических ракет DF-31, DF-31A, DF-41, БРСД DF-21, БРПЛ JL1, JL-2.

В целом, 4-я академия CASC является производителем твердотопливных ракетных двигателей большого диаметра (более 2 м), в то

время как другой китайский центр производства твердотопливных ракетных двигателей — 6-я академия CASIC с штаб-квартирой в городе Хух-Хото (Автономный район Внутренняя Монголия) — отвечает за твердотопливные двигатели малого диаметра²⁸. Судя по имеющимся данным, в твердотопливных трехступенчатых МБР и БРПЛ, таких, как DF-31/31A, DF-41, JL-2, академия отвечает за твердотопливные двигатели первой и второй ступени. 6-я академия CASIC не рассматривается подробно в рамках данной статьи ввиду предполагаемого преобладания космической тематики в ее работе.

Ключевым в академии является НИИ-41, отвечающий непосредственно за проектирование твердотопливных ракетных двигателей как для стратегического, так и для тактического ракетного оружия (вероятно, баллистических ракет малой дальности). На протяжении всей истории существования НИИ-41 расширял сферу своей компетенции и в настоящее время способен осуществлять самостоятельное проектирование некоторых систем ракетного оружия. Именно НИИ-41, по всей видимости, спроектировал выпускаемую 4-й академией баллистическую ракету малой дальности DF-15 в различных модификациях и, вероятно, ее усовершенствованную версию DF-16. В доступных материалах упоминается также и об экспертизе института в разработке неких ракет «воздух—поверхность».

НИИ-42, созданный в 1965 г., отвечает за разработку новых видов твердого ракетного топлива, как для ракетного оружия, так и для космических аппаратов. НИИ имеет около 1000 сотрудников, в том числе более 600 человек научно-технического персонала.

НИИ-43 отвечает как за создание композитных материалов для конструктивных элементов твердотопливных ракетных двигателей, так и за их производство. НИИ состоит из трех исследовательских центров, трех лабораторий и двух цехов. Именно с расширением производственных площадей НИИ была связана известная утечка с публикацией на сайте Управления по охране природы пров. Шэньси данных, впервые подтвердивших факт существования проекта межконтинентальной баллистической ракеты DF-41. В НИИ работает 1800 человек. НИИ-401 представляет собой базу по испытаниям твердотопливных ракетных двигателей с численностью персонала около 700 человек.

НИИ-47 представляет собой центр научно-технической информации, получающий разнообразные данные о работах сходной тематики за рубежом из самых разных источников. Численность персонала свыше 100 человек.

Завод 7414 отвечает за производство металлических компонентов конструкции твердотопливных ракетных двигателей. Площадь помещений более 170 тыс. кв. м, персонал более 1400 человек. Завод 7416 является ключевым сборочным производством академии по выпуску твердотопливных ракетных двигателей. На заводе работают более 1400 человек, имеется свыше 1000 единиц производственного оборудования. Заводы 7414 и 7416, вероятно, являются и конечными производителями некоторых видов военной продукции, например, ракет DF-15.

Наконец, «бутылочным горлышком» всей длинной цепочки производства стратегических систем вооружений после ряда слияний и реорганизаций в 2009—2013 гг. стала 4-я академия CASIC, получившая в настоящее время наименование «Китайская аэрокосмическая корпорация «Саньцзян» (中国航天三江集团公司²⁹). Именно эта компания со штаб-квартирой в городе Ухань отвечает за окончательную сборку комплексов БРСД, МБР, а также ракет БРПЛ и объединяет в себе ряд разнопрофильных активов, связанных с выполнением этой задачи — от ракетных НИИ и сборочных заводов, до автомобильного завода Хубэйской компании специальных автомобилей «Ваньшань», выпускающей многоосные шасси для самоходных пусковых установок ракетных комплексов. На 2013 г. в академии работало более 19 тыс. человек, стоимость ее активов составляла более 30 млрд юаней, в ее состав входили 35 предприятий.

В состав академии входит Конструкторское бюро № 4, расположенное в Пекине и являющееся головным КБ по разработке твердотопливных баллистических ракет наземного и морского базирования. КБ-4, основанное в 1965 г., имеет более 600 сотрудников, стоимость активов — 1,5 млрд юаней, площадь производственных помещений — 57 тыс. кв. м. КБ-4 выполняет широкий круг работ, связанных, очевидно, не только с одновременной разработкой двух типов МБР, одного типа БРПЛ, одного-двух типов БРСД, но и с проектами космических ракет-носителей на базе МБР DF-31, а также противоспутниковых ракет-перехватчиков различных типов, ко-

торые, по доступным данным, создаются в КНР на базе БРСД DF-21 и МБР DF-31. КБ, очевидно, отвечает только за общий облик и интеграцию этих систем, в то время как значительный объем работ выполняется НИИ 4-й и 1-й академий CASC.

Еще одним КБ в составе академии является КБ-9 со штаб-квартирой в Ухане, занимающееся разработкой систем тактического оружия, головок самонаведения и других систем, среди которых можно выделить «оружие на основе твердотельного лазера» (固态激光武器). КБ вовлечено и в ряд важных гражданских проектов, в частности, связанных с разработкой технологий сжижения природного газа.

Более сфокусированным на производстве стратегических вооружений представляется НИИ-17 (Пекинский НИИ управления и электронных технологий), отвечающий за системы управления твердотопливных баллистических ракет. По материалам сентября 2012 г., в НИИ работал 551 человек, в том числе 273 сотрудника со степенями магистров и докторов наук. Стоимость активов предприятия составляла 1,3 млрд юаней. В Ухане находится также Хубэйский НИИ космических летательных аппаратов (湖北航天飞行器研究所), предположительно занятый разработкой и сборкой головных частей баллистических ракет, однако доступная информация о НИИ — минимальна.

Как и 1-я академия CASC, 4-я академия CASIC является слишком крупным и разнообразным по своему содержанию образованием, причем установить точную принадлежность и профиль деятельности некоторых НИИ затруднительно. Поэтому имеет смысл обратить основное внимание на его главное производственное подразделение — Нанкинский завод 307, он же — Нанкинская корпорация «Восход» («Чэньгуан», 南京晨光集团公司). Это и есть венец долгой цепочки производства стратегических ракетных вооружений — именно здесь осуществляется конечная сборка практически всех китайских твердотопливных БРСД, МБР, БРПЛ, а также изготавливаемых на их базе ракет иного назначения (экспериментальные космические ракеты-носители, элементы противоспутникового оружия). Предприятие прослеживает свою историю от 1865 г., когда цинское правительство в рамках политики «самоусиления» основало в Нанкине «Машиностроительный завод «Цзилинь». Предприятие обладает значительными активами стоимостью 5 млрд юаней, в то

время как численность его персонала на удивление невелика и составляет лишь 2300 человек. Много это или мало? Аналогом завода 307 в России является ОАО «Воткинский завод», где концентрируется производство твердотопливных МБР и БРПЛ. В отличие от Китая, Россия не производит БРСД, зато на «Воткинском заводе» осуществляется производство ракет для оперативно-тактического комплекса «Искандер». Согласно открытым данным, численность персонала «Воткинского завода» превышает 10 000 человек³⁰. При этом, в отличие от Китая, Россия продолжает активно производить жидкостные БРПЛ (ракеты «Синева» и «Лайнер» на Красноярском машиностроительном заводе) и разрабатывать новые их типы. Для более точных сравнений необходимо детальное знание особенностей производственной кооперации на российских предприятиях, что не может обсуждаться в рамках открытой публикации.

Тем не менее, имеющиеся данные о китайской ракетной промышленности и небольшой объем доступной информации о ядерном оружейном комплексе позволяют сделать вывод о создании мощной и разветвленной системы проведения НИОКР при пока что относительно скромных масштабах предприятий, занятых серийным производством конечных изделий. Разумным объяснением этого дисбаланса является то, что Китай проводит долгосрочную стратегию развития ядерных сил, в рамках которой первоначально ресурсы концентрируются на проведении НИОКР с целью сокращения отставания от мировых лидеров (США и Россия), а затем, по мере решения этой задачи, центр тяжести переносится на серийные предприятия, которые расширяются. Предположение может быть подтверждено и наблюдениями ряда американских специалистов о происходящем процессе развития двух главных производителей конечной продукции — заводов 903 и 307³¹.

Примечания

¹ Wary of China, Japan urges nuclear weapons info transparency. Kyodo. 02.04.2015.

² Fact Sheet: Nuclear Disarmament and Reduction of. Ministry of Foreign Affairs. PRC. 27.04.2004. URL: <http://fas.org/nuke/guide/china/doctrine/fs042704.pdf>

³ Strategic Defense Review. July 1998. Chapter 4, 64. URL: http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20121026065214/http://www.mod.uk/NR/rdonlyres/65F3D7AC-4340-4119-93A2-20825848E50E/0/sdr1998_complete.pdf

⁴ URL: http://www.sipri.org/media/pressreleases/2013/YBlaunch_2013

⁵ *Есин В.И.* Ядерная мощь КНР. Перспективы участия Китая в ограничении ядерных вооружений / под ред. А. Арбатова. ИМЭМО РАН, 2012. С.28. URL: <http://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2012/12022.pdf>

⁶ Там же. С. 30.

⁷ URL: <http://fas.org/irp/threat/930728-wmd.htm>

⁸ Подробнее о Базе см. сноску 22.

⁹ *Stokes Mark A.* China Nuclear Warhead Storage and Handling System. Project 2049 Institute. 2010. URL: https://project2049.net/documents/chinas_nuclear_warhead_storage_and_handling_system.pdf.

¹⁰ URL: <http://belfercenter.ksg.harvard.edu/files/ChinaNuclearSecurity-hzhang.pdf>

¹¹ URL: <http://www.caep.ac.cn/zjzwy/index.shtml>

¹² URL: <http://www.caep.ac.cn/zjzwy/index.shtml>

¹³ Mark A.Stokes в докладе «China Future Nuclear Force infrastructure» (URL: <http://npolicy.org/userfiles/image/Nov2013-Stokes.pdf>) указывает на расширение завода по производству боеголовок (завода 903).

Сообщение от 2007 г. о плановом отключении энергоснабжения на портале городского округа Мянъян (URL: <http://www.mianyang.gov.cn/MYGOV/156782661539463168/20070716/199182.html>) позволяет идентифицировать точное современное китайское название завода 903 — 四川材料与工?研究所 (Сычуаньский НИИ материалов и технологий). Ниже (сн. 14) приводится доступная открытая информация о НИИ.

¹⁴ Справка о НИИ: URL: <http://wenku.baidu.com/view/44e61d68b84ae45c3b358cfc.html>

¹⁵ После серии проводившихся модернизаций, дальность ракет DF-4, первоначально составлявшая 4500 км была существенно увеличена и составляет, по отдельным западным оценкам, до 7000 км. В западных источниках DF-4 классифицирована как межконтинентальная баллистическая ракета.

¹⁶ The Military Balance 2014. P. 231.

¹⁷ URL: <http://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2014/03/06/2003584976>

¹⁸ URL: <http://www.wantchinatimes.com/news-subclass-cnt.aspx?id=20150308000122&cid=1101>

¹⁹ URL: <http://www.popsoci.com/offset-chinas-hypersonic-glider-flies-third-time-year>

²⁰ Military and Security Developments Involving People's Republic of China 2015. Department of Defense. Annual Report to the Congress. P.7.

²¹ URL: <http://aviationweek.com/blog/chinas-df-16-medium-range-ballistic-missile>

²² Справка на официальной странице CASIC. URL: <http://www.casic.com.cn/n101/n119/index.html>.

²³ Там же.

²⁴ Справка на официальной странице CASC. URL: <http://www.spacechina.com/n25/n142/n152/n164/index.html>

²⁵ URL: <http://www.hit.edu.cn/>

²⁶ URL: <http://archive.defensenews.com/article/20141130/DEFREG03/311300011/China-s-CX-1-Missile-Now-Exportable>

²⁷ URL: <http://mil.news.sina.com.cn/2013-10-28/0941746613.html>

²⁸ URL: <http://www.globalsecurity.org/wmd/world/china/hexi.htm>

²⁹ URL: <http://www.cssg.com.cn/>

³⁰ URL: http://www.picon.ru/firms/view_firm.html?id=61876&page=4

³¹ Stokes Mark A. China Future Nuclear Force infrastructure. URL: <http://npolicy.org/userfiles/image/Nov2013-Stokes.pdf>

Ю.В. Морозов, А.Ф. Клименко

КИТАЙ И ДРУГИЕ ГОСУДАРСТВА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В «АРКТИЧЕСКОЙ ГОНКЕ»

Аннотация. В настоящей работе, анализируя политику и стратегию ведущих держав мира, авторы рассматривают вызовы региональной стабильности в Арктике, затрагивающие интересы России. В статье исследуются интересы и стратегия государств Северо-Восточной Азии в этом регионе. В работе предложены направления сотрудничества России со странами СВА по экономическому освоению Арктики и возможные шаги российского правительства в сфере противодействия западным санкциям.

Ключевые слова: Арктический регион, приарктические государства, НАТО, Китай, Япония, Южная Корея, Северный морской путь (СМП), экономическая зона, милитаризация.

XXI век характеризуется усилением конкуренции за доступ к энергоресурсам, обеспеченность которыми во многом определяет состояние экономики сегодня и в обозримом будущем. Между тем, по мнению экспертов, запасы длительно разрабатываемых месторождений нефти близятся к истощению, а реальными возможностями добычи сланцевой нефти пока обладают лишь США. В этих условиях Арктика с ее значительными запасами углеводородов, удобными трансконтинентальными морскими и воздушными маршрутами все больше привлекает внимание развитых государств. Это положило начало гонке за обладание контролем над регионом. В последнее вре-

мя к ней присоединились и ряд развитых государств Северо-Восточной Азии (СВА) во главе с Китаем, старающихся реализовать в Арктике свои национальные интересы.

Значение Арктики в условиях глобализации XXI века: проблемы и вызовы

Причиной повышенного внимания к Арктике стало обнаружение широкого спектра полезных ископаемых, к тому же в объемах, достаточных для промышленного освоения. По оценкам Геологической службы США, в зоне Северного Ледовитого океана находится до 20 % мировых запасов углеводородов, причем потенциальные запасы нефти составляют 90 млрд баррелей, газа — 47,3 трлн куб. м, газового конденсата — 44 млрд баррелей (рис. 1)¹. Поэтому арктический шельф в перспективе может стать важным и даже основным источником углеводородного сырья. Кроме того, там обнаружены значительные залежи различных руд, в том числе редкоземельные металлы. Наконец, в зоне Северного Ледовитого океана сконцентрированы крупнейшие биоресурсы, включающие более 150 видов только рыб², а некоторые из них (треска, камбала, сельдь, навага и др.) занимают значительную нишу в мировом рыбном промысле³.

Арктика имеет и важное стратегическое значение. Здесь находятся удобные позиционные районы для старта баллистических ракет подводных лодок по всем возможным целям, для систем противоракетной обороны и раннего предупреждения о ракетном нападении, а также других элементов систем стратегического сдерживания, что важно с точки зрения обеспечения национальной безопасности. Через арктическую территорию проходят кратчайшие морские и воздушные маршруты, соединяющие Северную Америку и Европу, восточные и западные части Евразийского континента⁴. В связи с этим прохождение судов по СМП обходится дешевле южного маршрута. Эксплуатацию северного пути удешевляет и отсутствие пиратства, особенно угрожающего кораблям в Аденском заливе и увеличивающего страховые взносы в десятки раз.

Природные ограничения и экологические вызовы. Однако активному использованию Северного морского пути препятствуют трудно-

сти плавания в высоких широтах и слабая транспортная инфраструктура региона как следствие суровых климатических условий. Поэтому в обозримом будущем навигация в арктических водах будет возможна по-прежнему только в течение нескольких летних месяцев. При этом на некоторых участках пути, например, между островами Врангеля и Новая Земля (свыше 3,5 тыс. км) потребуется ледовая проводка. Все это значительно снижает скорость перехода (так, дооборудование судна снижает его скорость на 10–15 %, а плавающие льды — в 2 раза). К тому же обледенение судов снижает полезную загрузку и повышает расход топлива. В связи с этим СМП использует преимущественно Россия для осуществления «северного завоза», транспортировки добываемого в северных районах сырья и для некоторых других целей.

Хозяйственная деятельность в Заполярье ограничивается экстремальными климатическими условиями, прежде всего низкими температурами, зависимостью от завоза топлива и промышленного оборудования и другими факторами, отчего такая деятельность и носит очаговый характер.

Природа в Арктике в высшей степени чувствительна к антропогенному воздействию и медленно восстанавливается. Остро стоит проблема утилизации промышленных отходов, в большом количестве накапливающихся вокруг предприятий. Существует и опасность радиоактивного загрязнения региона по причине неудовлетворительного технического состояния объектов хранения радиоактивных отходов и отработанного ядерного топлива. Только на атомных подводных лодках Северного флота РФ, находящихся в отстое, и в береговых хранилищах Кольского полуострова сосредоточено около 250 реакторов⁵.

Не лучшим образом сказывается на экологии и деятельность других приарктических государств. Поэтому экологические проблемы Арктики нельзя рассматривать как национальные или региональные. Реализовать такие важнейшие проекты, как обоснование «экологической емкости» территорий, расчеты допустимых «антропогенных нагрузок», а также разработать нормативы природопользования для условий Арктики можно только совместными усилиями.

Проблемы разграничения полярных владений. Согласно Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., приарктическим странам⁶ в

Рис. 1 Богатства Арктики. Источник: URL: www.vsgs.gov.

Арктическом регионе принадлежат исключительные экономические зоны (шириной до 200 миль) и континентальный шельф (до 350 миль), в пределах которых они обладают суверенным правом на разработку недр (см. рис. 1). Этот принцип секторального деления Арктического региона стал признанной реальностью, и только в последнее время зазвучали призывы к его пересмотру, а в стане приарктических государств возникли разногласия. Так, Канада не желает, чтобы Северо-Западный проход, соединяющий Тихий и Атлантический океаны, приобрел статус международного пролива. Дания не может ни договориться с Канадой относительно границ юрисдикции на разделяющих их владения акваториях, ни согласовать ряд «арктических проблем» с Норвегией и Россией.

В 2008 г. президент России поставил перед правительством РФ задачу сформировать прочную нормативно-правовую базу, обеспечи-

вающую закрепление внешней границы российского континентального шельфа. Для этого Россия представила специальной комиссии ООН научные подтверждения того, что подводные хребты Ломоносова и Менделеева, как и расположенная между ними котловина Макарова являются компонентами азиатской материковой окраины на северном направлении. Это станет веским основанием для включения данных областей Арктики в состав континентального шельфа России. Можно надеяться, что заявка России на хребты Ломоносова и Менделеева в 2015 г. встретит такое же понимание, как удовлетворенное ООН в 2014 г. обращение по поводу российской акватории в Охотском море.

Проблемы трансарктических перевозок. В 1991 г. Россия открыла СМП для проводки иностранных судов, установив некоторые ограничения в акваториях, находящихся под ее юрисдикцией. По некоторым оценкам, в перспективе объем транзита по СМП может достичь 8–12 млн т в год. Поэтому Россия заинтересована в расширении транзита грузов по СМП как дополнительного источника валютных поступлений для развития его инфраструктуры.

На этом фоне деструктивным для российских интересов выглядит стремление ряда стран придать СМП интернациональный статус. Наибольшую активность проявляют США, Канада, скандинавские и некоторые другие страны. Евросоюз, подавляющее большинство стран-членов которого имеют весьма отдаленное отношение к Арктике, настаивает на расширении круга акторов, участвующих в решении проблем региона, а также подводит юридическую базу под идею интернационализации СМП, игнорируя существующую нормативно-правовую основу. Между тем маршрут СМП в своей значительной части располагается в пределах исключительной экономической зоны России, в ее территориальном море либо даже в российских внутренних водах, т. е. в пространствах, подпадающих под суверенитет или юрисдикцию нашей страны.

За подобными предложениями, в том числе о создании «Международного транспортного консорциума для управления СМП», стоит желание отеснить Россию от руководства этой важной артерией.

Милитаризация региона. Несколько лет тому назад комиссары Евросоюза подготовили для стран-членов ЕС совместный доклад, в котором предупредили об опасности возможных конфликтов в Арктике. Исходя из этого, генсек НАТО выразил мнение, что альянсу

будет необходимо расширять военное присутствие в Арктическом регионе по мере того, как глобальное потепление будет растапливать северные льды⁷.

Скандинавские страны объявили о планах создания собственного неформального объединения, некоего подобия военного блока. В него вошли Дания, Исландия и Норвегия, а также придерживавшиеся до последнего времени политики неприсоединения к военно-политическим альянсам Финляндия и Швеция. Они заявили, что это объединение преследует цели «обеспечения безопасности в Арктическом регионе»⁸. Не остаются в стороне от «скандинавского блока» и США, которые регулярно проводят масштабные военные учения в Арктике. Аналогичные маневры проводит и Канада, обеспокоенная американской и российской активностью в регионе и потому предпринимающая меры, включая военные, чтобы защитить свой суверенитет на севере.

В противовес военной активности стран НАТО Москва вынуждена создавать группировку войск в Арктике с целью обеспечить безопасность РФ в различных условиях развития военно-политической обстановки.

Таким образом, стратегическая важность региона и попытки инициировать вопрос о пересмотре принципов и действующих международных норм, определяющих порядок разграничения владений в нем приарктических государств, — вот причины возможных серьезных конфликтов в Арктике, способных вызвать дестабилизацию и региональной, и глобальной обстановки. При этом международные организации, такие как «Арктический совет» и «Совет Баренцева/Евро-Арктического региона», а также иные форматы сотрудничества в Арктике скорее «копят портфель возможностей», чем выступают фактором стабильности.

Политика и стратегия государств Северо-Восточной Азии в Арктике

В 2013 г. в «Арктический совет» в качестве постоянных наблюдателей были приняты Китай, Япония и Южная Корея. И хотя статус наблюдателей не дает права решающего голоса, но и совещательный

голос позволяет им выдвигать собственные стратегии развития Арктики.

Среди этой группы стран *Китай* стал самым активным игроком, продвигающим целую серию экономических, политических и научных инициатив для реализации своих стратегических целей в Арктике.

К наиболее значимым относятся:

- постепенное усиление влияния на принятие решений, касающихся Арктики. Пекин уже устойчиво интегрирован в систему решения арктических проблем, включая экологические и экономические. Он расширяет инвестиции в проекты приарктических государств и таким образом формирует механизмы экономического нажима на эти страны с целью реализации собственных интересов в регионе;
- получение более глубокого представления об отрицательном воздействии изменения климата в Арктике на окружающую среду и сельское хозяйство Китая. КНР, активно осуществляя научно-техническое освоение Арктики, ускоренно модернизирует базу проведения арктических исследований, создает новые технические возможности для обработки данных и перестраивает ледокольный порт в Шанхае;
- обеспечение поставок энергетических и других ресурсов по СМП. Китайцы называют этот путь, защищенный от воздействия со стороны ВМС США, «Северо-западным проходом», а неофициально — «Морским шелковым путем».

Согласно китайским прогнозам, к 2020 г. по СМП пойдет от 5 до 15 % китайского внешнеторгового грузопотока, в основном в виде контейнерных перевозок. По оценке китайских экспертов, один «северный» рейс контейнеровоза или сухогруза может сэкономить от 0,5 до 3,5 млн долл. Для КНР данный вопрос крайне важен: экономика этой крупнейшей страны-экспортера на 46 % зависит от международного судоходства.

Представитель Даляньского морского университета Ли Чжэнфу довольно точно выразил мнение китайских экспертов, которые считают, что тот, кто получит в XXI веке контроль над арктическим маршрутом, будет контролировать новый путь мировой экономики. Освобождение Арктического региона ото льда придает импульс су-

доходству Китая по пути в Европу. Поэтому помимо собственной базы КНР арендует у Северной Кореи два порта — Чонгкинг и Райан, а на китайских верфях строятся новые ледоколы.

Используя тот факт, что на международном уровне вопрос о разделе Арктики пока окончательно не решен, Китай, стремится доказать, что ни у кого нет исключительных прав на освоение этого региона.

Активностью Китая в Арктике недовольны приарктические государства — Россия, США, Канада и Норвегия, считая КНР опасным конкурентом. Игнорируя это, Китай также называет себя «приарктической страной». Тем не менее, Пекин старается не давать поводов считать его намерения агрессивными. Пока он предпочитает не ввязываться в дипломатические конфликты и действует через совместные предприятия.

Начало серьезного спора России и Китая по поводу СМП отвечало бы интересам Запада, взявшего курс на сдерживание КНР. Для западных стран появление в Арктическом бассейне Китая является менее желаемой перспективой, чем все российские арктические претензии. Поэтому многие западные эксперты пытаются доказать Москве, что появление Китая в Арктике создает «региональную угрозу, и прежде всего — для России»⁹.

В противовес этим утверждениям Пекин применяет в Арктике несколько иные подходы. С одной стороны, Китай добивается выгод, активно работая с «малыми» странами. Так, несмотря на существовавшие противоречия с Норвегией, он заключал с ней договоры по освоению Арктической зоны. Первая китайская научная станция «Хуанхэ» на Шпицбергене появилась еще в 2004 г. Норвегия предоставила Китаю не только территорию, но и техническую базу: станция «Хуанхэ» была построена и обслуживается норвежцами. Китай во многом поддерживает в Арктике и Дания. Их сотрудничество из сферы торговли постепенно перерастает в тесные партнерские отношения. Причина — гренландские полезные ископаемые. Копенгаген надеется, что сокращение ледяного покрова позволит добывать редкоземельные металлы, уран, железную руду, свинец, нефть и драгоценные камни. А Китай может стать их главным покупателем.

Исландия тоже важна для Пекина как плацдарм для прорыва в Арктику. Китайская корпорация China National Offshore Oil

Corporation объявила о сделке с фирмой Eukon Energy по разведке запасов нефти у юго-восточного побережья этой страны. Корпорация Sichan Xinue Mining стала инвестором крупного горнодобывающего проекта на гренландском железорудном месторождении Исуа. В случае успеха к проекту подключатся и другие китайские компании, уже проводившие здесь разведку залежей меди и золота.

При этом Китай использует в своих целях разногласия среди крупных держав региона. При этом Пекин дает понять Москве, что перспективы взаимовыгодных проектов перед лицом угроз со стороны Запада более значимы, чем проникновение Китая в Арктику. Он настойчиво пытается внушить России, что она самостоятельно не сможет освоить ресурсы Арктики, и предлагает инвестиции с целью создания трехсторонних совместных предприятий с привлечением передовых западных (норвежских) технологий, без которых РФ не в состоянии вести добычу сырья с больших глубин.

В 2014 г. «Роснефть» и китайская нефтегазовая корпорация CNPC договорились о совместном изучении Западно-Приновоземельского участка в Баренцевом море, а также Южно-Русского и Медынско-Варандейского участков в Печорском море. Действует соглашение CNPC с «Газпромом» по разведке нефтяных и газовых месторождений в Арктике, совершена сделка по покупке этой компанией 20 % акций проекта «Ямал СПГ». Проект предусматривает запуск в 2016 г. завода по производству сжиженного природного газа (СПГ) мощностью 16,5 млн т в год на ресурсной базе Южно-Тамбейского месторождения, создание транспортной инфраструктуры, включающей морской порт, способный принимать крупнотоннажные СПГ-танкеры, и аэропорт в районе поселка Сабетта на Обской губе.

Китайские инвесторы выразили готовность вкладывать средства в строительство нового глубоководного морского торгового порта в Архангельске и железнодорожной магистрали Белкомур (Белое море—Коми—Урал), которая на 800 км сократит путь из Сибири до Белого моря. В этом проекте архангельский порт с грузооборотом около 30 млн т в год станет пунктом «стыковки» СМП с российской системой железных дорог.

О серьезности намерений Китая говорит наличие в структуре его органов власти особой Арктической и Антарктической админи-

страций, отвечающих за выполнение научных программ. С 1994 г. китайские ученые изучают арктический бассейн. Планируется создать постоянную дрейфующую станцию в Северном Ледовитом океане. В 2014 г. Китай спустил на воду сверхмощный ледокол, способный проходить льды толщиной до 4,5 м. А в ближайшем будущем Пекин обзаведется постоянно действующим «полярным» флотом и специальной авиацией, могущей приземляться на Северном полюсе. Таким образом, продвижение Китая в Арктику идет по нарастающей, поскольку научные, экономические и финансовые возможности у КНР есть, и год от года они будут только увеличиваться.

Япония выработала свою стратегию деятельности в Арктике. Это обусловлено тем, что страна полностью зависит от импорта природных ресурсов. Импорт углеводородов обеспечивает 84 % ее энергетических потребностей, а после аварии на АЭС в Фукусиме в 2011 г. степень этой зависимости выросла еще больше. Поэтому в экспертном сообществе Японии активно обсуждается вопрос о возможности ограничения или даже отказа от ядерной энергетики, в связи с чем потребность углеводородных ресурсов в стране резко возрастет. Это инициирует повышенный интерес Японии к гигантским запасам энергоресурсов Арктики, и страна старается расширить свое присутствие в этом регионе.

На политическом уровне Токио регулярно проводит двусторонние переговоры с приарктическими государствами, в том числе с Россией. В 2013 г. Япония и РФ провели встречу в формате «2+2», на которой министры иностранных дел и обороны обсудили вопросы, связанные с сотрудничеством и безопасностью. Однако Японию и Россию нельзя назвать партнерами в этой сфере. Такие вопросы, как статус Курильских островов и японско-американской военной союз, являются серьезным препятствием для установления партнерских отношений. Перспектива круглогодичного плавания по СМП увеличивает ценность Курил (порты, складская инфраструктура, объекты систем безопасности и т. д.), что придаст новый импульс спорам вокруг этих островов. Кроме того, в японских СМИ периодически поднимается вопрос о нарушениях РФ стандартов использования окружающей среды и «деградации» северных народов.

Тем не менее, Токио готов к сотрудничеству с РФ, хорошо понимая масштабы его возможной выгоды. Налаживая практические отношения с Россией, Япония стремится воспользоваться потенциалом Арктики и обрести поддержку РФ в противостоянии напористой политике Китая. Сотрудничество с Россией является благоприятной возможностью для Японии укрепить связи с самым влиятельным игроком в Арктике и заслужить авторитет в Арктическом совете. Оно позволит японским энергетическим и морским транспортным компаниям и научным институтам получить доступ в Арктику, а также расширить список поставщиков энергоресурсов и маршрутов перевозок. Японские порты получают преимущества перед своими конкурентами, такими, как Сингапур, Шанхай и Гонконг. А совместная работа с российскими специалистами, имеющими опыт судовождения и эксплуатации оборудования в суровых погодных условиях, может оказаться полезной для японских компаний. В 2013 г. японская компания Inpex Corporation заключила с «Роснефтью» договор о совместной разработке двух нефтяных месторождений, принадлежащих России. Япония построила дизель-электрический ледокол «Сиирадза» и разработала программу космического мониторинга погоды на СМП¹⁰. А компания Mitsui OSK запланировала инвестиции в размере 932 млн долл. для создания трех танкеров СПГ, которые могли бы плавать в водах Северного Ледовитого океана.

Имея в своем распоряжении один из крупнейших торговых флотов в мире, Япония может извлечь выгоду от использования СМП, который позволяет сократить время пути от Гамбурга до Йокогамы приблизительно на 40 %, а расход топлива — на 20 % по сравнению с маршрутом, пролегающим через Суэцкий канал. Таким образом, Россия рассматривается японским правительством как один из главных партнеров в освоении ресурсов Арктики и налаживании судоходства по Северному морскому пути. И если Москве и Токио удастся преодолеть препятствия на пути к диалогу, они смогут извлечь для себя выгоду не только в Арктике. Однако российско-японские отношения в этом регионе будут носить коммерческий характер. В вопросах же безопасности Япония продолжит активное сотрудничество с Вашингтоном.

На волне повышенного интереса мировых держав к освоению ресурсов Арктики *Южная Корея* также стремится обеспечить себе

определенные позиции в регионе. Приоритетами деятельности Сеула в Арктике являются: укрепление отношений сотрудничества с арктическими странами, развитие исследовательской и формирование новой модели предпринимательской деятельности в Арктике, совершенствование правовой и институциональной инфраструктуры.

Эти направления получили развитие в «Плане реализации комплексной политики в отношении Арктики» (2013 г.). При этом интерес РК к региону в значительной степени связан с возможностью взаимодействия при эксплуатации СМП крупнейших южнокорейских портов — Пусана, Ульсана, Кваньяна, а также судостроительных и судоходных компаний. Поэтому развитие СМП позволит стране не только увеличить производство кораблей арктического класса, но и приумножить товарооборот корейских портов с портами в Западной Европе.

В связи с перспективами освоения ресурсов Арктики и использования Северо-Восточного и Северо-Западного проходов в качестве международных морских путей ряд экспертов в Южной Корее указывают на необходимость принятия Сеулом шагов, способных обеспечить для РК участие в развитии основных портов Северного Ледовитого и северной части Тихого океана, а также в удовлетворении потребностей заинтересованных стран в различного рода судах ледового класса.

Вместе с тем в Сеуле осознают, что РК будет проблематично обеспечить реализацию своих экономических интересов в Арктике и выдержать конкуренцию со стороны Китая. И здесь, по мнению южнокорейских экспертов, приоритетным направлением представляется сотрудничество с Россией. В случае эксплуатации СМП в качестве торгового маршрута возникает необходимость пользования контролируемой РФ водной акваторией, услугами российских портов, геонавигационной системы и ледокольного флота. При этом учитывается, что Россия играет ведущую роль в системе международного управления Арктическим регионом, в частности в Арктическом совете и Европейском Арктическом совете Баренцева моря.

По мнению представителей корейской стороны, для формирования с РФ надежных партнерских отношений, предполагающих ак-

тивное сотрудничество в Арктике, целесообразно реализовать ряд конкретных инициатив.

Во-первых, основываясь на «Плане реализации комплексной политики в отношении Арктики», выработать и принять на правительственном уровне «Общую стратегию сотрудничества с Россией в Арктике», после чего выйти к Москве с предложением подписания «мастер-плана» развития ресурсного и транспортно-логистического направлений освоения Арктического региона.

Во-вторых, инициировать создание при Российско-корейской совместной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству отраслевого комитета по сотрудничеству в Арктике. Наряду с этим РК предлагает учредить в российском секторе Арктики совместный исследовательский орган — Российско-корейский центр сотрудничества и изучения Арктики, который в дальнейшем станет основным «мозговым центром» российско-корейского арктического сотрудничества.

В-третьих, совместно с РФ инициировать создание регионального механизма многостороннего сотрудничества в Арктике с условным наименованием «Азиатско-Тихоокеанский арктический совет», что позволит Сеулу рассчитывать на повышение своего статуса и роли в качестве одной из ведущих стран Арктического региона.

В-четвертых, в целях подготовки квалифицированных специалистов по Арктическому региону предлагается направлять корейских специалистов на учебу в образовательные учреждения РФ и привлекать российских специалистов-полярников в РК, а также укреплять взаимодействие с Северным (Арктическим) федеральным университетом им. М.В. Ломоносова (Архангельск) и с подконтрольным ему Институтом судостроения и морской арктической техники.

В своих концепциях развития двусторонних отношений сотрудничества с Россией в Арктике РК исходит из того, что процесс освоения российских арктических пространств с целью закрепления их статуса, развития инфраструктуры, разработки и добычи запасов природных ресурсов весьма недешев и потребует от Москвы привлечения масштабных инвестиций, в том числе и иностранных. Южная Корея готова их предложить в обмен на гарантии свободного досту-

па к использованию СМП, а также сделать вложения в российский сектор Арктики для осуществления исследовательских и геологоразведочных работ и предоставления необходимого сервисного обеспечения.

Таким образом, Сеул нацелен на получение доступа к освоению энергетических, минеральных и иных ресурсов Арктического региона, на использование логистического потенциала СМП, занятие российского рынка специализированного крупнотоннажного судостроения, осуществление научно-технического взаимодействия в плане получения от РФ специальных знаний, опыта и технологических наработок в области исследовательской и хозяйственной деятельности в Арктике.

Исходя из российских интересов, к возможным направлениям двустороннего сотрудничества с РК в Арктике можно отнести кооперацию в развитии и модернизации российских арктических портов, подтверждением чему может служить факт подписания в январе 2014 г. соответствующего меморандума о взаимопонимании. Кроме того, Россию могут заинтересовать инвестиции, информационно-коммуникационные технологии, научно-техническое сотрудничество и совместные НИОКР. Инициатива РК по созданию в рамках Российско-корейской совместной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству отдельного отраслевого комитета по вопросам Арктики также не лишена смысла и может быть реализована.

В то же время ряд предложений корейской стороны, как представляется, не отвечает национальным интересам РФ. Маловероятно, что предложение об учреждении Российско-Корейского центра сотрудничества и изучения Арктики будет иметь положительный отклик ввиду нацеленности Сеула на получение плацдарма для проникновения в Арктический регион, в качестве которого и рассматривается указанная структура. Для России сомнительна выгода от создания Азиатско-Тихоокеанского арктического совета, где обсуждались бы вопросы освоения Арктики в региональном или в глобальном масштабе. Целесообразность совместной выработки и принятия «генерального плана» российско-корейского сотрудничества в Арктике также вызывает сомнения с точки зрения обязательств сторон.

Некоторые направления сотрудничества России с государствами СВА в Арктике: возможные пути решения существующих проблем

В связи с ростом значимости Арктического региона в России была принята стратегия его освоения¹¹. Она определяет основные принципы российской политики в Арктике до 2020 г. и призвана оптимизировать систему контроля над обстановкой в регионе, где Россия намерена сотрудничать с другими державами. В качестве российских национальных интересов названы: использование арктической зоны РФ в качестве стратегической ресурсной базы государства, обеспечивающей решение задач социально-экономического развития страны; сохранение Арктики как территории мира и сотрудничества; сбережение уникальных экологических систем региона; использование СМП в качестве единой национальной транспортной коммуникации РФ.

Стратегия предусматривает поэтапное осуществление российской политики в регионе. На первом этапе (2008—2010 гг.) были проведены работы по подготовке материалов для обоснования внешней границы арктической зоны РФ и частично реализован ряд проектов в рамках государственно-частного партнерства. На втором (2011—2015 гг.) — предусматривается международно-правовое оформление внешней границы арктической зоны России и решение задач ее структурной оптимизации. На третьем (2016—2020 гг.) — должно быть реализовано превращение арктической зоны России в ведущую стратегическую ресурсную базу страны.

Однако изменения в геополитической ситуации в мире в 2014 г. наложили отпечаток на российские планы освоения Арктики. В связи с событиями на Украине Запад применил санкции с целью международной изоляции России. В частности, была запрещена поставка в Россию оборудования для глубоководной добычи нефти и газа и для разработки арктического шельфа (буровые платформы, детали для бурения, морское оборудование для работы в условиях Арктики, дистанционно управляемые подводные аппараты, насосы высокого давления и т. п.).

В свете сложившейся ситуации особую актуальность приобретает сотрудничество со странами СВА. Анализируя арктическую поли-

тику этих государств, представляется возможным сформулировать ряд предложений по взаимодействию с ними в свете задач России по освоению Арктики. Основным из них может стать установление партнерских отношений с заинтересованными в освоении Арктики государствами СВА, используя преимущества обладания Россией самым мощным ледокольным флотом в мире и контроля за СМП. У этих стран пока нет достаточного количества специально подготовленных кораблей с двойной обшивкой и ледоколов. Это плюс для РФ: на самом трудном участке маршрута торговые и пассажирские корабли могут проходить СМП только в сопровождении российских ледоколов.

В Арктическом совете и в Европейском арктическом совете Баренцева моря целесообразно выступить ведущим субъектом в совместном освоении и эксплуатации ресурсов Арктики. Прагматичная политика в этих структурах, особенно в отношении стран-наблюдателей, может свести к минимуму число недругов и установить благоприятный международный климат, при котором Россия могла бы направить энергию на развитие своих арктических владений.

Для РФ особое значение приобретают финансовые и научно-технические возможности стран СВА в предоставлении инвестиций, передаче информационно-коммуникационных технологий и поставке оборудования, используемого при разработке глубоководных арктических месторождений нефти и природного газа.

Стратегическим партнером России в освоении Арктического региона способен стать Китай. При этом Москва не только сможет переложить часть финансовой нагрузки на Пекин, но и получит средства для модернизации существующих и строительства новых портов на всем протяжении СМП. РФ может оказать КНР помощь в проведении исследований в Арктике и в развитии танкерного флота, предназначенного для плавания в северных широтах. Россия заинтересована в финансовых инвестициях Китая в развитие инфраструктуры северных территорий и в добычу энергоресурсов. К примеру, «Газпром» мог бы пригласить китайскую шельфовую нефтяную корпорацию СНООС к участию в проекте освоения Долгинского месторождения в Печорском море и соседнего Приразломного.

При нейтральной позиции Сеула в отношении режима антиросийских санкций рационально было бы попытаться объединить уси-

лия, знания, капиталы, наработки и технологии Южной Кореи и России. Основания для этого существуют. Президент РК Пак Кын Хе глубоко убеждена в необходимости расширять объемы инвестиций в новейшие научные исследования и разработки в сфере судоходства в Арктике. Корейское правительство планирует развивать порты вдоль арктического морского пути и предоставлять льготы суходоходным компаниям, которые станут этим путем пользоваться¹².

В перспективе Россия может извлечь выгоду из укрепления отношений с Японией. Поскольку российские стратегические интересы смещаются из Европы в Азию, РФ целесообразно обезопасить себя на случай непредвиденных обстоятельств в отношениях с Китаем и наладить тесные партнерские отношения с другими государствами Азии. Хотя Пекин остается важнейшим торговым партнером России в Восточной Азии, Москва должна расширять список восточноазиатских покупателей ее энергоресурсов. Инфраструктура энергетических проектов «Алтай» и «Сила Сибири» пока нацелена только на Китай. Для России это является довольно серьезным стимулом к расширению клиентской базы и включению в нее других государств СВА. Кроме того, японские ноу-хау в области добычи энергии и морских операций могут помочь российским компаниям преодолеть отставание от своих главных конкурентов в сфере технологий, необходимых для ведения деятельности в Арктическом регионе.

Совместное со странами СВА освоение богатств Арктического региона и развитие международного судоходства по СМП сталкиваются с разным рода проблемами. Первая и самая главная из них, отмеченная иностранными компаниями, — это отсутствие обратной связи с соответствующими госструктурами РФ, прежде всего с администрацией СМП. Слишком много времени уходит на согласование рабочих моментов, получение информации о маршруте, прохождении бюрократических процедур. Очевидно, что российская сторона должна срочно выработать гибкий механизм оперативного принятия решений, который устранил бы все издержки, связанные с получением разрешения на использование СМП. Это касается и согласования тарифов.

Второй проблемный момент — это имидж СМП в глазах субъектов международной судоходной отрасли, который пока остается неоднозначным и меняется то в лучшую, то в худшую сторону. А ведь

именно от имиджа во многом зависит окончательное решение компании-перевозчика о том, какой маршрут выбрать: СМП или иной. Поэтому необходимо прилагать больше усилий для повышения привлекательности СМП за рубежом. В связи с этим перед государственными ведомствами может быть поставлен ряд задач внешнеполитического характера.

Перед администрацией СМП небесполезно поставить следующие задачи: адресная работа с иностранными судоходными компаниями и другими экономическими субъектами, заинтересованными в использовании СМП; презентация возможностей и потенциала СМП на ведущих отраслевых выставках, семинарах, конференциях. МИД РФ мог бы заняться проведением консультаций с иностранными государствами по поводу их участия в освоении СМП (эта задача наиболее актуальна в случае с Китаем, где судоходная отрасль находится под преимущественным контролем государства), а также утверждением и обеспечением международного признания права РФ вести самостоятельную тарифную политику в Арктике¹³.

Третья проблема — обеспечение безопасности судоходства по СМП. Она может быть решена посредством создания активно функционирующей системы береговой охраны ФСБ в арктической зоне РФ и повышения эффективности взаимодействия с береговыми охранами других государств. А поддержание в регионе стабильности, обеспечение решения природоохранных и иных задач целесообразно осуществлять усилиями только приарктических государств, не допуская к этому военные союзы и иных антироссийски настроенных акторов.

Кроме того, необходимо быть готовыми к усилению информационного и международно-правового противоборства по проблемам Арктического региона на глобальном уровне и играть на опережение недругов в этой сфере. Периодически поднимающиеся вопросы о необходимости международного доступа к эксплуатации СМП и «интернационализации» прав на регион, экологические проблемы России позволяют продвигать интересы тех государств, которые обладают мощными экономическими, финансовыми и военными возможностями. Это выгодно и под силу сделать США и их союзникам в Европе и в Азии. Вопрос реализации их интересов в данном случае будет решаться путем давления на Россию, так или иначе нарушившую устанавливаемый порядок.

Примечания

¹ *Кашин В.* Арктическая кладовая // Ведомости. 25.07.2008.

² *Steve Robinson & Ben DiPietro.* Seafood International. URL: <http://www.Fishonline.ru>

³ Арктика: перспективы развития // Информационно-аналитический бюллетень РИСИ. 2008. № 4. URL: <http://www.riss.ru>

⁴ *Морозов Ю.В.* Стратегия ведущих государств мира в Арктике в XXI веке и вызовы национальным интересам России в регионе // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 45. С. 37—52.

⁵ Загрязнение радионуклидами арктических морей России // Арктика сегодня. URL: <http://www/arctictoday.ru>

⁶ К приарктическим странам относятся: Россия, Канада, США, Норвегия и Дания, на этот статус претендуют также Финляндия, Швеция и Исландия.

⁷ NATO Warns Of Tensions As Ice Thaws In The Arctic // The Associated Press. 30.01.2009.

⁸ Скандинавские страны создают «арктический кулак». URL: <http://news.mail.ru/politics/2364882/>

⁹ *Morozov Y.* Arctic 2030: What Are The Consequences Of Climate Change? The Russian Response // Bulletin of the Atomic Scientists. 2012. Т. 68. № 4. Р. 22—27.

¹⁰ URL: <http://www.dv.ee>

¹¹ Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 года и на дальнейшую перспективу, утвержденные Указом Президента РФ от 17 декабря 2008 г.

¹² URL: <http://www.morvesti.ru>

¹³ URL: <http://www.voprosik.net>rossiya-morskoi-put/>

Ян Юйхэн

СОТРУДНИЧЕСТВО КНР И РОССИИ В СФЕРЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК АСПЕКТ И ФАКТОР ИХ ГУМАНИТАРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ*

Аннотация. В статье проводится мысль о том, что активность изучения и использования языков государств-партнеров является не только одним из показателей успешности гуманитарного сотрудничества, но и фактором, благоприятствующим взаимопониманию сторон, а также индикатором общего климата межстрановых отношений.

Ключевые слова: китайско-российские отношения, китайский язык в РФ, русский язык в КНР, гуманитарное сотрудничество.

Культурные контакты, на взгляд автора, играют значительно бóльшую роль в деле взаимоузнавания КНР и России и усиления гуманитарного компонента в их отношениях, нежели любые другие инструменты взаимодействия двух стран.

* Статья, подготовленная аспирантом ИДВ РАН, носит во многом описательный характер, но редколлегия сборника решила предложить ее вниманию читателя, полагая, что изложенный в ней материал может быть информативным в плане характеристики взглядов китайских исследователей на значение двустороннего сотрудничества в сфере лингвистического образования для культурно-гуманитарного взаимодействия КНР и России. — *Ред.*

По словам китайских и российских исследователей, которые анализируют двусторонние культурные связи, пока еще «отношения наверху горячие, а внизу — холодные»¹ и неглубокие. Простые граждане обеих стран мало знают о культуре друг друга. В силу различных исторически сложившихся причин существует ряд препятствий в реализации культурных обменов между Китаем и Россией.

Для их устранения необходимо использовать опыт прошлых лет сотрудничества и взаимоизучения. Так, несмотря на то, что молодые люди в КНР мало осведомлены о достижениях культуры России, все они знают «Песню о буревестнике», написанную М.Горьким, потому что в китайской школе изучают ее уже многие годы. Также все знают картину И.Репина «Бурлаки на Волге», ибо в школьную программу включен анализ этого произведения живописи.

Сотрудничество в сфере школьного образования является весьма важным элементом диалога цивилизаций.

Для лучшего знания жизни страны-партнера необходимо понимать менталитет и обычаи населяющего ее народа. И знание языка занимает важное место в деле распространения культурных ценностей стран-носителей этого языка. В Китае говорят: «Культура одной страны перейдет через мост языка в другую страну».

В настоящее время английский язык является первым в мире по изучаемости в школах, и благодаря этому китайцы и русские имеют возможность обрести более глубокое понимание культуры и традиций англоговорящих стран.

А русский и китайский языки, несмотря на то, что они входят в число официальных языков ООН, по сравнению с английским, мало используются на мировой арене. Это приводит к тому, что ныне очень небольшое число китайцев заинтересовано в изучении русского языка. Из-за отсутствия достаточного «языкового обеспечения» в культурном диалоге между двумя странами существуют немалые трудности. По сути, люди в Китае и в России лишены одной из важнейших коммуникационных платформ.

Преподавание и изучение русского языка в Китае представляет собой извилистый путь: когда-то русский язык был очень популярным в КНР, а потом в процессе его изучения наступила некая «точка замерзания». Однако позднее отношение к русскому языку опять изменилось. Такие резкие перемены логично отражали подвижки в

диалоге между Китаем и Россией, который прошел путь «от жары до холода» и затем «от холода до жары».

Можно выделить три этапа процесса изучения русского языка в Китае. **Первый этап (1949—1963 гг.)** характеризовался интенсивностью преподавания и изучения русского языка в силу того, что СССР в то время оказывал исключительно важную помощь экономическому развитию Китая. Советский Союз стал первой страной, установившей в 1949 г. дипломатические отношения с КНР. Кроме того, обе страны занимали одинаковые позиции по целому ряду международных проблем. В 1950-е годы многие советские специалисты приехали в Китай для оказания поддержки строительству нового Китая. Русский язык широко применялся не только в технической документации, но и в деловом общении. В этот период стали активно создаваться учебные заведения, специализировавшиеся на обучении русскому языку.

Кроме специальных учебных заведений, по инициативе соответствующих государственных органов были организованы занятия для переводчиков русского языка, кружки по его изучению, ускоренные курсы русского языка. Молодое китайское государство заботилось о подготовке высококвалифицированных специалистов со знанием русского языка: преподавателей, политиков, экономистов, деятелей культуры, дипломатов и др. В то время это соответствовало насущным потребностям страны².

В 1950-е гг. в СССР, по разным данным, прошли обучение от 7 до 30 тыс. молодых китайцев³. До этого Китай никогда не направлял так много студентов на учебу за рубеж.

В это время высокого уровня изучения китайского языка и подготовка специалистов-китаеведов достигли и в СССР. По официальным данным, к середине 1960-х годов в Советском Союзе насчитывалось не менее 10 тыс. специалистов, переводчиков, научных сотрудников и т. д., владевших китайским языком⁴.

Второй этап (1964—1980 гг.) — период охлаждения отношений. С конца 1950-х годов отношения между КНР и СССР начали ухудшаться. Китай отказался от односторонней внешней политики, и СССР перестал поддерживать КНР. Разногласия в области идеологии, пограничные военные столкновения и т. д. подвинули диалог Китая и СССР к «точке замерзания». В 1960-е и 1970-е годы в китай-

ско-советских контактах существовали немалые проблемы, в том числе связанные с линией прохождения границы между двумя государствами.

После визита американского президента Р.Никсона в Китай 21 февраля 1972 г. КНР стала активно развивать отношения с западными странами. При новом внешнеполитическом курсе Китая спрос на изучение английского языка резко возрос. Именно в этот период в КНР число людей, изучавших английский язык, значительно превысило количество обучавшихся русскому языку.

Учитывая принцип спроса и предложения, государство должно было регулировать и систему обучения иностранным языкам. Даже в годы плановой экономики при составлении планов развития страны не упускалось из виду и соотношение между спросом и предложением в гуманитарных сферах.

Тогда наблюдалась отрицательная динамика не только в процессах обучения русскому языку в КНР, но и в масштабах изучения китайского языка в СССР. После резкого ухудшения отношений между двумя странами невостребованными оказались многие советские китаеведы и преподаватели китайского языка. Они должны были соглашаться на любую работу, например, в качестве проводников в поезде «Москва—Пекин».

Третий этап (после 1980 г.) — период нового подъема. В 1980-х годах в отношениях между Китаем и СССР наметились признаки потепления. После истечения срока действия Договора о дружбе и взаимопомощи между КНР и СССР 1950 г. страны начали постепенную подготовку к переходу на новый уровень отношений. Возобновились переговорные процессы, был достигнут определенный прогресс в дипломатических отношениях. После распада СССР в начале 1990-х годов для российской экономики наступили нелегкие времена. Но именно в этот период отношения между нашими государствами вновь стали обретать стабильный и дружественный характер. Это потребовало активизации обучения языкам друг друга, и взаимное лингвистическое образование и прямое общение между представителями Китая и России получили новый импульс.

Но ввиду того, что межгосударственные отношения в предшествующие десятилетия отличались холодностью и даже враждебностью, чувство недоверия между народами обеих стран не исчезало, а

порой оно перерастало в открытое непонимание. И ныне восприятие России современной китайской молодежью зачастую остается на уровне отношения к Советскому Союзу прошлого века. Молодые китайцы хорошо информированы о таких деятелях революционного и советского периодов, как В.И. Ленин, И.В. Сталин, Н.С. Хрущев, и о событиях в двусторонних отношениях времен Второй мировой и «холодной» войн. То есть их знания ограничены периодом, предшествовавшим ухудшению диалога между Китаем и СССР в начале 1960-х годов. Однако в 1980—1990-е годы в СССР/России произошли большие перемены. Тем не менее, многие китайцы, не следившие за изменениями в мире (таких людей в китайской мифологии называют «рассказчиками о местах, где много цветков персика»⁵), не узнали об успехах, достигнутых СССР/Россией во второй половине XX столетия. До сих пор некоторые китайцы на юге даже не предполагают, что Москва — европейский город. Немало людей считает, что Москва находится недалеко от пров. Хэйлунцзян.

В целях придания стабильной правовой основы процессам углубления и укрепления сотрудничества между двумя странами, 16 июля 2001 г. был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. В ст. 16 этого документа говорится: «Договаривающиеся Стороны всемерно способствуют развитию обменов и сотрудничества в области культуры, образования, здравоохранения, информации, туризма, спорта и права»⁶.

Договор ознаменовал начало потепления двусторонних отношений и преодоление их «точки замерзания».

В «Плане действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (2005—2008 гг.)», подписанном 14 октября 2004 г. в Пекине, страны договорились о том, что необходимо «оказывать взаимную поддержку обучению китайскому и русскому языкам»⁷. В 2005 г. было заключено соглашение между правительствами двух государств о взаимной поддержке преподавания китайского языка в России и русского языка в Китае. «Оказывать на паритетной основе содействие работе центров китайского языка на базе Московского государственного горного университета, Санкт-Петербургского государственного университета и Дальнево-

сточного государственного университета, а также центров русского языка при Пекинском университете иностранных языков, Шанхайском университете иностранных языков и Хэйлунцзянском университете, в том числе в организации этими центрами образовательных курсов в вузах другой Стороны»⁸.

В 2009 г. отмечался 60-летний юбилей установления дипломатических отношений между Китаем и Россией. 17 июня 2009 г. в Москве было обнародовано Совместное китайско-российское заявление об итогах встречи на высшем уровне. Был дан старт новому масштабному проекту — Году русского языка в Китае (2009 г.) и Году китайского языка в России (2010 г.)⁹.

Благодаря общему улучшению внешнеполитических отношений сторон, а также успешному проведению Годов русского языка в Китае и китайского языка в России, активность изучения двух языков в странах-контрагентах заметно возросла.

Специалисты в КНР считают, что пришла «вторая весна» в деле обучения китайских студентов русскому языку. Согласно статистическим данным, в Китае в более чем 100 вузах открыта специальность «Русский язык», по которой обучаются свыше 10 тыс. студентов.

Также в китайских вузах действуют семь специализированных Центров русского языка¹⁰. По другим данным китайских СМИ, в настоящее время в Китае работают 300 вузов (не обязательно лингвистических), где более 30 тыс. студентов изучают русский язык как иностранный¹¹.

Однако не такое благоприятное положение сложилось с изучением русского языка в китайских школах. В середине первого десятилетия XXI века число школ, обучавших русскому языку, сократилось, так как почти во всех городских школах, отменили занятия по русскому языку. Число изучающих русский язык школьников резко сократилось, осталось только около 70 тыс. учеников, что значительно меньше показателя 1980-х годов, когда число «профильных» учащихся превышало 300 тыс. В итоге, современный период обучения русскому языку в китайской средней школе нельзя назвать ни «горячим периодом», ни «холодным», но периодом рациональной выборки¹². И об этом стоит серьезно задуматься.

В России 100 вузов открыли специальность «Китайский язык», и более 10 тыс. молодых людей выбрали ее для своей профессиональной подготовки¹³.

Развиваются студенческие обмены: к 2015 г. уже примерно 20 тыс. китайских молодых людей приехало на обучение в Россию. Из них 70—80 % проходят подготовку на лингвистических факультетах¹⁴. Кроме того, Новосибирский государственный университет и Хэйлунцзянский университет работают над пилотным образовательным проектом «Китайско-российский институт», в рамках которого происходит русскоязычное обучение китайских студентов как в Китае, так и непосредственно в НГУ силами преподавателей университета¹⁵.

Продолжает постепенно расти число российских студентов в КНР: ныне около 13 тыс. российских юношей и девушек учатся в вузах страны (в 2010 г. — 10 тыс.). Помимо традиционного интереса к китайской культуре и языку российскими студентами движет высокий спрос в РФ на специалистов, знающих китайский язык и деловую практику Китая¹⁶.

Преподавание китайского языка в РФ ведется и по линии Институтов Конфуция. В России к 2014 г. было открыто порядка 30 Институтов и классов Конфуция, в том числе 3 Института Конфуция — на Дальнем Востоке (во Владивостоке — на базе Дальневосточного федерального университета — ДВФУ; в Благовещенске — на базе Благовещенского государственного педагогического университета; в Комсомольске-на-Амуре — на базе Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета)¹⁷. Их деятельность тоже представляется продуктивной.

Итак, можно констатировать, что интенсивность языкового общения между странами зависит от развитости их взаимоотношений. В течение примерно 10 лет после создания КНР диалог между Китаем и Советским Союзом переживал, можно сказать, «медовый» период. Обе стороны осуществляли тогда углубленное сотрудничество по многим направлениям. Это было время апогея китайско-русского языкового общения. Когда же с конца 1950-х годов отношения между Китаем и Советским Союзом стали ухудшаться, большинство кооперационных проектов двух стран было свернуто. Спрос на партнерские языки резко снизился. Число студентов, направляемых

обеими сторонами на учебу, иногда опускалось даже до нулевой отметки¹⁸. Понятно, что и в целом сотрудничество в области образования практически сходило на нет. В этот период постепенно воздвигалась невидимая «Берлинская стена» между культурами двух стран, возникло серьезное недоверие между ними.

Однако после постепенного потепления отношений между Китаем и Советским Союзом (Россией) в 1980-е, а особенно в 1990-е годы, общение всех слоев населения двух стран стало мало помалу восстанавливаться и лингвистическое воспитание получило новый импульс к развитию.

С начала XXI века между Китаем и Россией было заключено несколько договоров и соглашений, в которых говорится о необходимости всестороннего развития дружественного сотрудничества между двумя странами. Наличие общей договорной базы предоставляет очень хороший шанс для интенсификации диалога языков и культур. Руководители обоих государств осознают огромную роль знания языка страны-партнера для укрепления и развития взаимных отношений. Можно заключить, что в силу общего прогресса диалога между КНР и РФ, свидетелем которого ныне стало все мировое сообщество, обучение китайскому языку и русскому языку в странах-контрагентах поднимается на новую высоту. И в немалой степени благодаря этому обстоятельству растет надежда на то, что непонимание и недоверие между двумя государствами и их народами останутся в прошлом.

Судьба преподавания и изучения русского языка в Китае (и не только в нем) всегда складывалась под влиянием политически формируемого спроса. Ныне же намечается и новая тенденция: масштаб вузовской подготовки специалистов по русскому языку приводится в КНР во все большее соответствие с требованием экономического фактора, с реальными хозяйственными запросами общества. В связи с этим обучение русскому языку должно постепенно перейти с рельсов государственного планирования в сферу рыночного регулирования. Нужно провести необходимые реформы в этой области, найти верный путь по подготовке специалистов со знанием иностранных языков новой комбинированной востребованности — не только политической, но и экономической лингвистической специализации¹⁹.

В заключение следует резюмировать, что международные отношения представляют собой сочетание и совокупность политических, экономических, технических, культурных, военных, научных, а также гуманитарных связей между государствами и другими мировыми акторами. На уровне двусторонних отношений, при общей развитости межгосударственного сотрудничества, контакты между всеми общественными слоями двух стран, т. е. гуманитарные связи, «народная дипломатия» также имеют возможность получить значительный позитивный импульс. С другой стороны, существует обратная зависимость: в случае напряженности в двусторонних политических отношениях взаимодействие по многим векторам будет находиться под значительным отрицательным давлением, чего не следует допускать. Широта использования иностранных языков не только соответствует уровню взаимоотношений государств, но и, как сказано выше, играет хотя и вспомогательно-поддерживающую, но весьма важную роль в передаче и углублении позитивного влияния стран-партнеров друг на друга.

Примечания

¹ Галенович Ю.М. К вопросу о российско-китайском глобальном партнерстве // Россия и Китай — сотрудничество в условиях глобализации. М.: ИДВ РАН, 2005. С. 12.

² Лю Лиминь. Синь Чжунго э юй цзяо юй 60 нянь. (60 лет изучения русского языка в Китае)//Русский язык в Китае. Пекин, 2009. Т. 28. № 4. С. 2.

³ Хао Шуся. Эр ши ши цзи ву ши нянь дай лю су жэ чао юй чжун го э юй цзяо юй. (Развитие образования в СССР и обучение русскому языку в Китае в 50-е годы XX века)// Русский язык в Китае. Пекин, 2011. Т. 30. № 2. С.9.

⁴ Арефьев А.Л. Китайский язык в российской высшей школе: история и современность// Иностранные языки в высшей школе. Рязань: РГУ, 2011. № 1. С. 94—106.

⁵ Подробнее см.: The Peach Blossom Spring. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/The_Peach_Blossom_Spring

⁶ URL: <http://www.rg.ru/oficial/doc/dogovorbl/kitai.shtm>

⁷ URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2004/10/78193.shtml>

⁸ См.: План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (2005—2008 гг.). URL: <http://archive.kremlin.ru/events/articles/2004/10/77866/161386.shtml>

⁹ См.: Совместное Китайско-российское заявление об итогах встречи на высшем уровне в Москве (полный текст). URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/gb/t568465.shtml>

¹⁰ См. Справка: Год русского языка в Китае и Год китайского языка в России. URL: http://russian.news.cn/culture/2010-11/24/c_13620440.htm

¹¹ Лю Лиминь. Русский язык в Китае //Жэньминь жибао On-line. URL: <http://russian.people.com.cn/31857/33234/39566/2929328.html>

¹² Жэньминь жибао On-line. URL: <http://russian.people.com.cn/31857/33234/39566/2929328.html>

¹³ URL: http://russian.news.cn/culture/2010-11/24/c_13620440.htm

¹⁴ URL: <http://yueda.ru/ru/a/kitay+rossiya/sotrudnichestvo+obrazovaniye.html>

¹⁵ URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2015/02/18/student---stupenka-k-reitingu>

¹⁶ URL: <http://yueda.ru/ru/a/kitay+rossiya/sotrudnichestvo+obrazovaniye.html>

¹⁷ Лобанова Т. Институты Конфуция в России: взгляд лингвиста изнутри. URL: <http://muniver.khstu.ru/obrazovanie-xxi-veka/2013/06/06/instituty-konfuciya-v-rossii-vzglyad-lingvista-izn/>

¹⁸ Арефьев А.Л. Китайские студенты в России. URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=330>

¹⁹ См.: Лю Лиминь. Русский язык в Китае...

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР

В.Я. Портяков*

РОССИЯ, ИНДИЯ И КИТАЙ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ И ТОРГОВЛЕ В 2014—2015 гг.

Аннотация. В статье рассмотрены изменения в темпах экономического роста России, Индии и Китая и в позиционировании этих государств в мировой экономике и торговле в 2014 — начале 2015 г. Проанализированы особенности подвижек в объемах и структуре китайско-российской, китайско-индийской и российско-индийской внешней торговли.

Ключевые слова: Россия, Индия, Китай, экономический рост, внешняя торговля.

Экономика государств формата РИК — России, Индии, Китая — в 2014 г. развивалась разнонаправленно.

Санкции западных стран на поставки многих видов промышленных товаров в *Россию*, введенные под предлогом событий на Украине, и существенное снижение мировых цен на нефть — основную статью российского экспорта (на 47 % в период между 15 июля

и 31 декабря 2014 г.¹) привели к резкому ухудшению экономической ситуации в стране. ВВП России в 2014 г. вырос только на 0,6 %. Существенное обесценение рубля по отношению к основным мировым валютам, прежде всего к доллару и евро, стало одной из причин беспрецедентного с начала столетия разгона уровня инфляции — выше 11 % в годовом исчислении при значительно большем подорожании продовольственных товаров и лекарств. Уровень жизни большинства россиян упал, а с начала 2015 г. из-за трудностей с бюджетом у многих категорий граждан снизились и номинальные денежные доходы. В этой ситуации вполне закономерной выглядит рецессия российской экономики в ближайшие годы, которую солидарно прогнозируют российские и зарубежные эксперты (табл. 1).

Таблица 1. Мировая экономика в 2014—2016 гг. (прирост, %)

Страна	2014	2015	2016
США	2,4	2,4	2,4
Западная Европа	0,9	1,5	1,8
Япония	-0,1	1,0	1,2
Китай	7,4	6,8	6,3
Индия	7,2	7,5	7,5
Россия	0,6	-3,8	-1,1

Источник: World Economic Outlook. April 2015. International Monetary Fund.

По оценке МВФ, падение ВВП в России может составить 3,8 % в 2015 г. и 1,1 % в 2016 г. Впрочем, на волне определенного укрепления рубля к доллару и евро в апреле этого года и стабилизации мировой цены на нефть у отметки 60 долл. за баррель властные структуры России стали выражать надежду на возвращение к положительной динамике экономического роста с четвертого квартала 2015 г.

С приходом к власти правительства Нарендры Моды ускорился экономический рост в *Индии*. Прирост ВВП в 2014 г. составил 7,2 % и прогнозируется на уровне 7,5 % в 2015—2016 гг. Отмечаются такие положительные явления, как стабилизация обменного курса рупии, сокращение дефицита платежного баланса по текущим операциям (в основном в связи со снижением затрат на импорт нефти), падение уровня инфляции².

* Подготовлено при содействии РГНФ, совместный исследовательский проект РГНФ-ВАОН № 14-27-09001 «Пути укрепления безопасности и сотрудничества в Восточной Азии».

В *Китае* после снижения в 2014 г. прироста ВВП до 7,4 % плановый ориентир роста на 2015 г. определен в 7 %. Руководство страны активно пропагандирует закономерность снижения темпов роста экономики, подчеркивая объективный характер этого феномена, получившего название «новой нормальности» (*xin changtai*). В то же время, на практике предпринимаются шаги, призванные стимулировать экономический рост (снижение ставок по кредитам и депозитам и т. п.). Однако большинство экспертов прогнозирует дальнейшее снижение темпов прироста ВВП в Китае, например, МВФ до 6,8 % в 2015 г. и до 6,3 % в 2016 г.

Вышеприведенные факторы нашли отражение в последнем по времени (апрель 2015 г.) прогнозе роста ВВП Китая, Индии и Рос-

Таблица 2. Прогноз динамики роста ВВП России, Индии, Китая в 2015—2020 гг.

Страны	ВВП	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Китай	Официальный курс, млрд долл.	10 380	11 212	11 968	12 864	13 876	14 968	16 157
	ППС, млрд долл.	17 617	18 976	20 473	22 148	22 004	26 033	28 229
	Доля, %	16,32	16,86	17,28	17,65	18,03	18,46	18,89
Россия	Официальный курс, млрд долл.	1857	1176	1375	1519	1698	1880	2080
	ППС, млрд долл.	3564	3458	3471	3578	3710	3841	3875
	Доля, %	3,30	3,07	2,93	2,85	2,79	2,72	2,66
Индия	Официальный курс, млрд долл.	2049	2308	2510	2756	3013	3311	3640
	ППС, млрд долл.	7376	7996	8722	9574	10 528	11 568	12 708
	Доля, %	6,83	7,10	7,36	7,63	7,91	8,20	8,50
США	Официальный курс, млрд долл.	17 418	18 124	18 959	19 864	20 769	21 615	22 488
	ППС, млрд долл.	17 418	18 124	18 959	19 864	20 769	21 615	22 488
	Доля, %	16,14	16,10	16,00	15,83	15,60	15,33	15,05
Суммарная доля стран РИК	%	26,45	27,03	27,57	28,13	28,73	29,38	30,05

Примечание: Составлено на основе World Economic Outlook Database, April 2015. International Monetary Fund.

сии, составленном на основе базы данных Международного валютного фонда (табл. 2).

Следует отметить, что последние по времени прогнозы МВФ существенно отличаются от предыдущих.

Напомним, что в октябре 2014 г. Международный валютный фонд повысил для ряда развивающихся стран оценки и прогнозы валового внутреннего продукта, рассчитываемого по паритету покупательной способности (ППС) национальных валют. Особенно значительно были повышены оценочные данные по Китаю и Индии. Так, оценка ВВП Китая (по ППС) на 2014 г. была увеличена с 14 625 до 17 617 млрд долл., т. е. сразу на 3 трлн долл. В результате по данному показателю Китай опередил США (17 418 млрд долл.) и вышел на 1-е место в мире. Прогнозируется увеличение ВВП Китая по ППС до 28,2 трлн долл. в 2020 г., тогда как у США этот показатель вырастет до 22,5 трлн долл. Оценка ВВП Индии по ППС на 2014 г. была повышена на 1,9 трлн долл. — с 5,4 до 7,3 трлн долл.

В то же время в связи с ослаблением российского рубля МВФ понизил оценку ВВП России, пересчитанного в доллары США по рыночному курсу, с 2092 до 1857 млрд долл. в 2014 г. Резко снижен прогноз на 2015 г.: с 2108 до 1176 млрд долл. (Представляется, что авторы прогноза проигнорировали возможность «отскока» курса рубля, наблюдаемую в апреле 2015 г.). В то же время оценки и прогнозы ВВП России по ППС были так же, как у Китая и Индии, пересмотрены в сторону повышения: на 2014 г. с 2629. до 3564 млрд долл.

Суммарная доля стран формата РИК в мировом валовом продукте, рассчитанном по ППС, может вырасти, согласно последнему прогнозу МВФ, с 26,45 % в 2014 г. до 30 % в 2020 г. Это больше, чем в предыдущих прогнозах, но следует учитывать вышеупомянутую корректировку ВВП по ППС ряда государств.

Особенности сложившейся в 2014 г. мирохозяйственной конъюнктуры заметно повлияли на результаты *внешней торговли* России, Индии и Китая в 2014 г.

Китай сохранил за собой 1-е место в мире по объему торговли товарами и по экспорту — соответственно 4303 и 2343 млрд долл. При этом, однако, динамика роста его внешней торговли была низкой: в долларовом выражении товарооборот увеличился на 3,4 %, экспорт — на 6,1 % и импорт — на 0,4 % по сравнению с 2013 г.³

Сказались как невысокая динамика мировой торговли в целом (прирост составил 2,8 %), так и снижение цен на многие виды импортируемого сырья, прежде всего нефть и железную руду.

Внешнеторговый товарооборот *России* в условиях действия санкций стран Запада снизился с 842,2 млрд долл. в 2013 г. до 785,6 млрд долл. в 2014 г. При этом экспорт сократился на 5,7 % и составил 497,7 млрд долл., а импорт упал на 9,8 % — до 287,9 млрд долл. (данные таможенной статистики Российской Федерации). Россия опустилась на одну ступень — с 10-го на 11-е место — в списке крупнейших государств-экспортеров и с 16-го на 17-е — в перечне импортеров.

Внешнеторговый товарооборот *Индии* в 2014 г. остался практически на уровне 2013 г. — соответственно 777 и 778 млрд долл. Сохранились и позиции Индии в мировой таблице о рангах ведущих торговых держав мира: 19-е место по экспорту (317 млрд долл.) и 12-е — по импорту (460 млрд долл.) (табл. 3).

Таблица 3. Мировая торговля товарами в 2014 г.

Страна	Экспорт			Импорт		
	Объем, млрд долл.	Доля, %	Место	Объем, млрд долл.	Доля, %	Место
Мир в целом	18935	100		19024	100	
Китай	2343	12,4	1	1960	10,3	2
США	1623	8,6	2	2409	12,7	1
Германия	1511	8,0	3	1217	6,4	3
Япония	684	3,4	4	822	4,3	4
Россия	497	2,6	11	308	1,6	17
Индия	317	1,7	19	460	2,4	12
Бразилия	225	1,2	25	239	1,3	21

Источник: World Trade Organization Press Release 2015. 14.04.2015.

Мировая торговля услугами росла в 2014 г. быстрее, чем торговля товарами. По данным ВТО, ее долларовый эквивалент вырос на 4 % и составил 4,85 трлн долл. Заметно увеличился импорт услуг Ки-

таем — с 329 млрд долл. в 2013 г. до 382 млрд долл. в 2014 г. По этому параметру он сохранил за собой 2-е место в мире (по экспорту — 5-е). У России и Индии, напротив, импорт услуг в 2014 г. незначительно сократился, а их экспорт остался практически на уровне предшествующего года (табл. 4).

Таблица 4. Мировая торговля услугами в 2015 г.

Страна	Экспорт			Импорт		
	Объем, млрд долл.	Доля, %	Место	Объем, млрд долл.	Доля, %	Место
Мир в целом	4860	100		4740	100	
США	686	14,1	1	454	9,6	1
Германия	267	5,5	3	327	6,9	3
Китай	222	4,6	5	382	8,1	2
Япония	158	3,3	6	190	4,0	5
Индия	154	3,2	8	124	2,6	10
Россия	66	1,4	21	169	2,5	11

Источник: World Trade Organization Press Release 2015. 14.04.2015.

Международно-политические процессы последних лет актуализируют для государств формата РИК задачу активизации взаимных *торгово-экономических связей* в двустороннем, а потенциально и в трехстороннем формате.

Для *России* дополнительным толчком к движению в данном направлении стали санкции Запада против нее и переход к практическому осуществлению долгосрочной стратегии подъема Сибири и Дальнего Востока. В 2014 г., по данным российской таможенной статистики, доля Китая во внешнеторговом товарообороте РФ выросла до 11,3 % по сравнению с 10,5 % в 2013 г. при снижении в тот же период доли стран Европейского союза с 49,6 до 48,2 %. Объем торговли с Китаем удалось удержать примерно на уровне 2013 г. — 88,4 млрд долл. (–0,5 % к 2013 г.) при росте экспорта РФ в КНР на 5,3 % — до 37,5 млрд долл. и снижении импорта из КНР на 4,3 % — до 50,9 млрд долл.⁴ Существенно осложнило двустороннюю торговлю «на нижних этажах», т. е. в приграничном сотрудничестве и чел-

ночном бизнесе, серьезное падение курса рубля, резко снизившее спрос россиян на китайские товары (вместо традиционных 5—6 руб. за юань курс упал до 10—11 руб.).

Китайская таможенная статистика по традиции приводит несколько иные данные о торговле КНР с Россией в 2014 г. Ее объем составил 95,28 млрд долл. (прирост на 6,8 % к показателю 2013 г.) при экспорте Китая 53,68 млрд долл. (прирост на 8,2 %) и импорте 41,60 млрд долл. (прирост на 4,9 %)⁵.

Анализ структуры китайско-российской торговли (табл. 5) показывает, что в российском экспорте в Китай доминируют поставки углеводов (67,8 % всего экспорта в 2013 г. и 71,5 % в 2014 г.). При этом структура китайского экспорта в Россию имеет существенно более диверсифицированный характер: около 36 % в ней пришлось на машины и оборудование, 25 % — на текстиль и обувь, примерно по 8 % — на химическую продукцию и металлы.

Таблица 5. Структура торговли КНР с РФ в 2013—2014 гг.

	Экспорт				Импорт			
	2013		2014		2013		2014	
	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%
Всего	49 594,8	100	53 677,6	100	39 617,9	100	41 607,4	100
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	1982,5	4,0	2191	4,08	1563,7	3,95	1542,0	3,7
Минеральная продукция в т. ч. топливно-энергетические товары	343,3 286,2	0,7 0,6	249,0 185,1	0,45 0,35	29099,1 26851,2	73,45 67,8	31112,5 29740,1	74,8 71,5
Продукция химической промышленности, каучук	3908,1	7,9	4334,4	8,07	2670,3	6,74	2110,7	5,07
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	2964,3	6,0	3549,3	6,6	18,0	0,04	15,7	0,04

Окончание табл. 5

	Экспорт				Импорт			
	2013		2014		2013		2014	
	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	724,7	1,5	887,2	1,65	3537,1	8,93	4057,7	9,75
Текстиль, текстильные изделия и обувь	13567,1	27,35	13729,6	25,6	6,6	0,02	9,0	0,02
Драгоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них	44,4	0,1	88,2	0,15	612,8	1,54	508,4	1,22
Металлы и изделия из них	3851,6	7,75	4068,9	7,6	1806,2	4,56	1711,7	4,11
Машины, оборудование и транспортные средства	18824,8	38,0	19437,8	36,2	283,4	0,71	472,9	1,14
Другие товары	3384,0	6,8	5141,7	9,6	20,7	0,06	66,8	0,15

Источник: Рассчитано по: Haiguan tongji : [Таможенная статистика Китая]. Beijing, 2013. № 12. С. 55—56, 77—78; 2014. № 12. С. 193—194; 215—216.

Трудности в российской экономике негативно отразились и на состоянии китайско-российской торговли. В первые три месяца 2015 г. ее объем снизился на треть по сравнению с соответствующим периодом 2014 г., тогда как объем внешней торговли Китая в целом снизился в I квартале лишь на 6 %⁶.

Вместе с тем начало строительства газопровода из России в Китай «Сила Сибири», присоединение России к инициированному Пекином Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций, использование тех возможностей торгового и инвестиционного сотрудничества, которые открывает для различных российских регионов китайский глобальный проект Экономического пояса Шелкового пути, позволяют оптимистично оценивать перспективы наращива-

ния масштабов и углубления равностороннего взаимодействия между РФ и КНР.

Объем *китайско-индийской торговли* в 2014 г. вырос на 7,9 % и составил 70,59 млрд долл. При существенном увеличении китайского экспорта — на 12 %, до 54,22 млрд долл. — импорт Китаем индийских товаров в стоимостном выражении сократился на 3,5 % — до 16,37 млрд долл., главной причиной чего явилось снижение мировых цен на железную руду. Это нашло отражение и в структуре двустороннего товарообмена: импорт Китаем из Индии минеральной продукции сократился с 3 млрд долл. в 2013 г. до 2,5 млрд долл. в 2014 г., а доля этой статьи в импорте снизилась на 2,5 проц. пункта. В целом же структура китайско-индийской торговли в 2014 г. была достаточно диверсифицированной. В китайском экспорте в Индию лидирующие позиции заняли машины и оборудование (около 44 %), химическая продукция (24,2 %), металлы и текстиль. У Индии лидером экспорта в КНР остался текстиль (23 %), за которым следуют металлы, драгоценные камни, минеральная продукция и продукция химической промышленности. Около 8 % приходится на машины и оборудование (табл. 6).

В первом квартале 2015 г. в китайско-индийской торговле сохранились тенденции прошлого года: рост товарооборота (на 7 %, до 10,38 млрд долл.) обеспечивается опережающим наращиванием китайских поставок (8,22 млрд долл., прирост на 23,3 %) при заметном снижении стоимостного объема импорта КНР из Индии — на 29 %, до 2,16 млрд долл.⁷

Что касается дальнейших перспектив, то Китай распространяет свою «инклюзивную» стратегию «одного пояса и одного пути» (т. е. Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути) и на связи с Индией. Однако индийские политологи полагают, что практическому сотрудничеству в рамках данного глобального проекта может воспрепятствовать неурегулированность территориального вопроса между двумя странами⁸.

Объем *российско-индийской торговли* в 2014 г. сократился на 5,6 %, главным образом из-за снижения стоимости поставок российской нефти (табл. 7).

В то же время Россия остается одним из основных партнеров Индии в развитии атомной энергетики и военно-техническом со-

Таблица 6. Структура торговли КНР с Индией в 2013—2014 гг.

	Экспорт				Импорт			
	2013		2014		2013		2014	
	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%
Всего	48 443,4	100	54 222,1	100	17 027,9	100	16 371,4	100
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	376,2	0,78	378,3	0,7	889,8	5,3	672,9	4,1
Минеральная продукция	712,0	1,5	901,8	1,65	3039,6	17,85	2503,0	15,3
Продукция химической промышленности, каучук	11 045,6	22,8	13 125,3	24,2	2235,5	13,1	2233,0	13,6
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	470,6	0,97	441,4	0,8	432,8	2,55	473,7	2,9
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	602,9	1,25	701,0	1,3	7,1	0,04	12,2	0,1
Текстиль, текстильные изделия и обувь	4519,3	9,3	5043,3	9,3	4903,4	28,8	3804,2	23,2
Драгоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них	53,7	0,1	83,9	0,2	1776,5	10,4	2522,7	15,4
Металлы и изделия из них	4265,0	8,8	5970,2	11,0	2436,8	14,3	2744,8	16,8
Машины, оборудование и транспортные средства	23 030,6	47,5	23 807,7	43,9	1193,9	7,0	1289,5	7,9
Другие товары	3367,5	7,0	3769,2	6,95	112,5	0,66	115,4	0,7

Составлено и рассчитано по: Haiguan tongji : [Таможенная статистика Китая]. Пекин, 2013. № 12. С. 39—40, 61—62; 2014. № 12. С. 177—178, 199—200.

Таблица 7. Российско-индийская торговля в 2013—2014 гг.

Год	Ед. изм.	Товарооборот	Экспорт	Импорт
2013	млн долл.	10074	6983	3091
2014	млн долл.	9513	6341	3172
2014/2013	%	94,4	90,8	102,6

Источник: данные таможенной статистики Российской Федерации.

трудничестве. Расширяется и инвестиционное сотрудничество двух стран.

На наш взгляд, для налаживания трехстороннего экономического сотрудничества в формате РИК можно было бы проработать запуск трех пилотных проектов — по одному в каждой стране. Это тот случай, когда «маленькая практика» может оказаться эффективнее «большой теории», позволив накопить разносторонний опыт трехстороннего взаимодействия.

Примечания

¹ World Trade Organization Press Release 2015.

² A chance to fly. India has a rare opportunity to become the world's most dynamic big economy // The Economist. 21—27.02.2015. P. 9.

³ Haiguan tongji. Beijing, 2014. № 12. С. 113.

⁴ URL: http://www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=20494&itemid=1976

⁵ Haiguan tongji. Beijing, 2014. № 12. С. 118.

⁶ URL: <http://www.customs.gov.cn/publish/portalo/tab49564/info736224.htm>

⁷ Там же.

⁸ См., напр.: *Kondapalli Srikanath*. China's regional power shift: Silk Road and Asian Infrastructure Investment Bank // The Economic Times. New Delhi. March 31. P. 2—15.

Д.В. Гордиенко

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОЩИ КНР И ВЕДУЩИХ ИНДУСТРИАЛЬНО РАЗВИТЫХ И РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН МИРА

Аннотация. В статье рассматривается подход к сравнительной оценке экономической мощи Китая и ведущих индустриально развитых и развивающихся стран. Делается вывод, что экономическая мощь КНР и ведущих (в настоящее время) государств может быть представлена долями их валового внутреннего продукта в мировом валовом продукте.

Ключевые слова: экономическая мощь, Китай, США, Япония, Германия, Франция, Италия, Великобритания, страны Западной Европы, Индия, Россия/СССР.

Тенденции изменения военно-политической обстановки в мире во многом определяются экономической мощью основных акторов. При этом под экономической мощью государства обычно понимаются возможности национального хозяйства по реализации его экономического потенциала¹. В связи с этим представляет интерес сравнительная оценка экономической мощи Китая и ведущих индустриально развитых и развивающихся стран мира.

Экономическая мощь государства может быть охарактеризована показателями объема производства продукции (оказания услуг, выполнения работ) и их значимостью в определенный период его истории.

В частности, такими показателями могут стать доли государства в общем мировом производстве i -го вида продукции (оказания услуг, выполнения работ) — β_i и их вес (значимость) в определении экономической мощи государства α_i (рис. 2).

Значение веса (значимости) доли государства в общем мировом производстве того или иного вида продукции (оказания услуг, выполнения работ) для определения его экономической мощи зависит от множества факторов: существующего (доминирующего) технологического уклада (объективной потребности национального и/или мирового хозяйства в производстве товара, оказании услуги, производстве работы); объема национального хозяйства; мировой/региональной специализации; перспектив экономического развития национального/мирового хозяйства и пр.

При этом, как представляется, следует учитывать, что в типичном технологическом цикле реализуются тренды: (а) наращивания объемов производства видов продукции, активно используемых в национальном/ мировом хозяйстве (увеличения доли национального хозяйства в мировом производстве этих видов продукции); (б) стабилизации этих объемов производства (незначительного изменения доли национального хозяйства в мировом производстве) и (в) снижения объемов производства видов продукции, активно используемых в национальном/мировом хозяйстве (уменьшения доли национального хозяйства в мировом производстве этих видов продукции)².

Так, например, в индустриальную эпоху в Китае, США, Великобритании, Японии, Германии и России/СССР в полной мере были реализованы перечисленные тренды ежегодных объемов добычи угля³. Ожидается, что в США объемы добычи угля значительно сократятся после 2100 г.

В связи с этим изменение доли стран в мировой добыче угля и ее значимости для экономической мощи Китая, США, Великобритании, Германии, Франции, Японии и России в период с 1730 по 2100 г. может быть представлена в виде соответствующих таблиц (табл. 1, 2, рис. 1).

Таким образом, вариант оценки значений показателей экономической мощи ведущих индустриально развитых и развивающихся стран мира в индустриальную эпоху: (а) долей этих стран в общеми-

Таблица 1. Доля государств в мировом объеме добычи каменного угля, %

	1730	1740	1750	1760	1770	1780	1790	1800	1810	1820	1830	1840	1850	1860	1870	1880	1890	1900	1910	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2010	2020	2030	2040	2050	2060	2070	2080	2090	2100		
США	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,01	0,06	3,83	9,00	10,32	13,53	19,94	29,35	32,39	39,09	40,00	33,33	28,50	28,89	15,38	16,87	19,63	19,32	21,7	13,54	16,08	16,37	13,5	11,68	13,0	13,16	13,33	14,01	12,5		
Великобритания	92,78	92,1	90,24	89,91	89,60	89,18	88,91	88,90	89,01	87,18	86,88	86,38	87,47	87,00	83,49	86,09	85,94	87,82	81,32	84,58	20,00	16,87	13,24	11,94	7,89	4,83	3,44	1,84	0,89	0,19	0,03	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	
Германия	0,00	0,00	0,07	0,09	0,11	0,12	0,38	0,91	3,59	3,48	4,32	7,23	7,43	9,76	11,91	14,69	14,63	30,39	25,21	16,87	15,9	23,53	5,56	5,46	4,14	2,29	3,06	4,56	2,51	1,89	1,09	0,48	0,28	0,10	0,04	0,01	0,00	0,00		
Франция	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,09	0,38	0,87	1,30	1,68	6,38	6,29	6,59	6,17	6,06	5,44	4,63	2,30	2,35	3,59	2,65	2,82	2,15	1,25	0,48	0,21	0,10	0,03	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Япония	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00		
Китай	0,06	0,05	0,05	0,04	0,03	0,02	0,02	0,01	0,01	0,09	0,33	1,70	1,67	1,51	1,65	1,38	1,73	1,76	1,87	2,00	2,06	3,00	5,10	16,23	17,68	22,22	22,22	20,04	16,42	14,46	17,44	16,08	14,38	16,86	17,23	17,16	18,82	22		
СССР/Россия	0,00	0,01	0,02	0,04	0,03	0,03	0,05	0,03	0,31	0,27	0,19	0,14	0,12	0,39	0,89	0,92	1,62	3,30	0,84	5,33	9,76	14,51	19,60	15,21	19,84	8,13	5,74	4,38	4,73	4,75	4,78	4,78	6,12	7,08	6,11	9,28	10,80			

Таблица 2. Значимость добычи каменного угля для экономической мощи государств

	1730	1740	1750	1760	1770	1780	1790	1800	1810	1820	1830	1840	1850	1860	1870	1880	1890	1900	1910	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2010	2020	2030	2040	2050	2060	2070	2080	2090	2100
США	0,06	0,03	0,02	0,00	-0,01	-0,02	-0,03	-0,04	-0,05	-0,13	-0,26	-0,17	0,84	0,88	0,86	0,82	0,78	0,80	0,78	0,91	0,89	0,98	1,18	1,05	1,03	1,04	0,98	1,14	1,07	1,02	1,07	1,10	1,03	0,99	0,95	0,90	0,90	
Великобритания	0,28	0,29	0,30	0,31	0,32	0,33	0,34	0,35	0,36	0,37	0,40	0,44	0,47	0,51	0,57	0,57	0,59	0,62	0,66	0,69	0,71	0,75	0,75	0,82	0,91	1,09	1,88	-3,02	0,60	-0,26								
Германия	-0,23	-0,22	-0,20	-0,19	-0,18	-0,16	-0,14	-0,11	-0,09	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	
Франция																																						
Япония																																						
Китай	-1,19	-1,09	-1,10	-1,03	-0,96	-0,87	-0,88	-0,75	-0,76	-1,45	-3,07	6,42	5,67	8,41	4,67	4,21	7,07	3,89	2,74	2,40	1,39	0,94	0,56	0,64	0,66	0,88	0,76	0,83	0,83	13,26	-1,52	-0,81	-0,46	-0,33	0,23			
СССР/Россия	-0,26	-0,36	-0,47	-0,59	-0,46	-0,46	-0,35	-1,38	-1,44	-1,40	-1,11	-0,97	-0,93	-0,54	-0,62	-0,49	4,37	1,79	-0,52	1,32	0,88	0,85	0,76	0,73	0,76	0,89	0,46	0,54	0,60	0,47	0,46	0,44	0,36	0,32	0,29	0,25	0,23	

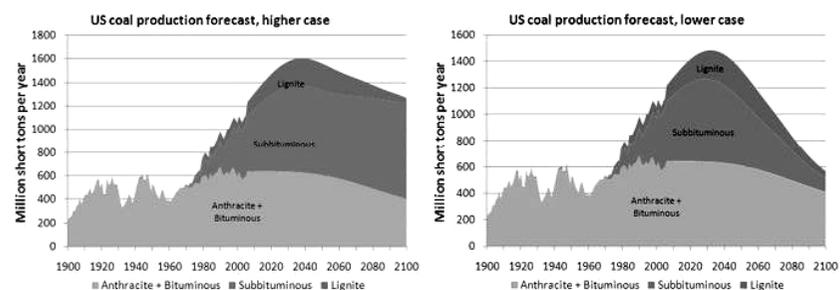

Рис. 1. Ежегодные объемы и перспективы добычи каменного угля в США

ровом производстве определенных видов товаров (мировом объеме оказания услуг, выполнения работ) и (б) значимости (весов) такого производства (оказания услуг, выполнения работ) для экономической мощи Китая, США, Японии, Германии, Франции, Италии, Великобритании, стран Западной Европы, Индии, СССР/России, представлен в табл. 3.

В этом случае интегральный показатель экономической мощи j -ого государства может быть определен по формуле

$$P_j = \left(\prod_{i=1}^I \beta_{j,i}^{\alpha_{j,i}} \right)^{1/I},$$

где P_j — экономическая мощь j -го государства;

$\beta_{j,i}$ — доля j -го государства в мировом производстве i -го вида продукции (оказании услуги, выполнении работы);

$\alpha_{j,i}$ — вес (значимость) производства i -го вида продукции (оказания услуги, выполнения работы) для экономической мощи j -го государства;

I — число рассматриваемых видов продукции (услуг, работ).

Исследования показали, что значения интегрального показателя экономической мощи коррелируют с соответствующими значениями доли валового внутреннего продукта соответствующих государств в мировом валовом продукте⁴.

Если допустить, что такой подход может быть распространен на доиндустриальную и постиндустриальную эпохи, то экономическая

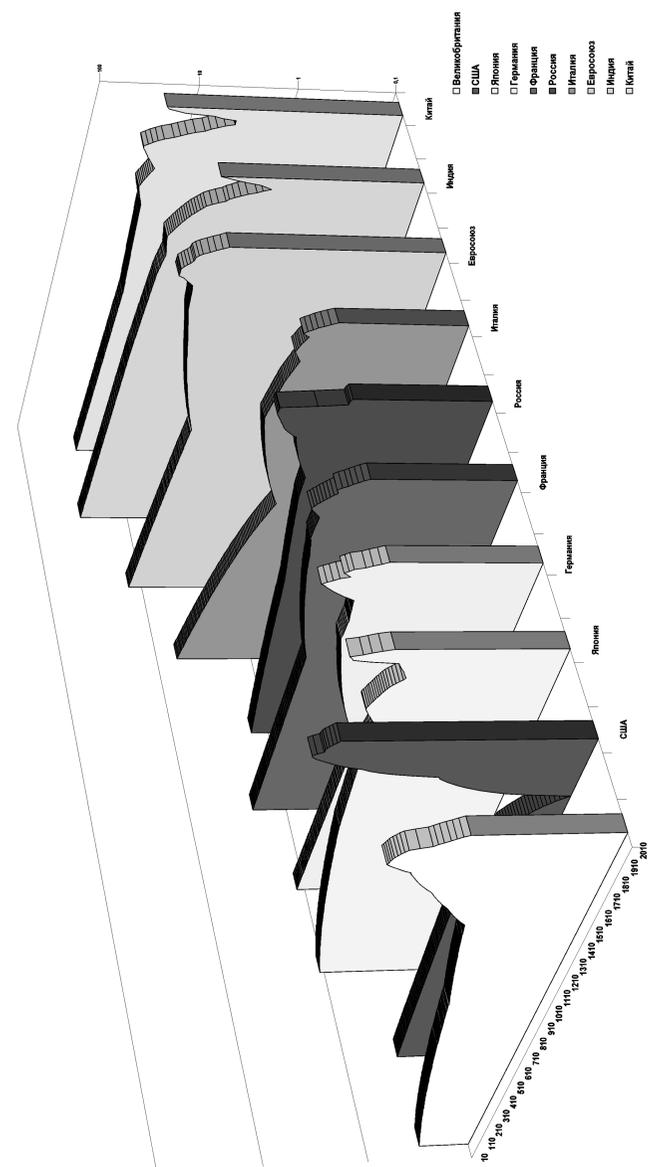

Рис. 2. Экономическая мощь ведущих государств мира

Таблица 3. Показатели экономической мощи ведущих индустриально развитых и развивающихся стран мира

		Производство электроэнергии (валовая выработка)		Добыча нефти (включая газовый конденсат)		Добыча угля		Выплавка чугуна	
		Доля в мировом производстве, %	Значимость производства	Доля в мировой добыче, %	Значимость добычи	Доля в мировой добыче, %	Значимость добычи	Доля в мировом производстве, %	Значимость производства
Китай	1937	—	—	2,1	2,40	0,9	-12,43
	1950	0,5	-2,20	0,04	-0,47	3,0	1,39	0,7	-4,28
	1960	3,0	1,39	0,5	-2,20	5,1	0,94	11,0	0,64
	1970	2,0	2,20	1,1	16,01	15,2	0,56	4,0	1,10
	1980	4,0	1,34	4,0	1,34	17,9	0,64	7,0	0,95
	1990	8,0	1,10	4,4	1,53	22,2	0,66	14,5	0,91
	2000	12,5	1,07	4,9	1,72	22,2	0,88	22,7	0,87
США	1937	32,8	0,94	61,8	0,80	35,5	0,92	36,5	0,91
	1950	41,0	0,89	51,0	0,84	28,9	0,98	45,0	0,87
	1960	38,0	0,88	33,0	0,92	15,4	1,18	24,0	1,01
	1970	34,0	0,88	24,0	0,97	18,9	1,05	19,0	1,05
	1980	30,0	0,91	14,0	1,17	19,8	1,03	12,0	1,24
	1990	27,0	0,93	10,0	1,23	19,2	1,04	10,1	1,33
	2000	23,7	0,96	8,7	1,40	21,7	0,98	8,3	1,43
Япония	1937	6,8	0,56	—	—	3,6	0,84	2,3	1,27
	1950	5,0	0,68	0,1	-0,48	2,2	1,42	2,0	1,58
	1960	5,0	1,06	0,1	-0,57	1,9	2,53	5,0	1,06
	1970	7,0	1,06	0,03	-0,59	1,4	6,39	16,0	0,74
	1980	7,0	1,08	0,01	-0,45	0,5	-2,80	17,0	0,74
	1990	6,4	1,08	0,01	-0,43	0,06	-0,78	16,0	0,73
	2000	5,9	1,06	0,009	-0,40	0,03	-0,56	14,0	0,72
Германия	1937	8,5	0,85	0,14	-0,92	9,5	0,81	12,4	0,72
	1950	5,0	1,00	0,21	-1,03	5,6	0,94	8,0	0,77
	1960	5,0	1,05	0,52	-2,58	5,5	0,99	10,0	0,73
	1970	5,0	1,10	0,53	-2,80	4,1	1,25	8,0	0,85
	1980	4,0	1,22	0,11	-0,76	2,3	2,04	7,0	0,87
	1990	3,7	1,15	0,01	-97,4	3,1	1,41	6,0	0,84
	2000	3,5	1,10	0,096	-0,58	4,6	0,90	5,3	0,81
Франция	1937	4,5	0,99	0,028	-0,41	3,5	1,18	7,6	0,73
	1950	4,0	1,02	0,028	-0,39	2,8	1,36	6,0	0,79
	1960	3,0	1,31	0,19	-0,86	2,2	1,87	6,0	0,80
	1970	3,0	1,33	0,18	-0,85	1,3	5,73	4,0	1,05
	1980	3,0	1,24	0,09	-0,57	0,5	-1,85	4,0	0,98
	1990	3,1	1,12	0,01	-67,1	0,2	-0,80	3,2	1,12
	2000	3,3	0,98	0,042	-0,37	0,1	-0,52	2,4	1,32

Продолжение табл. 3

		Производство электроэнергии (валовая выработка)		Добыча нефти (включая газовый конденсат)		Добыча угля		Выплавка чугуна	
		Доля в мировом производстве, %	Значимость производства	Доля в мировой добыче, %	Значимость добычи	Доля в мировой добыче, %	Значимость добычи	Доля в мировом производстве, %	Значимость производства
Италия	1937	3,5	0,94	0,005	-0,22	0,1	-0,51	0,8	-4,45
	1950	2,0	1,63	0,002	-0,18	0,07	-0,43	0,4	-1,30
	1960	2,0	1,74	0,19	-0,73	0,037	-0,37	1,1	14,03
	1970	2,0	1,85	0,16	-0,70	0,011	-0,28	1,8	2,14
	1980	2,0	1,72	0,08	-0,47	0,005	-0,23	1,4	3,47
	1990	1,8	1,82	0,01	-52,1	0,003	-0,18	1,1	3,21
	2000	1,7	1,87	0,138	-0,50	0,001	-0,14	1,9	1,50
Великобритания	1937	5,4	1,15	0,042	-0,61	19,3	0,66	8,3	0,92
	1950	7,0	0,96	0,01	-0,41	11,9	0,75	7,0	0,96
	1960	6,0	0,94	0,01	-0,36	7,7	0,82	6,0	0,94
	1970	5,0	0,89	0,01	-0,31	4,8	0,91	4,0	1,04
	1980	3,0	1,23	3,0	1,23	3,4	1,09	1,1	14,14
	1990	2,5	1,40	3,3	1,11	1,9	1,88	1,5	4,21
	2000	2,1	1,52	3,54	0,90	0,7	-3,02	1,9	1,78
Страны Западной Европы	1937	32,0	0,96	0,9	-31,49	35,0	0,93	37,0	0,92
	1950	20,0	1,09	0,01	-0,71	27,0	0,99	22,0	1,06
	1960	17,0	1,15	0,01	-0,71	22,0	1,05	23,0	1,04
	1970	16,0	1,17	0,01	-0,70	16,0	1,17	17,0	1,14
	1980	13,0	1,24	3,0	2,89	11,0	1,33	13,0	1,24
	1990	12,5	1,22	3,5	2,51	9,0	1,56	13,0	1,20
	2000	12,0	1,19	4,0	2,13	6,0	1,65	13,0	1,15
Индия	1937	—	—	2,0	2,33	1,6	3,72
	1950	1,1	15,06	-	-	2,0	2,07	1,1	15,06
	1960	1,1	13,73	-	-	3,0	1,19	2,0	1,89
	1970	1,1	11,87	-	-	2,0	1,63	2,0	1,63
	1980	1,1	13,29	-	-	3,0	1,15	2,0	1,83
	1990	2,0	6,50	0,01	-98,4	5,0	0,91	2,9	1,67
	2000	3,8	1,28	0,973	-62,28	7,4	0,85	3,7	1,31
СССР/Россия	1937	8,1	1,07	10,1	0,97	8,7	1,04	14,1	0,85
	1950	9,0	1,03	7,0	1,16	14,5	0,85	15,0	0,84
	1960	12,0	0,91	14,0	0,85	19,6	0,76	18,0	0,78
	1970	15,0	0,83	15,0	0,83	21,5	0,73	20,0	0,75
	1980	16,0	0,81	20,0	0,75	18,8	0,76	21,0	0,74
	1990	15,0	0,83	18,0	0,77	8,1	0,69	20,0	0,75
	2000	5,7	0,46	9,7	0,35	5,7	0,46	7,7	0,39

Таблица 3. Показатели экономической мощи ведущих индустриально развитых и развивающихся стран мира (продолжение)

		Производство минеральных удобрений		Производство серной кислоты		Производство каустической соды		Производство синтетических смол и пласт-масс	
		Доля в мировом произ-водстве, %	Значи-мость произ-водства	Доля в мировом произ-водстве, %	Значи-мость произ-водства	Доля в мировом произ-водстве, %	Значи-мость произ-водства	Доля в мировом произ-водстве, %	Значи-мость произ-водства
Китай	1937	-	-	-	-	-	-	-	-
	1950	0,1	-0,66	0,2	-0,95	0,5	-2,20	0,1	-0,66
	1960	1,1	16,01	3,0	1,39	4,0	1,10	0,8	-6,84
	1970	3,0	1,39	3,0	1,39	4,0	1,10	0,6	-2,99
	1980	10,0	0,81	5,0	1,15	6,0	1,04	2,0	2,68
	1990	15,0	0,86	15,0	1,00	15,0	1,00	3,5	2,17
	2000	19,8	0,91	18,0	0,94	24,0	0,85	5,2	1,65
США	1937	18,7	1,12	48,0	0,85	47,0	0,85	70,0	0,77
	1950	27,0	1,00	43,0	0,88	46,0	0,86	64,0	0,80
	1960	25,0	1,00	32,0	0,93	40,0	0,87	41,0	0,87
	1970	21,0	1,02	30,0	0,91	37,0	0,86	29,0	0,92
	1980	18,0	1,07	29,0	0,92	32,0	0,89	28,0	0,92
	1990	16,0	1,14	20,0	1,01	20,0	1,01	30,0	0,89
	2000	12,5	1,20	18,0	1,05	10,0	1,31	33,3	0,87
Япония	1937	6,3	0,58	10,6	0,45	7,0	0,55	—	—
	1950	4,0	0,79	7,0	0,56	4,0	0,79	1,1	11,53
	1960	5,0	1,06	9,0	0,78	8,0	0,82	8,0	0,82
	1970	4,0	1,48	8,0	0,99	11,0	0,86	17,0	0,73
	1980	1,8	3,56	5,0	1,30	9,0	0,95	12,0	0,84
	1990	1,1	19,8	4,5	1,33	3,5	1,51	12,5	0,75
	2000	0,7	-5,29	4,0	1,36	—	—	12,9	0,74
Германия	1937	27,5	0,55	8,0	0,87	14,0	0,69	30,0	0,53
	1950	11,0	0,67	5,0	1,00	7,0	0,83	5,0	1,00
	1960	12,0	0,68	6,0	0,94	7,0	0,87	14,0	0,64
	1970	7,0	0,91	5,0	1,10	7,0	0,91	14,0	0,67
	1980	4,0	1,22	3,0	1,54	10,0	0,73	11,0	0,70
	1990	3,5	1,21	2,0	1,96	7,0	0,70	10,5	0,64
	2000	3,1	1,20	1,1	14,28	3,0	1,24	10,1	0,59
Франция	1937	12,5	0,59	4,8	0,94	9,5	0,66	—	—
	1950	10,0	0,61	4,0	1,02	5,0	0,88	2,0	2,04
	1960	10,0	0,62	4,0	1,04	5,0	0,89	5,0	0,89
	1970	6,0	0,81	4,0	1,05	4,0	1,05	5,0	0,91
	1980	4,0	0,98	4,0	0,98	4,0	0,98	5,0	0,85
	1990	2,5	1,27	2,0	1,68	3,0	1,06	5,0	0,78
	2000	1,1	11,15	1,1	12,2	2,0	1,68	5,0	0,72

Продолжение табл. 3

		Производство минеральных удобрений		Производство серной кислоты		Производство каустической соды		Производство синтетических смол и пласт-масс	
		Доля в мировом произ-водстве, %	Значи-мость произ-водства	Доля в мировом произ-водстве, %	Значи-мость произ-водства	Доля в мировом произ-водстве, %	Значи-мость произ-водства	Доля в мировом произ-водстве, %	Значи-мость произ-водства
Италия	1937	3,6	0,91	5,0	0,72	8,1	0,56	—	—
	1950	3,0	1,03	4,9	0,71	3,8	0,85	1,5	2,79
	1960	3,0	1,10	4,8	0,77	3,7	0,92	7,0	0,62
	1970	2,0	1,85	4,6	0,84	3,6	1,00	6,0	0,71
	1980	2,0	1,72	4,4	0,81	3,4	0,98	4,0	0,86
	1990	1,1	10,42	2,5	1,08	2,0	1,43	2,5	1,21
	2000	0,3	-0,92	1,5	2,45	1,1	10,42	2,0	1,43
Великобри-тания	1937	3,2	1,69	5,1	1,19	23,0	0,62	-	-
	1950	4,0	1,35	7,0	0,96	13,0	0,73	10,0	0,81
	1960	3,0	1,53	5,0	1,04	7,0	0,86	8,0	0,81
	1970	1,6	3,05	4,0	1,04	4,0	1,04	5,0	0,89
	1980	1,7	2,54	2,0	1,94	3,0	1,23	3,0	1,23
	1990	1,1	11,87	1,1	11,87	2,5	1,44	3,0	1,12
	2000	0,8	-4,12	0,5	-1,63	2,0	1,63	3,0	1,03
Страны Запад-ной Европы	1937	49,0	0,85	28,0	1,00	55,0	0,83	30,0	0,98
	1950	31,0	0,95	19,0	1,11	26,0	1,00	20,0	1,09
	1960	31,0	0,95	18,0	1,13	20,0	1,09	36,0	0,91
	1970	19,0	1,10	16,0	1,17	16,0	1,17	34,0	0,92
	1980	16,0	1,15	12,0	1,28	18,0	1,10	27,0	0,96
	1990	12,0	1,19	8,0	1,42	14,0	1,15	22,0	0,96
	2000	8,0	1,42	6,0	1,65	10,0	1,28	17,0	1,04
Индия	1937	0,06	-0,58	0,13	-0,80	—	—	—	—
	1950	0,1	-0,62	0,4	-1,57	0,2	-0,89	—	—
	1960	0,5	-1,89	0,7	-3,67	0,9	-12,42	—	—
	1970	1,4	3,36	1,1	11,87	1,1	11,87	—	—
	1980	2,0	1,83	2,0	1,83	2,0	1,83	—	—
	1990	6,0	0,95	3,0	1,55	3,5	1,41	2,7	1,72
	2000	10,1	0,74	4,0	1,23	5,0	1,06	4,3	1,17
СССР/Россия	1937	8,4	1,05	6,6	1,19	9,5	1,00	—	—
	1950	8,0	1,09	8,0	1,09	6,0	1,26	4,0	1,63
	1960	11,0	0,94	11,0	0,94	6,0	1,26	4,0	1,62
	1970	18,0	0,78	13,0	0,88	7,0	1,15	5,0	1,40
	1980	20,0	0,75	17,0	0,79	8,0	1,08	5,0	1,39
	1990	18,0	0,50	16,0	0,52	7,0	0,81	4,7	1,28
	2000	8,5	0,37	5,0	0,50	6,0	0,45	3,1	0,71

Таблица 3. Показатели экономической мощи ведущих индустриально развитых и развивающихся стран мира (продолжение)

		Производство химических волокон		Производство древесины		Производство бумаги и картона		Производство цемента	
		Доля в мировом производстве, %	Значимость производства	Доля в мировом производстве, %	Значимость производства	Доля в мировом производстве, %	Значимость производства	Доля в мировом производстве, %	Значимость производства
Китай	1937	—	—	—	—	—	—	—	—
	1950	—	—	3,0	1,39	0,3	-1,27	1,1	16,01
	1960	0,3	-1,27	8,0	0,73	2,0	2,20	5,0	0,95
	1970	1,1	16,01	6,0	0,85	2,0	2,20	4,0	1,10
	1980	3,0	1,69	7,0	0,95	3,0	1,69	9,0	0,84
	1990	4,0	1,96	4,0	1,96	6,0	1,52	20,0	0,91
	2000	6,0	1,52	1,9	4,30	10,9	1,14	36,4	0,76
США	1937	—	—	37,0	0,91	28,7	0,98	24,7	1,02
	1950	37,0	0,92	22,0	1,07	49,0	0,85	29,0	0,98
	1960	23,0	1,03	16,0	1,16	41,0	0,87	18,0	1,11
	1970	26,0	0,95	13,0	1,21	37,0	0,86	12,0	1,25
	1980	26,0	0,95	10,0	1,34	33,0	0,88	8,0	1,48
	1990	27,0	0,92	15,0	1,12	30,0	0,89	7,0	1,55
	2000	28,0	0,91	23,5	0,96	26,6	0,92	5,4	1,80
Япония	1937	—	—	5,7	0,61	2,25	1,31	7,5	0,53
	1950	7,0	0,56	4,1	0,78	2,0	1,58	3,0	1,00
	1960	17,0	0,60	7,9	0,82	6,0	0,95	7,0	0,88
	1970	18,0	0,71	7,9	0,99	10,0	0,89	10,0	0,89
	1980	12,0	0,84	5,2	1,27	11,0	0,87	10,0	0,91
	1990	13,0	0,74	4,8	1,20	10,0	0,82	7,0	0,97
	2000	14,0	0,72	4,4	1,27	9,8	0,83	4,9	1,19
Германия	1937	—	—	3,3	1,49	4,7	1,17	12,3	0,72
	1950	10,0	0,70	5,3	0,97	4,0	1,16	8,0	0,77
	1960	9,0	0,77	3,9	1,25	5,0	1,05	8,0	0,81
	1970	8,0	0,85	3,1	1,57	4,0	1,28	7,0	0,91
	1980	6,0	0,94	2,2	2,14	4,0	1,22	4,0	1,22
	1990	5,5	0,80	3,7	1,04	4,8	0,87	3,0	1,24
	2000	5,0	0,85	4,2	0,95	5,6	0,79	2,3	1,63
Франция	1937	—	—	2,0	2,19	4,5	0,99	5,3	0,89
	1950	5,0	0,88	2,1	1,95	3,0	1,28	6,0	0,79
	1960	5,0	0,89	2,2	1,81	4,0	1,04	4,0	1,04
	1970	4,0	1,05	2,1	1,97	3,0	1,33	5,0	0,91
	1980	2,0	1,96	1,4	4,04	3,0	1,24	3,0	1,24
	1990	2,0	1,79	2,1	1,57	3,0	1,06	2,0	1,68
	2000	2,0	1,68	2,7	1,17	3,1	1,03	1,2	6,38

Продолжение табл. 3

		Производство химических волокон		Производство древесины		Производство бумаги и картона		Производство цемента	
		Доля в мировом производстве, %	Значимость производства	Доля в мировом производстве, %	Значимость производства	Доля в мировом производстве, %	Значимость производства	Доля в мировом производстве, %	Значимость производства
Италия	1937	—	—	0,7	-3,26	2,0	1,68	5,2	0,70
	1950	6,0	0,63	0,7	-3,76	1,1	11,87	4,0	0,82
	1960	6,0	0,67	0,5	-1,74	2,0	1,74	5,0	0,75
	1970	5,0	0,80	0,5	-1,80	3,0	1,17	6,0	0,71
	1980	3,0	1,09	0,2	-0,74	3,0	1,09	5,0	0,74
	1990	1,1	10,42	0,3	-0,82	2,9	0,93	4,0	0,72
	2000	0,5	-1,43	0,4	-1,11	2,8	0,96	2,4	1,13
Великобритания	1937	—	—	0,4	-2,12	9,0	0,89	9,0	0,88
	1950	10,0	0,81	0,7	-4,50	6,0	1,04	7,4	0,94
	1960	8,0	0,81	0,3	-1,35	6,0	0,94	4,2	1,17
	1970	7,0	0,74	0,1	-0,65	4,0	1,04	2,1	1,93
	1980	3,0	1,23	0,05	-0,45	2,0	1,94	0,9	-12,79
	1990	1,5	2,79	0,3	-0,94	2,0	1,63	0,8	-5,07
	2000	0,9	-10,74	0,6	-2,59	2,1	1,52	0,8	-4,12
Страны Западной Европы	1937	—	—	7,0	1,71	22,0	1,07	33,0	0,95
	1950	33,0	0,93	6,0	1,82	20,0	1,09	19,0	1,11
	1960	30,0	0,96	5,0	2,02	20,0	1,09	18,0	1,13
	1970	26,0	1,00	4,0	2,34	21,0	1,07	19,0	1,10
	1980	15,0	1,17	4,0	2,29	20,0	1,06	13,0	1,24
	1990	14,0	1,16	7,0	1,52	19,5	0,99	10,0	1,28
	2000	13,0	1,15	10,0	1,28	19,0	1,00	8,0	1,42
Индия	1937	—	—	—	—	—	—	1,4	4,84
	1950	—	—	1,1	15,06	0,2	-0,89	2,0	2,07
	1960	—	—	1,1	13,73	0,7	-3,04	2,0	1,89
	1970	—	—	7,0	0,58	0,8	-4,33	2,0	1,63
	1980	—	—	7,0	0,65	1,0	-62,71	2,0	1,83
	1990	3,0	1,55	4,0	1,23	1,0	34,94	4,0	1,23
	2000	4,0	1,23	2,0	2,39	1,2	10,86	6,0	0,95
СССР/Россия	1937	—	—	18,8	0,76	3,7	1,73	6,7	1,18
	1950	1,1	23,73	20,0	0,75	3,0	2,06	8,0	1,09
	1960	6,0	1,26	20,0	0,75	4,0	1,62	14,0	0,85
	1970	7,0	1,15	15,0	0,83	5,0	1,40	16,0	0,81
	1980	8,0	1,08	11,0	0,94	5,0	1,39	14,0	0,85
	1990	6,0	0,90	10,0	0,63	4,9	0,91	13,0	0,56
	2000	3,0	0,73	5,3	0,48	1,6	1,71	1,97	1,16

Таблица 3. Показатели экономической мощи ведущих индустриально развитых и развивающихся стран мира (окончание)

		Производство хлопчатобумажной ткани		Производство сахарного песка		Производство зерновых и зернобобовых культур		Производство пшеницы	
		Доля в мировом производстве, %	Значимость производства	Доля в мировом производстве, %	Значимость производства	Доля в мировом производстве, %	Значимость производства	Доля в мировом производстве, %	Значимость производства
Китай	1937	2,0	2,50	1,8	2,84	9,0	0,79	7,8	0,84
	1950	8,0	0,73	0,7	-4,28	16,0	0,55	9,0	0,69
	1960	13,0	0,59	0,8	-6,84	12,0	0,61	9,0	0,69
	1970	20,0	0,51	2,0	2,20	16,0	0,55	9,0	0,69
	1980	27,0	0,56	3,0	1,69	18,0	0,64	12,0	0,75
	1990	35,0	0,65	4,0	1,66	19,0	0,92	14,0	1,03
	2000	47,2	0,70	5,4	1,62	19,5	0,91	17,0	0,96
США	1937	25,0	1,02	6,0	1,83	15,9	1,19	11,6	1,34
	1950	28,0	0,99	9,0	1,51	19,0	1,12	17,0	1,17
	1960	21,0	1,06	7,0	1,65	19,0	1,09	15,0	1,19
	1970	14,0	1,17	6,0	1,73	15,0	1,14	12,0	1,25
	1980	8,0	1,48	6,0	1,72	17,0	1,09	15,0	1,14
	1990	6,9	1,63	6,0	1,69	16,6	1,08	12,0	1,22
Япония	2000	5,3	1,81	6,0	1,68	16,2	1,09	10,3	1,30
	1937	3,0	0,97	—	—	2,3	1,31	—	—
	1950	4,0	0,79	—	—	2,0	1,58	—	—
	1960	7,0	0,88	—	—	2,0	2,46	—	—
	1970	6,0	1,15	—	—	1,4	6,10	—	—
	1980	4,0	1,51	—	—	0,8	-9,37	—	—
Германия	1990	2,0	2,72	0,2	-1,17	0,7	-5,29	0,05	-0,63
	2000	0,95	-36,79	0,57	-3,36	0,6	-3,82	0,11	-0,85
	1937	4,0	1,31	5,9	1,02	3,0	1,63	2,6	1,90
	1950	3,0	1,46	3,0	1,46	1,5	3,97	2,2	2,09
	1960	3,0	1,54	3,0	1,54	1,7	3,18	2,6	1,75
	1970	2,0	2,56	3,0	1,62	1,4	5,28	2,5	1,94
Франция	1980	2,0	2,43	3,0	1,54	1,4	5,01	2,3	2,00
	1990	1,3	5,19	3,3	1,14	1,8	2,32	3,0	1,24
	2000	0,65	-3,16	3,6	1,06	2,2	1,77	3,7	1,04
	1937	4,0	1,07	3,6	1,16	2,6	1,57	4,8	0,94
	1950	3,0	1,28	4,0	1,02	2,0	2,04	5,0	0,88
	1960	3,0	1,31	5,0	0,89	2,0	2,07	5,0	0,89
	1970	3,0	1,33	4,0	1,05	3,0	1,33	4,0	1,05
	1980	2,0	1,96	5,0	0,85	3,0	1,24	5,0	0,85
Италия	1990	1,2	6,38	4,3	0,80	3,1	1,03	5,5	0,68
	2000	0,8	-6,24	3,5	0,93	3,2	1,00	6,4	0,63
	1937	3,0	1,06	1,3	4,43	2,0	1,68	4,5	0,77
	1950	2,0	1,63	1,9	1,82	1,8	1,96	4,5	0,76

Окончание табл. 3

		Производство хлопчатобумажной ткани		Производство сахарного песка		Производство зерновых и зернобобовых культур		Производство пшеницы	
		Доля в мировом производстве, %	Значимость производства	Доля в мировом производстве, %	Значимость производства	Доля в мировом производстве, %	Значимость производства	Доля в мировом производстве, %	Значимость производства
	1960	2,0	1,74	1,9	1,87	0,9	-16,66	2,8	1,19
	1970	2,0	1,85	1,9	2,01	1,5	3,11	3,7	0,98
	1980	2,0	1,72	1,4	3,71	0,9	-10,25	2,5	1,29
	1990	2,1	1,38	1,2	5,45	0,95	-19,36	2,0	1,43
	2000	2,4	1,15	1,15	6,81	0,98	-49,16	1,3	4,16
Великобритания	1937	7,0	1,00	1,0	4,80	0,8	-7,45	1,0	49,61
	1950	5,9	1,05	2,3	2,28	1,2	13,39	1,5	4,47
	1960	2,9	1,58	1,7	3,35	1,0	24,79	1,2	7,80
	1970	1,8	2,42	1,4	4,36	1,1	12,66	1,6	3,14
	1980	0,9	-16,17	1,1	19,92	1,1	17,52	1,3	4,86
Страны Западной Европы	1990	0,5	-1,63	1,1	11,87	1,1	11,87	2,2	1,43
	2000	0,1	-0,47	1,1	16,72	1,2	7,21	2,8	1,08
	1937	19,0	1,13	13,0	1,29	11,0	1,38	14,0	1,26
	1950	9,0	1,49	8,0	1,57	4,0	2,36	6,0	1,82
	1960	9,0	1,48	9,0	1,48	4,0	2,35	6,0	1,82
Индия	1970	8,0	1,56	8,0	1,56	5,0	2,01	5,0	2,01
	1980	7,0	1,63	9,0	1,45	5,0	1,97	6,0	1,77
	1990	7,0	1,57	9,5	1,36	7,0	1,52	10,0	1,28
	2000	7,0	1,52	10,0	1,28	9,0	1,34	16,0	1,07
	1937	8,0	0,78	4,7	1,05	7,5	0,81	4,4	1,10
СССР/Россия	1950	10,0	0,62	4,0	1,04	9,0	0,65	4,0	1,04
	1960	11,0	0,55	6,0	0,73	10,0	0,57	4,0	0,94
	1970	8,0	0,54	6,0	0,63	10,0	0,49	6,0	0,63
	1980	8,0	0,61	4,0	0,91	9,0	0,58	7,0	0,65
	1990	17,0	0,56	9,3	0,76	10,0	0,74	10,0	0,65
	2000	28,1	0,51	15,4	0,62	11,7	0,69	13,0	0,66
СССР/Россия	1937	8,0	1,08	8,9	1,03	14,8	0,83	19,0	0,76
	1950	9,0	1,03	7,0	1,16	12,0	0,91	19,0	0,77
	1960	12,0	0,91	10,0	0,98	13,0	0,88	26,0	0,69
	1970	14,0	0,85	11,0	0,94	15,0	0,83	31,0	0,65
	1980	15,0	0,83	8,0	1,08	12,0	0,90	22,0	0,73
	1990	14,0	0,55	7,9	0,70	11,5	0,59	20,0	0,48
2000	2,8	0,78	1,3	3,06	3,1	0,71	5,9	0,45	

Источники: Россия и страны мира, 2006. Статистический сборник. М.: Росстат. 2006. 366 с.; Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика. 1987. 766 с.; Китайская Народная Республика. Статистический сборник. М.: ЦСУ СССР. 1984. С. 9—42; Statistisches Jahrbuch der Deutschen Demokratischen Republik. 1967. Berlin: Staatsverlag der DDR. 1967. 733 p.; расчеты автора.

мощь Китая и ведущих (в настоящее время) государств может быть представлена долями их валового внутреннего продукта в мировом валовом продукте (рис. 2)⁵.

Примечания

¹ Экономический потенциал — совокупность различных видов ресурсов, включая материальные, финансовые, интеллектуальные, научно-технические и иные, с помощью которых можно получить определенные хозяйственные результаты. — Румянцева Е.Е. Новая экономическая энциклопедия. 2-е изд. М.: ИНФРА-М. 2006. С. 447.

По нашему мнению, это определение может быть уточнено. Экономический потенциал — это возможность вовлечения различных видов ресурсов (факторов производства) — материальных, производственных, сырьевых (земли, *land*); трудовых, интеллектуальных (труда, *labor*); финансовых, инвестиционных (капитала, *capital*); информационных, научно-технических (информации, *information*); институциональных, предпринимательских (предпринимательских способностей, *entrepreneurship*) и др. — в производственные процессы с использованием доминирующих технологий (технологий данного технологического уклада) для получения максимального хозяйственного результата.

Тогда экономическая мощь может характеризовать реализуемый в данный момент времени на экономической территории государства экономический потенциал.

² Значимость доли государства в общем мировом производстве того или иного вида продукции (оказания услуг, выполнения работ) для определения его экономической мощи, по нашему мнению, может быть определена как приоритетность в производстве такого объема этого вида продукции (оказании услуг, выполнении работ), который бы соответствовал доле национального хозяйства в мировой экономике.

Очевидно, что наивысшие абсолютные значения значимости доли государства в общем мировом производстве соответствуют либо инновационным для существующего (доминирующего) технологического уклада видам продукции (услуг, работ), когда реализуется тренд наращивания объемов производства этой продукции (услуг, работ) в границах экономической территории государства; либо традиционным для данного технологического уклада видам продукции (услуг, работ), когда реализуется тренд снижения объемов производства этой продукции (услуг, работ) на экономической территории государства вследствие объективных причин (дефицит ресурсов, сырья; мировые финансово-экономиче-

ские кризисы; войны и т.д.). Наименьшая значимость доли государства в общем мировом производстве соответствует традиционным для существующего (доминирующего) технологического уклада видам продукции (услуг, работ), когда эта доля соответствует доле национального хозяйства в мировой экономике и реализуется тренд стабилизации объемов производства этой продукции (услуг, работ). Отрицательные значения значимости доли государства в общем мировом производстве (оказании, выполнении) какого-либо вида продукции (услуг, работ) соответствуют долям менее 1 % (если доля национального хозяйства в мировой экономике более 1 %).

³ В настоящее время в производстве 40 % электроэнергии в мире используется каменный уголь. Каменный уголь был впервые использован в качестве топлива в различных частях мира в эпоху бронзы, 2000—1000 гг. до н. Китайцы начали использовать уголь для отопления и плавки в период Воюющих царств (475—221 гг. до н.э.). Им приписывают организацию производства и потребления в той степени, что в 1000 г. эту деятельность можно было бы назвать промышленностью. Китай оставался крупнейшим в мире производителем и потребителем угля до 18-го века. Римские историки описывают уголь в качестве источника тепла в Британии. Самое раннее использование угля в Америке было у аптеков, которые ценили уголь не только за тепло, но и как украшение. В 1560 г. в Англии и Шотландии было добыто 227 тыс. т каменного угля, в 1700 г. — 2,985 млн т., в 1800 г. — 15,045 млн т. Угольные месторождения вблизи поверхности были извлечены американскими колонистами из Вирджинии и Пенсильвании в 18-м веке. С момента своего происхождения в Великобритании после 1750 г., всемирная промышленная революция была зависима от наличия угля, мощных паровых машин и промышленного оборудования всех видов. Международная торговля расширилась по экспоненте, когда уголь стали использовать в паровых двигателях, были построены железные дороги и пароходы в 1810—1840 гг. Крупномасштабное использование угля стало важной движущей силой промышленной революции. Уголь был использован в производстве железа и стали. К 1900 г. США и Великобритания стали главными производителями угля, за ними следуют Германия, Австро-Венгрия, Россия, Япония, Китай. — Clark G., Jacks D. Coal and the Industrial Revolution, 1700 — 1860 // European Review of Economic History. 2007. vol. 11. P. 39—72; Flinn M.W. The History of the British Coal Industry, vol. II, 1700 — 1830: The Industrial Revolution. GB, Oxford: Clarendon Press. 1984. Hatcher J. The History of the British Coal Industry, vol. I, Before 1700: Towards the Age of Coal. GB. Oxford: Oxford University Press. 1993; Allen R.C. The British Industrial Revolution in Global Perspective. GB. Cambridge: Press Syndicate of the University Cambridge. 2009; Аллен Р.С. Британская промышленная революция в глобальной картине мира / пер. с англ. Н.В. Автономовой; науч. ред. перевода В.С. Автономов. М.: Изд-во Института Гайдара. 2014. 448 с.; URL: http://masters.donntu.edu.ua/2012/igg/koma_richev/library/1.htm.

⁴ Как представляется, здесь следует обратиться к определению валового внутреннего продукта.

Валовой внутренний продукт (англ. *Gross Domestic Product*), общепринятое сокращение — ВВП (англ. *GDP*) — это макроэкономический показатель, отражающий рыночную стоимость всех конечных товаров, работ и услуг (т. е. предназначенных для непосредственного употребления), произведённых за год во всех отраслях экономики на экономической территории государства для потребления, экспорта и накопления, вне зависимости от национальной принадлежности использованных факторов производства.

Здесь предполагается, что современные границы экономических территорий (*economic territory*), т. е. территорий государств, административно управляемых соответствующими правительствами в настоящее время, оставались (с 1 г. н.э.) и останутся (до 2030 г.) неизменными.

⁵ Более подробно см., напр.: Гордиенко Д.В., Яковлева Н.Г. Мировой финансово-экономический кризис и обеспечение экономической безопасности государства. Монография. М: АРГАМАК-МЕДИА. 2013.; Гордиенко Д.В., Лузянин С.Г. Оценка уровня безопасности стран Северо-Восточной и Центральной Азии. Монография. М.: ИДВ РАН, 2013; Гордиенко Д.В. Обеспечение экономической безопасности государства в условиях кризиса: учебное пособие. М.: Издательский дом «Дело» РАНХ и ГС. 2012.; Гордиенко Д.В. Основы экономической безопасности государства. Курс лекций. Учебно-методическое пособие. М.: Финансы и статистика. Инфра-М. 2009.; Мэдисон Э. Контуры мировой экономики в 1—2030 гг. Очерки по макроэкономической истории / пер. с англ. Ю. Кантуревского; под ред. О. Филаточевой. М.: Изд. Института Гайдара. 2012; Maddison Angus *Contours of the World Economy, 1 — 2030 AD. Essays in Macro-Economic History*. Oxford University Press. 2007; Maddison Angus *The World Economy: Historical Statistics*. OECD. Paris. 2003; Maddison Angus *The World Economy: A Millennial Perspective*. OECD, Paris. 2001; Maddison Angus *Chinese Economic Performance in the Long Run*. OECD. Paris. 1998; Maddison Angus *Phases of Capitalist Development*. Oxford University Press. 1982.

О.А. Тимофеев

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ И МНОГОСТОРОННИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Аннотация. Последние годы ознаменовались ростом интереса к интеграционным аспектам российско-китайского взаимодействия. Москва и Пекин практически одновременно запустили собственные интеграционные проекты: Евразийский экономический союз и «Экономический пояс Шелкового пути». Укрепляя структуру двустороннего взаимодействия, сопряжение данных проектов служит и цели укрепления многосторонней интеграции, вовлечения в нее все большего числа участников. Указанные процессы могут активизировать российско-китайское взаимодействие на региональном уровне, например, между Дальним Востоком России и Северо-Восточным Китаем.

Ключевые слова: Россия, Китай, интеграционные проекты, ЕАЭС, Шелковый путь, сотрудничество в сопряжении, региональные измерения.

В конце 2012 — начале 2013 г. в Китае состоялся переход власти от четвертого к пятому поколению руководителей во главе с Си Цзиньпином. Достаточно рутинное для политической истории КНР событие на этот раз сопровождалось значительными изменениями в вербализации как внутривнутриполитического, так и внешнеполитического курса страны. Нынешнее положение в высшем эшелоне власти

определяется значительной для последних десятилетий концентрацией власти в руках одного руководителя. В целях повышения собственного авторитета, необходимого для проведения серьезных социально-экономических преобразований, Си Цзиньпин формирует систему, основанную на личном, «ручном» управлении государством.

В значительной степени указанные тенденции касаются и внешней политики Китая. Ее основополагающими принципами по-прежнему являются:

- мирное развитие с опорой на многополярность и развитие отношений нового типа с крупными странами (大国v强国) — в противовес универсалистской стратегии Запада, делающего ставку на поддержание военно-политического доминирования;
- активное развитие экономического сотрудничества со всеми странами и регионами мира, основанного на стремлении к поиску общих интересов, гибкости, прагматизме и умении находить взаимоприемлемые компромиссы. Кроме того, Китай выступает за развитие международных отношений на основе духа равноправия, взаимодоверия, толерантности, сотрудничества и взаимной выгоды;
- последовательный курс на многополярность, что еще раз нашло свое подтверждение в решениях состоявшегося в ноябре 2012 г. XVIII съезда КПК¹.

Новое руководство, исходя из сформулированной им стратегии «китайской мечты» (中国梦), постепенно стало занимать все более активную позицию по ряду ключевых международных проблем, прежде всего касающихся Азиатско-Тихоокеанского региона. Так, на состоявшемся в ноябре 2012 г. XVIII съезде КПК было обнародовано решение о заметном укреплении ВМС НОАК.

Через год был создан новый орган — Комитет национальной безопасности (国安委), координирующий деятельность различных профильных министерств и ведомств, а декабре 2013 г. группой китайских аналитиков под руководством заместителя директора Института мировой политики Китайской академии современных международных отношений (КАСМО) при Госсовете КНР Чэн Сяняна было подготовлено аналитическое исследование, освещающее стра-

тегию обеспечения национальной безопасности страны в контексте создания Комитета национальной безопасности².

Внешнеполитические задачи нового китайского руководства были в значительной мере уточнены на состоявшемся совещании ЦК по международной работе 28—29 ноября 2014 г. а также в выступлении Си Цзиньпина на коллективной учебе при Политбюро ЦК по ускорению создания зон свободной торговли 5 декабря 2014 г.³ Китайские эксперты отмечают: если на ноябрьском совещании была определена общая цель — использовать текущие изменения международной архитектуры, то в декабре она получила конкретное наполнение: экономическая глобализация является господствующей тенденцией мирового развития и Китай должен использовать данную тенденцию в своих интересах. Уже с ноября СМИ и аналитические центры КНР начинают говорить о том, что Си Цзиньпин отходит от традиционного дэнсяопиновского принципа «скрывать свои возможности» (韬光养晦) к парадигме «амбициозности» (雄心勃勃)⁴.

По мнению вице-президента Академии международного торгового-экономического сотрудничества при Министерстве коммерции КНР Ли Гуанхуэя, прокомментировавшего декабрьское выступление Си Цзиньпина, в настоящее время США потеряли надежду продвигать свои экономические интересы через механизмы ВТО и пытаются укрепить глобальные позиции путем создания подконтрольных себе структур — Транстихоокеанского партнерства и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства. В этих условиях Китай вынужден интенсифицировать собственные переговоры о создании двусторонних (Китай—Корея, Китай—Австралия) и многосторонних зон свободной торговли. Долгосрочная стратегия создания таких зон должна включать следующие этапы:

- 1) приграничные с КНР регионы;
- 2) регионы, расположенные вдоль «одного пояса, одного пути»;
- 3) глобальный уровень.

Ли Гуанхуэй считает, что Китай не должен отказываться от участия в Транстихоокеанском партнерстве и подобных ему структурах, но лишь в том случае, если он добьется выгодных для себя условий⁵.

Директор Центра экономических исследований Фуданьского университета Ши Лэй считает, что одной из причин активности китайского руководства на внешнеполитическом и внешнеэкономическом направлениях является стремление привлечь к последним инициативам китайские регионы, прежде всего западный Китай с целью сбалансировать региональную структуру экономического роста в КНР (опережающие темпы роста в приморских регионах)⁶.

В рамках концепции развития отношений нового типа с крупными странами особое место в 2013—2015 гг. заняли российско-китайские отношения.

В основе российско-китайского партнерства лежит курс обоих государств на проведение самостоятельной и многовекторной внешней политики, оставляющей полный простор для маневра на всех ее направлениях. В нынешней политической ситуации России нужны не просто хорошие, но образцовые отношения с Китаем — второй экономикой мира, привилегированным членом ведущих мировых организаций (СБ ООН, G-20 («Двадцатка»), ВТО, МВФ и Мировой банк). Пекин — важнейший стратегический партнер России, способный в значительной степени нейтрализовать то негативное воздействие, которое оказывает на Москву санкционная политика Запада. Но, благодаря доверительному характеру партнерства с КНР, Россия может активно включиться в интеграционные процессы в АТР, укрепить связи с другими крупными странами Восточной Азии — Японией и РК, а ее нынешняя фронда с Западом — приобрести характер принципиального спора по поводу будущего характера мироустройства.

При этом на Западе традиционно считают, что ухудшение российско-китайских отношений неизбежно, и произойдет оно, прежде всего, из-за столкновения геополитических интересов в Центральной Азии. При этом в последнее время особый упор делается именно на конкуренцию российских и китайских интеграционных проектов.

Как известно, именно с данным регионом связаны наиболее масштабные интеграционные проекты двух стран последних лет: Евразийский проект России и проект «Один пояс — один путь» КНР.

В сентябре 2013 г. в ходе визита в Казахстан, председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул концепцию «Экономического пояса Шел-

кового пути» (丝绸之路经济带), продемонстрировав, таким образом, значительный интерес к активизации экономических и инфраструктурных проектов в Центральной Азии при лидирующей роли Китая⁷. При этом с самого начала данная инициатива стала позиционироваться как мегапроект экономического со-развития от Восточной Азии до Европы, который объединял бы в общей сложности 21 государство. Через месяц, выступая в индонезийском парламенте, Си Цзиньпин предложил параллельную стратегию «Морского шелкового пути 21-го века», которая связала бы Восточную Азию, прибрежные государства Индийского Океана и Африку⁸.

На состоявшемся 4 ноября 2014 г. заседании Центральной руководящей группы по финансовым и экономическим вопросам Си Цзиньпин поставил задачу как можно скорее разработать график и дорожную карту реализации концепции «Одного пояса — одного пути». В целях реализации данных проектов было запланировано создание Фонда Шелкового пути в объеме 40 млрд долл.

Основной задачей стратегии «Одного пояса — одного пути» является диверсификация транспортных коридоров, ведущих из Китая к основным внешнеторговым партнерам Пекина, расположенным в Западной Европе. Не случайным является тот факт, что детализация данной концепции происходит практически сразу же после визита премьера Госсовета КНР Ли Кэцяна в Россию и ряд европейских государств в октябре 2014 г. По мнению китайских руководителей, следует оказывать активное содействие транзитным странам, расположенным вдоль «пояса и пути», в реализации инфраструктурных проектов, включая такие сферы, как транспорт, электроэнергетика и телекоммуникации. Подобные приоритеты демонстрируют, что Китай намерен создавать вдоль данных маршрутов постоянно действующие опорные точки, способствующие продвижению своих интересов.

Как Си Цзиньпин, так и китайские эксперты подчеркивают инклюзивный, не предусматривающий внешнего (например, американского) участия в данных проектах, имеющих как геоэкономическое, так и геополитическое значение.

Вместе с тем на том же заседании речь шла о развитии Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), в который вошли страны Восточной, Центральной и Южной Азии, а также Ближнего

Востока, расположенные вдоль «пояса и пути». Китай в настоящее время предлагает увеличить уставной капитал Банка до 100 млрд долл. Среди всех указанных китайских инициатив именно последняя встречает наиболее резкое сопротивление со стороны Вашингтона⁹. Особые опасения в США вызывает тот факт, что такие ключевые союзники США, как Великобритания, РК и Австралия, несмотря на давление со стороны Вашингтона, в марте—апреле 2015 г. вошли в число учредителей АБИИ.

Вместе с тем из всех участников интеграционных процессов в рамках «пояса шелкового пути» дальше всех в выстраивании стратегических партнерских отношений продвинулись Россия и Китай. Как отмечает известный китайский ученый-международник Ван Ивэй, в настоящее время стратегическое сближение двух стран производит тройной эффект: в области «мягкой силы», геополитики и построения нового мирового порядка¹⁰.

8 мая 2015 г. в Москве было принято Совместное заявление РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути¹¹, предполагающее, что институциональной основой нового направления сотрудничества станут механизмы, уже созданные на базе ШОС. Этому должно способствовать и планируемое расширение организации в июле 2015 г. на саммите в Уфе. Заместитель директора Института России КАСМО Ли Дунбу полагает, что такие новые факторы сотрудничества, как переход на национальные валюты при взаимных расчетах и усовершенствование транспортной инфраструктуры (в том числе строительство скоростной железной дороги Москва—Пекин), способны поднять на новую ступень товарооборот, логистику, а также туристические обмены между двумя странами¹².

Вместе с тем китайские эксперты расходятся во мнении об оптимальности темпов интеграции. Так, например, директор Центра исследований проблем ШОС КАОН Сунь Чжуанчи считает, что планируемое получение Индией и Пакистаном, вовлеченных в сложный межгосударственный конфликт, статуса постоянных членов ШОС окажет негативное влияние на прочность данной организации, что скажется на способности ШОС решать проблемы международной и региональной безопасности¹³. Другие исследователи говорят о возможном параллелизме в реализации проектов БРИКС и

«Один пояс — один путь». Так, например, директор Института экономики КАСМО Чэнь Фэнъин, исходя из той логики, что каждая страна-участница БРИКС представляет какой-либо регион мира, полагает, что наиболее оптимальными кандидатами на членство в этом клубе являются Турция (партнер ШОС по диалогу), представляющая два региона — Ближний Восток и Средиземноморье, а также Индонезия (представляющая Юго-Восточную Азию)¹⁴. Показательно, что обе упомянутые страны являются учредителями АБИИ.

Еще одним важным направлением сопряжения российских и китайских инициатив может стать проект газопровода «Турецкий поток». Традиционно стратегической задачей Китая является максимально возможная переориентация российских энергопотоков с европейского направления в сторону Китая. В этом смысле любое новое направление по доставке российского газа в страны ЕС рассматривается как конкурентное с точки зрения китайских национальных интересов. Заместитель директора отдела Европы НИИ международного торгово-экономического сотрудничества Лю Хуацзинь отмечает, что Китай вполне может заменить страны ЕС в обеспечении гармоничной структуры внешней торговли России, а также в сфере финансового и технического сотрудничества.

Этими причинами объясняется пассивно-констатирующая позиция китайских экспертов и СМИ по поводу отказа России от болгарского варианта «Южного потока». В частности, 12 января 2015 г. «Жэньминь жибао» в очередной раз отметила: при всех политических сложностях Россия и ЕС сохраняют заинтересованность в реализации первоначального варианта газопровода¹⁵.

Вместе с тем в случае реализации «турецкого» маршрута он естественным образом сопрягается с региональными инфраструктурными проектами КНР, реализуемыми в рамках как стратегии «Экономического пояса шелкового пути», так и другой китайской экспертной инициативы — «Евразийского энергетического сообщества» (能源共同体). В частности, в ходе визита китайского премьера Ли Кэцзяна в Грецию в августе и его участия в форуме Китай-ЦВЕ (16+1) в декабре 2014 г. было достигнуто соглашение о строительстве скоростной железной дороги Пирей-Будапешт. Некоторые эксперты полагают, что наиболее оптимальным для интересов КНР было бы создание мультимодального транспортного коридора, включающего наряду с

железной дорогой также и газопровода через территорию Греции, Македонии, Сербии и Венгрии. Отмечается, что Венгрия и Греция, хотя и является членами ЕС, однако отказались следовать требованиям его третьего энергопакета, а Сербия и Македония не входят в Евросоюз¹⁶.

Изначально реализация проекта «Шелкового пути» планировалась по трем направлениям: через территорию России, Ближний Восток и Индийский Океан. Дестабилизация в регионе Центральной Азии и Ближнего Востока, связанная с действиями так называемого «Исламского государства» (ИГ) может сорвать планы Китая по реализации стратегии «Один пояс — один путь». При этом, из-за отсутствия стратегического доверия между Пекином и Вашингтоном, КНР не может опираться лишь на усилия Запада в деле ликвидации ИГ. Среди китайских экспертов распространено мнение, что США, избавившись от собственной зависимости от внешних рынков энергетического сырья, в настоящее время в полной мере реализуют стратегию управляемой нестабильности на Ближнем Востоке (поддержка «арабской весны», свержение режима Каддафи, дестабилизация обстановки в Сирии, нежелание навести порядок в Ираке, внешнее вмешательство в йеменский конфликт). Целью такой дестабилизации может быть удар по энергетической безопасности КНР (более 50 % импортируемой в КНР нефти доставляется с Ближнего Востока).

Именно по этим причинам Китай в последнее время активизирует контакты с ведущими странами Ближнего Востока: Турцией, Ираном, Саудовской Аравией.

С 15 по 19 ноября 2014 г. спецпосланник Си Цзиньпина по вопросам борьбы с терроризмом, член Политбюро ЦК КПК и бывший министр общественной безопасности Мэн Цзяньчжу посетил Иран, где провел переговоры с первым вице-президентом Э. Джахангири, и Турцию, где состоялась его встреча с премьером Р.Т. Эрдоганом. В официальных сообщениях китайских СМИ подчеркивается связь его визита с концепцией «Одного пояса — одного пути». Газета «Цзинхуа шибао» при этом также отмечает, что одной из задач визита является координация борьбы с ИГ, действия которого в перспективе могут оказать влияние и на ситуацию в Китае¹⁷. Показательно, что китайские СМИ очень позитивно освещали итоги визита В. Пу-

тина в Египет в феврале 2015 г., что может свидетельствовать о том, что в Пекине не считают Россию конкурентом в своей ближневосточной стратегии.

Китайские эксперты сходятся во мнении, что появление на границах КНР такого крупного интеграционного объединения, как ЕАЭС, имеет большое значение для Пекина. Профессор Института международных отношений Университета СМИ Ян Мян считает, что ЕАЭС может стать еще одним центром силы в глобальной политике, что соответствует китайской стратегии развития многополярности и противодействия западной гегемонии.

Ян Мян и научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН Сяо Бинь полагают, что в связи с созданием ЕАЭС в краткосрочной перспективе китайским интересам в Центральной Азии будет нанесен определенный ущерб, т. к. участники этого объединения перейдут к нулевым пошлинам во взаимной торговле, что усилит их конкурентные преимущества. Кроме этого, создание ЕАЭС усилит переговорные позиции этих стран в диалоге с Китаем, например, в энергетической сфере. В долгосрочной перспективе, по мнению Сяо Биня, процессы евразийской интеграции смогут укрепить западное направление китайской стратегии «Шелкового пути». Ян Мян указывает на то, что экономики Китая, с одной стороны, России и Казахстана, с другой — обладают высокой степенью взаимодополняемости, особенно в энергетической сфере. Кроме того, по его мнению, отсутствует и опасность конкуренции между ЕАЭС и ШОС: ЕАЭС — сугубо экономическое объединение, а основой деятельности ШОС являются проблемы безопасности.

Сяо Бинь и научный сотрудник Научно-технического университета Минобороны КНР Ду Биньюй не видят противоречий между участием Казахстана и Киргизии в ЕАЭС и развитием двусторонних отношений этих стран с Китаем. Наоборот, по их мнению, после образования ЕАЭС они вынуждены будут укреплять партнерство с Китаем, чтобы нивелировать возможные риски от вхождения в ЕАЭС (нестабильный курс рубля, ухудшение отношений РФ с Западом)¹⁸.

Вместе с тем, по мнению Ян Мян, Китаю не следует стремиться вступить в ЕАЭС, так как последний является одной из форм

восстановления влияния РФ на постсоветском пространстве. Пекину нет необходимости становиться альтернативным Москве центром. Кроме того, стратегия «шелкового пути» носит более широкий характер по сравнению с ЕАЭС и вступление в него КНР сузило бы геополитические перспективы для Пекина, которому следует сосредоточиться на расширении влияния в Восточной Азии и АТР¹⁹.

Позитивные оценки в Китае получили не только российские, но и другие интеграционные инициативы на евразийском пространстве. В частности, 1 апреля 2015 г. в ходе визита в Монголию министр иностранных дел КНР Ван И поддержал идею транспортного коридора Китай—Монголия—Россия²⁰. Кроме этого, китайские СМИ активно обсуждают возможность сопряжения интеграционных инициатив КНР и Казахстана. Так, например, в комментарии газеты «Чжунго цзиньин» подчеркивается взаимодополняемый характер китайской стратегии «Шелкового пути» и стратегии новой экономической политики «Нурлы жол» («Светлый путь»), объявленной Н. Назарбаевым в ноябрьском (2014 г.) президентском послании²¹. В частности, отмечается, что в стратегии «Нурлы жол» приоритет отдается развитию транспортной инфраструктуры, а также таким важным для углубления китайско-казахстанского сотрудничества проектам, как завершение в 2015 г. первого этапа создания особой экономической зоны Хоргос, а также ряду нефтегазовых проектов, в том числе в районе Актау.

Подчеркивается, что эксплуатационная себестоимость добычи нефти в районе Каспийского бассейна составляет лишь 20 долл., что значительно ниже, чем в других регионах мира. Кроме того, позитивными условиями для роста китайских инвестиций в Казахстан являются такие факторы, как политическая стабильность, традиционно дружественные отношения с КНР, а также желание китайских компаний инвестировать в социальные проекты (например, обучение в КНР молодежи из Казахстана).

Новое российско-китайское сопряжение вполне способно вдохнуть вторую жизнь и в Программу сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Восточного Китая на 2009—2018 гг., вовлекая данные регионы в механизмы не только евразийской, но также и евро-тихоокеанской интеграции.

В официальных комментариях о результатах визита первого секретаря партийного комитета пров. Хэйлунцзян Ван Сянькуя в Приморский и Хабаровский края и ЕАО подчеркивается особый интерес провинциального руководства к развитию транспортного коридора Китай—Монголия—Россия, в частности к проекту континентально-морского экономического пояса Шелкового пути пров. Хэйлунцзян. Данный проект будет способствовать развитию инфраструктуры Сибири и Дальнего Востока, в частности, развитию Транссиба. Ван Сянькуй предложил следующие конкретные инициативы.

1. Взаимное согласование региональных программ развития и экономической политики двух стран. Обмен информацией и укрепление каналов связи.

2. Соединение инфраструктуры двух регионов, прежде всего, реализация проекта «один остров (открытие погранперехода на о-ве Большой Уссурийский), три моста (скорейшее окончание строительства российской части железнодорожного моста Нижнеленинское—Тунцзян, начало строительства автомобильных мостовых переходов в районе городов Хэйхэ и Дуннин), одна дорога (скоростная железнодорожная и автомагистраль Владивосток—Суйфэньхэ), один порт (способствование реконструкции портовой инфраструктуры Владивостока с помощью китайских инвестиций, программ долгосрочного лизинга и путем создания совместных предприятий)». Открытие трансграничных маршрутов Китай—Россия—Европа и Китай—Россия—Азия. Снижение себестоимости использования российских железных дорог и портовой инфраструктуры. Упрощение таможенных процедур.

3. Углубление инвестиционного сотрудничества в таких сферах, как сельское и лесное хозяйство, нефтепереработка, машиностроение, туризм, трансграничная электронная торговля. Создание трансграничных производственных цепочек и промзон: Уссурийск, Хуайюй, Хуасинь, Луньюэ.

4. Укрепление гуманитарных связей. Изучение возможности создания прямого туристического маршрута Харбин—Владивосток²².

Таким образом, российско-китайское взаимодействие демонстрирует устойчивость и способность к позитивному развитию в новых исторических условиях. Особенностью современного этапа отноше-

ний является актуализация их многосторонних аспектов, широкое вовлечение в сферу взаимодействия других стран и международных организаций Евразийского макрорегиона. Вместе с тем, расширение географических рамок стратегического партнерства позволяет полнее включить в него регионы, прежде привлекавшие недостаточно внимания со стороны центральных властей, прежде всего Дальний Восток России.

Примечания

¹ Доклад Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК (полный текст). URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8023974.html>

² URL: <http://theory.people.com.cn/n/2013/1202/c40531-23718303.html>

³ URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-12/06/c_133837015.htm

⁴ URL: <http://www.nanzao.com/sc/opinion/42645/wang-xiang-wei-zhuan-lan-xi-jin-ping-xiong-xin-bo-bo-de-zhong-guo-meng-he-ya-tai-meng>

⁵ URL: http://www.ctaxnews.com.cn/zhuanlan/zhuanjia/201412/t20141210_35848.htm

⁶ URL: http://finance.cnr.cn/ijpl/201412/t20141208_517022910.shtml

⁷ URL: http://news.xinhuanet.com/world/2013-09/07/c_117272280.htm

⁸ URL: http://usa.chinadaily.com.cn/china/2013-10/04/content_17008940.htm

⁹ URL: <http://www.economonitor.com/blog/2014/10/time-for-an-asian-infrastructure-investment-bank>

¹⁰ Ван Ивэй. Китайско-российское взаимодействие — оплот мира во всем мире // Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом и японским милитаризмом во второй мировой войне / Тезисы докладов российско-китайской научной конференции 5—6 мая 2015 г. М.: ИДВ РАН. 2015. С. 67—69.

¹¹ URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971>

¹² URL: http://www.zjzhejiangswj.com/art/2015/4/21/art_1054_163615.html

¹³ URL: http://news.xinhuanet.com/world/2015-04/18/c_127704157.htm

¹⁴ URL: http://gzdaily.dayoo.com/html/2014-05/16/content_2629433.htm

¹⁵ URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2015-01/12/nw.D110000renmrb_20150112_6-03.htm

¹⁶ URL: <http://orientalreview.org/2015/01/14/how-chinas-balkan-silk-road-can-resurrect-south-stream>

¹⁷ URL: <http://news.sina.com.cn/o/2014-11-21/021931178321.shtml>

¹⁸ URL: <http://world.huanqiu.com/hot/2015-01/5330354.html>

¹⁹ URL: <http://www.cien.com.cn/html/report/1410/352-1.htm>

²⁰ URL: <http://politics.people.com.cn/n/2015/0402/c70731-26789815.html>

²¹ URL: <http://finance.sina.com.cn/roll/20150314/011021719537.shtml>

²² URL: <http://www.harbin.gov.cn/info/news/psite/detail/406179.htm>

С. В. Уянаев

НОВЫЕ «ШЕЛКОВЫЕ ПУТИ» КИТАЯ: ПРИНЦИПЫ И ПАРАМЕТРЫ ОФИЦИАЛЬНОЙ «ДОРОЖНОЙ КАРТЫ»*

Аннотация. Рассмотрен принятый в марте 2015 г. в Китае правительственный документ «Концепция и план действий», в котором представлены основные принципы, цели, географические рамки, механизмы реализации китайской инициативы «Экономический пояс Шелкового пути и морской Шелковый путь 21-го века». Анализируется роль, отведенная в документе России и ШОС, исследуются возможности российского участия в проекте.

Ключевые слова: КНР, проект, инициатива, Шелковый путь, пояс, концепция, план действий, «дорожная карта», сотрудничество, Россия, транспорт, маршрут, шанс, вызов, ШОС.

«Самые используемые фразы на Азиатском форуме в Боао — это названия: «Один пояс — один путь», «Азиатский банк инфраструктурных инвестиций» — таким не совсем обычным заголовком сопроводили один из своих комментариев журналисты авторитетных китайских СМИ, освещавших в конце марта 2015 г. ход «азиатского Давоса» — ежегодной деловой встречи политиков, представителей бизнеса и экспертов на острове Хайнань¹.

* Подготовлено при содействии РГНФ, совместный исследовательский проект РГНФ-ВАОН № 14-27-09001 «Пути укрепления безопасности и сотрудничества в Восточной Азии».

Причин тому было несколько. Во-первых, в Форуме приняли участие первые лица китайского руководства во главе с председателем КНР. Си Цзиньпин выступил с речью, причем ее лейтмотивом стали оглашенная им в сентябре-октябре 2013 г. инициатива «Экономический пояс Шелкового пути и морской Шелковый путь 21-го века» (ЭПШП), а также недавно созданная под эгидой Китая крупная региональная банковская структура, призванная финансировать подобного рода проекты².

Понятно, что заданный высшим руководителем тон определял содержательные рамки многих последующих презентаций, обсуждений и дискуссий, которых (и это во-вторых) было немало. Идея «Один пояс — один путь» (так теперь называют, как правило, эту новацию) с разных сторон была представлена в ряде крупных докладов, в том числе в выступлении члена Госсовета Ян Цзечи³. Это лишний раз показало, что она прочно заняла одно из центральных мест в нынешней внутренней и международной повестке КНР.

Однако, пожалуй, не менее важным было третье обстоятельство. В канун Форума был опубликован и распространен вместе с его материалами важный правительственный документ, который, по всей видимости, стал итогом почти полугодовой работы политиков и экспертов — «Концепция и план действий по совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути 21-го века».

В этом весьма объемном официальном материале, подготовленном Государственным комитетом по делам развития и реформ КНР, а также двумя министерствами — иностранных дел и коммерции, была представлена развернутая программа проекта, по сути — его рамочная «дорожная карта», которая подробно структурирована по базовым характеристикам — географии, целям и задачам, принципам, направлениям и механизмам реализации⁴.

Напомним, что, формулируя в сентябре 2013 г. общую цель инициативы, председатель КНР указал на «новую жизнеспособность прежнего Великого шелкового пути» и предложил прилегающим к нему «евроазиатским странам объединить усилия», способствуя «постепенному формированию крупномасштабного регионального сотрудничества» с целью обеспечить между ними «более тесные экономические связи и более обширное взаимодействие»⁵. Кроме того,

председатель КНР назвал и пять основных аспектов-направлений реализации проекта. На первое место было поставлено согласование между странами-участницами «политических установок для развития», уже затем говорилось о привычном для восприятия термина «Шелковый путь» «сотрудничестве в транспортной инфраструктуре». Тремя другими сферами «совместного строительства» были названы «торговые и инвестиционные свободы», «финансы», а также «гуманитарные контакты». Очевидно, что в прозвучавших определениях, как и в их последовательности, уже тогда был отражен крупный, геостратегический характер выдвинутой идеи, призванной с привлечением внешнеполитических механизмов, «на путях международного сотрудничества» обеспечить интересы страны в ближнем и дальнем зарубежье Евразии.

Месяцем позднее в дополнение к «сухопутному» варианту (ЭПШП), был добавлен «морской маршрут». Так новация получила общее оформление.

Однако повторим, что потребовалось больше года различного рода государственных и партийных совещаний, экспертных конференций, симпозиумов и встреч, прежде чем на официальном уровне появился специальный документ из 8 разделов, дающий авторитетное обобщенное представление о существовании китайского мегапроекта. Понятно, что «Концепция и план действий» от 28 марта 2015 г. (далее — Концепция) заслуживают внимательного рассмотрения.

Географический охват

Прежде всего, Концепция «уточнила» как внутренний, так и внешний географический охват, предусмотренный «поясом и путем», дав представление о пространственном масштабе проекта.

Первоначальные оценки здесь были разные. Так, в комментарии, опубликованном в правительственных СМИ в конце октября 2013 г., было указано, что сухопутный коридор пояса «Шелкового пути», начинаясь, естественно, в Китае, делится на 5 субрегионов — Центральную, Западную и Южную Азию, европейские страны — бывшие республики СССР, а также и Россию. «Объединенная»

идея — сухопутный и морской «Шелковый путь» вместе — называлась проектом, который распространяется на несколько десятков (имея в виду пять субрегионов — не менее 40 стран) и может обеспечить «взаимовыгодное сотрудничество и общее процветание» для более чем 3 млрд человек⁶.

В других материалах список расширился за счет стран Центральной и Западной Европы и Северной Африки, причем порой публиковались карты, где новый путь шел в обход России⁷.

В специальном разделе Концепции от 28 марта представлена версия, которую, надо полагать, в КНР считают базовой. Согласно документу «сухопутный пояс», начинаясь в Китае и «пролегая по территориям Азии, Европы и Африки», включает три главных направления — через Центральную Азию в Россию и Европу (Балтию); опять-таки через Центральную Азию, а также Западную Азию в страны Персидского залива и Средиземноморья; в Юго-Восточную и Южную Азию и Индийский океан.

«Морской путь», стартуя от берегов Китая, имеет два главных маршрута — через Южно-китайское море и Индийский океан в Европу; через Южно-Китайское море ЮКМ в южную часть Тихого океана⁸.

В рамках Евразийского сухопутного моста и параллельно названным маршрутам были также выделены несколько транспортно-экономических коридоров, в том числе Китай—Монголия—Россия, Китай—Пакистан и Бангладеш—Китай—Индия—Мьянма.

При такой постановке вопроса непосредственно «Шелковая зона» существенно расширяется. Недаром весной 2015 г. китайские эксперты вели речь уже о 65 странах с населением в 4,4 млн человек⁹. Более того, в Концепции подчеркивается, что инициатива Китая не ограничивается районами прохождения древних путей и «носит кооперационный характер, открытый для всех стран и региональных организаций». Теоретически это делает географические границы «пояса и пути» вообще не лимитированными, хотя понятно, что они на деле существуют.

Интересна и эволюция взглядов на «внутреннюю» географию проекта. Первоначально не только эксперты, но и официальные лица в Китае нередко подчеркивали, что одной из целей проекта является «ускоренное развитие западных регионов КНР», сравнительно от-

ставших в ходе проводимой в стране реформы. Об этом, в частности, шла речь на международной конференции с участием ответственных представителей китайского внешнеполитического ведомства, китайских и российских экспертов (в том числе из ИДВ РАН), которая проходила в ноябре 2014 г. в Институте международных проблем МИД КНР¹⁰.

В Концепции данному вопросу уделен специальный раздел. В нем вначале также говорится о значении Синьцзяна и других западных районов, однако далее документ включает в «Один пояс — один путь» уже практически все провинции и регионы страны.

Пять направлений — пять системных задач

Внимательное знакомство с определяемыми Концепцией узловыми целями подталкивает к выводу, что в ее основе остались положения, изначально озвученные председателем КНР в Астане и Джарканде в сентябре—октябре 2013 г.

Это, прежде всего, касается самого крупного в документе *раздела о «пяти приоритетах»*. Они предлагаются в виде будущих «сфер сотрудничества» — «политические контакты и координация политических установок», «транспорт и инфраструктура», «торговые свободы», «финансы», «общественные и гуманитарные связи». Это — главные направления проекта, свидетельствующие о масштабе и системном характере поставленных задач.

Но, сравнивая изложенные председателем КНР положения с Концепцией, в последнем случае можно заметить и важные уточнения, и новые акценты.

Во-первых, подчеркнут определяющий статус «политической координации». Она названа «важной гарантией» реализации проекта. Это, похоже, обещает высокую степень активности китайского руководства, которое, «укрепляя» с десятками отнесенных к проекту стран «межправительственные контакты», намерено придавать им разнообразный и многоплановый характер.

Во-вторых, наряду с задачей совместного со странами региона строительства сухопутного Трансазиатского моста, сформулирована «приоритетная» и «жизненно важная» цель обеспечить не просто

транспортные коммуникации, а системную «взаимосвязанность инфраструктуры», включая координацию участниками «своих планов по строительству инфраструктурных объектов и систем технических стандартов». Кроме того, введено в оборот понятие «сетевых коммуникаций», подчеркнут их комплексный характер, «объединяющий» не только собственно «железные», шоссейные и водные магистрали, включая сопутствующую дорожную (портовую) инфраструктуру, но и трубопроводную сеть транспортировки энергоресурсов, а также и трансграничную сеть линий оптико-волоконной связи.

В-третьих, четко и недвусмысленно прописаны цели в торгово-инвестиционной области, которую уже на старте проекта в КНР нередко называли его «фундаментом». Концепция прямо декларирует намерение (в рамках общей идеи глобальной либерализации торговых режимов) начать со странами «пояса и пути» обсуждение возможностей создания зон свободной торговли, совместного продвижения таких мер, как устранение/снижение тарифных барьеров, унификация таможенных и других регулирующих торговлю процедур. Это же касается сферы инвестиций, которую авторы Концепции предлагают сделать «двигателем торговли»; «инвестиционные свободы» мыслится распространить на самый широкий спектр промышленного и аграрного производства — от разведки и разработки ископаемых, развития многих видов энергетики, включая ядерную, до марикультуры и лесного хозяйства. Приветствуя направление в проект инвестиций из стран «пояса и пути», Концепция содержит прямой акцент на «поощрение» участия в региональном инфраструктурном строительстве непосредственно китайских компаний. Причем не только инвестициями как таковыми: в контексте тезиса о «разделении труда» говорится, что китайские компании должны «действовать непосредственно на местах», использовать здесь свои практические возможности и опыт управления.

В-четвертых, ранее выдвинутое направление «сотрудничества в сфере финансов» и денежно-кредитной политики обрело в Концепции форму полноформатной «финансовой интеграции». Речь идет о создании системы «валютной и инвестиционной стабильности», доступа «к кредитной информации», расширения валютных свопов. В Концепции говорится о задаче развития азиатского рынка ценных бумаг, о продвижении разнообразных форм сотрудниче-

ства, включая выпуск участниками проекта «юаневых» облигаций в Китае, а также эмиссию китайскими учреждениями облигаций в юанях и в иностранных валютах за рубежом. Полученные средства могли бы, согласно документу, использоваться в странах вдоль «пояса и пути».

Важная роль при этом отводится Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Речь идет об учреждаемой по инициативе Китая кредитной организации, которая будет финансировать региональные инфраструктурные проекты¹¹. Были названы и другие важные финансовые структуры — Банк развития БРИКС, планируемый аналогичный институт в рамках ШОС, а также Фонд Шелкового пути, на учреждение которого Китай, согласно сделанному еще в начале ноября 2014 г. заявлению председателя КНР, готов направить 40 млрд долл.¹² Правительственные эксперты называют этот шаг своего руководства «лишь началом», тем самым подчеркивая инвестиционные возможности Китая на фоне того запроса на инвестиции, который де-факто существует во многих странах предполагаемого «пояса-пути»¹³.

Наконец, в-пятых, область, которая по-прежнему носит простое название «обмены между людьми», представлена в документе полноформатной системой многопланового гуманитарного сотрудничества. По мнению авторов, она должна включать сферы образования (на нее КНР выделяет 10 000 стипендий), культуры и искусства, туризма, здравоохранения, молодежной политики, науки и технологий, а также взаимодействие по линии партийных и парламентских структур и неправительственных организаций.

Приоритеты в механизмах сотрудничества

Принципиально важной частью Концепции видится *раздел о «Механизмах кооперации»*. Его актуальность связана с необходимостью понимания, как реализация проекта, столь масштабного по зоне охвата и числу потенциальных участников, может выглядеть на практике. Тем более с учетом того, что на просторах Евразии уже действуют различные интеграционные объединения со своими целями и регламентами.

Авторы Концепции, похоже, не склонны видеть здесь почвы для недоразумений и заявляют, что, продвигая свою инициативу, Китай будет использовать возможности и «двусторонних, и многосторонних кооперационных механизмов».

Двусторонние отношения КНР предполагает развивать «на всех уровнях» и «по всем каналам», используя возможности как уже существующих, так и новых совместных рабочих групп, комиссий и комитетов, специально нацеленных на подготовку «дорожных карт», пилотных проектов и других документов и планов, связанных с инициативой «Один пояс — один путь».

В части международных структур говорится о намерении «поддержать деятельность и использовать возможности» существующих в зоне «пояса пути» объединений. Приводится их большой перечень — от АТЭС и ШОС до субрегиональных механизмов по типу структуры «Большой Меконг». Предполагается задействовать также потенциал международных выставок, конференций, научных симпозиумов.

Тем не менее, следует заметить, что раздел носит весьма лаконичный характер. А потому показательное акцентирование потенциала двустороннего сотрудничества может быть не случайным и свидетельствовать не столько об абстрактных «функциональных предпочтениях» китайской дипломатии, сколько о возможной ее реакции на конкретные ограничения, с которыми проект может столкнуться в контексте функционирования тех или иных региональных структур. Ведь в них могут действовать собственные, порой достаточно жесткие для внешних игроков регламенты, и «адаптироваться» к ним можно попытаться как раз за счет двусторонних механизмов.

Не случайно, что в другом разделе Концепции, где говорится о *практической работе*, уже проделанной по проекту за почти полтора года, упоминаются двусторонние переговоры с лидерами более 20 стран (с рядом из них подписаны профильные Меморандумы о взаимопонимании). При этом лишь одна ссылка касается встречи в многостороннем формате (6-й Форум китайско-арабского сотрудничества).

В контексте декларируемой, таким образом, своего рода «готовности действовать в различных сценариях» заслуживает внимания

помещенный в отдельном разделе (*Принципы Концепции*) тезис о том, что Китай не только по-прежнему привержен «политике открытости», но и намерен строить ее новый вариант. Речь идет о «модели открытости по всем азимутам» и направлениям (*quan fangwei kaifang*).

Возможен вывод, что, исходя из такого максимально расширенного понимания «открытости», Китай рассчитывает в том числе на ее «взаимный» со стороны партнеров характер, а следовательно — на позитивное восприятие ими нового «Шелкового проекта» и готовность «идти навстречу». Не случайно, более активный «выход КНР вовне», который как раз основывался бы на такой «встречной открытости», авторитетные китайские эксперты называют «принципиальной составной частью проекта». А незадолго до принятия Концепции министр иностранных дел Ван И прямо подчеркивал, что в АТР необходимо придерживаться «новых концепций открытости, а не замкнутости»¹⁴.

В связи с этим следует отметить, что Концепция выдержана в подчеркнуто комплиментарном стиле: практически по всему многостраничному тексту она сопровождается призывами к учету озабоченностей всех сторон, взаимному выигрышу, уважению и доверию, к миру и развитию, взаимовыгодному сотрудничеству. Более того, имиджу идеи полностью уделен заключительный (восьмой) раздел. В нем подчеркивается, что «будучи инициатором идеи», КНР, тем не менее, видит проект площадкой, где происходят «равноправные консультации», учитываются «чаяний» всех стран «пояса и пути», уважается принцип инклюзивности, понимаемый как «возможность разнообразия и необязательность во всем добиваться полного единства».

Общенациональный контекст

Оценивая идею «Один пояс — один путь» на фоне общего для нынешнего Китая политического контекста, трудно не заметить, что авторы Концепции с первых шагов стремились вписать ее в стратегические задачи «мечты о великом возрождении китайской нации», с которой годом ранее выступило высшее китайское руководство¹⁵. Инициатива «Один пояс — один путь» вполне способна играть роль

мощного инструмента реализации этого ставшего общенациональным лозунга, который, по сути, предполагает решающее наращивание комплексной мощи страны и выход, таким образом, на «передовые мировые рубежи».

В условиях, когда (на примере снижения прироста ВВП) экономика КНР в последние годы столкнулась с вызовами истощения ряда прежних источников роста (потенциал экстенсивного развития, дешевый труд и т. п.), повышенную актуальность приобрели новые, в том числе внешние, рычаги. Дальнейший импульс, повторим, получает продвижением «политики открытости и выхода вовне»¹⁶. На непосредственную связь проекта с генеральными задачами развития страны недвусмысленно указывал председатель КНР. Уже вскоре после первоначального оглашения инициативы «пояса-пути», Си Цзиньпин, говоря о курсе «в отношении сопредельных стран», подчеркнул, что «стратегической целью китайской внешней политики является служение задаче национального возрождения». При этом, как отметил руководитель КНР, «Китай совместно со своими соседями должен работать для ускорения взаимной стыковки и формирования «экономического пояса Великого шелкового пути» и «морского Шелкового пути для 21-го века». Китай должен ускорить создание зон свободной торговли с соседями в качестве фундамента, расширять торговлю и инвестиции, создать новый образец региональной экономической интеграции»¹⁷.

Выводы для России

Напомним, что в географическом разделе Концепции однозначно указывается на принадлежность России к зоне «Шелковых путей» в их нынешней версии. И хотя сразу после первоначального оглашения инициативы (сентябрь 2013 г.) роль России трактовалась весьма неоднозначно (в обеих странах эксперты отмечали потенциальные вызовы, вытекающие из возможного «столкновения центральноазиатских политико-экономических проектов РФ и КНР»), к марту 2014 г. ситуация в значительной мере прояснилась.

После сочинских переговоров в формате Владимир Путин — Си Цзиньпин в феврале 2014 г., на которых, согласно китайским ком-

ментариям, обсуждался проект «Экономического пояса Шелкового пути», в правительственных СМИ Китая появились публикации, где прямо указывалось, что «без участия России экономической полосе Шелкового пути не бывать»¹⁸.

Внимание в России привлекла и данная авторитетными китайскими экспертами характеристика ЭПШП как «инновационной модели сотрудничества», которая «не содержит в себе интеграционных интенций», не преследует целей создания формального сообщества и направлена исключительно на улучшение среды многостороннего сотрудничества и налаживание эффективных партнерских отношений¹⁹.

Согласованные совместные формулировки относительно сотрудничества по проекту были впервые зафиксированы в российско-китайском заявлении, принятом в мае 2014 г. по итогам официального визита В.В. Путина в КНР. «Россия считает важной инициативу Китая по формированию «Экономического пояса Шелкового пути» и высоко оценивает готовность Китайской Стороны учитывать российские интересы в ходе ее разработки и реализации», — говорится в документе. «Стороны продолжают поиск путей возможного сопряжения проекта «Экономического пояса Шелкового пути» и создаваемого Евразийского экономического союза. В этих целях они намерены и дальше углублять сотрудничество между компетентными ведомствами двух стран, в том числе для осуществления совместных проектов по развитию транспортного сообщения и инфраструктуры в регионе»²⁰.

Министр иностранных дел РФ С. Лавров отметил при этом важную деталь, упомянув, что сопряжение «Экономического пояса Шелкового пути» с процессами евразийской интеграции может коснуться модернизации Транссиба и Байкало-Амурской магистралей, причем по темам совместной работы планируется запустить российско-китайский экспертный диалог²¹.

Очередной вехой в пока нащупывающем дорогу российско-китайском взаимодействии по вопросам, связанным с проектом «пояс-путь», могут считаться двусторонние договоренности, достигнутые по итогам 19-й межправительственной встречи, состоявшейся в ходе визита в Москву делегации во главе с премьером Госсовета КНР Ли Кэцяном (октябрь 2014 г.). По итогам переговоров стороны

подписали ряд документов, имеющих непосредственное отношение к тематике формирования евроазиатских транспортных и экономических коридоров — Соглашение в области высокоскоростного железнодорожного сообщения, Соглашение по организации Российско-китайских парков высоких технологий» под символическим названием «Шёлковый путь»²².

Наконец, к лету 2015 г. Москва и Пекин представили согласованное видение перспектив сопряжения евразийских проектов двух стран, которое нашло документальное отражение в специальном Совместном заявлении РФ и КНР, подписанном в ходе приуроченного к юбилею Победы визита в Москву председателя Си Цзиньпина. На высшем официальном уровне стороны декларировали намерение предпринять взаимные усилия по налаживанию соответствующей совместной работы в различных форматах, определили ее рамочные направления. К ним были отнесены продвижение инвестиций и торговли, включая постепенное «упрощение ее режимов», развитие транспортной инфраструктуры, строительство «важных для региона малых и средних предприятий», сотрудничество в различных областях кредитно-финансовой деятельности. Была выражена поддержка запуску практических механизмов «по взаимному сопряжению процессов строительства ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути», в том числе в рамках Рабочей группы с участием представителей внешнеполитических ведомств обеих стран²³.

Транспорт и не только...

Официальные формулировки относительно «путей сопряжения» пока носят хоть и взаимно благожелательный, но достаточно дипломатичный характер. Тем не менее, варианты конструктивного сотрудничества явно просматриваются, прежде всего, в сфере транспортных коммуникаций. Для России речь идет о том, как оптимально «канализировать» китайскую инициативу в собственных интересах, превратить российские транспортные артерии в полноценный и необходимый элемент Трансевразийского сухопутного моста, о котором сказано в Концепции китайского проекта. Понятно, что китайское видение предполагает реализацию, в первую оче-

редь, интересов КНР. Однако это лишь актуализирует поиск решений, поскольку проект, нацеленный на рост трансконтинентальных сухопутных перевозок с восточного побережья и других районов КНР в Европу — для России не только вызов, но и шанс обрести в нем свое место.

Сегодня ясно, что значительную часть (примерно треть) своего маршрута в Европу КНР намерена выстраивать по собственной территории — до китайско-казахских погранпереходов, экономя и на транзитных тарифах, и «на скорости». Задача в том, чтобы транзитный грузопоток двинулся затем не на центральноазиатский юг и на Ближний Восток в обход России, а, все-таки, принося транзитную прибыль, стабильно выходил на российские железные дороги (линии Челябинск—Уфа—Самара или Оренбург—Казань—Нижний Новгород) и далее в Восточную и Западную Европу.

Отметим, что именно в этом русле сегодня, похоже, начинается определенная совместная работа. Прежде всего, речь идет об упомянутом Соглашении в области высокоскоростного железнодорожного сообщения, согласно которому «стороны будут изучать возможности превращение трассы Москва—Пекин в современную магистраль — звено коридора Европа—Азия, уделив первоочередное внимание строительству высокоскоростной дороги Москва—Казань»²⁴.

Проблемы с использованием транзитного потенциала Транссиба, по крайней мере, его восточной части, очевидные на фоне наличия у Китая собственных дорог на запад, оставляют, тем не менее, немалые возможности. О восточном участке Транссиба вполне уместно говорить с точки зрения взаимовыгодного китайского инвестиционного участия в программах назревшей модернизации дорожной инфраструктуры региона, включая строительство мостовых переходов через Амур. Такая инфраструктура в любом случае сохраняет свою ключевое значение не только для внутренних потребностей РФ, но и для транспортного обеспечения российско-китайской торговли, особенно ее регионального сегмента.

Не менее важен и более широкий подход. Как отмечалось в правительственной газете «Жэньминь жибао», «развитие Дальнего Востока» в Китае считают составной частью своей трансконтинентальной инициативы²⁵. А это означает включение в нее и важных для РФ программ совместного подъема российского Дальнего Востока и Се-

веро-востока КНР. Эксперты подчеркивают, что «Китаю предпочтительна такая схема отношений с Россией, которая предполагает кооперацию или параллельную деятельность в атмосфере сотрудничества» как в Центральной Азии, так и в программах совместного подъема российского Дальнего Востока и Северо-Востока КНР. Их в Китае ныне рассматривают как составную часть инициативы «Один пояс — один путь»²⁶. Такой подход просматривается и в Концепции от 28 марта, где говорится о задаче «усилить сотрудничество» трех провинций Дунбэя с дальневосточными регионами РФ, в первую очередь в сфере коммуникаций.

Все это — хорошая отправная точка для сотрудничества, тем более, что партнерскому подходу, сопровождающему современную историю российско-китайских отношений, вряд ли есть весомая альтернатива.

Дело за практическими делами, в ходе которых актуальной задачей станет строгий мониторинг взаимных интересов и возможных «озабоченностей». Прежде всего, предстоит на практике наблюдать за тем, как будет происходить реальная притирка и сопряжение проектов Экономического пояса шелкового пути и Евразийского экономического союза.

Так, достаточно очевидно, что одна из узловых целей китайского проекта — продвижение либерализации торговли КНР с государствами региона, включая страны Центральной Азии. Вспомним уже отмечавшуюся выше «фундаментальную» задачу, поставленную китайским руководством — «ускорить создание с соседями зон свободной торговли». С учетом ограничений, которые существуют согласно регламентам Евразийского экономического союза, совмещение интересов сторон потребует здесь немалых усилий и времени. Не случайно, в майском (2015 г.) Совместном заявлении о сопряжении евразийских проектов двух стран сюжет о торговых режимах представлен в весьма осторожных формулировках: «продвижение к зоне свободной торговли между ЕАЭС и Китаем» хоть и поставлено в качестве вопроса для «рассмотрения», однако лишь в виде «долгосрочной цели»²⁷.

В руководстве обеих стран, похоже, осознают существующие и вызовы, и шансы. По меньшей мере, вице-премьер РФ Игорь Шувалов в ходе Азиатского экономического форума в Боа позитивно

оценил возможности сотрудничества, подчеркнув, что «совместная работа по развитию евразийского партнерства и Экономического пояса Шелкового пути создаст дополнительные возможности для развития стран Евразийского союза и Китая»²⁸.

Сигнал в этом же направлении — состоявшееся в апреле 2015 г. официальное подключение России к деятельности упоминавшегося Азиатского банка инфраструктурных инвестиций²⁹.

Экономический пояс и ШОС

Важной в контексте программы «Один пояс — один путь», особенно в виду реализации проекта в Центральном-Азиатском регионе, видится роль Шанхайской организации сотрудничества. Ведь даже с точки зрения затронутого Концепцией вопроса о сопряжении интересов КНР, России, самих центральноазиатских стран, без чего трудно рассчитывать на успех проекта, ШОС является естественной площадкой для переговоров и консультаций. Вспомним также, что помимо постоянных членов все наблюдатели и партнеры по диалогу в ШОС (от Индии до Беларуси) «включены» Китаем в число потенциальных участников инициативы.

Не случайно мнения об активном подключении ШОС к данной теме придерживаются многие политики и эксперты, полагая, в частности, что таким образом может быть придан новый импульс работе ШОС, способной «взять проект под свою эгиду», координировать его со схожими программами других международных организаций, таких, как ПРООН и ЮНЕСКО³⁰.

Более того, совсем недавно в ШОС был принят знаковый документ, имеющий прямое отношение к теме «Шелкового пути» и трансазиатских транспортных коридоров. После многолетних непростых согласований в ходе саммита ШОС в Душанбе (сентябрь 2014 г.) подписано долгожданное «Соглашение между правительствами государств-членов ШОС о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок». Как указывалось в китайской печати, «подписание данного соглашения может считаться активным откликом членов Организации на инициативу “Экономического пояса”»³¹. По словам генерального секретаря ШОС Дмитрия Мезен-

цева, «в ШОС готовы к рассмотрению конкретных предложений по реализации этого проекта, обсуждению планов по его осуществлению, а также разработке алгоритма сотрудничества», которое «должно претворяться на базе одного из важнейших принципов — учета национальных интересов стран-основательниц и с учетом единых интересов Организации» и «с самого начала исключая возможные напряжения в конкурентных сферах»³². Мнение о том, что реализации ЭПШП способна наполнить механизмы региональной кооперации, включая ШОС, «новым содержанием и придать им дополнительный импульс» высказывал и ряд видных китайских дипломатов³³.

Понятно, что ШОС еще предстоит на практике найти свое место в работе по гармонизации интересов потенциальных участников программы «Один пояс — один путь». Тем не менее, признание важной роли Организации, содержащееся, в частности, в упомянутом выше майском (2015 г.) Совместном российско-китайском заявлении, — знак того, что ШОС будет серьезно востребована в ходе реализации «Шелкового проекта».

Примечания

¹ Самые используемые фразы на Боаоском азиатском форуме: «Один пояс — один путь», «Азиатский банк инфраструктурных инвестиций». URL: http://m.russian.china.org.cn/russian/doc_1_26356_291309.html

² Full text of Chinese President's speech at Boao Forum for Asia. 28.03.2015. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1250690.shtml

³ URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1249761.shtml

⁴ URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/xjpcxpayzlt2015nnh/t1249618.shtml

⁵ URL: http://russian.news.cn/china/2013-09/07/c_132700808.htm

⁶ Где именно проходит «экономический коридор Шелкового пути»? URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2013-10/24/content_30273750.htm; Годовой обзор: новый Шелковый путь, новая идея, новое процветание. URL: http://russian.news.cn/china/2013-12/26/c_132997832.htm

⁷ URL: <http://www.xinhuanet.com/world/newsilkway/index.htm>

⁸ URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/xjpcxbyayzt2015nnh/t1249618.shtml

⁹ URL: <http://www.chinausfocus.com/finance-economy/one-belt-and-one-road-far-reaching-initiative/>.

¹⁰ 我院欧亚所举办《丝绸之路经济带与中俄务实合作》国际研讨会 (Во юань оу я со цзюбань «Сычоу чжилу цзици дай юй чжун э уши хэцзо» гоцзи яньтаохуэй — Институт Евразии нашей Академии провел международный симпозиум «Экономический пояс Шелкового пути и практическое сотрудничество Китая и России»). URL: http://www.ciis.org.cn/chinese/2014-11/15/content_7372145.htm

¹¹ URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgwx/t1251070.htm>

¹² China pledges 40 bln USD for Silk Road Fund. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-11/08/c_133774993_2.htm

¹³ Об этом эксперты и официальные лица КНР говорили на упомянутой Конференции в МИД КНР, накануне которой было объявлено о «40-миллиардном китайском взносе». См.: URL: http://www.ciis.org.cn/chinese/2014-11/15/content_7372145.htm.

¹⁴ URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0203/c31521-8844870.html>

¹⁵ Си Цзиньпин посетил выставку «Путь возрождения» в Пекине. 30.11.2012. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8041475.html>; «Chinese dream» resonates online after Xi's speech. 30.11.2012. URL: <http://en.people.cn/90882/8041941.html>; Открытие предстоящих сессий ВСНП и ВК НПКСК станет стимулирующей силой для осуществления «китайской мечты» — достижения великого возрождения китайской нации. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8135452.html>

¹⁶ О динамике экономических процессов в нынешнем Китае и роли в них «политики открытости» см., напр.: *Портяков В.* Трансформация модели экономического роста в КНР: современные тенденции и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 4. С. 55—67.

¹⁷ URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8437415.html>

¹⁸ URL: <http://russian.people.com.cn/31518/8501331.html>; URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0829/c95181-8776468.html>

¹⁹ URL: <http://russian.people.com.cn/31857/209641/8608834.html>

²⁰ URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1642

²¹ URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/C0CE36DCDAABF0E444257CBB0020E494

²² URL: <http://government.ru/news/15201/>

²³ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского эко-

номического союза и Экономического пояса Шелкового пути. 8 мая 2015 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971>

²⁴ URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/1015/c95181-8795343.html>

²⁵ Ван Ивэй. Три важных аспекта поездки Ли Кэцяна в Россию // Жэньминь жибао. 17.10.2014. URL: <http://inosmi.ru/foreast/20141017/223738019.html>

²⁶ URL: <http://russian.people.com.cn/31857/209641/8608834.html>

²⁷ URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971>

²⁸ URL: <http://mir24.tv/news/economy/12303302>

²⁹ Минфин: Россия стала соучредителем АБИИ. URL: <http://www.baltinf.o.ru/2015/04/14/Minfin-Rossiya-stala-souchreditelem-ABII-488961>

³⁰ URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0628/c31518-8747925.html>

³¹ URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0915/c95181-8782546.html>

³² URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8544855.html>

³³ URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zewlzxd/t1189263.htm>; URL: http://www.belta.by/ru/person/interview/Tsuj-Tsimin_i_514671.html

К.В. Антипов

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОРИДОР «КНР—ПАКИСТАН» ОТКРЫВАЕТ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ НА ЗАПАД*

Аннотация. В статье освещаются некоторые новые аспекты отношений Китая и Пакистана, свидетельствующие о важном сдвиге в реализации концепции нового Шелкового пути. Беспрецедентное инвестиционное соглашение в объеме 46 млрд долл. свидетельствует о ключевом значении двустороннего партнерства для обеих стран и является важным шагом в консолидации позиций КНР на Ближнем Востоке, обеспечивающим Пекину устойчивый доступ к арабской нефти.

Ключевые слова: экономический коридор, порт Гвадар, морские коммуникации КНР, поставки нефти с Ближнего Востока.

Как показали итоги состоявшегося в апреле 2015 г. государственного визита в Пакистан председателя КНР Си Цзиньпина, Китай приступил к системной реализации масштабных планов по продвижению концепции Шелкового пути, обнародованной в сентябре 2013 г. Проведенные в 2013—2014 гг. китайско-пакистанские встречи на высшем уровне и особенно — успешный визит в Пакистан премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна в мае 2014 г. и ответный визит премьер-министра Пакистана Н. Шарифа в ноябре 2014 г. позволи-

* Используя термин «Шелковый путь», автор подразумевает стратегию развития Китая, представленную концепциями «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века».

ли Китаю подготовить необходимые условия для реализации нового этапа стратегии Шелкового пути на пакистанском направлении. Как подчеркивалось в статье Си Цзиньпина, опубликованной накануне визита в апреле 2015 г., «я чувствую себя так, как будто еду в дом своего брата»¹.

Основным результатом визита стало подписание китайской и пакистанской сторонами крупных соглашений по дальнейшему развитию «экономического коридора Китай—Пакистан», который приобрел статус ключевого проекта по развитию Шелкового пути. Закрепленная соглашениями программа сотрудничества оценивается в 46 млрд долл., она поднимает роль китайско-пакистанских отношений и значение «экономического коридора» на качественно новый уровень. При этом Пакистан фактически выдвинулся на роль главного партнера КНР в реализации стратегии Шелкового пути на нынешнем этапе. В Пекине рассчитывают, что построение «экономического коридора» позволит на практике закрепить принципы развития и сформировать модель дальнейшего продвижения концепции Шелкового пути.

«Всепогодное партнерство» и стремление представить его как своего рода высокий стандарт для отношений с другими партнерами на Шелковом пути нашли отражение в ряде важных политических заявлений, сделанных Си Цзиньпином в ходе государственного визита. Так, выступая в парламенте Пакистана, Си Цзиньпин подчеркнул необходимость совместно «создать образец для построения азиатского сообщества с единой судьбой». При этом он заявил, что «в ходе данного визита мы с президентом Пакистана Мамнуном Хуссейном и премьер-министром Мианом Навазом Шарифом единогласно решили повысить уровень отношений двух стран до уровня всепогодного стратегического сотрудничества и партнерства»². Необходимо отметить, что зафиксированное в итоговых документах положение о «всепогодных отношениях стратегического сотрудничества и партнерства» Китай использует исключительно для описания отношений с Пакистаном. В настоящее время по китайской официальной градации оно является высшим мерилем достигнутого уровня сотрудничества и доверительности в двусторонних отношениях с иностранным государством. Характерная для китайско-пакистанского политического обмена динамика укрепления отношений

нашла отражение и в красочных выражениях итогового заявления сторон, подписанного в Исламабаде: «С новыми соглашениями железная дружба стала стальной!»³. «Политический багаж», полученный китайской дипломатией в Пакистане в апреле 2015 г., сыграл большую роль в дальнейшем продвижении идей о построении «азиатского сообщества с единой судьбой» и «установлении международных отношений нового типа», с которыми Си Цзиньпин вновь выступил несколько дней спустя на Азиатско-Африканской конференции и мероприятиях по случаю 60-й годовщины Бандунгской конференции стран Азии и Африки в Джакарте⁴.

Необходимо отметить, что соглашения о развитии китайско-пакистанского «коридора» опираются на фундаментальные политические решения, принятые в КНР с начала развертывания политики Шелкового пути. Уже к концу 2014 г. стало очевидно, что «две инициативы» Си Цзиньпина по развитию континентального и морского направлений Шелкового пути по существу приобрели статус приоритетной политики китайского руководства, стали основой государственного планирования и включены в общую стратегию развития КНР на длительную перспективу. При этом одной из главных задач развертывания политики Шелкового пути является интеграция ряда направлений деятельности, которая осуществлялась Китаем в предшествующий период как за рубежом, так и внутри страны. Об этом свидетельствует, например, прозвучавшее в докладе о работе правительства на 3-й сессии ВСНП 12 созыва в марте 2015 г. заявление премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна: «Мы соединим развитие экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути 21-го века с развитием и открытием вовне соответствующих регионов»⁵. По существу, речь идет о том, что теперь значительная часть усилий Китая будет связана с интеграцией фактически уже осуществлявшихся в различных странах Азии, Африки и Европы в течение многих лет проектов двустороннего сотрудничества в многостороннюю систему экономического развития, а также привязкой последней к планам внутреннего роста. Именно стыковка «двух путей», а также объединение разрозненных проектов в «коридоры», локальные и региональные системы, а затем — в более широкие конгломераты трансасиатского и межконтинентального масштаба могут усилить экономическую эффективность Шелкового пути. Предложение

широкомасштабной модели международного сотрудничества призвано также обеспечить преимущество китайской стратегии Шелкового пути над проектами, продвигаемыми в Азии США — такими, например, как выдвинутая в 2002 г. Хиллари Клинтон американская концепция «Новый Шелковый путь».

Примечательно, что среди проектов, отмеченных в докладе Ли Кэцзяна, на первое место был поставлен «экономический коридор Китай—Пакистан», ориентированный на продвижение Шелкового пути в ближневосточном направлении. Как показал дальнейший ход событий, этот проект и стал ведущим, ключевым направлением нынешнего этапа развития всей стратегии. Особое значение «экономического коридора» в том, что он включает пакистанский порт Гвадар на побережье Индийского океана. Это открывает Китаю кратчайший путь на Ближний Восток и непосредственно — к нефтяным источникам на Аравийском полуострове, откуда в настоящее время поступает свыше 60 % импортируемой КНР нефти. Использование порта Гвадар позволит Китаю сократить протяженность нынешних морских перевозок нефти с 12 до 3 тыс. км с последующей перевалкой на сухопутные транспортные системы и прямой доставкой в Синьцзян (Западный Китай). Такая возможность будет обеспечена строительством в зоне Гвадара, в соответствии с китайско-пакистанскими соглашениями, развитой транспортно-логистической системы, включающей железные и автомобильные дороги, нефтепроводы и газопроводы, телекоммуникации, оптико-волоконную связь и т. п., а также созданием крупных хранилищ нефти. Одним из важнейших преимуществ этого маршрута является то, что он позволяет Китаю снизить военно-политические риски поставок нефти, исключив из логистики перевозок Малаккский пролив, а также Южно-Китайское и Восточно-Китайское моря, где наблюдается рост международной напряженности, связанный с территориальными спорами между КНР и некоторыми соседними государствами.

Выход на первый план данного проекта свидетельствует, что главным геополитическим вектором на новом этапе остается продвижение Китая в западном направлении, к источникам энергоресурсов на Ближнем Востоке и в Африке⁶. В 2015 г. Китай продолжил наращивать импорт нефти с Ближнего Востока, одновременно сокращая закупки в странах Латинской Америки и Западной Африки.

Так, в январе—феврале было отмечено резкое увеличение поставок из Саудовской Аравии (свыше 13 %), а также из ОАЭ⁷. При этом в апреле 2015 г. Китай вышел на 1-е место в мире по закупкам нефти, впервые отодвинув американские компании на второй план⁸. По заявлению министра нефти Саудовской Аравии Али аль-Наими, спрос китайских компаний на поставки сырой нефти будет увеличиваться и впредь. Закреплению и дальнейшему наращиванию этой тенденции способствуют форсированные шаги китайской дипломатии по созданию зоны свободной торговли с Саудовской Аравией. Указывая на центральную роль Ближнего Востока в реализации политики Шелкового пути, министр иностранных дел КНР Ван И еще в начале 2014 г. заявлял, что именно данный регион станет местом стыковки морского и континентального направлений этого стратегического проекта⁹. Такой подход, получивший подтверждение в упомянутом докладе премьера Ли Кэцзяна, является одним из главных обоснований того, что китайско-пакистанский экономический коридор стал ключевым проектом в развитии Шелкового пути. Избрав пакистанское направление, Пекин отвел Исламабаду роль одного из важнейших партнеров в реализации своей политики на Ближнем Востоке и, возможно, в исламском мире в целом. В связи с этим обращает на себя внимание мнение, высказанное британскими экспертами: «Китайцы не просто предлагают строительство столь необходимой инфраструктуры, но также делают Пакистан ключевым партнером» в осуществлении грандиозного экономического и стратегического проекта¹⁰.

Экономические параметры

Принятая Китаем и Пакистаном программа нового этапа экономического сотрудничества общей стоимостью 46 млрд долл. не имеет прецедентов в истории отношений КНР с какой-либо страной. Она стала возможной как результат многолетней кооперации двух стран в освоении ряда объектов на территории Пакистана, и в первую очередь — в развитии порта Гвадар и сооружении дорожной инфраструктуры. На данном этапе свыше 10 млрд долл. предполагается вложить в такие проекты, как развитие глубоководного порта Гвадар

на берегу Индийского океана (622 млн долл.) и нового международного аэропорта Гвадар (250 млн долл.), строительство автомобильных и железнодорожных трасс, соединяющих этот порт с перспективным экономическим центром в Западном Китае г. Кашгар (Синьцзян). В свою очередь Кашгар имеет транспортный выход в центральные районы Китая, а также на территорию стран СНГ, открывает возможность прямого доступа к побережью Каспийского моря. В этой части проект предполагается выполнить до конца 2017 г. Стоит отметить, что с 2013 г. порт Гвадар передан в оперативное управление китайской государственной компании China Overseas Ports Holding, а в 2015 г. вступает в силу соглашение о передаче его в аренду Китаю на 40 лет. Помимо этого, до 2021 г. намечено осуществить строительство и модернизацию целого ряда магистралей между крупнейшими политико-экономическими центрами Пакистана.

Примечательно, что, хотя основой проекта коридора является транспортная составляющая (автомобильные и железные дороги через хребет Каракорум, 120 тоннелей, мосты, порт Гвадар и др.), наибольшие расходы будут связаны с развитием его экономической зоны и созданием энергетического комплекса. Так, до 37 млрд долл. планируется вложить в производство электроэнергии: строительство тепловых угольных электростанций, ГЭС, переработка солнечной энергии, создание развитой системы энергосетей. В частности, китайская компания Zonergy Limited планирует осуществить крупнейший в мире инвестиционный проект в объеме 1,5 млрд долл. по переработке солнечной энергии (900 мегаватт) на базе предприятия Quaid-e-Azam Solar Park в Бахавалпуре. Выполнение основной энергетической программы позволит Пакистану не только увеличить свой энергобаланс на 10 400 мегаватт, но и осуществлять экспорт в значительных объемах в соседние страны, также остро нуждающиеся в электроэнергии (Иран, Афганистан). Кроме того, предусмотрены дополнительные вложения в размере 18,2 млрд долл., которые позволят к 2021 г. увеличить производство энергии еще на 6120 мегаватт¹¹. Заложенный в таком подходе геоэкономический замысел соответствует одной из главных задач Шелкового пути по использованию локальных проектов для укрепления позиций КНР в региональном масштабе, создания новых узлов международного со-

трудничества, формирующихся на основе китайских экономических инициатив.

Крупным шагом в консолидации регионального партнерства на базе китайско-пакистанского сотрудничества явилось соглашение о включении в транспортную инфраструктуру Гвадара ирано-пакистанского газопровода, продукция которого сможет направляться также и в Китай.

Важной особенностью проекта «экономического коридора» является то, что его финансирование планируется осуществить на двусторонней основе за счет средств Китая и Пакистана, без привлечения средств недавно учрежденного Азиатского банка инфраструктурных инвестиций или созданного правительством КНР Фонда Шелкового пути. Как заявил помощник министра иностранных дел КНР Лю Цзяньчао, «в настоящее время мы не рассматриваем использования этих механизмов для предоставления финансирования»¹².

Проблемы безопасности Шелкового пути

Вместе с тем перспективы и роль китайско-пакистанского экономического коридора нельзя рассматривать в отрыве от проблем безопасности, которые решаются в рамках стратегии Шелкового пути. Специфика ситуации состоит в том, что на данном этапе развитие Шелкового пути практически на всех направлениях связано с высокими политическими, военными и иными рисками. Снижение этих рисков является системной задачей этой стратегии, и выбор путей для ее решения представляет значительный интерес для исследования современной политики Китая. Как неоднократно отмечали китайские и международные эксперты, инвестиции в «коридор» могут служить интересам безопасности КНР, содействовать политике, которую Китай активно продвигает в русле стратегии Шелкового пути, тесно увязывая возможности ее осуществления с задачами социально-экономического развития сотрудничающих сторон. В трактовке китайских лидеров такая связь выступает как взаимообусловленный процесс, обеспечивающий возможность обоюдного сотрудничества только при условии взаимных гарантий безопасно-

сти. Как говорилось в выступлении Си Цзиньпина на открытии ежегодной Азиатской конференции в Боао в марте 2015 г., «для построения сообщества общей судьбы нам нужно в сотрудничестве добиваться общей, всесторонней и устойчивой безопасности»¹³.

В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что в настоящее время на пакистанском направлении китайцы уделяют особое внимание преодолению социальных причин политической нестабильности, повышению занятости населения и т. п. Кроме того, несмотря на длительное преобладание военного сотрудничества, в предыдущий период в китайско-пакистанских отношениях также был накоплен опыт экономического сотрудничества, учитывавшего и определенные социальные аспекты. Наряду с крупными военными поставками, а также всевозможной помощью строительство «экономического коридора» на территории Пакистана осуществлялось китайскими компаниями уже в течение ряда лет, еще со времен президентства Первеза Мушаррафа (2001—2008 гг.). Так, например, ключевой объект «коридора» — порт Гвадар был сдан в эксплуатацию еще в 2007 г. Теперь очевидно, что с политической точки зрения строительство в Пакистане китайскими компаниями крупных хозяйственных объектов играло положительную роль в ослаблении социальной напряженности в этой стране, отвечало интересам значительной части пакистанских элит и способствовало закреплению двусторонних отношений между несколькими поколениями китайских и пакистанских руководителей. Открывшаяся перспектива многомиллиардных инвестиций с развитием Шелкового пути дала толчок к дальнейшему изменению баланса интересов двух стран в пользу экономического сотрудничества, при сохранении тесного взаимодействия в военной и военно-технической областях. В связи с этим стоит обратить внимание на то, что в отличие от Китая Соединенным Штатам не удалось найти основу для устойчивого сотрудничества с Пакистаном. Хотя американские затраты в период 2002—2014 гг. и составили 31 млрд долл., эти вложения осуществлялись, главным образом, в сферу военного сотрудничества, и в конечном счете эффективность их в качестве политического фактора оказалась невелика.

Как подчеркивают китайские и пакистанские представители, строительство «коридора» должно в целом изменить социально-эко-

номическую ситуацию в пакистанской провинции Белуджистан и прилегающем географическом ареале, создать в этой провинции зону экономического роста и тем самым улучшить положение и «изменить судьбу» местных племен, традиционно являющихся одним из главных источников радикализма, терроризма и нестабильности в Афгано-Пакистанском регионе.

Для сотрудничества КНР с Пакистаном такой подход актуален, поскольку в прошлые годы в этой стране неоднократно происходили нападения на китайских представителей со стороны местных радикальных и криминальных группировок, среди граждан КНР имелись серьезные жертвы. Высокие риски сохраняются и в настоящее время, причем их основные причины коренятся прежде всего в политических противоречиях пакистанских элит и столкновении их экономических интересов. Примечательно в связи с этим то, что китайско-пакистанские соглашения вызвали негативную реакцию со стороны части политической верхушки белуджей, особенно выходцев из Гвадара. По заявлениям ряда местных представителей, решения о развитии данного региона были приняты без учета их интересов. Резкие возражения выразили, например, деятели Белуджской национальной партии Менгал, Белуджского национального фронта, Белуджской республиканской партии, а также воинствующих организаций Фронт освобождения Белуджистана, Армии освобождения Белуджистана и др.¹⁴ Как заявил министр планирования и развития Белуджистана Хамид Хан Ачакзай: «Мы не примем этого соглашения и окажем сильное сопротивление»¹⁵.

В то же время, как неоднократно отмечалось, угрозу для проекта могут представлять и активизирующие подрывную деятельность уйгурские сепаратисты, осуществляющие взаимодействие с террористическими организациями в афгано-пакистанской зоне, а также среднеазиатских странах СНГ. Фактор социально-политической нестабильности и террористические угрозы традиционно осложняли втягивание данного региона в процессы глобализации и развития. В общественном мнении Запада Пакистан до сих пор представлен как «несостоявшееся государство» и «проходной двор международного терроризма». В свете этого переход Китая к развитию крупнейшего инвестиционного проекта на территории Пакистана несомненно может иметь большое значение не только для формирова-

ния новых подходов к решению экономических задач развития в мировых зонах нестабильности, но и создает крупный прецедент в решении актуальных задач безопасности.

О масштабах усилий, которые будут приложены с обеих сторон в связи с этим, свидетельствует достигнутое соглашение о целенаправленном создании Пакистаном элитной дивизии для обеспечения безопасности объектов сотрудничества с КНР в зоне «экономического коридора». Как отмечают западные эксперты, инвестиции в 46 млрд долл. подразумевают, что «пакистанская армия обеспечит поддержание общественного порядка»¹⁶. В состав дивизии планируется включить до 12 тыс. человек, она также будет располагать подразделениями авиационной поддержки. Активное участие пакистанских военных в обеспечении безопасности Шелкового пути может иметь также важное международное значение, учитывая объективное расширение возможностей китайской дипломатии для оказания конструктивного воздействия на индийско-пакистанские отношения, а также на традиционные связи военных с Саудовской Аравией, с афганскими кругами и др. Как полагают некоторые эксперты Брукингского центра, Пакистан отказал Саудовской Аравии в предоставлении вооруженных подразделений для операции в Йемене, рассчитывая использовать их для сотрудничества с КНР и защиты Шелкового пути¹⁷. Не исключено вместе с тем, что в перспективе вооруженные подразделения Пакистана могут привлекаться для охраны объектов Шелкового пути и на других опасных направлениях, например, в Афганистане, Ираке, Сирии. Вместе с тем принятое в апреле 2015 г. решение правительства Пакистана о закупке в КНР 8 подводных лодок на сумму 5 млрд долл. свидетельствует о потенциальной возможности распространения китайско-пакистанского сотрудничества по защите Шелкового пути и на морской участок в зоне порта Гвадар. Подобное решение могло бы оказаться актуальным в связи с происходящими изменениями в отношениях Китая со Шри Ланкой, которая до сих пор рассматривалась в Пекине как один из важных элементов в обеспечении безопасности и надежности морских коммуникаций КНР в западной части Индийского океана. Принятый в Коломбо курс на сближение с США после прихода к власти Майтриपालа Сирисена в качестве нового президента в январе 2015 г. может оказать сдерживающее влияние на дальнейшее

строительство китайскими компаниями в Шри Ланке крупных объектов морской логистики, а также их использование в интересах ВМС КНР.

Заключение

Разъясняя на встрече с журналистами значение и итоги визита Си Цзиньпина в Пакистан, министр иностранных дел КНР Ван И отметил, что Китай «считает Пакистан своим самым близким другом». Этим еще раз было подчеркнута приоритетное значение китайско-пакистанского «экономического коридора» в осуществлении Шелкового пути. Вместе с тем он назвал китайско-пакистанские отношения «китайско-пакистанским сообществом с единой судьбой» и указал, что эти отношения являют собой «образцовый пример для углубления взаимосвязей между Китаем и сопредельными странами и создания азиатского сообщества с единой судьбой». Кроме того, как сказал Ван И, «председатель Си Цзиньпин недавно на ежегодной конференции Азиатского форума Боа выдвинул инициативу построения сообщества с единой судьбой для всего человечества на основе сообщества с единой судьбой в сопредельном регионе»¹⁸. Это еще раз продемонстрировало «модельное значение» китайско-пакистанского сотрудничества. Его дальнейшее исследование позволит выявить важные особенности процесса глобализации внешней политики Китая на современном этапе.

Примечания

¹ Pak-China Dosti Zindabad. H.E. Xi Jinping President of the People's Republic of China // Daily Times. 15.04.2015. URL: <http://www.dailytimes.com.pk/national/19-Apr-2015/pak-china-dosti-zindabad>

² Си Цзиньпин в парламенте Пакистана выступил с важной речью на тему «Создание китайско-пакистанского сообщества с единой судьбой, открытие нового пути сотрудничества и взаимного выигрыша» // Синьхуа. 22.04.2015. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0422/c31520-8881773.html>

³ Чжунба шэнмин чжэй утяо жан «Батэ» лянчэн ган (Пять разделов Совместного китайско-пакистанского заявления превращают «железный Пакистан» в

стальной) // Синьхуа шэ. 21.04.2015. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2015-04/21/c_127714310.htm

⁴ См.: Ван И о зарубежной поездке Си Цзиньпина. Создание сообщества с единой судьбой, установление международных отношений нового типа // Синьхуа. 25.04.2015. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0426/c31521-8883777.html>.

⁵ *Li Keqiang*. Report on the Work of the Government // Xinhua. 16.03.2015. URL: http://www.npc.gov.cn/englishnpc/Special_12_3/2015-03/17/content_1909942.htm

⁶ См., напр.: *Антюнов К.* О некоторых аспектах эволюции ближневосточной политики Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 2. С. 27—37; *Титаренко М.Л., Ларин А.Г., Матвеев А.В.* Китайская стратегия «продвижения на Запад» и новый Шелковый путь // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 3.

⁷ *Gronholt-Pedersen, Jacob*. In oil price war, Gulf producers grab market share in Asia // Gulf Times. 07.02.2015. URL: <http://www.reuters.com/article/2015/02/06/us-asia-gulf-crude-idUSKBN0LA0J720150206>

⁸ *Gronholt-Pedersen, Jacob and Gloystein, Henning*. China becomes world's top crude buyer despite economy stuttering // Reuters. 11.05.2015. URL: <http://www.reuters.com/article/2015/05/11/china-crude-imports-idUSL4N0XWITO20150511>

⁹ *Ding Ying*. Peace in the Middle East // Beijing Review. 2014. № 2. URL: http://www.bjreview.com.cn/world/txt/2014-01/07/content_589489.htm

¹⁰ *Boone Jon*. China president arrives in Pakistan to sign \$30bn 'land corridor' agreement // The Guardian. 20.04.2015. URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/apr/20/china-president-xi-jinping-pakistan-land-corridor-agreement>

¹¹ *Mehreen Zahra-Malik*. China commits \$45.6 billion for economic corridor with Pakistan // Reuters. 21.11.2014. URL: <http://www.reuters.com/article/2014/11/21/us-pakistan-china-idUSKCN0J51C120141121>

¹² *Teddy Ng*. US \$46 billion Pakistan-China Corridor will not use Asian bank funds // The South China Morning Post. 17.04.2015. URL: <http://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/1768131/infrastructure-deals-chinese-presidents-agenda-pakistan>

¹³ Security Matters // Beijing Review. 2015. № 15. URL: http://www.bjreview.com.cn/special/2015-04/02/content_681508.htm

¹⁴ *Kiyya Baloch*. Can China's Gwadar Port Dream Survive Local Ire? // The Diplomat. 17.12.2014. URL: <http://thediplomat.com/2014/12/can-chinas-dream-of-a-pakistan-port-survive-local-ire/>

¹⁵ *Qamar Zaman*. Politicians hit out at 'unfair' Pakistan-China Economic Corridor // Tribune. 22.04.2015. URL: <http://tribune.com.pk/story/874049/politicians-hit-out-at-unfair-pakistan-china-economic-corridor/>

¹⁶ Goldman, David P. Pax Sinica in the Middle East? Not anytime soon // Asia Times. 05.05.2015. URL: <http://atimes.com/2015/05/a-pax-sinica-in-the-middle-east-not-anytime-soon/>

¹⁷ Riedel, Bruce. The Pakistani Pivot from Saudi Arabia to China «2015 U.S.-Islamic World Forum», April 23, 2015. URL: http://www.brookings.edu/blogs/order-from-chaos/posts/2015/04/22-pakistani-pivot-riedel?hs_u=konstant2005@yandex.ru&utm_campaign=Foreign+Policy&utm_source=hs_email&utm_medium=email&utm_content=17287862&_hsenc=p2ANqtz-90yhfWdQYOfhBoeKr-ifRXXRjicBZxUwPCJ0iGUKJ4SDxO45lmmq5RHURtdzVcEFzHDzTE8vBjW_OEb4J6KsYSkL3XEPA&_hsmi=17287864

¹⁸ Создание сообщества с единой судьбой, установление международных отношений нового типа. Ван И о зарубежной поездке Си Цзиньпина // Жэньминь жибао он-лайн. 25.04.2015. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0426/c31521-8883777.html>

А. Ч. Мокрецкий

КИТАЙСКИЙ ПРОЕКТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЯСА ШЕЛКОВОГО ПУТИ: ПЕРСПЕКТИВЫ УЧАСТИЯ БЕЛАРУСИ

Аннотация. Очевидны перспективы сотрудничества между КНР и РБ, особенно в области строительства Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Беларусь называют удобным партнером для Китая, поскольку она как член Евразийского экономического сообщества (ЕАЭС) способна сыграть важную роль в обоих этих проектах (ЭПШП и ЕАЭС). При таком сотрудничестве Китай получает новые рынки, а Беларусь — новые инвестиции. Вместе с тем, Китай проводит глубоко эшелонированную, «хладнокровную и сдержанную» «экспансию» в регион, ставя во главу угла свои национальные интересы и не поступаясь ими в угоду «братских чувств».

Ключевые слова: Китай, Беларусь, Экономический пояс Шелкового пути, стыковка, Китайско-белорусский индустриальный парк (КБИП).

Китайско-белорусские отношения¹ на современном этапе развиваются довольно успешно. Во время официального визита А.Г. Лукашенко в Китай 15—17 июля 2013 г. было подписано 36 двусторонних документов о развитии сотрудничества в различных областях на общую сумму около 1,5 млрд долл. Подводя итоги визита,

А.Г. Лукашенко отметил: «Поскольку Китай сегодня — страна, без которой не решается ни один вопрос в мире, и она должна идти в Европу. Мы готовы способствовать этому. Прежде всего экономически»². В Совместной декларации было отмечено, что между двумя государствами устанавливаются всесторонние отношения стратегического партнерства.

На официальном сайте Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики в рубрике, посвященной двусторонним связям, сказано, что белорусская сторона дорожит отношениями с КНР и поддерживает принципиальную позицию Пекина по вопросам Тайваня, Тибета, Синьцзяна и общества «фалуньгун». Кроме того, Китай является одним из первых государств, признавших независимость РБ³. В свою очередь, Минск уверен, что динамичное развитие белорусско-китайских политических и торгово-экономических связей обусловлено общностью принципов внутренней и внешней политики, совпадением взглядов на важнейшие проблемы международных отношений⁴.

«Как искренний друг белорусского народа», Си Цзиньпин от всей души радуется тому, что в стране «отмечается политическая стабильность, поступательное развитие экономики, социальная стабильность»⁵. Поскольку, по словам А.Г.Лукашенко, все, что происходит сегодня на юге Украины, делает для Китая еще важнее, еще ценнее территорию Беларуси, потому что она «остаётся ... спокойным регионом, где можно свободно перемещаться любым транспортом»⁶.

1. Стратегическая «стыковка»

10—12 мая 2015 г. состоялся государственный визит Си Цзиньпина в Минск, во время которого, по первым предварительным подсчетам, было подписано около 50 соглашений и меморандумов, начиная от Договора о дружбе и сотрудничестве и Совместной декларации о дальнейшем развитии и углублении отношений всестороннего стратегического партнерства и заканчивая межбанковским соглашением о проведении двусторонней валютной сделки СВОП, а портфель договоренностей составил около 18 млрд долл. (что не является окончательной цифрой). Республика Беларусь со своей развитой

железнодорожной и автомобильной инфраструктурой намерена играть роль логистического «хаба» в процессе реализации концепции строительства Экономического пояса Шелкового пути.

Белорусские эксперты в целом оценивают визит Си Цзиньпина как эпохальный⁷: «было фактически завершено создание правового фундамента для мощного рывка в белорусско-китайском сотрудничестве», «страна становится удобной территорией для китайского бизнеса» (С.А. Кизима, заведующий кафедрой международных отношений Академии управления при Президенте Беларуси). Они считают, что участие в строительстве Экономического пояса Шелкового пути «позволит реализовать давнюю ... мечту — диверсифицировать экспорт» (А.В. Сивицкий, директор Центра стратегических и внешнеполитических исследований), и это «явное благо», потому что будет развиваться сфера услуг — «на сегодняшний день стратегическая линия формирования белорусского валового продукта» (профессор И.В. Новикова, заведующая кафедрой экономической теории Академии управления при Президенте Беларуси).

Во время визита в Минске проходил Белорусско-китайский межрегиональный бизнес-форум. Его организаторами являлись Министерство коммерции КНР, Министерство экономики Беларуси, Белорусская торгово-промышленная палата. На форум прибыли около 450 человек, в том числе представители 164 китайских компаний. По словам министра экономики РБ В.И. Зиновского, китайская сторона предоставила 2 кредита на сумму более 7 млрд долл.: льготное кредитование на 3 млрд долл. и коммерческий кредит белорусским банкам для финансирования бизнес-проектов на 4 млрд долл. Кроме того, была озвучена информация о получении Беларусью гранта — технической помощи в размере 800 млн юаней на 3 года. Техническая помощь будет направлена на социальные проекты, в том числе строительство жилья. Минск намерен направить кредитные ресурсы на развитие инфраструктуры, проекты малого и среднего бизнеса⁸.

Опрошенные русской редакцией Deutsche Welle эксперты уверены, что эффективность связанных китайских кредитов не может быть высокой из-за необходимости выполнения условий, выставляемых китайской стороной. В частности, научный сотрудник Белорусского экономического научно-образовательного центра (BEROC)

Д. Крук полагает, что Беларусь будет вынуждена не только покупать инвестиционные товары из Китая не самого лучшего качества, но и привлекать китайскую рабочую силу в некоторые проекты, а потом отдавать долги китайца⁹. Кроме того, новые заимствования увеличивают внешний долг Беларуси.

II. Проектная «стыковка»

Также успешно развивается торгово-экономическая кооперация. По итогам 2014 г. КНР заняла 3-е место по объему товарооборота Беларуси со странами вне СНГ, 8-е — по объему белорусского экспорта, второе — по объему импорта в Беларусь. Торговля товарами РБ с КНР увеличилась с 792,9 млн долл. в 2005 г. до 3207,3 млн долл. в 2014 г. По данным Белстата и МИД РБ, основными статьями экспорта Беларуси в Китай являются калийные удобрения — 495,1 млн долл., полиамиды — 54,6, программное обеспечение — 14,0, лен-сырец — 6,7, комбайны — 6,4, лесоматериалы — 6,4, интегральные микросхемы — 4,7 млн долл. и др. Основные статьи экспорта Китая в Беларусь составляют вычислительные машины — 231 млн долл., аппаратура связи и запчасти к ней — 204,5, обувь и изделия для ее изготовления — 146,3, кузова и запчасти для автомобилей и тракторов — 130,2, металлоизделия для мебельной промышленности — 33,3, двигатели внутреннего сгорания — 30,2, телевизоры, мониторы и проекторы 28,9 млн долл. и др.¹⁰

В авторской статье в «Советской Белоруссии» Си Цзиньпин отметил, что Беларусь по крупным совместным проектам с Китаем по праву можно считать одним из важнейших партнеров страны в Евразийском регионе. Совместная реализация осуществляется в десятках крупных начинаний¹¹ в областях коммуникации, транспорта, энергетики и инфраструктурного строительства. К социально и экономически значимым результатам относятся:

- 1) эксплуатация завода по сборке китайских автомобилей Geely, ознаменовавшая воплощение мечты Беларуси о выпуске отечественных легковых автомобилей;
- 2) строительство в Минске гостиницы «Пекин»;
- 3) успешная реконструкция минских ТЭЦ-2, ТЭЦ-5, Лукомльской и Березовской ТЭЦ;

- 4) создание трех линий по производству цемента, существенно повысивших мощность производства в Беларуси;
- 5) появление в РБ современных электровозов из Китая;
- 6) существенный прорыв в реализации проекта индустриального парка, воплощающего общую мечту о развитии и подъеме двух стран¹².

Китайско-белорусский индустриальный парк (КБИП)¹³, как считает Минск, станет «плацдармом для высокотехнологичных производств»¹⁴, а «участие в этой инициативе (*Экономический пояс Шелкового пути — А.М.*), несомненно, принесет ... бонусы — от улучшения транспортного сообщения с другими государствами до развития сферы услуг»¹⁵. Аналитики агентства Синьхуа подобно белорусским коллегам называют Республику «транспортным узлом в Евразии», а совместный индустриальный парк считают «знаменательным проектом» на пространстве Экономического пояса. Кроме того, они употребляют популярный термин «стыковка» («*дуйцзе*»), разделяя ее на три вида: стратегическую, проектную и духовную¹⁶.

III. Духовная «стыковка»

Последний визит Си Цзиньпина в Евразию (Казахстан, Россию и Беларусь) с 8 по 12 мая 2015 г., по мнению китайской стороны, придал новый импульс строительству Экономического пояса Шелкового пути. Таким образом, люди могут увидеть вклад КНР, гарантирующий стабильное и здоровое развитие этих стран. И далее аналитики «Жэньминь жибао» приводят аргументы¹⁷ в защиту данного тезиса:

Во-первых, Пекин сформировал систему сотрудничества и сеть обмена визитами. Кроме того, была создана и функционирует межправительственная комиссия по сотрудничеству, в том числе и с РБ.

Во-вторых, Китай тесно связан с евразийскими государствами, особенно в области инфраструктуры. Речь идет о прямых авиалиниях (в мае 2015 г. появился рейс из КНР в Беларусь), бурном развитии транспорта, нефте- и газопроводов и др.

В-третьих, увеличились объемы торговли между странами Евразии.

В-четвертых, были заключены межбанковские соглашения о проведении двусторонней валютной сделки СВОП¹⁸.

И, наконец, *в-пятых*, культурное наполнение сотрудничества, или «духовная стыковка» («*цзиньшэнь дуйцзе*»). Китай и страны Евразии успешно проводят Дни и Недели культуры, Годы национальных языков, туризма и молодежных обменов. Широко разветвлена сеть школ и Институтов Конфуция (в РБ открыто три Института). Открываются этапы пресс-тура «Новый шелковый путь — Новая мечта»¹⁹. Китайская сторона готова создать Китайский культурный центр в Республике Беларусь, укреплять материальную базу для Институтов Конфуция. Она заинтересована в том, чтобы больше белорусских друзей посетили КНР для обучения, ведения бизнеса и налаживания деловых контактов, чтобы непрерывно расширялись дружеские обмены и сотрудничество в области спорта, между представителями СМИ, художественными коллективами, молодежными организациями, исходя из того, что это очень важно для укрепления взаимопонимания и дружбы народов²⁰.

Таким образом, мегапроект Экономического пояса, по мнению китайских авторов, не только способствует экономическому развитию в регионе, улучшит качество жизни людей, усилит культурные обмены и взаимное обучение, но и окажет глубокое влияние на теорию и практику международных отношений.

Иное представление сложилось у некоторых российских СМИ. Автор публикации «Почему Китай активно инвестирует в Белоруссию» называет это явление «новым экономическим колониализмом»: «КНР ... сделает все возможное для того, чтобы выжать соки из Таможенного союза — ее потенциального соперника в Средней Азии и в Восточной Европе»²¹. В частности, А. Вит полагает, что КБИП «можно рассматривать в качестве своеобразного троянского коня. ... Китай не просто инвестирует в инфраструктуру Белоруссии, а стремится к формированию собственной монополии, способной ... распространиться на все страны Таможенного союза»²². Обозреватель Н. Малишевский из ИА REGNUM полагает, что белорусско-китайское «стратегическое партнерство» по-настоящему выгодно лишь одной из сторон²³: белорусы рискуют попасть в полную зависимость от жестко прагматичного Китая, для которого словосочетания типа «братская дружба» — пустой звук.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что перспективы сотрудничества между КНР и РБ особенно в области строительства Экономического пояса Шелкового пути представляются очевидными. Беларусь называют «удобным партнером»²⁴ для Китая, поскольку она, будучи членом Евразийского экономического сообщества, играет важную роль и для ЭПШП, и для ЕАЭС. Кроме того, не стоит забывать о географическом положении Республики в центре Европы. При таком сотрудничестве Китай получает новые рынки, а Беларусь — новые инвестиции. Вместе с тем Китай проводит глубоко эшелонированную, «хладнокровную и сдержанную» «экспансию» в регион, ставя во главе угла свои национальные интересы и не поступаясь ими в угоду «братских чувств».

Примечания

¹ Дипломатические отношения Республики Беларусь и Китайской Народной Республики установлены 20 января 1992 г.

² В основе партнерства находится экономика // Советская Белоруссия. 18.07.2013. URL: <http://www.sb.by/post/150169/>

³ Чжунго тун Байэлосьдэ гуаньси : [Отношения Китая и Беларуси] // Официальный сайт Министерства иностранных дел КНР. Последнее обновление: апрель 2015 г. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/gjhdq_603914/gj_603916/oz_606480/1206_606602/sbgx_606606/

⁴ К визиту председателя КНР Си Цзиньпина в Беларусь / БЕЛТА. 09.05.2015. URL: http://www.belta.by/ru/articles/dossier/K-vizitu-Predsedatelja-KNR-Si-Tszinpinga-v-Belarus_i_997.html

⁵ Пусть дружественное сотрудничество между Китаем и Беларусью будет подобно раскатистой и задорной песне // Советская Белоруссия. 07.05.2015. URL: <http://www.sb.by/politika/article/pust-druzhestvennoe-sotrudnichestvo-mezhdu-kitae-i-belarusyu-budet-podobno-raskatistoy-i-zadornoj-p.html>. Кроме того, можно познакомиться с версией, опубликованной на китайском языке: Министерство иностранных дел КНР. 08.05.2015. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/zyxw_602251/t1261985.shtml

⁶ Обращение с Посланием к белорусскому народу и Национальному Собранию // Сайт президента Республики Беларусь. 29.04.2015. URL: <http://president.by/>

gov.by/ru/news_ru/view/obraschenie-s-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-11301/

⁷ Общие стратегические планы // Советская Белоруссия. 12.05.2015. URL: <http://www.sb.by/belarus/article/obshchie-strategicheskie-plany.html>

⁸ Китай выделит Беларуси более 7 млрд долл. кредитов // БЕЛТА. 11.05.2015. URL: http://www.belta.by/ru/all_news/economics/Kitaj-vydelit-Belarusi-bolee-7-mlrd-kreditov_i_705052.html

⁹ *Петровская Г.* Эксперты: Китайский кредит для Беларуси — дешево, но малоэффективно // Deutsche Welle. 13.05.2015. URL: <http://www.dw.de/эксперты-китайский-кредит-для-беларуси-дешево-но-малоэффективно/a-18446917>

¹⁰ Беларусь—Китай: торгово-экономическое сотрудничество // БЕЛТА. 09.05.2015. URL: <http://www.belta.by/ru/infographica?id=1789>

¹¹ Беларусь-Китай: совместные проекты // БЕЛТА. 11.05.2015. URL: http://www.belta.by/ru/articles/dossier/Belarus-Kitaj-sovmestnye-proekty_i_998.html

¹² «Пусть дружественное сотрудничество между Китаем и Беларусью будет подобно раскатистой и задорной песне».

¹³ Китайско-белорусский индустриальный парк. Инфографика // БЕЛТА. 10.02.2015. URL: <http://www.belta.by/ru/infographica?id=1648>

¹⁴ Обращение с Посланием к белорусскому народу и Национальному Собранию....URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/obraschenie-s-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-11301

¹⁵ *Черевач Владимир.* Потенциал Китая и возможности Беларуси делают сотрудничество очень продуктивным // БЕЛТА. 12.05.2015. URL: http://www.belta.by/ru/person/opinions/Vladimir-Cherevach_i_515653.html

¹⁶ *Лю Сы.* Сылу хэцзо босань Оуя синь сыван [Лю Сы. Сотрудничество на Шелковом пути вселяет новую надежду в Евразию] / Агентство Синьхуа. 13.05.2015. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2015-05/13/c_1115275731.htm.

¹⁷ *Qi Ya'ou.* Silk Road Economic Belt gaining momentum / People's Daily Online. 14.05.2015. URL: <http://en.people.cn/n/2015/0514/c98649-8892224.html>

¹⁸ Как говорится в пресс-релизе Управления информации и общественных связей Нацбанка, Китай и Беларусь готовы предоставить друг другу средства в национальных валютах в объеме 16 трлн белорусских руб. и 7 млрд ю. Срок действия Соглашения — 3 года и может быть продлен по взаимному согласию сторон. См. подробнее: *Сюльжина А.* Китай открывает кредитные линии Беларуси на 7 млрд долларов // Советская Белоруссия. 11.05.2015. URL: <http://www.sb.by/v-belarusi/article/kitay-otkryvaet-kreditnye-linii-belarusi-na-7-mlrd-dollarov.html>

¹⁹ *Романова Н.* Страны шелковой оси // Советская Белоруссия. 29.08.2014. URL: <http://www.sb.by/belarus/article/strany-shelkovoy-osi.html>

²⁰ Пусть дружественное сотрудничество между Китаем и Беларусью будет подобно раскатистой и задорной песне.

²¹ *Вит А.* Почему Китай активно инвестирует в Белоруссию // Военное обозрение. 05.02.2015. URL: <http://topwar.ru/39333-pochemu-kitay-aktivno-investiruet-v-belorussiyu.html>

²² Там же.

²³ *Малишевский Н.* Китайские «братья» белорусского «Батьки» // ИА REGNUM. 27.04.2015. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1919218.html>

²⁴ Официальный визит Си Цзиньпина в Беларусь отражает крепкие дружеские отношения двух стран // Жэньминь жибао. 13.05.2015. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0513/c31519-8891449.html>

В.А. Матвеев

МНОГОСТОРОННИЕ ПРОЕКТЫ НА ПРОСТРАНСТВЕ ШОС: ОЦЕНКА МЕХАНИЗМОВ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена современным проблемам реализации многосторонних экономических проектов на пространстве ШОС. Обосновывается важная роль механизма государственно-частного партнерства для привлечения инвестиций в крупномасштабное инфраструктурное строительство в Китае и России. Знаковое место среди проблем реализации государственно-частного партнерства занимает совершенствование законодательства в части долгосрочного кредитования и предоставления гарантий для частных инвестиций.

Ключевые слова: ШОС, государственно-частное партнерство, транспортный коридор Восток — Запад, инфраструктурные проекты, законодательство, модель развития, международные финансовые институты, концессии, концепция «Экономического пояса Шелкового пути».

До сих пор большинство многосторонних хозяйственных проектов, намеченных Программой многостороннего торгово-экономического сотрудничества, за единичными исключениями остается на бумаге. Фактически же межстрановое инвестиционное сотрудничество в зоне ШОС осуществляется преимущественно в двухстороннем формате малых стран ШОС с ее лидерами.

В современных условиях настоятелен поиск оптимальной модели экономического взаимодействия в рамках ШОС. И здесь бы весьма пригодился китайский опыт выхода из кризиса путем широ-

комасштабного строительства инфраструктуры. Недавно Китаем предложена такая модель в форме программы разработки совместных инвестиционных проектов инфраструктурного характера в масштабах ШОС. Это не только ответная реакция на кризис, это и ответ на глобализацию мировых рынков, диктующую необходимость создания новых транспортных коммуникаций в целях обеспечения доступности внешних рынков и внешних ресурсов.

В принятой по итогам Пекинского саммита ШОС в июне 2012 г. Декларации глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о построении региона долгосрочного мира и совместного процветания отмечено следующее: «Государства-члены придают большое значение развитию транспортной инфраструктуры, призванной стать связующим звеном между Европой и Азией, формированию соответствующих международных транспортных коридоров и повышению эффективности взаимодействия различных видов транспорта. Они намерены и далее стимулировать сотрудничество в решении этих задач»¹. Бишкекский (2013 г.) и Душанбинский (2014 г.) саммиты Организации подтвердили приоритетность данного направления.

В настоящий момент можно констатировать, что, несмотря на противоречия и сложности взаимодействия стран Организации, на пространстве ШОС продолжает реализовываться масштабный инфраструктурный проект многостороннего значения, правда, пока единственный. Это автотранспортная магистраль Западная Европа — Западный Китай. В проект вовлечены три страны ШОС: Китай как инициатор и главный спонсор, Казахстан и Россия. В дальнейшем к проекту могут примкнуть и остальные страны шестерки, а также ряд стран, находящихся в статусе наблюдателей ШОС.

Строительство транспортного коридора идет с Востока. В Китае практически дорога уже построена, а в Казахстане — работа в полном разгаре. Недавно стартовал завершающий участок дороги Алматы — Хоргос протяженностью 308 км. Согласно плану, к апрелю 2016 г. все 2800 км трассы в Казахстане будет завершены и на ней будет открыто движение на всем протяжении казахстанского отрезка транспортного коридора². Однако официальная сдача в эксплуатацию казахстанского участка трассы планируется ориентировочно в 2017 г. с введением в строй таможенных пунктов.

После завершения строительства отрезка трассы для развития сервисных услуг пользователей международного транспортного коридора планируется подключить организации малого и среднего бизнеса. При этом коридор будет использоваться не только для транзитных, но и внутристрановых перевозок. Он обеспечит грузоперевозки пяти самых густонаселенных областей Казахстана — Актюбинской, Кызылординской, Южно-Казахстанской, Жамбылской и Алматинской, где проживает, в целом, более 7,5 млн человек³. В целом объем грузопотока по коридору «Западная Европа — Западный Китай» на казахстанском участке ожидается ориентировочно до 30 млн т в год. Из них только около 1,5 млн т составит транзит⁴. Таким образом, и Китай, и Казахстан, и даже Белоруссия со своей стороны делают все для бесперебойного автомобильного транзита грузов в направлении Восток-Запад. Новая магистраль уже подошла к границе с Россией в Оренбургской области.

Строительство российской части дороги ведется с трудом, не системно и это самое узкое место транспортного коридора, несмотря на то, что нашей стране из 8,4 тыс. км этой дороги необходимо проложить самую малую часть — 2,2 тыс. км. Для сравнения: длина китайского участка — 3,4 тыс., а казахстанского — 2,8 тыс. км. Российская часть по маршруту Оренбург — Казань — Нижний Новгород — Москва — Санкт-Петербург разбита на отдельные участки. Эти участки находятся в разной стадии готовности, так татарстанский участок частично готов, начато строительство участков Москва—Санкт-Петербург и Центральной кольцевой автодороги вокруг Москвы. Но в целом строительство российского отрезка трассы идет с большим опозданием и с явным недофинансированием.

Впрочем, такому развитию ситуации в России есть объяснения. Главный довод — это отсутствие необходимых финансов для реализации проекта и у федеральных, и у региональных органов государственной власти России. Но ведь справедливо утверждение, что только на бюджетные средства капиталоемкие инфраструктурные объекты не построить. Для такого масштабного строительства нужно привлекать как международные, так и частные инвестиции в рамках финансовой модели государственно-частного партнерства (ГЧП). Собственно, сооружение автомагистрали и заявлено в рамках ГЧП. При этом, кроме средств государства должны быть вовлечены частные

привлеченные средства, средства банков под государственные гарантии, а также средства различных государственных и негосударственных фондов.

Именно ГЧП является основной формой реализации капиталоемких инфраструктурных проектов в современном мире. В России же государственно-частное партнерство как форма финансовых отношений находится в зачаточном состоянии и до сих пор необходимый проект федерального закона «завис» в Государственной думе России. Сегодня есть инвесторы, они готовы вкладываться в проект, но формы их участия в юридическом плане не прописаны, и главное — нет мер обеспечения гарантий как для инвестора, так для властей.

Такие юридические задержки напрямую сказываются на стоимостных индикаторах сооружения объектов. Показательна расчетная стоимость строительства 1 км трассы автотранспортной магистрали Западная Европа — Западный Китай по отдельным странам. Согласно расчетам, 1 км российской трассы обойдется в 10,45 млн долл., а 1 км казахстанской дороги в 5 раз дешевле — 2 млн долл.⁵ Именно высокая стоимость дорожного строительства в России — одна из причин того, что России сложнее найти инвесторов для участия в развитии дорожной инфраструктуры, чем Казахстану.

В первый этап строительства российского участка трассы Западная Европа — Западный Китай Минтранс и госкорпорация «Росавтотдор» намеревались вложить бюджетные средства в размере 80 млрд руб., что составляет около половины из необходимых средств⁶. Остальные средства планируется привлечь за счет российских и международных инвесторов. При этом согласно расчетам, проект окупится приблизительно за 20 лет (заметьте, что в Казахстане срок окупаемости всего 8 лет). Строительство практически всех участков в Казахстане финансируются за счет займов международных финансовых институтов, таких, как Всемирный банк, Евразийский банк развития и реконструкции и Азиатский банк развития⁷. В Россию же международные инвесторы не торопятся из-за непрозрачности проекта строительства дороги. А частные инвесторы ждут законодательно прописанных гарантий возврата средств.

Между тем эта транзитная автомагистраль имеет многообещающие перспективы. Она свяжет не только Китай, Казахстан и Россию, но и другие страны Центральной Азии — Кыргызстан, Узбеки-

стан, Таджикистан. Весьма важно, что в дальнейшем через этот коридор могут быть организованы транзитные перевозки вдоль восточного побережья Каспийского моря, Туркменистан и далее — в сторону стран Персидского залива. Строительство этого ответвления планируется завершить до 2020 г.⁸

Кроме упомянутого выше законопроекта о ГЧП, в Государственной думе России на доработке находится проект федерального закона о транзите. Как это ни странно, но в стране, которая явно предназначена быть связующим звеном между Европой и Азией, до сих пор нет ни согласованной государственной политики в отношении транзита, ни механизма координации действий министерств и ведомств, причастных к регулированию перевозок, с компаниями-перевозчиками.

Необходимость развития ГЧП в России вытекает из-за обострения проблем состояния инфраструктуры. Согласно «Отчету о глобальной конкурентоспособности за 2014—2015 гг.», подготовленным Всемирным экономическим форумом, Россия занимает лишь 74-е место среди стран по показателю качества общей инфраструктуры⁹.

В соответствии с оценками McKinsey Global Institute и экспертной группы McKinsey по инфраструктуре, в течение 2013—2030 гг. расходы страны на инфраструктуру могут превысить 1,5 трлн долл.¹⁰ Реализовать масштабные инфраструктурные проекты только за счет государственных средств является нереальным, учитывая нарастающий дефицит бюджета на протяжении последних лет. Исходя из этого, формирование и развитие благоприятной среды для становления и расширения форм ГЧП при реализации инфраструктурных проектов представляется одной из ключевых задач российской экономики на ближайшую перспективу.

Что же мешает этому?

Во-первых, собственно задержка с принятием проекта федерального закона «Об основах государственно-частного партнерства в Российской Федерации» в Государственной думе РФ. Еще весной 2013 г. Госдума приняла в первом чтении законопроект об основах ГЧП, правда, при условии его последующей доработки. Проектом закона, в частности, определяются основы госрегулирования в указанной сфере, полномочия РФ, регионов и муниципалитетов при реализации соглашений ГЧП. Предполагается, что с его принятием будут расширены возможности для совместной работы государства и

бизнеса, а также созданы условия для привлечения частного капитала в долгосрочные инфраструктурные проекты. Принятие такого закона сделает более прозрачным взаимодействие государственных компаний с частными партнерами в рамках крупных инфраструктурных проектов. Эксперты дают позитивную оценку данному проекту, хотя насколько он поможет усилить взаимодействие частных инвесторов и государства в части привлечения капиталов к решению инфраструктурных проблем, пока не ясно.

Во-вторых, действующее законодательное поле, не ориентировано на формирование условий для долгосрочного кредитования или выделения долгосрочных государственных гарантий.

Одним из главных препятствий на пути расширения действия государственно-частного партнерства при реализации крупных долгосрочных инфраструктурных проектов со сроком окупаемости более 20 лет является действующий Бюджетный кодекс. Эксперты в качестве проблемных называют следующие законодательные позиции Бюджетного кодекса¹¹. Бюджетным кодексом прямо запрещается предоставление любых государственных гарантий на срок более 10 лет, а государственные обязательства по финансированию любого проекта ограничены сроком трехлетнего бюджета, за пределами которого предприниматель должен нести непомерные политические и экономические риски.

Между тем именно долгосрочные кредиты и гарантии являются источником финансирования большинства проектов в сфере ГЧП, они могут составлять вплоть до 90 % от общего бюджета, необходимого для финансирования проекта.

Проектами ГЧП изначально назывались проекты, направленные на модернизацию экономики, которые бизнес по каким-либо причинам не может реализовать самостоятельно даже при наличии необходимых финансовых ресурсов, например, при длительных сроках окупаемости.

Исследования показывают, что отсутствие политической стабильности, краткосрочность государственного бюджетирования и распространенность практики изменений правил игры также негативно сказываются на развитии ГЧП в России. Немалую ложку дегтя к этим проблемам добавляет отсутствие стратегического целенаправленного подхода к планированию. В большинстве случаев ис-

пользуется устаревший подход к выработке стратегии развития по принципу — найти задачу под имеющиеся деньги, а не средства под задачу. Действующее законодательство не дает возможности реализовывать долгосрочные инвестиционные контракты с привлечением средств инвестора. А сейчас положение усугубляется. Правительство решило пересмотреть нынешние приоритеты Фонда национального благосостояния и вместо вложений в инфраструктуру направить средства фонда на финансирование антикризисных мер¹².

Между тем пример активности показывает Китай. В начале XXI века сложившаяся проблема несоответствия между имеющимися государственными средствами на развитие инфраструктуры и фактическим объемом необходимых вложений послужила мощным толчком к дальнейшему совершенствованию государственно-частного партнерства в области инфраструктуры в Китае. В связи с этим ГЧП получило и более широкую политическую поддержку, например, в сфере дальнейшего развития специального законодательства. Правительство КНР признало актуальность внедрения ГЧП-моделей, и прежде всего такого вида государственно-частной концессии, как BOT (Build—Operate—Transfer, или в переводе на русский «строительство—управление—передача»). То есть такого вида концессии, где концессионер осуществляет строительство и эксплуатацию (в основном на праве собственности) в течение установленного срока, после чего объект передается государству¹³.

Тем не менее, несмотря на достаточно широкую реализацию в Китае моделей ГЧП, законодательная основа для привлечения частных инвесторов в проекты ГЧП пока недостаточно доработана. Например, до сих пор нет полного нормативно-правового акта по схемам привлечения частного капитала для финансирования государственных проектов¹⁴. Ввиду этого по-прежнему существует высокий риск и для государства, и для частного сектора. Для уменьшения этого риска правовая база нуждается в значительной дополнительной модернизации. Предполагается, что дальнейшее развитие законодательства в сфере ГЧП может обеспечить большее участие внутреннего капитала в развитии по схеме ГЧП. При этом выгоду получит не только государство, но и частный сектор экономики. ГЧП может играть роль не только спасателя государственных финансов. Партнерства будут расцениваться как новая форма управления и включают в себя но-

вую схему отношений между государством, частными инвесторами и общественными организациями. При этом заинтересованность государства заключается в том, что оно может переложить часть расходов по содержанию и инвестированию имущества на частный сектор.

При наличии недостаточно разработанной правовой базы и государственном доминировании в ГЧП успех проектов во многом зависит от поведения государства, в особенности от местных органов управления. Опыт ГЧП в Китае выявил проблемы, связанные с участием государства, они заключаются в низкой эффективности, коррупции и ненадежности. Тем не менее, объемы применения ГЧП в Китае будут неизбежно увеличиваться под давлением возрастающего спроса на развитие общественной инфраструктуры.

В целом, механизм ГЧП в настоящее время применяется в 120 странах мира, наиболее широкое распространение он получил в Великобритании, а также активно развивается в ЕС, США и других странах.

Сотрудничество государства и бизнеса в реализации крупных проектов, как показывает международная практика, является одним из факторов роста конкурентоспособности страны, ее инвестиционной привлекательности, успешного развития производства и, как следствие, экономики в целом. Мировая практика показывает, что механизм ГЧП является одним из альтернативных инструментов обеспечения необходимой финансовой базы для создания, модернизации, содержания и эксплуатации объектов в условиях ограниченности государственных ресурсов. При его использовании появляется возможность повышения эффективности взаимовыгодного сотрудничества государства и частного сектора, повышения качества предоставляемых услуг, ускоренной модернизации инфраструктуры, необходимой для диверсификации экономики.

Именно механизм ГЧП как ведущая форма партнерства государства и бизнеса встречается в проектах строительства транспортных магистралей и дорог, и это справедливо и для России, и для других стран-участниц ШОС. Частные инвестиции в большинстве случаев превышают 50 %, что свидетельствует о высокой привлекательности таких проектов.

На современном этапе развития получают развитие проекты по ГЧП и в инновационной сфере.

Более того, ГЧП могут стать ключевым компонентом в национальных стратегиях развития как России, так и других стран ШОС на пути перехода от ресурсно-сырьевой к инновационной экономике. Поэтому в современных условиях целесообразно сосредоточить усилия на развитии проектов производственной кооперации в обрабатывающей промышленности: машиностроении, электронике, химической и некоторых других отраслях, прежде всего в изготовлении высокотехнологической наукоемкой продукции.

Указанные направления взаимодействия могут стать пунктами «дорожной карты» долгосрочного развития стран ЦА — членов ШОС.

Выводы

Государственно-частное партнерство может быть ключевым компонентом в национальных стратегиях развития как России, так и других стран ШОС на пути перехода от ресурсно-сырьевой к инновационной экономике. Однако действующее законодательство ограничивает возможность реализовывать долгосрочные инвестиционные контракты с привлечением средств инвесторов и повышает их экономические риски.

В частности, для России целесообразно ускорить совершенствование законодательных норм, направленных на государственное регулирование основ ГЧП. Особенно это касается предоставления долгосрочных государственных гарантий на срок более 10 лет, а также государственных обязательств по финансированию проектов за пределами трехлетнего периода. Кроме того, целесообразно определить устойчивые каналы финансирования проектов ГЧП, научно-аналитического сопровождения и экспертизы проектов.

Существует проблема несбалансированности внешней торговли между странами ШОС, которая объясняется складывающейся в последние годы преимущественно экспортно-сырьевой моделью развития России и практически всех стран Центральной Азии. Это привело к неустойчивости их экономик, что подтвердил ход развития мирового кризиса. В текущих достаточно жестких финансово-экономических условиях целесообразно не фокусировать внимание и не концентрировать силы на преодолении сложившегося дисбаланса,

поскольку идеального баланса, как правило, не существует. Сейчас требуется выработать механизм создания благоприятных условий и обоснованных преференций для привлечения крупного частного капитала в совместную экономическую деятельность на пространстве ШОС, а именно — разработать механизмы государственной поддержки национальных корпораций в их работе на рынках других стран ШОС.

Объединение усилий РФ и Китая в формировании новых промышленных черт Центрально-Азиатского региона, на наш взгляд, отвечает фундаментальным интересам и КНР, и России и могло бы быть продуктивным при конкретизации концепции «Экономического пояса Шелкового пути».

Примечания

¹ URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/shzzfh/t940307.htm>

² URL: <http://yvision.kz/post/414363>

³ URL: <http://www.primeminister.kz/article/view/25>

⁴ Там же.

⁵ URL: http://finforum.org/page/index.html/_/world/trassa-rossija-kitaj-perspektivy-i-realii-projekta-r18880

⁶ Там же.

⁷ URL: <http://www.primeminister.kz/article/view/25>

⁸ Там же.

⁹ The Global Competitiveness Report 2014—2015 // World Economic Forum, Geneva, 2014. URL: <http://www.weforum.org/> (дата обращения: 18.09. 2014).

¹⁰ URL: <http://businessofrussia.com/%D0%B8%D1%8E%D0%BD%D1%8C/item/239-novye-infrastrukturnye-proekty.html>

¹¹ URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1549166>

¹² URL: <http://kapital-rus.ru/lite/larticle/922>

¹³ URL: www.pppinrussia.ru/userfiles/upload/files/China

¹⁴ Там же.

Р.К. Алимов

О РОЛИ КИТАЯ В ВЫХОДЕ ТАДЖИКИСТАНА ИЗ ТРАНСПОРТНОГО ТУПИКА

Аннотация. В статье анализируются роль и место высокогорного КПП «Кульма/Карасу» в торгово-экономическом сотрудничестве между РТ и КНР. Впервые представлены статистические данные о работе КПП за 10 лет после его открытия в мае 2004 г. Отмечается, что благодаря КПП «Кульма/Карасу» Таджикистан изыскал выход из тупиковой зоны и превратился в транзитную страну, обеспечивающую взаимосвязанность с Китаем и странами Южной и Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: Кульма/Карасу, Таджикистан, Китай, Шелковый путь.

По инициативе президента Эмомали Рахмона в Республике Таджикистан реализуется стратегия выхода из транспортного тупика. В ее основе — создание отвечающей современным стандартам единой транспортной сети внутри страны и ее стыковка с мировой транспортной системой через соседние государства, а также присоединение к международным конвенциям и соглашениям по транспорту и коммуникациям.

До недавнего времени Республика Таджикистан — страна, не имеющая выхода к морским портам, находилась в транспортном тупике. Ранее действовавшая транспортная инфраструктура была ориентирована на международный железнодорожный и автомобильный транзит исключительно через Узбекистан. Такие традиционные экс-

портные грузы из Таджикистана, как хлопок, алюминий, сухофрукты, равно как и импорт наиболее важных для страны товаров — зерна, муки, нефтепродуктов, металлоизделий и прочих шли на мировой рынок транзитом через соседний Узбекистан, который по тем или иным причинам порою ограничивал транзит грузов, следующих в направлении соседнего государства. Это создавало определенные проблемы в налаживании бесперебойного грузооборота, ставило РТ в политико-экономическую зависимость от одной страны в плане выхода на мировой рынок. Неурегулированность вопроса о линии прохождения таджикско-китайской границы, равно как и отсутствие стабильности в соседнем Афганистане, также препятствовали включению РТ в мировые торговые потоки.

Дополнительно транспортную ситуацию усложняли явный недостаток современных автодорог внутри страны, отсутствие их стыковок с международными транспортными артериями и как следствие — высокая стоимость автомобильных перевозок. Все это резко ухудшало геоэкономическое положение Республики Таджикистан и делало проблематичным налаживание устойчивых торгово-экономических связей с традиционными, а также с новыми перспективными партнерами в Южной и Восточной Азии. Таким образом, доставшиеся в наследство независимому Таджикистану исторически сложившиеся внешние условия препятствовали устойчивому развитию Республики. Для независимого Таджикистана мириться с подобной ситуацией в сфере транспортного обеспечения народнохозяйственных перевозок было невозможно. Перед правительством РТ объективно встала задача по формированию нового геополитического вектора развития широтной направленности «Запад—Восток».

Этот вызов для суверенного Таджикистана совпал с общемировой тенденцией к глобализации, а именно, с интенсивным расширением международного сотрудничества и углублением интеграционных процессов, где формированию сети международных транспортных коридоров, особенно на пространстве Евразии, отводилась знаковая роль. Соседний Китай демонстрировал захватывающий пример развития транспортных магистралей внутри страны с выходом на международные транспортные артерии. В период, когда молодая Республика Таджикистан¹, преодолевая внутренние трудности²,

только определяла свой путь независимого развития, стремительно развивающийся Китай множил усилия по реализации национальных планов строительства в стране современного транспортного комплекса и форсировал реализацию концепции формирования международных транспортных коридоров³. В планы Пекина по развитию, в частности, западных территорий, в том числе Синьцзяна, входило создание возможностей для «выхода китайских компаний вовне», т. е. в приграничные страны, включая Таджикистан.

Китай для РТ представлял собой не только огромный динамично развивающийся и доступный экспортно-импортный рынок. Не менее важным было то, что с перспективой открытия «восточных ворот» Таджикистан получал возможность через китайские восточные порты направлять свою продукцию напрямую на мировые рынки, минуя традиционный маршрут по единственной железной дороге, что позволяло диверсифицировать внешние торговые связи. Таким образом, обозначился обоюдный интерес к реализации прямого транспортного сообщения между Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой.

Первый шаг на взаимосвязанном транспортном пути был сделан правительствами РТ и КНР в 1996 г., когда стороны подписали Соглашение об открытии временного торгового прохода Кульма/Карасу⁴. Далее, важным достижением стало определение в июле 1997 г. точки стыка строящейся автодороги между РТ и КНР⁵. Подписанный в январе 2001 г. в Пекине Протокол между правительством РТ и правительством КНР об окончательном разрешении пограничных вопросов между двумя государствами⁶ открыл путь к межправительственному Соглашению о пунктах пропуска на таджикско-китайской государственной границе и режиме их работы (г. Душанбе, 2 сентября 2003 г.)⁷.

Наконец, 25 мая 2004 г. в торжественной обстановке на таджикско-китайской границе на перевале Кульма⁸ был открыт контрольно-пропускной пункт⁹. В тот же день был запущен первый автобусный пассажирский маршрут протяженностью 669 км. Планировалось, что основным профилем КПП будет перевозка грузов автомобильным транспортом. Стоит отметить, что скептики не видели перспектив *эффективного* использования дороги, так как переходный пункт на перевале Кульма входит в число самых высокогор-

ных в мире¹⁰. Однако и РТ, и КНР были уверены в том, что в будущем таджикско-китайская автомобильная магистраль обретет статус международной, выведет Таджикистан из тупиковой зоны и превратит его в транзитную страну, обеспечит взаимосвязанность с Китаем и странами Южной и Юго-Восточной Азии. Прогнозы оптимистов полностью оправдались. Но для полной определенности требовалось решить оставшийся от истории пограничный вопрос.

17 мая 2002 г. в Пекине в Совместной декларации КНР и РТ президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон и председатель КНР Цзян Цзэминь высоко оценили факт подписания «Дополнительного соглашения между РТ и КНР о китайско-таджикской государственной границе» и отметили, что этот документ является «воплощением доброй воли Сторон к решению спорных вопросов мирными средствами в духе равноправных консультаций, взаимного понимания и взаимной уступчивости, что символизирует полное урегулирование оставшихся от истории китайско-таджикских пограничных вопросов и открывает более широкие перспективы для развития таджикско-китайских отношений в новом веке»¹¹.

В Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве¹², с удовлетворением отмечая важность окончательного разрешения пограничного вопроса между двумя государствами, Стороны подчеркнули решимость «превратить государственную границу между Китаем и Таджикистаном в границу вечного мира и дружбы, передаваемой из поколения в поколение», и стремление «прилагать для этого активные усилия»¹³. 20 сентября 2008 г. на КПП Карасу/Кульма с участием официальных представителей Таджикистана и Китая прошла торжественная церемония установления пограничных столбов № 83 и № 84 на государственной границе КНР и Таджикистана¹⁴. 28 апреля 2010 г. в Пекине министры иностранных дел КНР и Таджикистана подписали Протокол о делимитации китайско-таджикской границы¹⁵. Таким образом, была подведена черта под большой совместной работой по демаркации и установлению пограничных столбов на китайско-таджикской границе, которые начались в 2006 г. Это также ознаменовало полное и окончательное решение всего комплекса вопросов, связанных с урегулированием пограничного вопроса.

По мере поэтапного решения пограничных вопросов и наращивания торгово-экономического сотрудничества между РТ и КНР,

росла и нагрузка на КПП «Кульма/Карасу». Если в первые годы после открытия переходный пункт работал от 90 до 120 дней в году, то после начала реализации проектов общенационального значения (реконструкция автомобильной дороги Душанбе—Чанак, строительство линии электропередач Юг—Север, освоение крупных месторождений золота, цинка и свинца) возникла необходимость увеличения его пропускной способности. 28 декабря 2011 г. было подписано Соглашение о переводе КПП на круглогодичный режим работы и придание ему статуса международного. Однако только с конца 2012 г. началась его практическая эксплуатация в новом режиме. Сложные климатические условия, необустроенность переходного пункта не позволяли эксплуатировать его больше 250 дней в году¹⁶. Несмотря на Соглашение об организации круглогодичной работы КПП «Кульма/Карасу» начиная с 2012 г., по обоюдной договоренности ежегодно утверждается график прохождения автотранспорта через контрольно-пропускной пункт в зимний период времени. График *не является препятствием* проезду машин, но *к водителям* предъявляются особые требования по соблюдению безопасности движения в условиях высокогорья и суровой зимы. В случае затруднения грузы для поставки в Таджикистан могут проходить по дороге Китай—Кыргызстан—Таджикистан¹⁷.

В мае 2014 г. переходный пункт отметил десятилетие своего функционирования. Несмотря на то, что юбилей прошел скромно, без пышных торжеств, достижения КПП «Кульма/Карасу» свидетельствуют о том, что он занимает особое место в двустороннем торгово-экономическом сотрудничестве между Республикой Таджикистан и Китаем. По данным Таможенной службы Китая, за период с 2005 по 2014 г. КПП пересекли чуть менее 120 тыс. граждан обеих стран, было перевезено около 1,5 млн т различных грузов на общую сумму 7 млрд долл. Только в 2014 г. через эти «торговые ворота» было перевезено почти 415 тыс. т грузов на общую сумму 1580 млн долл., что составляет свыше 60 % от общего двустороннего внешнеторгового оборота (рис. 1). Можно с уверенностью сказать, что КПП «Кульма/Карасу» играет роль «золотого моста» дружбы и торговых связей между Таджикистаном и Китаем. Очевидно также, что перевозки грузов автомобильным транспортом через КПП на равных конкурируют с грузоперевозками железной дорогой через Казахстан

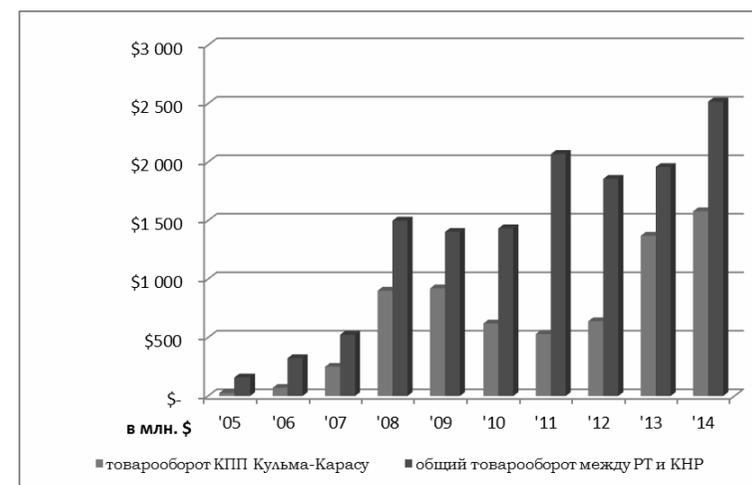

Рис. 1. Сравнительный анализ объема торговли между КНР и РТ через КПП Кульма/Карасу и общего объема торговли между КНР и РТ (2005—2014 гг.).
Источник: Данные Таможенной службы КНР.

и Узбекистан. Сравнительный анализ товарооборота между РТ и КНР показывает, что обе стороны нередко предпочитают перевозить грузы по автомобильной дороге Кашгар—Кульма—Хорог—Душанбе, чем по железной дороге. По оценкам участников грузоперевозок, с которыми автор имел личные беседы, этот путь быстрее, надежнее, дешевле.

Анализ пассажирооборота свидетельствует о том, что число граждан обеих стран, пересекших КПП за период с 2005 по 2014 г., увеличилось с 2561 до 28 275 человек, т. е. почти в 12 раз (рис. 2). При этом, в 2014 г. число пассажиров, которые воспользовались КПП, увеличилось по сравнению с 2013 г. (19 339 человек) на 8936 человек. Это указывает на то, что КПП «Кульма/Карасу» является вторым по значимости транспортным каналом после авиационного, которым активно пользуются граждане двух соседних государств для осуществления деловых и частных поездок.

За истекший период грузооборот через КПП Кульма/Карасу также резко возрос (рис. 3). Если в 2005 г. через него было перевезе-

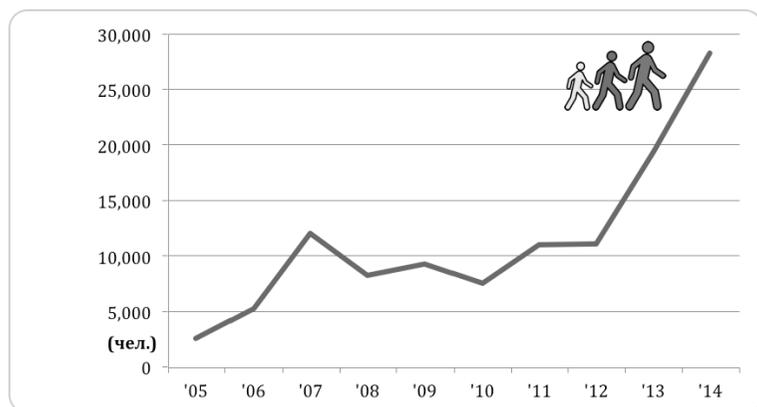

Рис. 2. Динамика роста пассажиропотока между КНР и РТ через КПП «Кульма/Карасу» (2005—2014 гг.). *Источник:* Данные Таможенной службы КНР.

но 12,5 тыс. т грузов, в 2010 г. — 120,3 тыс. т, то в 2014 г. — 414 тыс. т. Таким образом, по сравнению с 2005 г. грузооборот через КПП возрос почти в 35 раз. Показательно, что в 2008—2009 годах, на которые пришлось основные трудности транспортировки грузов, перевозимых по железной дороге из Китая через Казахстан и Узбекистан в Республику Таджикистан, было перевезено около 200 тыс. т грузов на общую сумму 1 млрд 820 млн долл. Таким образом, КПП сыграл решающую роль в том, чтобы народнохозяйственные грузы и товары из Китая вовремя дошли до заказчиков и потребителей в РТ.

За 10 лет (2005—2014 гг.) товарооборот через КПП «Кульма/Карасу» последовательно и неуклонно набирал обороты и с 26 млн долл. в 2005 г. достиг 1580 млн долл. в 2014 г., т. е. вырос более чем в 60 раз. Примечательно, что после некоторого спада товарооборота в 2010—2012 гг. в связи с мировым финансово-экономическим кризисом, отразившимся в том числе и на внешнеторговом обороте между РТ и КНР, в 2013 г. произошел резкий скачок во взаимной внешней торговле (1370 млн долл.), который был закреплен новой рекордной высотой в 2014 г. — 1580 млн долл. (рис. 4).

Очевидно, что КПП «Кульма/Карасу» в ближайшей и отдаленной перспективе будет играть такую же значимую роль, как и дос-

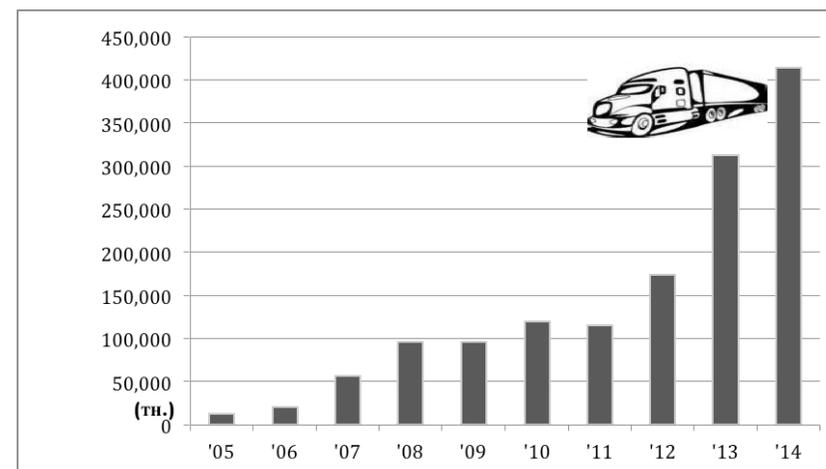

Рис. 3. Объем грузов, перевезенных через КПП «Кульма—Карасу» (2005—2014 гг.). *Источник:* Данные Таможенной службы КНР.

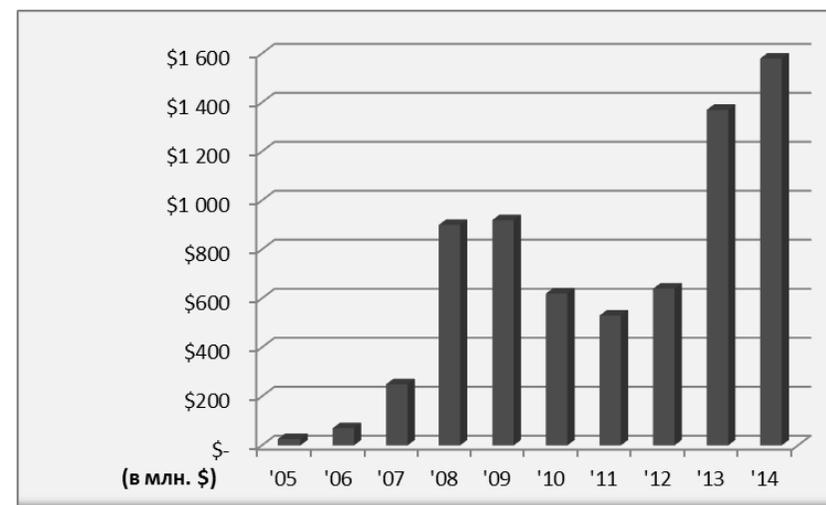

Рис. 4. Объем внешней торговли между РТ и КНР через КПП Кульма—Карасу (2005—2014 гг.). *Источник:* Данные Таможенной службы КНР.

тавка грузов из Китая в Таджикистан по железной дороге через Казахстан и Узбекистан. Свидетельство тому — планы по дальнейшей реконструкции автомобильной дороги, через территорию Таджикистана, соединяющей Китай с Узбекистаном и Афганистаном. Эту точку зрения разделяет и известный российский ученый-политолог А.А. Князев, который отмечает высокий потенциал дороги Ош (Кыргызстан) — Хорог (Таджикистан) — Файзабад (Афганистан)¹⁸. «Памирский тракт» — это единственная круглогодичная наземная магистраль через Памир, к которой под прямым углом выходит дорога от КПП «Кульма/Карасу».

Подписание в Душанбе на саммите ШОС (11—12 сентября 2014 г.) Соглашения между правительствами государств — членов ШОС о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок открывает новую страницу в истории КПП «Кульма/Карасу». Оно предусматривает обеспечение устойчивости транзита грузов по территории стран-участниц ШОС, а также упрощение регистрации, получение виз, участие стран в создании транспортной инфраструктуры на территории других государств ШОС. Этим Соглашением определен также маршрут следования грузов автомобильным транспортом из КНР в РТ по автотрассе Урумчи-Карасу в Китае и далее по маршруту Кульма—Хорог—Душанбе в Таджикистане. Таким образом, указанный маршрут официально приобретает международное значение и становится одной из ключевых автомобильных артерий для перевозки грузов из Китая в государства Центральной Азии и Афганистан, а также из Центрально-Азиатского региона в Китай и Пакистан.

24 января 2015 г. Маджлиси намояндагон (нижняя палата парламента) Таджикистана ратифицировал Соглашение между правительствами стран ШОС о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок. При обсуждении этого вопроса на сессии таджикского парламента особо отмечался тот факт, что Соглашение де-юре признает Республику Таджикистан в качестве страны-транзитера международных грузов, что открывает новые возможности для повышения объемов грузооборота на обширном евразийском пространстве¹⁹.

Выступая на «Диалоге по вопросам укрепления партнерства в области взаимосвязанности» в рамках саммита АТЭС (Пекин, 8 но-

ября 2014 г.), президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон особое внимание уделил планам Китая по формированию «экономического пояса» вдоль Шелкового пути и отметил, что они имеют «большой исторический смысл», особенно для государств, не имеющих выхода к морю. Президент подчеркнул, что это «еще одна возможность для решения стратегической задачи совместного развития, обеспечения взаимного экономического роста и более свободного перемещения и функционирования его основных составляющих»²⁰.

Перспективные планы РТ совпадают с планами Китая по созданию широкого транспортного коридора «Тихий океан — Балтийское море». Правительство КНР выступает за всемерное развитие дорожного сообщения между государствами — членами ШОС, вносит свой вклад в формирование трансграничной транспортной инфраструктуры, которая могла бы соединить Восточную, Западную и Южную Азию²¹. В период с 2005 по 2013 г. ежегодный рост прямых инвестиций в развитие транспортных коммуникаций РТ составил в среднем около 15 %. За 10 последних лет за счет иностранных инвестиций и грантов в Таджикистане осуществлено или находится в завершающей стадии реализации свыше 20 проектов, среди которых 1,5 тыс. км автомобильных трасс государственного значения, 20 мостов, 21 км тоннелей и лавиноустойчивых автодорог²². Доля Китая в общем объеме иностранных инвестиций достаточно велика.

При поддержке правительства КНР за счет льготных кредитов, предоставленных ЭКСИМ Банком Китая, начиная с 2006 г., удалось провести полную реконструкцию 350-километровой автомобильной дороги Душанбе—Чанак (граница с Узбекистаном), а также построить новые мосты и тоннели «Шахристан» и «Чормагзак», протяженностью около 10 км. Кроме того, продолжается реконструкция автомобильной дороги Душанбе—Кульма (Таджикистан—граница Китая). Общий объем средств, предоставленных ЭКСИМ Банком КНР для реализации указанных проектов, достигает 500 млн долл.²³ Весь объем финансирования был осуществлен в рамках льготных кредитов, выделенных правительством Китая государствам — членам ШОС.

К началу 2015 г. в РТ реализован целый комплекс мер и инфраструктурных проектов по выводу страны из коммуникационной изо-

ляции, что имеет для Республики первостепенное значение. На эти цели только за последние годы направлено около 1 млрд долл., в том числе в 2014 г. — свыше 200 млн, а в предстоящие 3 года ожидается выделение более 600 млн долл.²⁴ В этом направлении реализуются проекты реконструкции автодороги Душанбе—Турсунзаде, Душанбе—Курган-Тюбе—Нижний Пяндж, Айни—Пенджикент, Душанбе—Хорог—Кульма (участок Шурообод—Дарваз), Восе—Ховалинг, строительства железной дороги Душанбе—Курган-Тюбе (участок Вахдат—Яван), модернизации и строительства международных и региональных магистралей. Готовятся к реализации проекты по автодорогам Дарваз—Вандж (граница Рушанского района) и Худжанд—Исфара. Осуществление этих проектов позволит соединить Таджикистан с другими сопредельными странами, т. е. с региональной коммуникационной инфраструктурой. Формирование международных транспортных магистралей создаст еще больше возможностей для развития всех регионов страны, превратит Таджикистан в надежный и активный транспортный узел для транзита международных грузов.

Таджикистан находится на одном из важных и оживленных перекрестков азиатских дорог и благодаря успешной деятельности КПП «Кульма/Карасу» уже играет роль связующего звена между Китаем и другими сопредельными и дальними странами обширного евразийского региона. По оценке авторитетного российского эксперта С.Л. Сазонова, «открытие КПП «Кульма/Карасу» и в целом автомобильной дороги Душанбе—Хорог—Кашгар имело прорывное значение для развития торгово-экономических отношений между двумя странами. Формирование международного транспортного коридора между Душанбе и Кашгаром — явный сигнал о начале формирования интеграционного транспортно-экономического пространства в Припамирье»²⁵.

И не только. КПП «Кульма/Карасу» в последние годы привлекает все большее внимание любителей экологического туризма и альпинизма. Набирает силу «туристическое» дыхание по древнему маршруту из г. Кашгар в Китае до одного из «старожилов» Великого шелкового пути — г. Худжанта в Таджикистане. Этот путь пролегает через «город в облаках» — Хорог, а также г. Куляб, недавно отметивший свое 2700-летие; перед путешественниками открывается «изум-

рудное море» г. Нурек; столица Таджикистана Душанбе, живописные горные ущелья и цветущие долины. Особенно притягателен величественный и загадочный Памир — «Крыша мира», как образно назвал этот край великий итальянский путешественник Марко Поло. Некогда здесь пересекались носители основных мировых религий и культур, среди гор-великанов сформировавшие особую одухотворенную атмосферу. На древней таджикской земле и сегодня можно встретить следы доисторических людей и древних цивилизаций, разнообразных культур и религий. Пример тому — уникальная 14-метровая скульптура Будды, погруженного в нирвану. Она относится к VIII в. нашей эры. Это — самая большая находка древнебуддийского искусства, найденная на территории Центральной Азии. Города-музеи, — Пенджикент и Истаравшан, Куляб и Худжанд, — некогда выполнявшие функцию важнейших центров ремесла и культуры на Великом шелковом пути, до наших дней сохранили в себе неповторимый облик древних среднеазиатских городов и самобытность национальных традиций таджиков.

Таким образом, открытие в 2004 г. КПП «Кульма/Карасу» на таджикско-китайской границе ознаменовало собой не только начало выхода Таджикистана из транспортного тупика, но и дало мощный толчок формированию национального транспортного комплекса современного типа с выходом на главные автомобильные магистрали Китая, Южной и Юго-Восточной Азии, превратило РТ в крупный транзитный перекресток международной торговли, обеспечило китайским компаниям самый короткий путь для доставки грузов в РТ, другие страны Центральной Азии, Афганистан и Иран. Очевидно, что по мере «мирного возвышения Китая» и дальнейшего углубления отношений стратегического партнерства комплексная взаимосвязанность РТ и КНР будет расти, равно как роль и место КПП «Кульма/Карасу» в международной торговле.

Примечания

¹ Республика Таджикистан провозгласила свою независимость 9 сентября 1991 г.

² В период 1992—1997 гг. в РТ происходил кровопролитный гражданский конфликт.

³ *Сазонов С.Л.* Транспорт Китайской Народной Республики. М., 2012.

⁴ Таджикистан—Китай. Сборник основных документов (1992—2007 годы). Пекин, 2008. С. 146.

⁵ Там же. С. 146.

⁶ Там же. С. 149.

⁷ Там же. С. 150.

⁸ Перевал Кульма расположен примерно в 80 км от таджикского кишлака Мургаб и в 850 км от Душанбе. На китайской стороне в 12 км от перевала находится селение Карасу; КПП находится на Каракорумском шоссе примерно в 60 км от Ташкурмана и в 220 км от г. Кашгар. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Кулма_\(перевал\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Кулма_(перевал))

⁹ URL: http://www.iran.ru/news/economics/20354/Na_Pamire_otkrylsya_pervy_y_avtomobilnyy_perehod_mezhdu_Tadzhikistanom_i_Kitaem

¹⁰ Самой высокой точкой пересечения границ в мире считается Хунджерабский перевал (4693 м над уровнем моря), а проходящее через него Каракорумское шоссе — самым высокогорным международным шоссе. Шоссе строилось с 1966 по 1986 г. по древнему маршруту Великого шелкового пути. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Khunjerab_Pass

¹¹ Таджикистан—Китай... С. 88.

¹² Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РТ и КНР подписан 15 января 2007 г. в г. Пекин.

¹³ Таджикистан—Китай... С. 130.

¹⁴ URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6505532.html>

¹⁵ URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2010-04/29/content_19929813.htm

¹⁶ URL: <http://news.tj.ru/news/kpp-kulma-karasu-na-tadzhiksko-kitaiskoi-grani-tse-otnyne-budet-rabotat-kruglogodichno>

¹⁷ URL: <http://www.news.tj.ru/news/tadzhikistan-i-kitai-sostavili-grafik-raboty-kpp-kulma>

¹⁸ URL: <http://cawater-info.net/review/afghanistan.htm>

¹⁹ URL: <http://vecherka.tj/news/soglashenie-dlya-ustojchivogo-tranzita-gruzov-ratifikirovano/>

²⁰ URL: <http://www.president.tj.ru/node/7860>

²¹ *Си Цзиньпин.* О государственном управлении. Пекин, 2014. С. 391.

²² Подсчитано автором на основе данных, предоставленных Министерством транспорта РТ.

²³ Подсчитано автором на основе данных, предоставленных ЭКСИМ Банком Китая.

²⁴ URL: <http://www.president.tj.ru/node/8137>

²⁵ *Сазонов С.Л.* Россия—Китай: сотрудничество в области транспорта. М., 2012. С. 199.

В.И. Балакин

РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ КНР

Аннотация. В статье анализируется региональная интеграционная стратегия КНР, предусматривающая активное инвестиционное взаимодействие двух стран. Восточноазиатская интеграция крайне важна как для Китая, так и для Республики Корея, поскольку предоставляет им уникальные возможности для формирования регионального рынка по собственным стандартам. С точки зрения более отдаленной перспективы китайско-южнокорейское стратегическое сотрудничество обеспечивает обоим государствам достаточно сильные дипломатические позиции в диалоге с такими державами, как США и Япония. В связи с этим двусторонняя дипломатия Китая и Республики Корея, отражающая обоюдное стремление к тесному партнерству, вызывает серьезную обеспокоенность со стороны Японии. Вместе с тем тесное переплетение экономических интересов во взаимоотношениях Южной Кореи с КНР и США позволяет Сеулу в любой момент присоединиться к любым возможным инициативам как Пекина, так и Вашингтона на северокорейском направлении.

Ключевые слова: КНР, Республика Корея, интеграция, инвестиционное взаимодействие, региональная стратегия.

Контуры будущих китайско-южнокорейских отношений были обозначены в конце 2009 г. занимавшим тогда пост вице-преьера Госсовета КНР Си Цзиньпином. Высокопоставленный китайский

руководитель сделал ряд важных предложений относительно желательного наполнения стратегического партнерства между Пекином и Сеулом. Их центральным пунктом стала разработка концепции создания зоны свободной торговли, отвечающей интересам национальных экономик Китая и Республики Корея¹. Президент Южной Кореи Лё Мин-бак выразил заинтересованность в китайских предложениях, однако со своей стороны стал настаивать на одновременном совершении так называемой «большой сделки», смысл которой сводился к идее вовлечения в китайско-корейское инвестиционное взаимодействие Японии, что позволило бы, по мнению южнокорейского руководителя, начать длительный путь по ослаблению зависимости японской экономики от американского влияния. В Китае инициативы Лё Мин-бака были встречены с пониманием, но сразу же встал вопрос о согласованности действий Пекина и Сеула в данном направлении. Их обсуждение показало наличие существенных разногласий по конкретике возможных совместных усилий.

В частности, Китай настаивал на вовлечении Пхеньяна в возможный «тройственный экономический альянс» Пекина, Сеула и Токио. Это вызвало жесткое неприятие со стороны президента Лё Мин-бака, высказавшего серьезное сомнение в искренности северокорейского руководства и намекнувшего на вполне реальную возможность установления в недалеком будущем сепаратных политических контактов между КНДР и США². В ответ китайская сторона призвала южнокорейских партнеров не драматизировать ситуацию и рассматривать предложение Пекина о выводе КНДР из международной изоляции в качестве важной, но отдаленной цели. Китайцы согласились сосредоточиться на последовательном развитии двусторонних отношений с Республикой Корея и не перегружать их северокорейской проблематикой. При этом было сделано исключение для оказавшихся в тупике «шестисторонних переговоров», возобновление которых в полном объеме до сих пор вызывает трудно скрываемый интерес как в Пекине, так и в Сеуле.

Вместе с тем руководство Республики Корея рассматривает дальнейшее возвышение Китая как естественный, объективный процесс, не уточняя до поры до времени вопрос о том, какую — позитивную или негативную — направленность он имеет для отдаленного политического будущего Южной Кореи. Таким образом, ки-

тайско-южнокорейское интеграционное взаимодействие напрямую зависит от политических взаимоотношений двух стран, поскольку ядерные амбиции Пхеньяна заметно портят общий фон экономического сотрудничества между КНР и Республикой Корея. Изменить сложившуюся ситуацию в лучшую сторону призвал бывший глава администрации президента Южной Кореи Ю Ву-ик, являющийся в настоящее время послом Республики Корея в Китайской Народной Республике³. По мнению южнокорейского посла, Китай и впредь будет играть лидирующую роль при определении параметров развития Восточной Азии в XXI веке. Важнейшим из этих параметров, как считает Ю Ву-ик, несомненно, станет возрастающий уровень инвестиционного сотрудничества.

Двусторонняя дипломатия Китая и Республики Корея, отражающая обоюдное стремление к стратегическому партнерству, вызывает серьезную обеспокоенность со стороны Японии. В 2008 г. между КНР и Южной Кореей было подписано соглашение об инвестиционном сотрудничестве, в котором стороны поставили цель удвоить объемы взаимной торговли и довести их к 2015 г. до 300 млрд долл. Специальное исследование Международного валютного фонда (МВФ) предсказало 5,5-процентный общий рост южнокорейской экономики в 2013 г., а с учетом возможностей «экономики знаний» параметры роста намечены на уровне 12,5 % в год. Экспорт высокотехнологичной продукции из Республики Корея должен достигнуть 450 млрд долл. Таким образом серьезные японские опасения становятся понятными, ибо основным направлением южнокорейского экспорта останется китайский рынок, который фактически спас производство в Японии от стагнации сразу после кризиса 2008 г.⁴

Ведущая японская страховая компания Nomura Securities выдала прогноз на 2014 г., согласно которому рост южнокорейского экспорта на китайский рынок позволил бы Сеулу при благоприятных обстоятельствах стать восьмой крупнейшей торговой нацией в мире с объемом товарооборота в 1,3 трлн долл. Китайско-южнокорейский комитет по инвестиционному сотрудничеству наметил те конкретные сектора экономики каждой из стран, которые получат приоритетное развитие. Прежде всего это касается традиционного промышленного производства, привлекающего более 70 % двустороннего инвестиционного взаимодействия, а также развития нетрадицион-

ных источников энергии и инновационных технологий. В то же время в Республике Корея обеспокоены перспективой китайской торговой экспансии, которая вполне может оказаться частью долгосрочной стратегии Пекина по обеспечению эффективного контроля над формирующимся Восточноазиатским сообществом. Согласно оценкам Корейского института международной экономической политики, создание зоны свободной торговли между КНР и Республикой Корея может оказаться существенным фактором китайско-южнокорейского посткризисного доминирования в регионе Восточной Азии⁵.

Руководство КНР стремится не допустить восстановления Вашингтоном его политических позиций в Восточно-Азиатском регионе. Создание китайско-южнокорейской зоны свободной торговли поможет Пекину постепенно вывести Республику Корея из-под тотального американского военно-политического влияния, а также через объединение усилий с Сеулом не допустить американо-северокорейского сепаратного сближения⁶. В качестве средства воздействия на Сеул китайцы намереваются применить национальный режим для южнокорейских компаний на рынке КНР. Это позволит южнокорейским компаниям впредь избегать обвинений в протекционизме и недобросовестной конкуренции. Кроме того, национальный режим на китайском рынке даст Южной Корее существенные торговые преимущества не только на региональном, но и на глобальном уровне.

Китайско-южнокорейское региональное интеграционное сотрудничество особенно активизировалось с 2007 г., и это крайне насторожило американские власти. Позитивные для КНР результаты появились в таких отраслях китайской экономики, как автомобилестроение, металлургия и химическая промышленность. Успехи южнокорейцев на китайском рынке, по оценкам американских экспертов, в перспективе неизбежно простимулируют дальнейшие японские инвестиции в китайскую экономику. Для США инвестиционная привлекательность китайского рынка станет в обозримом будущем серьезным фактором, оказывающим критическое влияние на общую политическую ситуацию в Восточной Азии⁷. В результате может развиваться тенденция, ведущая к последовательному вытеснению Вашингтона из восточноазиатского стратегического простран-

ства, что способно привести к формированию независимого от американского влияния Восточноазиатского сообщества.

Становление Восточноазиатского сообщества в рамках китайского плана сделает союзнические отношения Сеула и Токио с Вашингтоном размытыми и по большому счету лишены важных экономических обязательств. Такое развитие событий приведет к китайско-южнокорейскому интеграционному взаимодействию к новому формату, когда потенциальные конфликты интересов двух стран на региональном уровне гарантированно будут урегулированы в пользу китайской стороны. Согласно оценкам Института международных исследований Китая, в Северо-Восточной Азии постепенно начнет вырваться потенциал политического противостояния ведущих восточноазиатских игроков, что принесет значительные шансы Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) управлять инвестиционными потоками в рамках восточноазиатского пространства и стать ключевым элементом регионального стратегического равновесия, столь необходимого КНР, Республике Корея и Японии⁸. Постепенно превращаясь в своеобразный движитель восточноазиатской интеграции, АСЕАН объективно играет на стороне Китая, который через таможенный союз с Ассоциацией держит в своих руках большую часть региональных инвестиционных активов. Если КНР в ближайшем будущем удастся сформировать зону свободной торговли с Республикой Корея, то Японии не останется ничего иного, как искать варианты присоединения к ЗСТ, игнорируя любое американское недовольство.

В одном из своих выступлений в 2010 г. нынешний председатель КНР Си Цзиньпин высказал оптимистическую точку зрения в отношении развивающегося китайско-южнокорейского интеграционного сотрудничества. По его словам, Восточноазиатское сообщество не является проектом отдаленного будущего и, несмотря на различие точек зрения относительно его конкретного формата, содержательная часть этой региональной структуры вряд ли станет предметом непримиримых споров между потенциальными государствами-участниками. Реальная ситуация в Восточно-Азиатском регионе подтверждает, что Республика Корея практически полностью солидаризируется с китайским вариантом региональной интеграции, оставляя Японии лишь косвенную возможность как-то влиять на

развитие событий. КНР все более уверенно примеряет на себя роль единственного посредника и координатора в деле продвижения интеграционного процесса в Восточной Азии. Однако и Республика Корея, и Япония понимают, что создание Восточноазиатского сообщества в принципе невозможно без решения северокорейской проблемы, а это на самом деле по силам только Китайской Народной Республике⁹.

Рост совокупного потенциала КНР, тем не менее, заставляет южнокорейское руководство все чаще задумываться о различных вариантах изменения политического курса в отношении с США. Остерегаясь вызвать негативную реакцию Пекина, Сеул вынужден на словах соглашаться с Вашингтоном относительно нарастания «китайской угрозы», на практике же он стремится свести к минимуму свои военно-политические обязательства в рамках стратегического партнерства с Соединенными Штатами. Южнокорейские аналитики делают акцент на необходимости для Республики Корея выбрать такую стратегию интеграционного взаимодействия с обеими великими державами, в рамках которой прямые капиталовложения в США позволили бы приобретать там передовые технологии для последующего использования их на внутреннем китайском рынке. Роль «ласкового дитяти, сосущего двух матерей» освоена Южной Кореей в совершенстве, что обеспечивает возможность соблюдать общий позитивный баланс в отношениях как с Пекином, так и с Вашингтоном. В результате обе страны (Китай и США) видят в Республике Корея важного партнера в решении проблемы, связанной с нейтрализацией ядерных амбиций КНДР¹⁰.

Тесное переплетение экономических интересов во взаимоотношениях Южной Кореи с КНР и США позволяет Сеулу в любой момент присоединиться к любым возможным экономическим инициативам как Пекина, так и Вашингтона на северокорейском направлении. А в том, что названные инициативы в обозримой перспективе появятся, не сомневается никто из серьезных специалистов, отслеживающих ситуацию на Корейском полуострове. В любом случае, стимулируя свое постиндустриальное развитие, Южная Корея объективно не может отдать своим партнерам и конкурентам «родной» северокорейский рынок¹¹. Имеющийся опыт государственного регулирования экономического развития в совокупности с общенацио-

нальной идеей о единстве нации делает Республику Корея неоспоримым и по сути дела ключевым элементом (*sine qua non*) в деле вовлечения КНДР в региональную экономическую интеграцию. Угроза новой волны финансового кризиса и распространение ее на Восточную Азию еще более стимулирует китайско-южнокорейское интеграционное взаимодействие с перспективой его расширения и на северо-корейскую экономику.

Формулируя свою региональную интеграционную стратегию в межкризисный период 1998—2008 гг., правительство КНР не могло не проанализировать «коридор возможностей» Южной Кореи по выходу из рецессии и адекватность принимаемых ею в данном направлении мер¹². По оценке Пекина, интенсификация региональных интеграционных процессов все более ставит под сомнение широко пропагандируемые Западом «преимущества» глобализации. Модель экспортно-ориентированного догоняющего развития для Китая и Республики Корея на сегодняшний день представляется менее эффективной, чем интеграция в восточноазиатское экономическое пространство. Для этого необходимо резко повысить конкурентоспособность производимой продукции и прежде всего — на региональном рынке. Это автоматически приведет к увеличению ее конкурентного потенциала на рынках США и Евросоюза. Китайско-южнокорейское взаимодействие в рамках восточноазиатской интеграции сделает корпоративный бизнес в обеих странах значительно прозрачнее и мобильнее, а это становится серьезным конкурентным преимуществом в условиях доминирования западной модели глобализации.

Итак, можно заключить, что взаимодействие Китая и Республики Корея в восточноазиатских интеграционных процессах свидетельствует о том, что Сеул является важным стратегическим игроком, активно влияющим на расстановку сил в Восточной Азии. В 2012 г. Китайская Народная Республика приступила к переговорам с Южной Кореей о создании ЗСТ, рассчитывая не только поставить под эффективный контроль корейский рынок, но и побудить Японию окончательно отказаться от продвижения собственной модели восточноазиатской интеграции. К счастью для Китая, японо-корейский антагонизм по поводу исторической ответственности Токио за длительную оккупацию Корейского полуострова вынужда-

ет обе стороны искать в лице Пекина некоего авторитетного арбитра, удерживающего Корею и Японию от американских соблазнов. Лишенная природных ресурсов и обладающая ограниченным внутренним рынком Республика Корея вынуждена закупать за границей сырье по низким ценам, перерабатывать его в товары с высокой добавленной стоимостью. Экспорт названных товаров практически держит на плаву корейскую экономику, поэтому жесткая конкуренция РК с Японией проявляется в том числе и на китайском рынке¹³.

Региональная интеграция в Восточной Азии предусматривает не только вовлечение Китая и Республики Корея в общие экономические процессы, но и стимулирует активное китайско-корейское взаимодействие в инвестиционной сфере. Китайская таможенная статистика свидетельствует о том, что торговая экспансия КНР в Южную Корею основана на прямых инвестициях в наиболее высокотехнологичные отрасли корейской промышленности. На этом весьма перспективном базисе создаются предприятия-дублеры, устойчиво работающие в согласованном режиме как в КНР, так и в РК¹⁴. Продуманное поэтапное разделение технологических процессов между Китаем и Южной Кореей позволяет выпускать новую промышленную продукцию, востребованную на формирующемся восточноазиатском общем рынке. Расширяющаяся китайско-южнокорейская производственная интеграция постепенно становится привлекательным примером для других восточноазиатских государств, создавая таким образом общерегиональный экономический кластер, могущий со временем стать самодостаточным в рамках всего мирового хозяйства.

Примечания

¹ Hayes, Peter. China challenge // NAPS Policy Forum. Seoul, South Korea. 26.06.2013. P. 24.

² Куроянаги, Ёнэдзи. Хигаси адзиа кэдотай но гэндзэ то тэмбо (Современное состояние и перспективы Восточноазиатского сообщества) // SRGA surpan. Токио, 2011. Июль. С. 12.

³ S. Korea aims to become linchpin of economic integration in East Asia // Global Times. 14.06.2013.

⁴ *Ито, Мотому*. Хигаси адзиа но рэнкэй ни мукэтэ Нихон га насу бэки кото (Япония должна стремиться к взаимозависимости в Восточной Азии) // NIRA сиридзу (Токио). 2011. № 57. ноябрь. С. 10.

⁵ *Deniz Unal-Kesend*. China's Integration in East Asia // CEPII Working Paper. 2012, No.2005-09. June. P. 21.

⁶ *Soxsastro, Hadi*. Regional Integration in East Asia // Asian Economic Policy Review. Tokyo, 2006. P. 217.

⁷ *Reisoch, Ulrike*. Die Amerikanisierung Falle // Econ-Verlag. Berlin, 2007. S.201.

⁸ *Popova, Ludmila V.* Regional integration in East Asia needs strong political commitment // World Trade Report Forum. Washington, 2011. P. 12.

⁹ *Окуда, Катору*. Хигаси адзиа кёдотай но миги : [Путь к Восточноазиатскому сообществу] // Адзиа кэйдзай кэнкюсё тиики кэнкю сэнта. Токио, 2012. С. 81.

¹⁰ Situation on Korean Peninsula // People's Daily. 24.06.2013.

¹¹ *Wook, Chae*. South Korea's regional policies // The Korea Institute for International Economic Policy. Seoul. 04.06.2012. P.20.

¹² *Сулина С.С., Самсонова (Пак) В.Г.* Южнокорейская проекция мирового финансового кризиса // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 4. С. 36—37.

¹³ *Сулина С.С.; Самсонова (Пак) В.Г.* Экономика Республики Корея: новые перспективы и вызовы // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 3. С. 66.

¹⁴ *Horiuchi, Kenji*. Regional Integration in East Asia: Historical Retrospectives // United Nations University Press. Tokyo, 2013. March. P. 308.

ИСТОРИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ КИТАЯ

М.В. Александрова

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО СЕВЕРО-ВОСТОКА КИТАЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: ЭНДОГЕННЫЕ И ЭКЗОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье анализируются внутренние и внешние факторы, повлиявшие на формирование направлений сельского хозяйства Северо-Востока Китая (прежде всего — растениеводства) в тот или иной период первой половины XX века. Важное место уделено исследованию причин и географических особенностей районирования основных зернобобовых культур, в том числе сои, сорго, пшеницы. В исторической последовательности рассматривается роль региона как крупнейшего мирового экспортёра сои и соевых полуфабрикатов. Показаны роль и значение иностранных передовых агротехнологий и их влияние на растениеводство Маньчжурии.

Ключевые слова: Маньчжурия, миграция, династия Цин, Япония, Россия, зернобобовые, агротехника, КВЖД, себестоимость, товарность, Мировая война, бассейны рек, посевные площади, товарное зерно, валовой сбор зерна, экспорт, Сунгари, плодородные почвы.

Северо-Восток Китая (Дунбэй) богат земельными ресурсами, на территории региона располагается один из мировых поясов чернозема. Наличие плодородных почв вкупе с богатыми водными ресурсами представляет оптимальное сочетание условий для развития сельского хозяйства.

Исторически основными видами экономической деятельности населения, проживающего в регионе, были охота и рыболовство, поэтому вплоть до начала опиумных войн (40-е годы XIX века) сельское хозяйство как отрасль экономики практически отсутствовало. Как известно, еще при императоре Канси в 1668 г. вышел декрет о запрете заселения Маньчжурии ханьцами и другими народами, исторически не проживавшими на этой земле. Но к середине XIX века ситуация изменилась. В 1860 г. хэйлунцзянский генерал-губернатор Тэбцин направил меморандум на высочайшее имя с предложением открыть Хулань (регион вокруг современного Харбина) для заселения китайцами-земледельцами. Он указывал, что крестьянские хозяйства смогут составить новые статьи доходов местной казны, в которой не хватало средств для выплаты жалования знаменным войскам, а наличие китайского населения на вверенной ему территории снизит притягательность ее завоевания Россией. После снятия запрета на миграцию эта территория стала известна как Северо-Восточный Китай и в течение нескольких десятилетий обрела демографическое ханьское большинство¹. Таким образом, при минимальном сопротивлении был осуществлен постепенный переход от традиционных кочевых форм экономической деятельности к новым, а именно — к сельскому хозяйству и промышленности. В период с 1850 по 1910 г. население региона выросло с 2,89 до 21,58 млн человек.

Из многих направлений растениеводства на территории Маньчжурии наибольшее распространение получило выращивание сои, которая на долгое время стала основным экспортным товаром региона. Грузооборот железнодорожного транспорта и портов напрямую зависел от урожая соевых бобов. Можно сказать, что коммерческое, финансовое и социальное благополучие региона зависело от этой сельхозкультуры. Именно про этот период истории региона писали следующие слова: «кто захватил экспорт сои в свои руки, тот держал весь Северо-Восток»².

Рассмотрим подробнее этапы формирования сельскохозяйственной специализации Северо-Востока с учетом влияния внутренних и внешних факторов.

Сельское хозяйство в конце правления цинской династии

Прежде чем выявлять основные направления развития сельского хозяйства Маньчжурии в последнее десятилетие XIX — начало XX века, хотелось бы обратиться к книге Е.О. Паукера «Маньчжурия», в которой представлены физико-географические характеристики региона в привязке к конкретной исторической обстановке. Е.О. Паукер писал: «Западная полоса Северной Маньчжурии покрыта солеными озерами, при этом речные долины годятся для земледелия. К востоку от Большого Хингана, в водоразделе реки Нонни и в окрестностях больших городов, как Цицикар и Мэргэн³, распространено земледелие», что связано как с благоприятным климатом, слабой заселенностью и частыми разливами реки. «Самая плодородная местность во всей Маньчжурии — водораздел Сунгари, прекрасно защищенный от ветров и отличающийся умеренным климатом. Наиболее плодородные почвы располагались в четырехугольнике станция Ашихэ⁴, г. Фуюй⁵, Илань⁶ и Баянь⁷.

Южная Маньчжурия своей плодородностью напоминает водораздел реки Сунгари. В долине реки Ляохэ хлебопашество развивалось с незапамятных времен. На заливных землях развилось главным образом огородничество. Почва Ляодунского полуострова не особенно хороша для земледелия, одиноко благодаря тщательной, заботливой обработке, дает прекрасные сборы; тут в полном смысле слова нет ни клочка земли, который не был бы под плугом»⁸.

В конце XIX — начале XX века на развивающееся в регионе растениеводство стали влиять не только внутренние факторы, к которым прежде всего следует отнести активную миграцию из собственно ханьских районов, но и внешние факторы, а именно — влияние европейской, а точнее, русской агротрадиции в районах компактного проживания русских (т. е. прилегающих к КВЖД) и все увеличивающаяся потребность в сельхозсырье крупнейших западных стран

и Японии. Результатом китайско-японской войны (1894—1895 гг.) стало активное использование импортного соевого шрота в виде удобрений. Такая ситуация подтолкнула к увеличению собственных посевов сои, что дало быстрый результат: уже в 1902 г. Дунбэй экспортировал разных видов бобов на сумму 14,31 млн таэль⁹.

После русско-японской войны (1904—1905 гг.) посевы сои стали продвигаться на север региона, вытесняя пшеницу, поскольку последняя была привезена русскими, а в китайском рационе питания ей не отводилось значительного места. Рост площадей соевых стал особенно стремительным после апробирования северо-восточной сои на европейском рынке в 1908 г. Так, к примеру, в 1908 г. региональное производство сои составляло 1,5 млн т, а в 1909 г. — 1,99 млн.

В период с 1909 по 1913 г. ежегодные объемы экспорта сои в Европу составляли 300 тыс. т. Соевое, льняное и хлопковое сырье для производства растительного масла было дешевле, чем оливковое. Именно этот факт сыграл решающую роль для импорта европейскими странами китайских соевых бобов. С 1903 по 1913 г. суммарный экспорт сои в Японию составил 129 тыс. т. В конце цинской династии экспорт дунбэйской сои осуществлялся в 20 стран мира¹⁰.

Из культивируемых злаков долгое время первое место занимало *сорго (гаолян)*. Это сырье частично использовалось на корм для скота, часть — отправлялась на винокурные заводы. Стебли вышиной в 3—4 аршина и ныне употребляются как топливо, настилка для крыш и т. д.

Пшеница возделывалась в северных провинциях и в окрестностях города Ниньвань¹¹; отсюда она вывозится в южные маньчжурские провинции и в Китай.

Овес возделывался исключительно для вывоза. *Гречиха* употреблялась населением в пищу. Под посевы *риса (Oryza-Mintana)* выбирались места, защищенные от наводнений. Вышеназванный сорт и сейчас считается лучшим в Китае и на всем востоке; он соперничает даже с японскими сортами. А на песчаных берегах Ляохэ сеется обыкновенный *рис*.

В Маньчжурии широко культивировался *кунжут*, из которого выжимают масло. *Конопля* шла на выделку масла, на веревки и канаты¹².

Так, к концу правления цинской династии площадь обрабатываемых земель в пров. Фэньтянь (Ляонин) составляла 68,22 млн му (1 му = 1/15 га), Цзилине — 4,93 млн шан (1 шан = 15 му), Хэйлунцзяне — 2,11 млн шан. В 1908 г. сбор 5 основных злаков в регионе превысил 8 млн т. В 1911 г. только две провинции — Хэйлунцзян и Цзилинь собрали урожай порядка 5 млн т зерна, или более 600 кг на человека¹³.

Развитие растениеводства в конце правления династии Цин дало мощный импульс для роста индустрии, и прежде всего пищевой. Постепенно сельское хозяйство оказалось в роли поставщика сырья для подотраслей пищевой промышленности. Базовой моделью посадок сельхозкультур стала «юг — соевые бобы, север — пшеница», что в свою очередь было связано с быстрорастущей масляной промышленностью юга и мукомольной на севере.

Республиканский период

В период Китайской Республики сложились благоприятные условия для развития экономики региона, прежде всего это были существенные изменения социальных основ внутренней жизни, а также международной политэкономической ситуации. Начало этого периода сопровождалось новой волной миграции, что давало возможность расширять и развивать сельское хозяйство. В этот период Северо-Восток превратился в один из крупнейших мировых производителей товарного зерна¹⁴.

В республиканский период в связи с расширением спроса на сельхозпродукцию, а также на продукцию пищевой промышленности и из-за большого притока дешевой рабочей силы растениеводство Маньчжурии стало быстро развиваться. Был достигнут беспрецедентный уровень объемов производства товарного зерна и цен на сельхозпродукцию.

Растущее сельское хозяйство требовало увеличения притока рабочей силы. В первые годы Республики в Пекине была принята политика льгот, которая поощряла крестьян Шаньдуна, Хэбэя, Хэнаня, Шаньси мигрировать в Маньчжурию, поскольку в связи с разразившимся после войны голодом жизнь в указанных четырех

провинциях стала невыносимой. Так, только за 1923 г. количество мигрантов в Маньчжурию составило 300 тыс. человек, затем их число каждый год постоянно увеличивалось. Только за один 1927 г. прибыло 1 млн человек.

Рост населения подтолкнул к резкому ежегодному расширению пахотных земель. Так, в период с 1924 по 1931 г. их площадь выросла на 5,6 млн га и составляла в конце рассматриваемого периода 13,733 млн га.

К началу 1930-х годов в Маньчжурии было создано многопрофильное растениеводство, которое включало в себя весь сектор пригодных для выращивания в регионе зернобобовых культур, о чем свидетельствуют данные диаграммы 1.

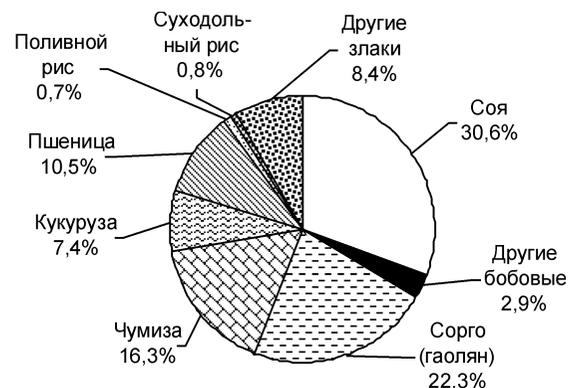

Диаграмма 1. Доли основных зерновых культур в общ. площади посевов (1929—1931 гг.).

Источник: Ху Цицзюнь. Цзиньдай Чжунго Дунбэй цзинци кайфа дэ гоцзи бэйцзин 1896—1931 : [Международный контекст экономического развития современного Северо-Восточного Китая (1896—1931)]. Пекин, 2011.

Структура сельскохозяйственной специализации региона также претерпела определенные изменения. Так, если в конце цинского периода географическая формула пространственного размещения сельхозкультур была «юг — соя, север — пшеница», то в республиканский период она изменилась на «юг — зерно, север — соя». «Центр тяжести» производства основных продуктов питания сме-

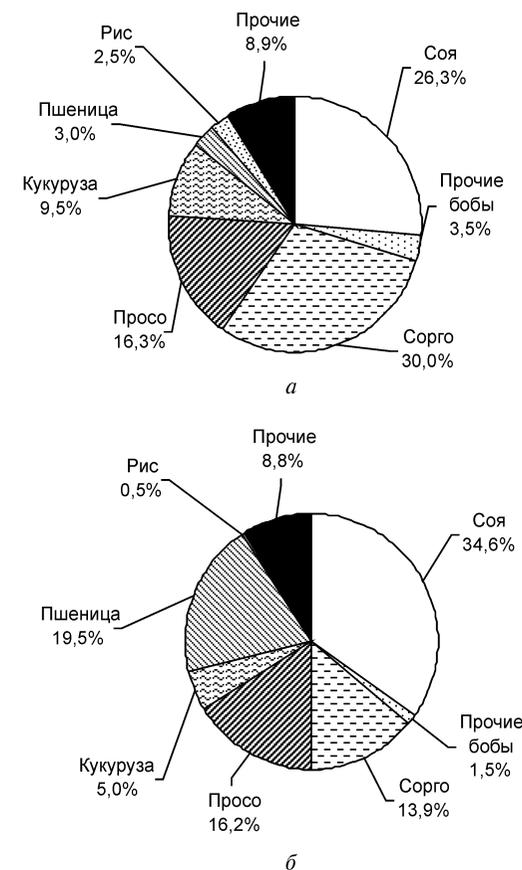

Диаграмма 2. Распределение посевной площади Южной Маньчжурии под зерновыми культурами в 1931 г. (а); распределение посевной площади Северной Маньчжурии под зерновыми культурами в 1931 г. (б).

Построено на основе данных, представленных в книге: *Любимов Л.И.* Очерки по экономике Маньчжурии. Харбин, 1934.

стился на север, и преобразования в структуре выращиваемых культур на юге стало очевидным явлением.

В конце цинского периода, несмотря на то, что сорго на Северо-Востоке являлось одной из наиболее распространенных сельхоз-

культур, площади под ним были значительно меньше, чем под пшеницей и соей. После 1920-х годов центр производства соевых бобов смещается к северу, за юге же сою заменяют на сорго, и постепенно Северо-Восток становится основным в Китае регионом по производству этой культуры. Таким образом постепенно изменялся состав выращиваемых культур и их пространственное расположение внутри самого региона¹⁵.

Подобные пространственные изменения были напрямую связаны с повышением товарности выращиваемых зернобобовых культур. Так, в среднем по региону уровень товарности зерна составлял 53 %.

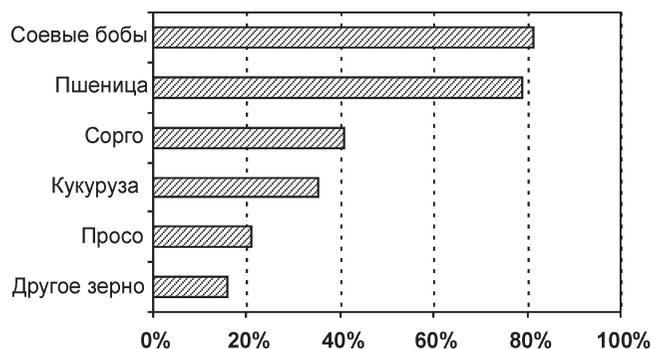

Диаграмма 3. Уровень товарности северо-восточных зерновых культур в 1920-е гг.
Источник: URL: http://xbsk.njau.edu.cn:8032/qw/pdf/files/20110518_180531—226.pdf.

При этом наблюдалась закономерность: чем севернее, тем выше товарность. Так, к примеру, в середине 1920-х годов уровень товарности северной пшеницы и муки из нее достигал 80 %, а сои и продуктов из ее — 84,3 %, кукурузы — 51,1 %, а средний уровень товарности по северному зерну составлял — 60,5 %¹⁶.

Следует отметить, что в республиканский период на территории Маньчжурии под влиянием как внутрикитайской, так и европейской, и прежде всего русской, агротехники была выбрана оптимальная структура географического распределения сельхозкультур с учетом почвенных, климатических, гидрографических и других особенностей.

В результате выделились следующие районы:

а) в северных приамурских районах и в долинах р. Аргуни были обеспечены посевы рановызревающих злаков: ячменя, яровой ржи, пшеницы и некоторых других;

б) на громадных пространствах Центральной Сунгарийской равнины наиболее рентабельными стали злаки позднего сева, с глубокой корневой системой — бобы, гаолян, кукуруза и все виды просяных. Результаты же посева более ранних хлебов (ячмень, пшеница) не отличались устойчивостью (всходы иногда страдали от позднего выпадения осадков; пшеница в период созревания в дождливые годы подвергалась специфическому паразитарному заболеванию и т. д.). То же самое нужно сказать и о восточных районах;

в) в Южной Маньчжурии — те же злаки, и плюс на юге — некоторые специальные культуры, требующие для своего созревания большего количества тепла (хлопок, джут и др.);

г) юго-западные районы Северной Маньчжурии (долины р. Нонни), постепенно переходящие в монгольские степи, с песчано-солончаковыми почвами, благоприятствовали хорошей луговой растительности, но собственно земледельческий их потенциал в качественном отношении был ниже земледельческих ресурсов центральных районов¹⁷.

Среди выращиваемых зернобобовых культур в рассматриваемый период прежде всего следует выделить сою, сорго, просо, кукурузу, пшеницу. Особенно быстро росли площади посевами сои: из 5,6 млн га возросшей площади пашни в период 1924—1931 гг. только на сою пришлось 2 млн га. За эти годы площадь посевных площадей под соей увеличилась более чем на 90 %.

Культурная соя стала основным сельхозпродуктом Северо-Востока, при этом ее урожайность возрастала с севера на юг. Так, в 1930 г., в 8 районах юга региона 26 % посевной площади занимала соя, в 7 районах севера — 35,8 %, годовой суммарный объем производства составил 5 млн т, причем большая часть отправлялась на экспорт¹⁸.

В 1920-е годы география посадок сои несколько изменилась: произошло смещение на север, во-первых, по причине отсутствия новых пахотных площадей на юге, во-вторых, на севере вдоль рек почва была более плодородна и менее истощена, чем на юге региона.

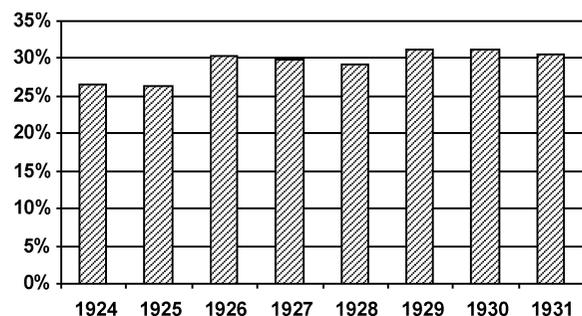

Диаграмма 4. Доля пахотных земель, отведенных под посадки сои на Северо-Востоке. *Источник: Ян Найкунь, Цао Янсюн. Циндай Дунбэй цзинцзи вэньти яньцзю 1916—1945 : [Исследование современных экономических вопросов Северо-Востока (1916—1945)]. Шэньян, 2005.*

В результате доля пашни под соей на севере в 1920-х годах была на 5—7 % выше, чем в среднем по региону.

Высаживали сою на равнинных участках Северной Маньчжурии, западнее и восточнее линии КВЖД, по течению рек Сунгари, Нонни (Нэнцзян), Муданьцзяна и по линии Харбин — уезд Гунчжулин. В вышеперечисленных районах доля сои в посевах зерновых составляла в некоторые годы от 40 до 60 %, т. е. уже в республиканский период начал формироваться соевый кластер современного Дунбэя.

Столь благоприятная ситуация для выращивания сои дала удивительные результаты: так, если в 1912 г. в регионе было собрано менее 2 млн т. сои, то в 1930 г. этот показатель превысил 5 млн т.

К 1926 г. соевые бобы становятся основной сельхозкультурой региона, хотя в конце цинского периода основной растениеводческой культурой было сорго (гаолян).

Гаолян (японское сорго) был основным продуктом питания простого населения. Культивировался по всему региону и по площади посевов уступал лишь сое. В том же 1930 г. в 8 южных районах 30,5 % посевной площади было занято сорго и в северных районах — 15,2 %. Годовой урожай составил 4,7 млн т. Выращенный гаолян шел в пищу в виде зерна, на производство вина, фуража и лишь малая доля поставлялась на экспорт¹⁹.

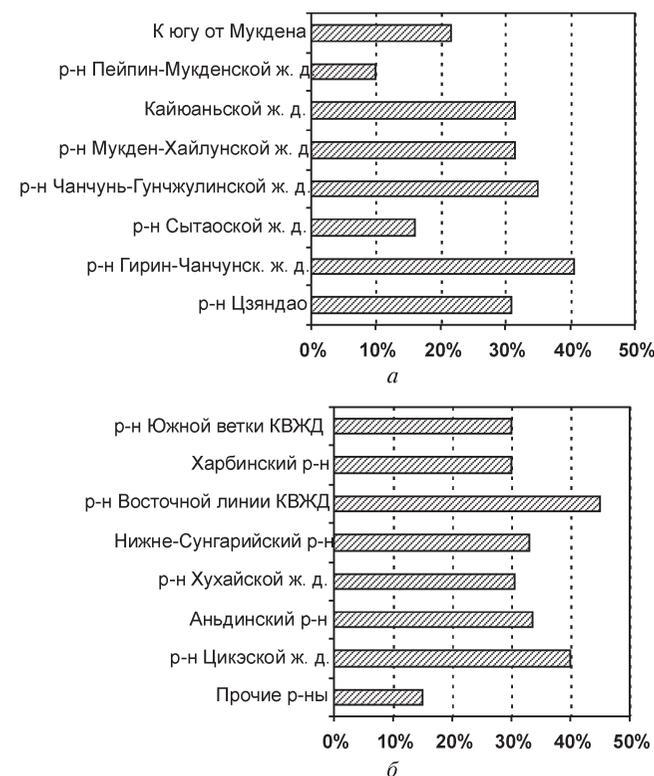

Диаграмма 5. Доля сои в общей площади посевов в основных районах Юж. Маньчжурии (а); доля сои в общей площади посевов в основных районах Сев. Маньчжурии (б). Построено на основе данных, представленных в книге: *Любимов Л.И. Очерки по экономике Маньчжурии. Харбин, 1934.*

Посевы *чумизы (гуцзы)* как на севере, так и на юге занимали около 17 % посевных площадей. Урожай 1930 г. составил 3,27 млн т.

В этот период культурная соя, сорго и чумиза относились к ежедневно потребляемым продуктам.

Годовой объем выращенной в 1930 г. *кукурузы* достиг 1,58 млн т, при этом на юге доля посевных площадей под эту культуру составила 9,9 %, на севере — 3,8 %. Большая часть собранного урожая остава-

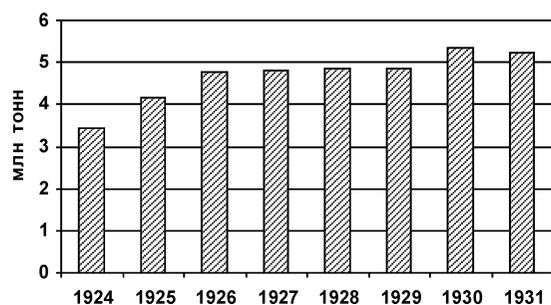

Диаграмма 6. Урожай сои на Северо-Востоке Китая в республиканский период. *Источник:* Ян Найкунь, Цао Янсюн. Циндай Дунбэй цзинци зяньти яньцзю 1916—1945 : [Исследование современных экономических вопросов Северо-Востока (1916—1945)]. Шэньян, 2005.

лась для потребления на Северо-Востоке, годовой экспорт был небольшой, но доля площадей под кукурузу ежегодно увеличивалась.

Пшеницу выращивали как на юге, так и на севере, но на юге под пшеницей было лишь 2,8 % посевных площадей, а на севере — 17,8 %. Основными районами посевов были земли, прилегающие к Хухайской ж. д., Маньчжурская железная дорога (КВЖД), нижнее течение р. Сунгари. В 1930 г. урожай достиг 1,35 млн т, но этого было недостаточно для насыщения внутреннего спроса в регионе, поэтому на экспорт отправлялся лишь 1 % собранного зерна.

Уже в конце цинского периода Маньчжурия начинает специализироваться на *экспорте сои*, а в республиканской период вследствие увеличения на мировом рынке спроса на сою и соевые полуфабрикаты регион значительно увеличил посевные площади под эту культуру. Экспортные возможности региона в области сельхозпродукции зависели от себестоимости производства, а также объемов собранной продукции.

Согласно данным, представленным на диаграмме 8, уже в начале республиканского периода 46 % экспорта составляли соя и соевые полуфабрикаты. К концу 1920-х годов стало очевидно, что именно соя обладает наиболее высокой экспортной способностью среди зернобобовых культур Дунбэя. Этот показатель для нее составлял порядка 80 %.

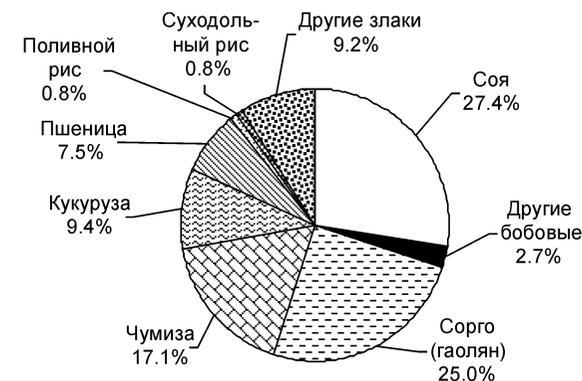

Диаграмма 7. Доли в урожае основных зерновых культур (1929—1931 гг.). *Источник:* Ху Чицзюнь. Цзиньдай Чжунго Дунбэй цзинци кайфа дэ гоцзи бэйцзин 1896—1931 : [Международный контекст экономического развития современного Северо-Восточного Китая (1896—1931)]. Пекин, 2011.

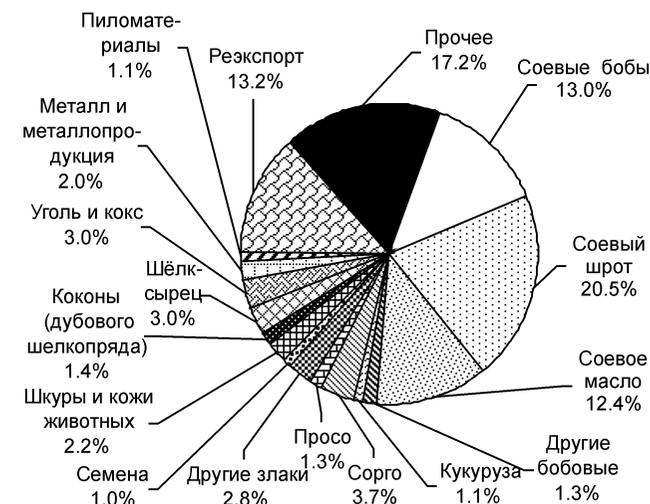

Диаграмма 8. Структура экспорта Маньчжурии в 1917 г. *Источник:* Economic history of Manchuria comp. in commemoration of the decennial of the Bank of Chosen. Seoul:Chosen, 1921.

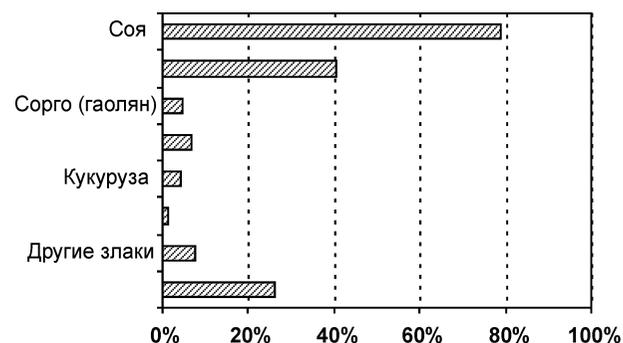

Диаграмма 9. Доля экспорта в общем производстве зерна Дунбэя (1929—1931 гг.).
 Источник: Ху Цицзюнь. Цзиньдай Чжунго Дунбэй цзинцзи кайфа дэ гоцзи бэйцзин 1896—1931 : [Международный контекст экономического развития современного Северо-Восточного Китая (1896—1931)]. Пекин, 2011.

Диаграмма 10. Экспорт северо-восточной сои в основные развитые страны.
 Источник: Ян Найкунь, Цао Янсюн. Циндай Дунбэй цзинцзи взънги яньцзю 1916—1945 : [Исследование современных экономических вопросов Северо-Востока (1916—1945)]. Шэньян, 2005.

Начиная с 1913 г. европейские страны, США и Япония стали увеличивать импорт маньчжурской сои. Так, в 1913 г. Северо-Восток экспортировал соевых бобов, шрота и масла суммарно на 1,35 млн т, в 1914 г. — 1,38 млн т, в 1915 г. — 1,8 млн т.

Сою в начале 1920-х годов в основном экспортировали в Европу и Японию, соевый шрот — в Японию, а масло — в Европу и США.

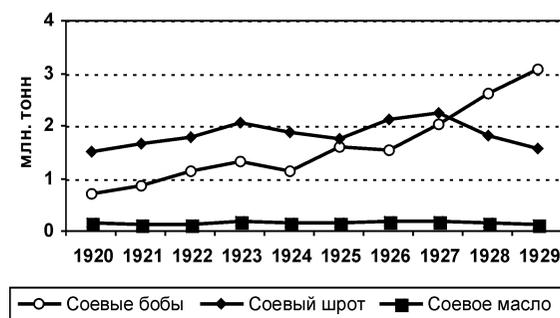

Диаграмма 11. Маньчжурский экспорт трех ключевых соевых продуктов.
 Источник: Потенциал маслобойной промышленности Маньчжурии. Издано Исследовательским отделом Департамента по общим вопросам Маньчжурской железной дороги. Издательство ЮМЖД, 1930 (на яп. яз).

В республиканский период до 90 % экспорта Маньчжурии составляли соевые бобы и продукция на основе сои.

После окончания Первой мировой войны спрос на растительное масло, и особенно дешевое соевое, значительно возрос. Европа восстанавливала свою маслобойную промышленность, которая требовала значительных объемов сырья. Цена на сырье стала расти: так, в 1922 г. на лондонском рынке цена за тонну соевых бобов составляла 11,54 англ. фунтов, в 1923 г. — 12,30, в 1924 г. — 13,14²⁰. На Северо-Востоке Китая цена на сою также стала увеличиваться. Так, на крупнейшем соевом рынке региона в Харбине цена в китайских долларах выросла следующим образом: с 1918 по 1919 г. — на 32,38, а с 1928 по 1929 г. — на 104,13²¹.

В республиканский период японский фактор все более оказывал влияние на экономику Северо-Востока, одна из причин этого — заинтересованность Японии в поставке сельхозпродукции.

Помимо зерновых культур на Северо-Востоке осуществились посадки технических культур, среди которых особо следует выделить джут, табак, женьшень.

Новым явлением в сельском хозяйстве Китайской Республики стало выращивание таких культур, как хлопок, сахарная свекла, фрукты и др. Подобные изменения явились свидетельством расширения специализации аграрного сектора региона. До этого бобовые

Таблица 1. География экспорта основной сельхозпродукции Северо-Востока Китая в 1931 г., %

Страна	Соя	Соевый шрот	Соевое масло	Другие бобовые	Шелк-туссор	Сорго
Япония	28,22	65,17	0,75	83,05	99,44	77,16
Корея	0,46	6,65	0,13	7,32	0,53	5,31
Гонконг	1,99	0,03	0,76	3,09	—	—
СССР	24,31	22,50	6,69	3,93	—	0,25
Великобритания	7,87	0,82	31,37	0,30	—	0,03
Германия	1,97	1,07	1,50	—	—	4,34
Голландия	21,02	1,22	55,20	—	—	12,91
США	0,01	1,34	2,21	1,48	—	—
Другие страны	14,15	1,29	1,39	0,83	0,02	0

Источник: URL: <http://xbjbold.swu.edu.cn/XDWK/2010/1006pdf/2010-6-171.pdf>.

Таблица 2. Основные сельхозпродукты, поставляемые с Северо-Востока Китая в Японию (ед. изм. — таэль)

Год	Соевый шрот	Соевые бобы	Шелк-туссор	Доля 3 продуктов в суммарном экспорте в Японию, %)
1917	2647	2342	1229	46
1923	46 374	18 135	8726	69
1927	37 766	14 614	7861	59
1928	34 003	28 404	7082	57
1929	33 151	34 529	5984	55
1930	28 891	23 193	5790	49

Источник: Маньчжоу кайфа сыши няньши, шанцэ : [Четыре десятилетия развития Маньчжурии]. Т. I. Инкоу: Инкоу иньшучан, 1988 (на яп. яз.).

и зерновые культуры были доминирующими. Расширение спектра выращиваемых товарных культур говорит о начале процесса развития многосекторального сельского хозяйства²².

Новая страница экономической истории Северо-Востока была связана с периодом японского правления. Так, в начале периода *Маньчжоу-Го* основными направлениями растениеводства являлись:

Типы сельскохозяйственных культур	Культуры
Зерновые культуры	Сорго (гаолян), чумиза, фасоль, кукуруза, пшеница, ячмень, просо обыкновенное, ежовник обыкновенный, гречиха, овес
Масличные культуры	Кунжут, перилла, конопля
Овощные культуры	Китайская капуста, репа, картофель, редис, лук-порей, сельдерей, шпинат, горчица, огурцы, помидоры
Грибы	Рядовки, древесные грибы, ежевики и др.
Фрукты	Арбузы, дыни, яблоки, груши, слива, абрикосы, боярышник
Орехи	Кедровые, фундук
Лубяные культуры	Лен, клещевина
Наркотические культуры	Табак
Лекарственные растения	Женьшень

Источник: Ху Чицзюнь. Цзиньдай Чжунго Дунбэй цзинци кайфа дэ гоци бэйцзин 1896—1931 : [Международный контекст экономического развития современного Северо-Восточного Китая (1896—1931)]. Пекин, 2011.

Приход японцев к власти ознаменовался некоторым сокращением посевных площадей, в ряде районов — до 40 %. Подобная ситуация была связана в том числе и с тем, что после образования Маньчжоу-Го русские переселенцы практически перестали заниматься сельским хозяйством. Важной причиной, вызвавшей существ-

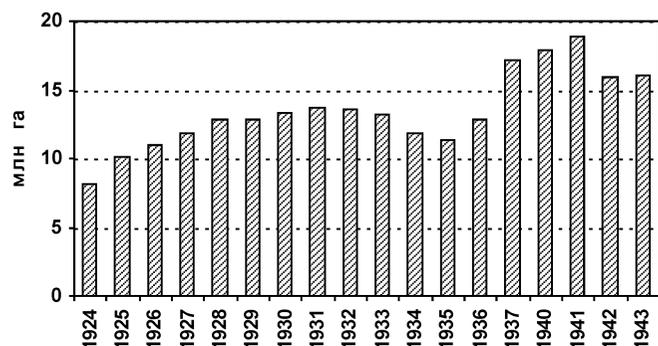

Диаграмма 12. Посевные площади Маньчжурии.

Источник: Japan-Manchoukuo year book. Tokyo. 1938. P. 733—734; The Manchoukuo year book. Hsinking, 1943. P. 425; Манею кэйдзай. 1944. № 42, 47, 52; Дунбэй цзинцзию цзинцзи дили цзунлунь : [Экономико-географические субъекты региона Северо-Востока]. Чанчунь, 1988.

венное снижение посевных площадей, стали и катастрофические наводнения 1933 и 1934 гг., а также борьба между японскими и китайскими собственниками земли после создания Маньчжоу-Го.

Как и в предыдущий исторический отрезок времени, в регионе активно развивается зерноводство, все большее значение уделяется овощеводству и плодоводству. Но особое место, как и прежде, занимает выращивание бобовых, которое составляет основное коммерческое направление в зерноводстве. Постепенно по урожаю этого зерна Северо-Восток становится мировым лидером. Маньчжурские соевые бобы и продукция из сои постепенно захватывают весь мир. Так, исходя из статистических данных ЮМЖД, в период японского господства распределение посевных площадей под зернобобовыми культурами изменялось следующим образом (см. диаграмму 13).

В начальный период существования Маньчжоу-Го среди 5 основных сельхозкультур продолжала лидировать соя. В тот исторический период соя в мире мало где выращивалась, поэтому ситуация сложилась во многом уникальная. На маньчжурские соевые бобы в начале 1930-х годов приходилось от 74 до 75,5 % мирового рынка этой продукции²³. Но по статистике 1943 г., доля маньчжурской сои на мировом рынке сократилась до 60 %. В этот период основные по-

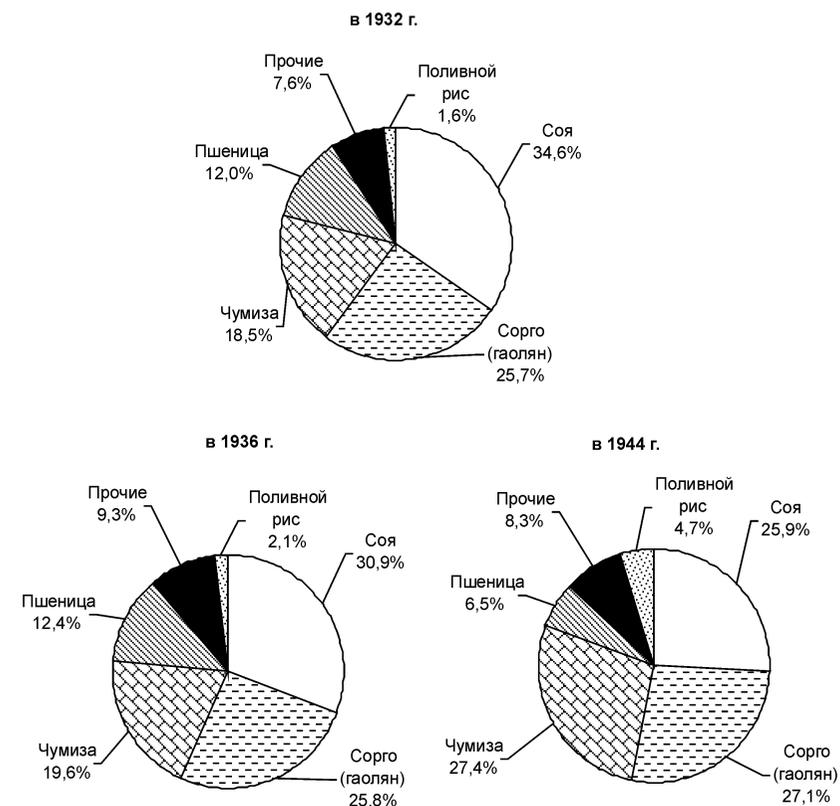

Диаграмма 13. Структура посевных площадей под зернобобовыми в Маньчжурии. Диаграммы построены на основе обработки данных, представленных в монографиях: Дунбэй цзинцзию цзинцзи дили цзунлунь : [Экономико-географические субъекты региона Северо-Востока]. Чанчунь, 1988; Любимов Л.И. Очерки по экономике Маньчжурии. Харбин, 1934; Масленников В. Китай. Политико-экономический очерк. АН СССР. Ин-т мирового хозяйства и мировой политики. М.: ОГИЗ, 1946.

севы сои были сконцентрированы в дельте реки Ляохэ, среднем течении Сунгари, по берегам Нэнцзяна (Нонни), а также на ряде равнинных территорий. На тот момент наиболее ценилась соя, произрастающая в бассейне реки Сунгари и в районе города Чанчунь.

В отношении главной зерновой культуры Маньчжурии — сои с приходом японцев сложилась следующая ситуация: посевные площади и сбор этого зерна значительно сократились, но на мировом рынке маньчжурская соя продолжала сохранять за собой значительный кластер. Конечно, и до оккупации Маньчжурии японцы получали из нее значительную часть сои, кукурузы и другого зерна. Но и спустя 5 лет после Мукденского инцидента (сентябрь 1931 г.) в Японию отгружалось в среднем 1,63 млн т. сои (1934—1935 гг.), соевого шрота и соевого масла, или 40 % производимой в Маньчжурии соевой продукции, в 1936—1937 гг. — 1,32 млн т или 46 % соевой продукции. В начальный период существования Маньчжоу-Го закупка сельскохозяйственной продукции производилась по законам рынка. Но после инцидента на мосту Лугоуцяо (июль 1937 г.), Япония стала осуществлять государственный контроль на рынке сельхозпродукции: с этого времени начала вводиться так называемая цена «7,25». Правительство Маньчжоу-Го 25 июля 1937 г. осуществило проверку оптово-розничных цен на все группы продуктов и зерно во всех городах региона, в результате чего был определен список товаров, цены на которые не должны были колебаться. В случае, если подобные изменения происходили, нарушители карались законом. Таблицы цен были опубликованы, что положило начало «доминированию в экономике». В список продуктов, подлежащих регулированию, входили: рис, пшеница, соя, хлопок и другая сельхозпродукция²⁴.

Следующие по значимости зерновые культуры — сорго (*гаолян*) и пшеница. Уже к началу 1940-х годов площадь посевов сорго превысила соевые. Сорго стал основной зерновой культурой региона. Для его выращивания подходили южные районы Маньчжурии с характерным теплым климатом. Северные районы Маньчжурской или Северо-Восточной равнины (кит. — равнина Сунляо) были более всего пригодны для посадок пшеницы.

Из данных диаграммы 14 очевидно, что *гаолян* стал практически главным зерном региона. Это было связано с его особым значением в структуре питания населения Маньчжурии, а также ценностью в качестве корма для скота и птицы. В конце 1920-х годов стебли гаоляна стали использовать как сырье для производства бумаги. В связи со столь широким применением этой культуры ее посевы значительно расширились.

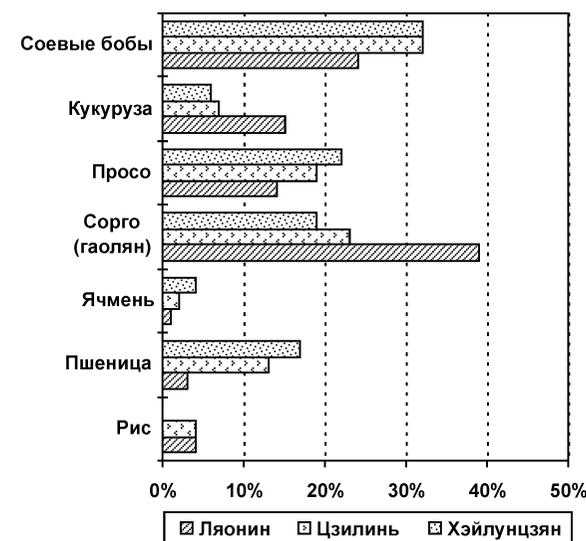

Диаграмма 14. Удельный вес урожая отдельных продовольственных культур по провинциям Маньчжоу-Го в середине 1930-х гг.

Источник: Масленников В. Китай. Политико-экономический очерк. АН СССР. Ин-т мирового хозяйства и мировой политики. М.: ОГИЗ, 1946.

Ситуация с пшеницей по сравнению с республиканским периодом значительно ухудшилась. Так, если в 1920—1922 гг. пшеница была вторым по значимости зерном для региона, то начиная с 1931 г. ее доля стала неуклонно сокращаться. Как писал Н.Г. Третчиков в книге «Современная Маньчжурия в фактах и цифрах», «цена на пшеницу удерживается ненормально высокой»: в Маньчжурии она вдвое выше, чем в Америке и в Южной Африке. «В Маньчжурии сеют исключительно яровую пшеницу, редкие посеы озимой ...нередко гибнут в особо суровые зимы»²⁵.

Северо-Восток Китая стал одним из крупнейших в Китае агро-экспортных регионов. Большая доля выращиваемого в регионе зерна шла на экспорт: так в 1944 г. экспортировалось 74 % собранной сои, риса — 70, кукурузы — 39,1, сорго — 38,2, пшеницы — 36,6, проса — 17 %; т. е. порядка 42 % собранного зерна было отправлено в другие страны²⁶.

Рассматривая состояние сельского хозяйства, необходимо отталкиваться от вопроса «наблюдался ли рост объемов производства зерна?». Рекордный уровень производства зерна был достигнут в 1943 г.: суммарный урожай составил 19,41 млн т.

Китайские авторы зачастую подчеркивают, что в японский период произошло резкое снижение продуктивности сельского хозяйства. Однако следует более взвешено относиться к ситуации, сложившейся в Маньчжоу-Го. В начале 1930-х годов действительно произошло снижение сбора сельхозпродукции, которое продолжалось не слишком долго. Северо-Восток, обладая уникальным природным потенциалом, а именно — благоприятным температурным режимом, огромными плодородными просторами, стал привлекать все больше японских и корейских переселенцев, поскольку японцам не хватало собственных земель в пределах государственной границы страны. Конечно, не только плодородные земли, но и недра, а также дешевая, фактически рабская сила — все это стало поводом для оккупации Маньчжурии.

Если сравнить с показателями республиканского периода, то в 1924 г. производство зерна достигло 14,57 млн т, а в 1930 г. — 18,89 млн т. В период 1929—1931 гг. среднегодовое производство зернобобовых культур составляло 18,77 млн т²⁷. То есть в 1943 г. сбор зерновых превысил уровень республиканского уровня.

Постепенно ситуация с производством зерна в Маньчжурии улучшалась, о чем наглядно свидетельствуют данные табл. 3.

Приведенная выше таблица показывает, что кроме 1939 и 1940 гг. в среднем наблюдалось увеличение объемов производства зерновых. В течение следующих лет сложилась устойчивая тенденция роста сбора: так, в 1942 г. — 18,05 млн т, в 1943 г. — 19,41, в 1944 г. — 19,28 и в 1945 г. — 18,12 млн т.

Однако многие китайские ученые утверждают, что наблюдался спад производства зерна при сокращении урожайности с единицы площади. Действительно, в японский период на Северо-Востоке Китая произошло снижение показателя «сбор урожая зерновых с гектара площади», но по разным культурам ситуация была неодинаковой. Так, если сбор зерна с гектара в 1935 г. взять за 100 %, то в 1943 г. гаюляна было собрано 98,4 %, проса — 99,1, кукурузы — 88,3, пшеницы — 62,4 и риса — 94 %.

Таблица 3. Прирост производства зернобобовых культур (показатель 1934 г. за 100 %)

Сельхозкультура	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940
Соевые бобы	100	114	120	118	116	96	96
Сорго (гаюлян)	100	113	114	112	109	101	98
Просо	100	117	138	136	125	115	116
Кукуруза	100	119	130	124	117	101	105
Пшеница	100	139	113	119	107	98	108
Рис	100	109	127	127	121	121	98

Источник: Дунбэй цзинци сяо цуншу. Цьюань цзи чане (Малая серия — экономика Дунбэя. Брошюра «Ресурсы и промышленность»). Опубликовано Комитетом по регулированию материальных ресурсов Северо-Востока. Шэньян, 1947 г.

Следует отметить, что ближе к 1940-м годам произошло снижение производительности аграрного сектора Северо-Востока, что связано со следующими обстоятельствами: внешний фактор — подготовка к войне, вследствие чего весь упор был сделан на развитие тяжелой промышленности; внутренний фактор — проведение политики огосударствления аграрного сектора, что вызвало утрату интереса к состоянию почв и прежде всего — к поддержанию их плодородности. При этом, конечно, следует разделять понятия «сбор урожая с гектара» и «валовой сбор зерна». Ситуация складывалась следующим образом: наблюдалось снижение урожайности с гектара при росте суммарного валового сбора зерна.

Создание Маньчжоу-Го хотя и не сразу — через несколько лет — изменило структуру и географию экспорта сельхозпродукции региона. Начиная с республиканского периода соя и соевые продукты Дунбэя активно поставлялись на зарубежные рынки. В 1920-е годы экспорт сельскохозяйственной продукции был географически диверсифицирован. С приходом японцев, которые также испытывали огромные потребности в соевых продуктах, произошла переориентация китайского вывоза соевых продуктов. На 1937 г. приходится начало спада в

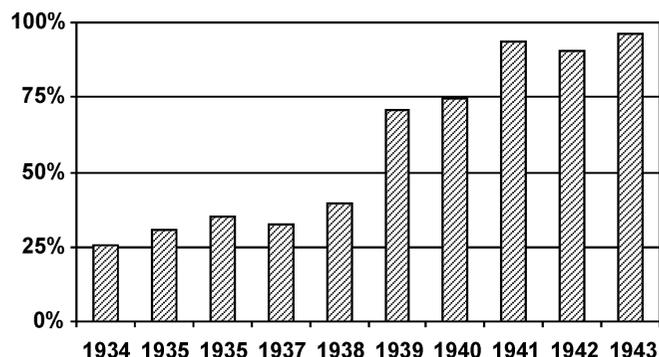

Диаграмма 15. Доля Японии в общем экспорте соевых бобов из Маньчжурии.
 Источник: URL: <http://www.chinavalue.net/General/Blog/2009-11-30/245440.aspx>

экспорте соевой продукции в США. Следующий этап снижения товарооборота с развитыми странами Запада был связан с началом Второй мировой войны и развязыванием Японией войны на Тихом океане. Так, по данным даляньского порта, снижение тоннажа импорта из США выглядел следующим образом: 1938 г. — 471 тыс. т, 1939 г. — 392, 1940 г. — 283, 1941 г. — 39 тыс. т.

В связи с началом войны произошла монополизация Японией поставок сои на внутрияпонский рынок.

С самых первых дней существования Маньчжоу-Го японцы взяли под полный контроль производство маньчжурской сельхозпродукции: она стала доступной только по коммерческим каналам сбыта. Для обеспечения японской армии продуктами питания весной 1937 г. при правительстве Маньчжурии был создан «Комитет по сельскохозяйственной политике Маньчжоу-Го».

В заключение следует отметить, что в сельском хозяйстве Северо-Востока Китая на рубеже веков происходил крайне важный процесс взаимопереплетения двух методов промышленного растениеводства — техник центральной части Великой Китайской равнины и европейских агрометодов, которое оказалось наиболее удачным и высокоэффективным обстоятельством для региона. В конце правле-

ния цинской династии на Северо-Востоке Китая начал проводиться «сельскохозяйственный эксперимент», а именно был осуществлен научно-практический прорыв, суть которого сводилась к следующему: при использовании современных европейских методов осуществлялся анализ состава почв, проводились испытания по селекции семян, делались экспериментальные посевы, началось внесение удобрений. Осуществлялись и другие технико-агрономические эксперименты. Проведение перечисленных мероприятий привело к значительным результатам как в области селекции, так и во внедрении новых орудий труда. В результате экспериментов с озимыми сортами пшеницы удалось получить в провинциях Ляонин и Цзи-линь два урожая в год²⁸.

К сожалению, китайские авторы не указывают, что подобные эксперименты были осуществлены исключительно русскими специалистами. В научно-исследовательской структуре подразделений КВЖД четко прослеживалась практическая направленность исследований. Внедрение современных сельскохозяйственных знаний практиковалось и среди русских землевладельцев, и среди китайских крестьян. Одно из старейших научных обществ — Маньчжурское сельскохозяйственное общество (МСХО) — содействовало практическому внедрению результатов агротехнических исследований. На селекционном участке МСХО проводилась серьезная научная работа по отбору важнейших экспортных сельскохозяйственных культур Маньчжурии — соевых бобов и пшеницы. Существенное практическое значение имели разработки ученых, занимавшихся изучением микрофлоры Северной Маньчжурии, вредителей хлебных злаков и различных древесных пород, а также гибридизации. Важно также отметить, что часть этих работ была издана на китайском языке²⁹.

В республиканский период пришли иные европейско-американские технологии. Так, в 1921 г. американская компания International Harvester Company открыла свой филиал в Харбине, что дало возможность приобретения фермерами Маньчжурии новейшей сельхозтехники: в основном тракторов, сеялок, косилок, молотилок и др. На юге Маньчжурии начинают производить и применять агрохимические вещества, такие, как тиамин, сульфат аммония и другие химические удобрения.

С иностранными трудовыми мигрантами пришли новые агротехнологии, что постепенно повысило производительность труда и валовой сбор некоторых сельхозкультур.

В период Маньчжоу-Го на Северо-Восток прибывало большое количество мигрантов как внутрикитайских, так и японских и корейских. Вопрос о миграции японцев в Манчжурию серьезно встал после создания Маньчжоу-Го: так, к середине 1936 г. в Манчжурию прибыло 710 тыс. японцев и 850 тыс. корейцев, которые стали осваивать земли общей площадью 1,8 млн му. Японцы привнесли новые агрометоды выращивания зернобобовых культур: получила распространение ирригация земель, закупалась современная сельхозтехника, широко применялись препараты по борьбе с вредителями растений, при этом наибольшей механизации подверглось рисоводство.

Для Японии Северо-Восточный Китай стал главным сельхозрайоном, поэтому постоянно стоял вопрос о наращивании там валового сбора зерна. Это, как было выше указано, стимулировало внедрение современных методов агротехники. Именно в период Маньчжоу-Го в регионе впервые стали применять пестициды в качестве самого современного метода борьбы с вредителями сельхозкультур. В период 1942—1944 гг. 80 % семян гаоляна и проса и 55 % пшеницы проходили предпосевную обработку гербицидами³⁰. Кроме того, активно внедрялась практика внесения удобрений, прежде всего при выращивании риса, хлопка, плодовых деревьев и др. В 1941 г. на 1 га пахотных земель приходилось 75 кг минеральных удобрений. В период Маньчжоу-Го появилась самая современная по тем временам сельхозтехника, было открыто 60 механизированных ферм, работали 500 тракторов, которые обслуживали порядка 30 тыс. га земли³¹.

Примечания

¹ Суй До, Чжэнь Чэньминь, Синь Юцай. 2004 Чжунго шуйюй цзинци фачжань баогао — Дунбэй лао гуне циди фусин яньцзю (2004. Доклад о региональном развитии Китая — исследование по возрождению старой промышленной базы Дунбэй). Шанхай, 2004.

² URL: <http://economy.guoxue.com/?p=6998>

³ Другое название Мыргэн (маньчж.) или по-китайски — г. Нэньцзян.

⁴ В исторических книгах встречается название Ажэ-Хо, Ажэ-Хэ.

⁵ В цинскую эпоху назывался Бодуне.

⁶ В дореволюционных книгах писался как Фулан.

⁷ В дореволюционной литературе проходил как Баян-сусу или Баяан-Суссу.

⁸ Паукер Е.О. Маньчжурия, бесплатное обозрение к журналу «Живописное Обозрение». С-Петербург, 1904.

⁹ Доллар (dollar) = 0,72 таэля (tael).

¹⁰ Ян Найкунь, Цао Янсюн. Циндай Дунбэй цзинци вэньти яньцзю 1916—1945 : [Исследование современных экономических вопросов Северо-Востока (1916—1945)]. Шэньян, 2005.

¹¹ В дореволюционных источниках проходит как Нингута.

¹² См.: Паукер Е.О. Указ. соч.

¹³ URL: <http://economy.guoxue.com/?p=6998>

¹⁴ Чжан Гобао. Дунбэй дицзо чжэньсин гуйхуа яньцзю. Чжунда вэньти яньцзю цзюань : [Исследования плана возрождения Северо-Восточного региона]. Том «Исследование главных вопросов». Пекин, 2007.

¹⁵ Там же.

¹⁶ URL: http://xbsk.njau.edu.cn:8032/qw/pdf/files/20110518_180531-226.pdf

¹⁷ Любимов Л.И. Очерки по экономике Маньчжурии. Харбин, 1934.

¹⁸ Ху Цицзюнь. Цзиньдай Чжунго Дунбэй цзинци кайфа дэ гоцзи бэйцзин 1896—1931 : [Международный контекст экономического развития современного Северо-Восточного Китая (1896—1931)]. Пекин, 2011.

¹⁹ Там же.

²⁰ Ян Найкунь, Цао Янсюн. Указ. соч.

²¹ URL: http://xbsk.njau.edu.cn:8032/qw/pdf/files/20110518_180531-226.pdf

²² Чжан Гобао. Указ. соч.

²³ URL: <http://www.chinavalue.net/General/Blog/2009-11-30/245440.aspx>

²⁴ Там же.

²⁵ Третчиков Н.Г. Современная Маньчжурия в фактах и цифрах. Экономические очерки (часть 1). Шанхай: The China Economic Press, 1936.

²⁶ Дунбэй цзинцицзю цзинци дили цзунлунь (Экономико-географические субъекты региона Северо-Востока). Чанчунь, 1988.

²⁷ URL: <http://www.lass.net.cn/Item/261.aspx>

²⁸ *И Баочжун.* Дунбэй дицю ноне фачжань дэ лиши сяньсо (Ключ к пониманию истории развития сельского хозяйства Северо-Восточного региона) // Чжунго нун ши (История сельского хозяйства Китая). 1994. № 1.

²⁹ URL: <http://cheloveknauka.com/nauchnaya-i-pedagogicheskaya-deyatelnost-russkih-v-manchzhurii-v-kontse-xix-pegvoy-polovine-xx-veka#ixzz2LLSQGvAs>

³⁰ Дунбэй цзинцзи сяо цуншу. Цьюань цзи чане. (Малая серия — экономика Дунбэя. Брошюра «Ресурсы и промышленность»). Опубликовано Комитетом по регулированию материальных ресурсов Северо-Востока. Шэньян. 1947 г.

³¹ *И Баочжун.* Указ. соч.

Г.И. Саркисова

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНИ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ В ВОСПРИЯТИИ ЧЛЕНОВ VII РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИИ В ПЕКИНЕ (1781—1794 гг.)

Аннотация. Статья освещает некоторые аспекты жизни Цинской империи на основании сведений членов VII Русской православной миссии, накопленных за 14-летний период их пребывания в Пекине (1781—1794 гг.).

Ключевые слова: Русская православная миссия, Пекинская духовная миссия, VII духовная миссия, Цинская империя, архимандрит Иоаким, И.А. Орлов, Антон Владыкин, иеромонах Алексей.

К одному из значимых событий в истории русско-китайских отношений XVIII в. относится появление в Пекине Русской православной миссии, первый состав которой во главе с архимандритом Илларионом (Лежайским)¹ прибыл в столицу Цинской империи, по одним сведениям, в апреле 1715 г., по другим — в конце 1715 — начале 1716 г.² С момента основания деятельность Пекинской духовной миссии способствовала как налаживанию дипломатических контактов двух государств, так и всестороннему изучению Китая: его истории, традиций, языка, литературы. Особое значение в истории миссии имела V статья Кяхтинского трактата (1728 г.), признававшая пребывание в Пекине русских священников. Членов миссии

китайское правительство обещало поддерживать жалованьем и натуральным содержанием, разрешались прием и обучение в Пекине китайскому и маньчжурскому языкам шести русских учеников³.

Наиболее полно история Пекинской духовной миссии отражена в дореволюционной историографии. В ней заметное место занимает фундаментальный труд Н. Адоратского «Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования»⁴, основанный на богатой источниковой базе⁵. Современные исследования посвящены различным сторонам деятельности миссии за весь период ее истории⁶.

Состав Пекинской духовной миссии менялся 20 раз (с 1715 по 1954 г.)⁷. Пребывание духовных представителей в Пекине не всегда укладывалось в одинаковые временные рамки: нередко регулярность замены глав миссий и их свиты нарушалась по тем или иным обстоятельствам. Одной из наиболее длительных стала VII миссия (1781—1794 гг.), сформированная следующим образом: ее начальником был назначен архимандрит Иоаким (Шишковский Иван Федорович) (ок. 1750—1795 гг., Пекин) — сын священника, уроженец Польши и воспитанник Киевской духовной академии. В 1780 г. иеромонаху Александро-Невской лавры Иоаким был возведен в сан архимандрита и направлен в Москву для формирования миссии с помощью Московской синодальной конторы. Иеромонахами в его свиту были избраны Антоний (Седельников) из Донского монастыря (ум. в 1782 г., Пекин) и Алексей (Боголепов) из Андрониева монастыря. Вернувшись в Россию в 1795 г., он стал игуменом Устюжского Николаевского Моденского монастыря. Умер в 1809 г. Должность иеродьякона занял монах Израиль из Троице-Сергиевой лавры (ум. в 1795 г., Пекин). Церковниками назначили 15-летнего «ученика синтаксима» И.А. Орлова (1765—1840 гг.), сына пономаря, и С.Н. Соколовского, сына казака. В ученики отобрали студента философии Московской академии, сына пономаря, Е. Салертовского (ум. в 1795 г., Пекин), певчего архиепископа Платона, сына священника, А. Попова (ум. в 1795 г., Пекин) и студентов философии Троицкой лаврской семинарии И. Филонова (ум. в 1790 г., Пекин), сына священника, и А. Владыкина (1757—1812 гг.), калмыка по национальности⁸. По возвращении в Россию Владыкин получил чин коллежского асессора и должность переводчика в Коллегии иностранных дел.

В соответствии с инструкцией Святейшего синода, от архимандритов требовались подробные отчеты о пребывании в Пекине. Начальнику VII Пекинской духовной миссии, в частности, предписывалось «о тамошнем состоянии и поведении, сколько будет случая, со основательным объяснением писать Святейшему правительствующему синоду»⁹. Коллегия иностранных дел также дала ему наставление, один из пунктов которого требовал: «В бытность вашу в Пекине, когда будут вам представляться способы искусные, без поддачи, однако, китайской стороне сумнительства и повода найти в вас надзорщика нарочного их дел, сведать о каких-либо в сем удаленном государстве происходящих обстоятельствах, образующих их мысли, поведение и действия правительства, можете оным содержать тайную записку для представления ее по возвращении вашем в Коллегию иностранных дел, как такой, которая не может быть не любопытна по оскудевающим инако способам иметь некоторые надежные известия о тамошних происхождениях»¹⁰. Однако нередко члены миссии по своей инициативе записывали собственные наблюдения и по возвращении в Россию передавали эти записки в Коллегию иностранных дел или Синод. Созданные на основе непосредственных личных впечатлений, заострявшие внимание на отдельных ярких и характерных явлениях действительности, эти записки существенно дополняют официальные отчеты, детализируют некоторые аспекты разнообразной жизни Цинской империи.

Члены VII миссии накопили ценные сведения об истории Китая, его традициях, отношениях с другими государствами, в том числе и с Россией. Последнее особенно важно, поскольку эти материалы относятся к сложным событиям в истории дипломатических связей России с Китаем: приостановлению цинским императором на 7 лет (1785—1792 гг.) очень нужной для России кяхтинской торговли и длительной дипломатической переписке по этому поводу¹¹. Тщательное изучение и сопоставление документов, составленных членами VII Пекинской духовной миссии и выявленных в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), представляется необходимым для восполнения источниковой базы по истории русско-китайских отношений XVIII в. и истории Пекинской духовной миссии, 300 лет со времени основания которой исполняется в этом году.

В трудах конца XIX в. — начала XX века¹² жизнь этой миссии описана довольно подробно и названа спокойной, «за исключением некоторых аномалий». Они были связаны с «выходками» церковника И.А. Орлова¹³, направленными, в первую очередь, против начальника миссии архимандрита Иоакима. С ним И. Орлов находился в длительной вражде, закончившейся в конце 1787 г. отправлением церковника в Москву, где в дальнейшем он стал служить в губернском правлении¹⁴. Протоиерей Прокопий Громов, желая показать, «как много мог вредить делу посольства и чести отечества какой-нибудь дьячок», обстоятельно поведал о поступках Орлова в «Очерках из давнего быта Пекинской духовной миссии».

Под впечатлением от «выходок» дьячка ни П. Громов, ни Н. Адоратский уже не обратили никакого внимания на другое деяние И.А. Орлова уже во благо и к «чести отечества»: написание и опубликование в 1820 г. «Новейшего и подробнейшего историко-географического описания Китайской империи...»¹⁵. По словам автора, его «первым предметом» во время пребывания в Пекине было «упражнение заниматься сочинением» этого описания¹⁶. К данной работе И. Орлова побудили следующие обстоятельства: опыт «самоличного приобретения» «познания и понятия» о Китае и отсутствие до сих пор какого-либо описания этого государства «ни от кого из числа бывших и живших там при оных (духовных. — Г.С.) свитах соотечественников и предместников»¹⁷. Последнее утверждение И. Орлова не вполне справедливо. Ко времени создания им своего произведения (а закончить работу ему удалось только в России) в Коллегии иностранных дел уже был накоплен значительный материал о Китайском государстве на основании официальных посольских отчетов. Так, член посольства графа С.Л. Владиславича-Рагузинского (1725—1728 гг.) канцелярист Степан Писарев составил описание Китая и изложил краткую историю взаимоотношений России с Цинской империей¹⁸. Сам Владиславич-Рагузинский по возвращении в Петербург представил правительству «Секретную информацию о силе и состоянии Китайского государства»¹⁹.

Но не только в официальных отчетах русские дипломаты представляли сведения о своих заграничных поездках. Часто накопленные личные впечатления воспроизводились в различного рода литературных произведениях. В результате поездки в Цинскую империю

в 1756—1757 гг. курьера В.Ф. Братищева появилось его «Осведомление или некоторое поверение Вольтеровых о Китае примечаний, собранное в краткую Братищева бытность в Пекине», в 1783 г. опубликованное в «Опыте трудов Вольного российского собрания» (при императорском Московском университете)²⁰. Таким образом, еще до появления «Описания» И. Орлова читатели уже могли составить представление о летописной традиции, языке, религии, нравах, обычаях, законах и истории Китая. Однако в сочинении И. Орлова все эти и другие вопросы даны в более подробном изложении.

«Описание» состоит из двух частей, каждая из которых представляет собой отдельную книгу. Первая часть включает пять глав. Они складываются из так называемых отделений, освещающих конкретные вопросы. Информация по каждому вопросу занимает в отделении от нескольких предложений («о вольных домах...» — с. 194) до нескольких страниц («о корыстолюбии и обманах» — с. 185—188).

Вторая часть «Описания» состоит из двух глав. VI глава в своих семи отделениях (с. 3—54) касается вопросов, связанных с образом правления, государственным гербом, государственным доходами, вооруженными силами и судопроизводством. Глава VII в отделении I (с. 54—55) повествует «о разделении государства на области...», а в отделении II (с. 56—475) информирует о географии и экономике тех областей.

При всем обилии затронутых тем «Описание» не отличается глубиной исследования и энциклопедичностью. Оно в целом является воплощением личных наблюдений самого автора, за исключением описания тех мест Китая, где ему не пришлось побывать «и лично чего видеть или заметить самому». Об этом, по словам И. Орлова, он дополнил «из государственной их географии и прочих по приличию материи книг»²¹. Е.А. Кузьмина, опубликовавшая отдельные части из отделения III главы II и отделений I, IV главы III, пришла к заключению, что «Описание» — «единственное в своем роде свидетельство очевидца, жившего в Китайской империи в период последнего расцвета традиционного Китая. Удивительным образом оно предвосхищает, а в какой-то мере и обосновывает современные представления о национальном характере и привычках китайцев»²².

О чем же поведал Иван Орлов в своем «Описании»? Особый интерес вызывают его высказывания о внешнем облике, характерных

чертах, нравах и обычаях китайцев. Описав их внешний вид, автор заключил, что «черты лиц их не противны»²³. А об особенностях, присущих китайцам, И. Орлов написал следующее: «все от природы бодры, остроумны и весьма прилежат к наукам, художествам и рукоделиям, но при всем том горды, вспыльчивы, хитры, лукавы, корыстолюбивы, обманщики и великие к женам ревнивцы... Что же касается до остроты их разума, хитрости и прочих способностей, то в оных должно отдать им справедливость»²⁴.

Заслуживают внимания наблюдения автора относительно поведения местного населения с иностранцами. Внешне их обхождение, по словам И. Орлова, кажется ласковым и вежливым, а внутри они испытывают к иностранцам недоверие и зависть. Подобные чувства во многом определяли действия китайцев в торговых отношениях с иностранцами: позволялись «великие обманы» «не только в товарах, но и в съестных припасах». В качестве примера Орлов привел уловку, которую проделывали с нашими купцами в Кяхте: «вместо целых кусков каких-либо шелковых материй отпускают подобно тем кускам сделанные пустые свертки бумаги..., а в съестных припасах, которые продаются на вес, для тяжести у сушеной и соленой рыбы головы набивают крупным песком»²⁵. Читая далее описание аналогичных проделок, можно сказать, что изобретательность китайцев в этом направлении не имела предела.

Автор «Описания» указал на особенности приграничной кяхтинской торговли с китайцами. Вследствие ее регламентированности китайской стороной («то, чего, куда отпускать, у них положено») китайских товаров всегда бывало гораздо меньше, чем российских. «То в таком случае всякой частной из наших торговцев, — делится своими наблюдениями автор, — старается на перехват один другого упредить в промене своего товара на китайский, хотя бы то было и с немалую уступкою цены у своего против онаго, только бы ему там, так далеко заехавши с своим товаром, а, может быть, на кредит еще взятым, не оставаться до другого времени». В результате торговли с отсутствием равновесия в количестве российских и китайских товаров и несогласованностью между российскими купцами китайские товары, по заключению И. Орлова, «делаются у нас уже неумеренно дороги»²⁶. Следует отметить, что еще в 1768 г. полномочный комиссар полковник И.И. Кропотов, находясь на российско-китайской

границе, пытался устранить эти недостатки и провел ряд важных мер «к пользе казенного интереса и купечества»²⁷. Тем не менее материалы «Описания» свидетельствуют о том, что предпринятые преобразования существенно не повлияли на характер российско-китайской торговли.

В ходе исторического развития Китая формировалась китаецентрическая модель восприятия мира. Издавна Китай именовал себя Средним государством (Чжунго), расположенным в центре мироздания, и Поднебесной империей (согласно конфуцианской идеологии, император был представителем Неба на Земле и правителем всего мира). Политика «закрытых дверей», проводившаяся в Китае в XVIII в., также укрепляла китайцев в мысли, «что государство их есть первейшее и богатейшее на свете». Подобное осознание своего места в мире явилось, по мнению И. Орлова, следствием того, что «они сами из своего государства никуда ни за чем не ездят, а видят приезжающих к ним только из других государств людей». Это обстоятельство позволяло китайцам считать, что из других государств к ним приезжают «для набогатения и занятия от них политики, просвещения и прочих их обычаев»²⁸. Обычай же свои жители Цинской империи почитали до такой степени, что, по словам автора «Описания», нет ничего невозможнее как уговорить их переменить что-нибудь или что-нибудь ввести в обычай европейское²⁹.

В действительности все эти представления были порождены восприятием Цинской империей других государств как данников, вассалов. Важнейшими составляющими внешнеполитических контактов были дипломатический церемониал и этикет, призванные еще более возвысить цинского императора, Цинскую империю и принизить страну-контрагента, независимо от ее положения в мире и роли в международных отношениях. А.С. Ипатова, изучившая и подробно описавшая посольский церемониал традиционной китайской дипломатии, отметила, что «уровень межгосударственных отношений цинского Китая с Русским государством в XVII и тем более в XVIII веке принципиально отличался от его контактов с другими странами. Россия не только направляла к цинскому двору свои посольства, но и в первой трети XVIII века принимала у себя посольства Среднего государства вопреки китайскому обыкновению не

выезжать из страны. Некоторые из послов были приняты российским и китайским монархами»³⁰.

Подтверждение особого отношения цинского императора к посланникам из России содержится и в труде И. Орлова. Он отметил тот факт, что по существовавшему порядку иностранные посланники в Пекине получали довольствие из «Приказа столовых приготовлений» в соответствии с «рописанием». Помимо этого, российский посланник, по словам И. Орлова, через девять дней получал четыре стола «с приготовленным кушаньем...да с приготовленным чаем 10 курганов»³¹ от лица самого государя «в знак отменной Его величества милости».

Приведенные сведения позволили автору «Описания» сделать заключение: «По значущему в оригинале их о сем вообще для всех посланников росписанию приметно, что никакому посланнику, кроме российского, такой от императора китайского чести не бывает»³².

Об уважительном отношении китайского императора к России свидетельствуют и два других члена VII духовной миссии, вернувшихся на родину: ученик Антон Григорьевич Владыкин и иеромонах Алексей. Их впечатления о пребывании в Пекине уложились в краткие (по 8 стр.), но очень содержательные отчеты.

Хотя, по словам иеромонаха Алексея, условия жизни в Пекине под начальством архимандрита Иоакима лишали его возможности приобретать полезные сведения, он все-таки не упускал случая наблюдать за всем и делать свои «замечания» «для любезнаго отечества»³³, которые и легли в основу его отчета-уведомления, написанного 27 ноября 1795 г. В нем иеромонах, в первую очередь, обратил внимание на то, что посещавшие начальника миссии архимандрита Иоакима иезуиты выражали «сильное уважение к тем великим произведениям, каковыя совершились могуществом всеавгустейшия российския самодержицы» Екатерины II. А китайский император, получавший «из разных европейских держав сведения о происшествиях в свете», знал о взятии Очакова русскими войсками³⁴, которых не удержали ни «ограждение высоких стен», ни «глубина рвов»³⁵. По слухам из окружения императора Цяньлуна (1736—1796)³⁶, иезуиты утверждали, что он старался иметь «мир и доброе согласие» с Россией в соответствии с завещанием деда³⁷ и отца³⁸.

Интересные сведения об особенностях поведения цинского императора и его министров содержатся и в рапорте ученика Антона Владыкина (от 12 ноября 1795 г.). Они были получены от переводчика русского языка, именитого чиновника Юнь Чина. Общение с ним основывалось на взаимовыгодном сотрудничестве: Юнь Чин³⁹, «признавая свое малознание в российском языке», обучался ему у русских учеников, а они у него — маньчжурскому языку. «У него мы неоднократно спрашивали дружески, — сообщал А. Владыкин, — наклонности и мысли министерства, на что откровенно он говаривал, что Россия в уважении самага хана, и министры знают ея могущество, но что гордость и глупости, бываемыя в их листах, не есть сходственная с сердцем, но наружная и почти необходимая для маньчжур политика. Дабы не показать своего монарха кого-либо боящимся и пред кем-либо унижающимся, в противном случае лишится хан своего могущества и воздаемаго от поработанных китайцев обоготворения и будут понимать, что есть ему равный и его больший»⁴⁰.

Видимо, по тем же соображениям китайская сторона никоим образом не хотела признавать выгодность для своего государства русско-китайской торговли через Кяхту. Эту торговлю цинские власти с 1744 по 1792 г. по разным причинам приостанавливали 10 раз⁴¹. К вопросу о торговле А. Владыкин неоднократно возвращался в своем рапорте и в заключении посчитал «полезным и нужным» для России в ее листах в Лифаньюань «не много упоминать торговлю, ибо гордая их министерия большую чрез сие себе поставляет участь и более нужное для России торговлю, нежели им»⁴².

Однако «сколь кяхтинская торговля для китайцев выгодна и ими уважаема, — писал Владыкин, — явно всякому бывавшему в Китае». В подтверждение этому он привел, по его словам, многим известный факт о том, что китайские купцы обещали своему канцлеру «один миллион рублей серебра, чтоб скорее исходатайствовал открытие торговли»⁴³. К сожалению, на пути к возобновлению кяхтинского торгового не неоднократно возникали непредвиденные препятствия⁴⁴. Об одном из них упомянул и А. Владыкин.

В 1791 г. новое осложнение в отношениях двух государств возникло из-за калмыка ламы Самарина (Самайрина), якобы привезшего из России письмо и на словах передавшего о приготовлении российского войска к войне «для принятия калмыков-торгутов»⁴⁵.

Сенатский лист в Лифаньюань от 19 августа 1791 г. изобличил эту «бумагу» как подложную, обратив внимание на неубедительность как ее текста, так и оформления. «Мнимое письмо», по заключению Сената, было составлено «весьма нескладно и невразумительно и столь дурно по-русски, что и думать нельзя, чтоб сочинитель его был россиянин, а тем менее кто-либо из наших чиновных особ»⁴⁶. Мнение Сената по поводу письма полностью совпало с тем отзывом о нем, который дал А. Владыкин, привлеченный вместе с другими российскими учениками канцлером Хэшэнем к его переводу «по истощении всех средств» китайских переводчиков. Для этой работы все четверо учеников были призваны в юаньминьюаньский⁴⁷ придворный кабинет. «Канцлер, поговорив с нами ласково, — писал Владыкин, — дал нам прочесть оное письмо, чтоб пред ними же (заседали с ним еще любимец ханской Фулю амбань) перевести. Мы отвечали, что в письме нет смысла и писано сумазбродно и есть ложное. Но он, ничего не слушая, приказал каждому особенно перевести. Не успеет один из нас окончить, тот час евнух относил к хану перевод». По завершении работы российские ученики были оставлены на ночь «у дежурного вельможи в покоях». А утром канцлер «с некоторой суровостью» сообщил им, что их перевод «не есть перевод дела, но пустых слов», и предложил им перевести письмо общими усилиями. Однако ученики, уверенные в точности перевода, не выразили желаний вновь им заниматься. Вскоре их отпустили домой и «от имени богдыхана евнух дал каждому... по куску канфы»⁴⁸. Расследования по делу ламы Самарина в итоге, по словам А. Владыкина, закончились тем, что «доноситель лама умер от допросов и побоев», а между двумя государствами окончились споры и восстановился «дружественный союз»⁴⁹, юридически закрепленный 8 февраля 1792 г. Международным актом о порядке русско-китайской торговли через Кяхту и пограничном режиме.

Тем не менее, часть времени пребывания VII духовной миссии в Пекине «дверь кяхтинской торговли была затворена». Об этом ее членам «формально известно не было», только по слухам и «от приятелей». Подтверждение данному факту они видели и в высокой цене пушных товаров, малое количество которых тайным образом доставляли из России бухарцы⁵⁰. Но важно то, что православные миссионеры не ощутили никаких осложнений в отношениях двух

государств. И иеромонах Алексей, и ученик Антон Владыкин отметили «благорасположение китайского правительства»⁵¹ к духовной свите. Оно проявлялось в регулярной выплате жалованья из ханской казны как месячного, так и трехлетнего на платье. Не было у членов миссии ограничений и в передвижении: они могли не только «ходить вокруг всего Пекина», но и ездить на теплые воды за 30 верст от Пекина, а также в город Тунчжоу (Тун джу), куда приходили суда с товарами⁵². Не были лишены православные миссионеры и общения. «Знавшимися с нами разным людем, — писал А. Владыкин, — было невозбранно к нам ходить»⁵³.

Благодаря непрерывавшимся контактам с ближайшим окружением, члены миссии знали и о других событиях в жизни Китайского государства. Причем сведения из уведомления иеромонаха Алексея не повторяются в рапорте ученика Владыкина, источники информации которого, как уже отмечалось, были более разнообразны, а к своему рапорту он приложил еще и записку (на 3 стр., датированную 3 апреля 1796 г.), обобщившую накопленные знания. Они касались и судьбы католических миссионеров, и приезда в Пекин английского посольства Дж. Макартнэя (1793—1794 гг.), и войны с Кашгарией⁵⁴ (в рапорте она называется Бухарией).

А. Владыкин сообщил о существовании ограничения на количество папских миссионеров в Пекине и запрещения на их проживание в других городах. Но, нарушив это требование, многие из миссионеров разбрелись по провинциям и проповедовали свое учение. Участь их была печальной: они были пойманы, и немало таких проповедников закончило свою жизнь в тюрьме. Подобный конец мог бы быть и у принявших католическую веру китайцев, «если бы не товарищи их, — писал Владыкин, — в Пекине живущие, то деньгами, то прозьбою и старанием не утишили сего следствия»⁵⁵.

Нельзя не отметить, что вопрос о состоянии чиновничьего аппарата Цинской империи также привлек внимание российского ученика. «Корыстолюбие и мздоимство чиновников их, — писал он, — до колик дошли неограниченности, что от правянтмейстеров магазейны ниже половины хлеба не имеют против определенного количества, отсега и Пекин претерпевает дороговизну. Казна государственная везде почти нецела, а разделена между большими и меньшими. Великая доверенность хана препятствует ему знать все сие, а

польза и интерес содержит канцлера с прочими в молчании»⁵⁶. Неоднократно упоминавшийся А. Владыкиным канцлер Хэшэнь, по словам О.Е. Непомнина, «сделал головокружительную карьеру от сююая и императорского телохранителя до фактического правителя государства». Реальная власть в стране постепенно переходила в его руки «по мере приближения Хун Ли к семидесятилетнему возрасту, т. е. к концу 70-х — началу 80-х годов XVIII века»⁵⁷. Начавшееся разложение правящей верхушки выразилось во взяточничестве, расхищении казенных средств, торговле титулами, должностями и произволом во всех областях жизни. Данным свидетельствам кризиса власти сопутствовало, по мнению О.Е. Непомнина, нарастание обострения социально-экономических противоречий внутри страны и ослабление внешнеполитической обстановки⁵⁸.

Не удивительно, что все особенности этого периода жизни Цинской империи отразились в рапорте и записке Владыкина. Среди важных событий ее истории за 14-летний период пребывания VII миссии в Пекине, А. Владыкин назвал две войны (а на самом деле упомянул о трех), победа в которых, по его словам, была завоевана не храбростью маньчжуров, а «кровию множества салдат китайских и смертью отважных салонов». Речь шла о неудачной попытке Кашгарии (Бухарии) в 1781 г. «свергнуть иго манджурское». Через полгода она была усмирена войсками фельдмаршала Агуя и осталась «в прежнем рабстве»⁵⁹. Другая война, связанная с выступлением жителя острова Формозы (Тайваня) Линь Шуанвэня против маньчжуров, длилась около года (1787 — начало 1788 г.) и закончилась поражением и ужасной казнью ее зачинщика: «пред лицом самага хана во зверинце (близ Пекина) в куски изрезан»⁶⁰. Победой, но с большими потерями для китайского войска и казны, закончилась и война, которая велась, по сведениям А. Владыкина, в помощь панчен-ламе «в земле Балбутской (близ Тибета на западо-южной стороне)»⁶¹.

Осведомленность А. Владыкина проявилась и в вопросах внешнеполитического характера. Он упомянул в своей записке о приездах в Пекин и голландского капитана «с малою свитою», и киргизцев, просивших китайского императора о принятии их под свое покровительство⁶². Сообщая же о прибытии в Пекин английского посла лорда Дж. Макартнэя, Владыкин показал знание не только выдвинутых англичанами предложений⁶³, но и принятых по ним ре-

шений. На требования английского посла о разрешении 4 ученикам обучаться китайскому и маньчжурскому языкам, о свободном проезде из Кантона в Пекин для купечества, о разрешении на расселение англичан на небольшом острове близ Кантона был получен отказ⁶⁴. Таким образом, окончившаяся в 1794 г. миссия Дж. Макартнэя не достигла желаемого результата. Причина этого заключалась в том, что «пекинские правители, — по словам О.Е. Непомнина, — все еще ощущали себя вершителями судеб мира, а свою империю — центром Вселенной, перед которой должны были трепетать как азиатские “данники”, так и “английские варвары”»⁶⁵.

Пребывание в Пекине было плодотворным для А. Владыкина не только в плане обретения интересных сведений, знаний, но и в накоплении ценного опыта и книг, которые представляли собой сочинения ученых китайцев, а также маньчжурские сочинения и переводы. Сам Владыкин разделил их на учебные, нравственные, исторические, пиитические и философические. Часть из них уже была переведена на русский язык, но требовала еще, по словам их собирателя и переводчика, «внимательного рассмотрения, сличения и переписки» с целью со временем «представить любителям»⁶⁶. В связи с этим нельзя не отметить, что деятельность А.Г. Владыкина как одного из первых переводчиков с маньчжурского языка способствовала развитию отечественной маньчжуристики, зародившейся, по заключению П.Е. Скачкова, «в стенах духовной миссии в середине XVIII века»⁶⁷.

«Сыновняя любовь и усердие к дражайшему отечеству» побудили А. Владыкина достать карту всего Китайского государства и план Пекина⁶⁸. Карта была получена «через многое старание, тайно, посредством одного офицера из библиотеки хансаго племянника», а создана «искусными миссионерами» из иезуитов на маньчжурском и китайском языках при императоре Цяньлуэне и по его распоряжению⁶⁹. Любопытство и интерес русского ученика к китайской истории и культуре были вознаграждены приобретением им сделанной на лянзе (китайской шелковой материи) копии находившегося у императорского племянника Юн-вана старинного портрета китайского философа Конфуция⁷⁰.

Отметил в своей записке А. Владыкин и плачевное состояние двух русских церквей в Пекине. Каменная церковь Сретения Гос-

подня, по его описанию, не имела внутреннего украшения, иконостас был писан на холсте, стены оклеены бумагой, а оконницы слюдяные. Другая церковь — Святого Николая Чудотворца, основанная в помещении бывшей китайской кумирни, была ветхой и убогой и «притом не подобна храмам российским»⁷¹. Сообщая эти сведения, А. Владыкин тем самым привлекал внимание Коллегии иностранных дел и Святейшего синода к нуждам Пекинской миссии.

Длительное пребывание членов миссии на чужбине было сопряжено с преодолением многочисленных трудностей. В их числе и непредвиденное увеличение срока пребывания (в данном случае из-за пресечения торговли и сообщения между государствами) без получения российского жалования, и сложности в обучении языкам из-за отсутствия предварительной подготовки. «Ученики, посылаемые в Пекин, — делился в записке своими наблюдениями А. Владыкин, — будучи ни мало не наставлены языкам, китайскому и манджурскому, и потому принуждены бывают года два и три только упражняться в затверживании вокабул и литер, а к тому казенные учителя, не получая никакой награды, бывают ленивы и не откровенны»⁷². Так через преодоление тягот, извлечение уроков из собственного опыта члены миссии приобретали навыки обучения языкам и общения с китайцами, представителями другой цивилизации, изучение истории, обычаев и традиций которой способствовало налаживанию как межгосударственных отношений, так и связей русских миссионеров с местным населением.

Относительно повседневной жизни Цинской империи уведомление иеромонаха Алексея содержит больше сведений, чем рапорт Владыкина. Например, иеромонах Алексей подробно повествует о сильнейшем голоде в ряде провинций Китая в 1784 и 1793 гг., «во время коего бедные жители, снимая с дерев кору и лист, употребляли в пищу, но и то не помогало для усилившагося голоду, решились съедать друг друга, наконец, оставя свои жилища, шли великими толпами в столичный город Пекин, по улицам вода с собою малолетних детей и жен, с великим воплем продавали»⁷³... Повествуя об этом «крайнейшем бедствии», православный христианин с удивлением замечает, что пекинские жители не проявляли никакого сочувствия и сострадания к своим соотечественникам. «Весь народ оставлял их в презрении, — писал иеромонах Алексей, — говоря с гневом,

что сии худыя люди забвенныя их богами, досадуя, пусть бы они умирали в своем месте, нежели ожидать от них тут такого же глады»⁷⁴. И хотя цинский император оказал помощь своему народу, определив из казны бедствующим дневную пищу, а оставшимся в собственных жилищах посылал крупы и серебро, по заключению иеромонаха, эта благотворительность касалась лишь данного чрезвычайного происшествия и не распространялась на нищету повседневной жизни. Следует отметить, что на «великое презрение» китайцев к нищим обратил внимание и И. Орлов в своем «Описании», объяснив это тем, что нищенское состояние ассоциировалось у китайцев с ленью и нежеланием работать⁷⁵. Не последнюю роль в формировании такого отношения, по мнению иеромонаха Алексея, сыграло подражание среднего слоя китайского населения гордости и надменности, присущим высшему сословию. Подаяния в китайском обществе удостоивали лишь тех, кто просил милостыню, нося при этом «на себе» своих родителей, которые, согласно «узаконениям китайского государя», должны были быть «в почтении»⁷⁶.

Уделил иеромонах Алексей место и таким событиям, которые, по его мнению, могли быть интересны «для единого любопытства». К ним он отнес пожар 1785 г. в императорском дворце, когда от страшной грозы в трех палатах сгорело «великое число ханских сокровищей», бывших под присмотром вельмож и придворных казначеев. Некоторые из охранителей были заключены под стражу. Но император, «отнеся все то несчастье на власть Неба, приказал их освободить без всякаго штрафа»⁷⁷. Другой случай произошел во время императорской охоты, когда из-за сильной грозы и ливня утонуло много людей из свиты императора, а жену его спас «один мунгальской князь», за что получил щедрое вознаграждение. Печальная участь постигла китайский город, построенный около реки, ниже ее уровня, и огражденный стеной. Из-за нечаянного пролома в стене город с жителями был затоплен, спасся бегством на лошади только «один начальник города». К 1792 г. относится «сильное трясение земли», а летом нашествие саранчи, истребившей посевы. Этот же год был отмечен сильными дождями в июне—августе и наводнениями, размывшими во многих местах засеянные поля, а «в некоторых селениях, даже и в самом Пекине, — писал иеромонах Алексей, — не одна тысяча домов опрокинулась в развалены»⁷⁸. Довольно под-

робно иеромонах поведал и о своих наблюдениях за воинскими учениями китайцев, поскольку обучение «воинскому искусству» ему довелось увидеть своими глазами⁷⁹. В заключении уведомления иеромонах Алексей сообщил, что сведения о Китайском государстве на этом не закончились бы, если бы его записки не утонули в реке Селенге во время его следования из Кяхты⁸⁰. Но даже то, что дошло до нас из этих записок, воскрешает события тех лет благодаря стараниям их современника, бережно собиравшего исторические факты для своего отечества. К чести иеромонаха Алексея, он не забыл в уведомлении упомянуть и об Антоне Владыкине, «которой во всю свою в Пекине бытность оказывал к изучению манжурского и китайского языков довольно прилежание», в чем и преуспел, получив, по словам иеромонаха, одобрение ургинских амбаней, а своим «похвальным поведением» заслужил уважение архимандрита Иоакима и всей духовной свиты⁸¹.

Таким образом, краткие отчеты отразили насыщенный событиями 14-летний период жизни на чужбине русских миссионеров: от картин повседневной жизни Цинской империи и происшествий, достойных простого любопытства, до событий, имеющих большое значение в истории двух государств.

Примечания

¹ О нем подробнее см.: Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы. 1725—1727 гг. Т. 2. М., 1990. С. 561—562 (Далее: РКО в XVIII в.).

² *Бантыш-Каменский Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год, составленное по документам, хранящимся в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел, в 1792—1803 году. Казань, 1882. С. 81; *Бэй-гуань.* Краткая история Российской духовной миссии в Китае. М.; СПб., 2006. С. 24.

³ Русско-китайские договорно-правовые акты (1689—1916). М., 2004. С. 44.

⁴ *Адоратский Н.* Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования. Опыт церковно-исторического исследования по архивным документам иеромонаха Николая (Адоратского), смотрителя Херсонского духовного училища. Вып. I. История Пекинской духовной миссии в первый период ее деятельности (1685—1745). Казань, 1887. Вып. II. История Пекинской духовной миссии во второй период ее деятельности (1745—1808). Казань. 1887.

⁵ *Адоратский Н.* Об источниках истории Пекинской духовной миссии в первый и второй периоды ее деятельности // Православный собеседник. 1888. № 1. С. 148—156.

⁶ О разносторонней деятельности миссии см.: *Ипатова А.С.* Российская духовная миссия в Китае: век двадцатый. // История Российской духовной миссии в Китае. М., 1997. С. 281—317; *Она же.* Место Российской духовной миссии в Китае в истории русско-китайских отношений // Востокведение и мировая культура. К 80-летию академика С.Л. Тихвинского. М., 1998, С. 202—233; *Она же.* Деятельность Российской духовной миссии в Китае // Отечественные записки. 2008. № 43 (3). С. 320—331; *Хохлов А. Н.* Стажеры и стипендиаты при Пекинской духовной миссии. // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб., 1993. С. 62—74; *Он же.* Флавиан Городецкий (1840—1915) — глава Российской духовной миссии в Пекине и иерарх Русской Православной Церкви // Научно-богословские труды по проблемам православной миссии. Белгород, 1999. С. 86—89.

⁷ Подробно о процессе закрытия Российской духовной миссии в Китае и создании Китайской автономной православной церкви см.: Православие в Китае. М., 2010. С. 160—189.

⁸ *Бэй-гуань.* Краткая история Российской духовной миссии в Китае. С. 51—52; *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С. 359.

⁹ Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине / под ред. Н.И. Веселовского. Вып. 1. СПб., 1905. С. 57.

¹⁰ *Адоратский Н.* История Пекинской духовной миссии во второй период ее деятельности (1745—1808). Глава XI.

¹¹ Об этом подробнее см.: *Саркисова Г.И.* Из истории русско-китайских отношений: Международный акт о порядке русско-китайской торговли через Кяхту и пограничном режиме (8 февраля 1792 г.) (по архивным материалам) // Восток—Запад. Историко-литературный альманах. 2011—2012. М., 2013. С. 61—76.

¹² *Громов П.* Очерк из давнего быта Пекинской духовной миссии, Иркутские епархиальные ведомости. 1876. № 13—15, 17—20, 24—25; *Адоратский Н.* Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования... Вып. II; *Бэй-гуань.* Указ. соч.

¹³ *Адоратский Н.* Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования... Вып. II. С. 95. Об И. Орлове см. также: *Кузьмина Е. А.* Почему китайцы такие...// Отечественные записки. 2014. № 4 (61). URL: <http://www.strana-oz.ru/2014/4/pochemu-kitaycy-takie>

¹⁴ *Адоратский Н.* Православная миссия в Китае... Сноска 52.

¹⁵ Новейшее и подробнейшее историко-географическое описание Китайской империи, сочиненное коллежским советником и кавалером Иваном Орловым. Ч. 1, 2. М., 1820.

¹⁶ Там же. Ч. 1. С. 5.

¹⁷ Там же. С. 4—5.

¹⁸ Опул. в кн.: *Катифор А.* Житие Петра Великого, императора и самодержца всероссийского... Перевел статский советник Стефан Писарев. СПб., 1772. С. 489—511; РКО в XVIII в. Т. 2. С. 514—527.

¹⁹ Секретная информация о силе и состоянии Китайского государства, поднесена императрице Анне Ив. графом Саввою Владиславовичем Рагузинским в 1731 году // *Русский Вестник*. 1842. № 2. С. 180—243; № 3. С. 281—337.

²⁰ Опыт трудов Вольного российского собрания. Ч. 6. М., 1783.

²¹ *Орлов И.* Указ. соч. Ч. 1. С. 6.

²² *Кузьмина Е.А.* Указ. соч.

²³ *Орлов И.* Указ. соч. Ч. 1. С. 162.

²⁴ Там же. С. 184—185.

²⁵ Там же. С. 185—188.

²⁶ Там же. С. 335—337.

²⁷ Об этом подробнее см.: *Саркисова Г.И.* К пользе казенного интереса и купечества. (Архивные материалы о деятельности полномочного комиссара И.И. Кропотова на российско-китайской границе в Кяхте в 1768 г.) // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. Вып. XVIII. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 359—380.

²⁸ *Орлов И.* Указ. соч. Ч. 1. С. 189.

²⁹ Там же. С. 190.

³⁰ *Ипатов А.С.* Посольский церемониал традиционной китайской дипломатии. Аудиенции в императорском дворце. (По материалам Статейного списка российского посланника С.Л. Владиславича-Рагузинского. 1725—1729 гг.) // *Проблемы Дальнего Востока* 2014. № 6. С. 101.

³¹ Курган (тюрк.) — кувшин.

³² *Орлов И.* Указ. соч. Ч. 1. С. 339, 341.

³³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1792. Д. 1. Л. 239.

³⁴ Крепость Очаков на северном побережье Черного моря была штурмом взята в 1788 г. войсками Г.А. Потемкина.

³⁵ АВПРИ. Там же. Л. 239 об.

³⁶ Девиз годов правления императора Хун Ли (1711—1799).

³⁷ Имеется в виду император Сюань Е (1654—1722). Девиз годов правления Канси (1662—1722).

³⁸ Имеется в виду император Инь Чжэнь (1678—1735). Девиз годов правления Юнчжэн (1723—1735).

³⁹ Транскрипция оригинала.

⁴⁰ АВПРИ. Там же. Л. 243 об.

⁴¹ Новая история Китая. М., 1972. С. 64.

⁴² АВПРИ. Там же. Л. 246.

⁴³ Там же. Л. 244 об.

⁴⁴ Об этом подробнее см.: *Саркисова Г.И.* Из истории российско-китайских отношений: Международный акт о порядке русско-китайской торговли через Кяхту и пограничном режиме (8 февраля 1792 г.) (по архивным материалам). С. 61—76.

⁴⁵ Там же. С. 70—73.

⁴⁶ Там же. С. 72.

⁴⁷ Юаньминьюань — дворцово-парковый ансамбль, летняя резиденция цинских императоров к северо-западу от Пекина.

⁴⁸ АВПРИ. Там же. Л. 244 об. Канфа (кит.) — толстая одноцветная китайская ткань, похожая на атлас.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. Л. 239 об., 243 об., 244 об.-245.

⁵¹ Там же. Л. 243.

⁵² Там же. Л. 240, 243.

⁵³ Там же. Л. 243.

⁵⁴ Восточный Туркестан.

⁵⁵ АВПРИ. Там же. Л. 245 об.-246.

⁵⁶ Там же. Л. 246.

⁵⁷ *Непомнин О.Е.* История Китая. Эпоха Цин. XVII — начало XX века. М. 2005. С. 141. Сюцай — первая, низшая ученая степень, присваиваемая сдавшему областные экзамены. С. 687.

⁵⁸ Там же. С. 142.

⁵⁹ АВПРИ. Там же. Л. 249. Солоны (салоны) — ветвь тунгусского племени. Жили в бассейне р. Нонни по правому и, частично, по левому берегу Амура. См. также: *Непомнин О.Е.* Указ. соч. С. 140—141.

⁶⁰ АВПРИ. Там же. Л. 249—249 об., 245. См. также: *Непомнин О.Е.* Указ. соч. С. 148.

⁶¹ АВПРИ. Там же. Л. 245. Речь идет о военном конфликте между Китаем и Непалом из-за Тибета в начале 90-х годов XVIII в. Конфликт завершился окончательным подчинением Тибета цинскому контролю, одним из проявлений которого явился тот факт, что маньчжурские резиденты в Лхасе были поставлены в равное положение с далай-ламой и панчен-ламой, вторым после далай-ламы иерархом ламаистской церкви в Тибете (с сер. XVII в.). Об этом подробнее см.: *Новая история Китая.* М. 1972. С. 43.

⁶² АВПРИ. Там же. Л. 249.

⁶³ Лорд Макартнэй, прибывший в Пекин в 1793 г. и неоднократно безуспешно пытавшийся вступить в переговоры с китайским императором, в итоге вынужден был в письме изложить требования английского правительства. Об этом подробнее см.: *Новая история Китая.* С. 54—55.

⁶⁴ АВПРИ. Там же. Л. 249.

⁶⁵ *Непомнин О.Е.* Указ. соч. С. 144.

⁶⁶ АВПРИ. Там же. Л. 245 об.

⁶⁷ *Скачков П.Е.* Указ. соч. С. 188.

⁶⁸ АВПРИ. Там же. Л. 245 об.

⁶⁹ Там же. Л. 250.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. Л. 249 об.

⁷² Там же.

⁷³ Там же. Л. 240 об.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ *Орлов И.* Указ. соч. Ч. 1. С. 327—328.

⁷⁶ АВПРИ. Там же. Л. 240 об.-241.

⁷⁷ Там же. Л. 241.

⁷⁸ Там же. Л. 241 об.-242.

⁷⁹ Там же. Л. 242.

⁸⁰ Там же. Л. 242 об.

⁸¹ Там же.

SUMMARY

China in World and Regional Politics (History and Modernity). Issue XX. /Ed. by Elena I. SAFRONOVA. Moscow: Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, 2015.

The XX issue of this annual publication comprises three sections: “International Relations of the PRC”, “Foreign Economic Policy of the PRC” and “History of Foreign Policy and Economic Relations of China” — and includes articles by experts from the IFES RAS and other research institutions in Russia and abroad. Consideration received such issues as: role of Russia and China in the formation of the new world order, current state and prospects of the Russian-Chinese cooperation in bilateral and multilateral levels, problems of foreign economic policy of Beijing and characterization of its course towards some partner countries (USA, India, Korea, etc.), directions and prospects of the SCO countries' cooperation. Special attribute of the book is the analysis of various aspects of China's “Silk Road Economic Belt” strategy and probability of its conjugation with the Eurasian Economic Union project (EAEU). There are also articles on such burning matters as: impact of regional problems on Sino-Japanese and Russo-Japanese relations, China's participation in the “Arctic race”, international context of the strategic weapons' production in China. The book also includes works on the history of China's foreign relations.

Keywords: China, Russia, international relations, new world order, foreign policy of the PRC, Russian-Chinese cooperation, security, regional zones of tension, SCO, Silk Road Economic Belt, Eurasian Economic Union (EAEU), Central Asia, humanitarian ties, Arctic region, economic ties, development programs, integration projects, public-private partnerships, history of China's foreign relations.

Mikhail L. TITARENKO, Vladimir Ye. PETROVSKY. RUSSIA AND CHINA AS MAINSTAYS OF THE NEW WORLD ORDER

The current world order failed the test of reality. The group of countries with rapidly developing economies strive to achieve a more just world order, changes in the global financial and economic system, and reformation of the global governance. Actions of the USA and certain Western countries, aimed at revision and ar-

bitrary interpretation of the basic rules of the International Law, at undermining of sovereignty and territorial integrity of states and the right of peoples to choose their own social systems and ways of development, confront this tendency.

If to agree that the current global order is unbalanced and needs reformation, then one needs to strengthen its fundamental mainstay based on multi-polarity. Russia, China, India, SCO and BRICS States, as well as a number of developing countries, follow exactly this course. Strategic partnership and constructive interaction of Russia and China in solving global problems become even more important. Russian-Chinese relations are the fundamental factor of peace and stability in Asia Pacific and the globe. Both countries established an equal partnership, not aimed against a third party and able to become a standard of international relations in the XXI century.

Keywords: new global (world) order, multi-polar world, Asia-Pacific region, global governance, dialogue of civilizations, Shanghai Cooperation Organization, RIC, BRICS.

Sergey G. LOUSIANIN (LUZYANIN). RUSSIA AND CHINA: GLOBAL AND REGIONAL DIMENSIONS OF SECURITY AND COOPERATION — 2015.

The article analyzes the East Asia security situation and the impact on it of Russia, China and the United States. Particular attention is given to the importance of the mega-project on creating a new economic space through conjugation of the Silk Road Economic Belt strategy (SREB) and the Eurasian Economic Union (EAEU) for the benefit of co-development and stability in Eurasia. The role of the SCO as a potential “technological” base for the implementation of both the EAEU project and the geopolitical core of the correlated projects SREB + EAEU is also considered.

Keywords: Eurasia, Russia, China, USA, security, Silk Road Economic Belt (SREB), Eurasian Economic Union (EAEU), co-development, SCO.

Alexander G. LARIN. THE REVIVAL OF CHINA AND SOME ISSUES OF THE RUSSIAN—CHINESE COOPERATION

The construction by China of the new Silk Road strengthens positions of the PRC in the post-Soviet area and offers Russia both chances and challenges. In the current international environment, interaction with China assumes even greater importance for Russia. Hopes are growing for China’s assistance in the rise of Siberia and the Far East, which has been carried out without much success yet; the course towards the admission of China to regional strategic mining facilities can be traced now. However, the revival of the Trans-Ural part of the RF is impossible without

modernization of its current economic model, and it can be done only by ourselves. And this is exactly what will make cooperation with China more efficient.

Keywords: Silk Road Economic Belt, Russia on the Silk road, Siberia and the Far East development programs, Russian-Chinese cooperation in Siberia and the Far East.

Sergey V. UYANAIEV. COOPERATION IN THE PROTECTION OF THE RESULTS OF THE SECOND WORLD WAR AS AN IMPORTANT DIRECTION OF RUSSIAN-CHINESE COOPERATION IN THE FIELD OF PEACE AND SECURITY

The article is focused on the possible areas of cooperation between Russia and China assigned to prevent revision of the universally recognized outcomes of the World War II. The author analyzes the obvious connectivity between such co-operation and current objectives of maintaining international peace, security, and building a just world order. The article explores the motives and intentions underpinning the falsification of military history, recalls the great contribution, made by Russia and China in the defeat of fascism and militarism, and emphasizes the topicality of joint efforts of Russia and China in the protection of historical truth.

Keywords: Russia, China, interaction, outcomes of the World War II, falsification, world order, security.

Andrey O. VINOGRADOV. NEW TYPE OF RELATIONSHIP AND THE NEW SILK ROAD. TO THE MATTER OF CHINA'S FOREIGN POLICY INNOVATIONS

The article deals with new developments in the foreign policy of China of the past two years. Special attention is paid to the use of the term “new relationship” and to the concept of “one belt — one way” as well. The author formulates recommendations for the Russian side basing on the analysis of Russia’s place in today’s foreign policy constructions of the Chinese leadership.

Keywords: China, foreign policy, Russia, the new world order, “the new Silk Road”.

Anatoly F. KLIMENKO. POSSIBLE STEPS OF RUSSIA IN INTERACTION WITH CHINA TO ENSURE SECURITY IN THE SCO AREA

The article analyzes the interconnection of drug trafficking and international terrorism. Their impact on security and stability of the Central Asian region is also assessed. The author considers possible steps of Russia in collaboration with its partners by the Shanghai Cooperation Organization to be made in the interests of national and regional security.

Keywords: drug trafficking, security, threat, Central Asia, “Islamic State” (IG), Taliban, Afghanistan, Shanghai Cooperation Organization (SCO).

Leonid Ye. VASILYEV. SOME ASPECTS OF CHINA'S POLICY IN CENTRAL ASIA

The article is dedicated to the assessment of political situation in Central Asia. Special attention is given to the main aspects of the policy followed by China in the relations with Central Asian countries and to the PRC's strategy in Central Asia.

Keywords: People's Republic of China (PRC), geopolitics, People's Republic of China's foreign policy strategy, Shanghai Cooperation Organization (SCO), Silk Road Economic Belt.

Elena I. SAFRONOVA. CURRENT AND PROSPECTIVE ROLE OF HUMANITARIAN COOPERATION IN THE DEVELOPMENT OF THE SCO

The paper argues significance, role and special importance of immediate promotion of humanitarian ties within the SCO. The author also puts forward a number of recommendations to relevant Russian institutions interested in improving the efficiency of humanitarian cooperation of the RF with the states of the Shanghai group. A number of these recommendations seem applicable for the rise of the humanitarian dialogue between Russia and some third countries.

Keywords: Shanghai Cooperation Organization (SCO), Russia, China, international image of a country, humanitarian ties, “soft power”, cultural exchange, cooperation in the areas of health care, education, Russian Emergencies Ministry, nce, Emergencies and Elimination of

Anatoly V. BOLYATKO. THE US STRATEGY IN THE ASIA-PACIFIC AND CHINESE-AMERICAN RELATIONS

The article analyzes current situation in the AP as well as Chinese-American relations' prospects. The emphasis is made on trends in the development of the regional situation caused by changes in the American strategy there. China has been declared the main probable adversary of the USA.

Keywords: national strategy, maritime strategy, strategic situation, threats and challenges, regional zones of tension, US-China rivalry.

LI Younghui. THE IMPACT OF TERRITORIAL ISSUES ON CHINESE-JAPANESE AND RUSSIAN-JAPANESE RELATIONS

For about 40 years since Chinese-Japanese relations were re-established, the problem of the Diaoyudao islands did not affect them seriously, while bilateral relations had been successfully developed in various fields. Now, author implies, Japan

renounces the previous consensus, according to which both sides agreed to postpone the solution of the problem for future. As for the Russian-Japanese territorial issue, it deals with the historical disputes over the South Kurile islands as well as with interpretations of international treaties and political documents regulating the outcome of the World War II.

Territorial disputes in Northeast Asia could be finally resolved only if Japan respects unquestionable historical facts, and if regional security and further development of Chinese-Japanese and Russian-Japanese relations are provided through constructive negotiations.

Keywords: Diaoyudao islands, South Kurile Islands, territorial disputes, outcomes of the World War II, regional security in Northeast Asia.

Vassily B. KASHIN. ON THE SCALE OF STRATEGIC NUCLEAR WEAPONS' PRODUCTION IN CHINA: INTERNATIONAL CONTEXT

The article examines structure and approximate scale of activities of the Chinese industries related to the production of strategic nuclear weapons and their delivery platforms. Although China possesses huge Research-and-Development infrastructure and projects in elaborating new types of strategic weapons, the real scale of the final assembly enterprises remains quite modest, according the author's data. Although there are two missile and space corporations in China — CASC and CASIC, strategic weapons production is relatively free of competition. CASC and CASIC companies are cooperating with each other in strategic missile projects and ultimately, supply one final assembly plant with limited number of personnel. Known data about some key enterprises supports the existing modest assessments of China nuclear arsenal's size. At the same time, there is trend of moving the center of gravity in this industry from R&D to serial production as some of the biggest and most expensive projects are entering serial production phase.

Keywords: China, nuclear weapons, ICBM (Intercontinental Ballistic Missile), IRBM (Intermediate Range Ballistic Missile), SLBM (Submarine Launched Ballistic Missile).

Yury V. MOROZOV, Anatoly F. KLIMENKO. CHINA AND OTHER COUNTRIES OF NORTH-EASTASIA IN THE “ARCTIC RACE”

The article, basing on analysis and synthesis of policy and strategy of leading world states, discusses the challenges to Arctic regional stability which may affect interests of Russia. The authors examine interests and strategies in the region of North-East Asian countries. The findings of this article may be represented by proposed areas of potential cooperation between Russia and the above-mentioned states in economic development of the Arctic and possible steps of the Russian Government in countering Western sanctions.

Keywords: Arctic region, Nordic states, NATO, China, Japan, South Korea, Northern sea way, economic zone, militarization.

YANG Yuheng. COOPERATION OF CHINA AND RUSSIA IN THE FIELD OF LANGUAGE EDUCATION AS ASPECT AND FACTOR OF THEIR HUMANITARIAN INTERACTION

The article stresses the idea that range of study and use of the language of a partner nation may be considered not only an indicator of the success of inter-state humanitarian cooperation, but also a factor favoring mutual understanding of the parties, as well as a barometer of the relationship's overall climate.

Keywords: Chinese-Russian relations, Chinese language study in the Russian Federation, Russian language study in China, humanitarian cooperation.

Vladimir Ya. PORTYAKOV. RUSSIA, INDIA AND CHINA IN THE WORLD ECONOMY AND TRADE. 2014—2015

Changes in the economy growth rates of the RIC countries, as well as the shifts in the positioning of Russia, China and India in the world economy and trade are analyzed. Besides, current peculiarity in volumes and structures of Russian-Chinese, Chinese-Indian and Indian-Russian trade has been studied.

Keywords: Russia, India, China, economic growth, foreign trade.

Dmitry V. GORDIENKO. COMPARATIVE ASSESSMENT OF THE ECONOMIC POWER OF CHINA AND LEADING INDUSTRIALIZED AND DEVELOPING COUNTRIES

The article discusses the approach to the comparative assessment of the economic power of China and leading industrialized and developing countries. It is concluded that the economic power of China and leading (for now) states can be represented by shares of their gross domestic product in the gross world product.

Keywords: economic power, China, USA, Japan, Germany, France, Italy, UK, Western Europe, India, Russia/USSR.

Oleg A. TIMOFEEV. RUSSIAN-CHINESE INTEGRATION PROJECTS AND THEIR IMPACT ON THE FAR EAST DEVELOPMENT

Recent years are characterized by growing interest towards aspects of integration within Russian-Chinese interaction. Moscow and Beijing almost simultaneously launched their own integration projects, respectively the Eurasian Economic Union and the "Silk Road Economic Belt." While strengthening the structure of bilateral cooperation, the conjugation of the projects influence regional

multilateralism by involving increasing number of actors. Such processes may reinforce Russian-Chinese regional cooperation, e.g., between Russian Far East and Northeast China.

Keywords: Russia, China, integration projects, Eurasian Economic Union, Silk Belt, cooperation in tying (conjugation), regional dimensions.

Sergey V. UYANAIEV. NEW "SILK ROADS" OF CHINA: PRINCIPLES AND PARAMETERS OF OFFICIAL "ROAD MAP"

The article is focused on the document titled the «Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road», adopted by China's Government in March 2015 and devoted to main principles, objectives, geographic scope and methods of implementation of the China's initiative, named "Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road". The author analyzes the role assigned in the document to Russia and the SCO, studies the possibility of Russia's participation in the project.

Keywords: China, project, initiative, Silk Road, Belt, concept, action plan, road map, cooperation, Russia, transport, route, chance, challenge, SCO.

Konstantin V. ANTIPOV. "CHINA-PAKISTAN" ECONOMIC CORRIDOR OPENS SILK ROAD TO THE WEST

This article highlights some new aspects of the relationship between China and Pakistan and points out an important shift in the concept of the new Silk Road. Unprecedented agreement on China's 46 billion dollar investment in Pakistan reflects crucial importance of the bilateral partnership for both countries and serves as an important step in consolidating positions of China in the Middle East and in ensuring Beijing's sustainable access to the Arab oil.

Keywords: economic corridor, Gwadar Port, China's maritime communications, Middle East oil supply.

Alexander Ch. MOKRETSKY. CHINESE PROJECT OF THE SILK ROAD ECONOMIC BELT: PROSPECTS FOR BELARUS

Prospects of cooperation between China and Belarus in the construction of the Silk Road Economic Belt (SREB) are obvious. As «comfortable partner» for China, Belarus can play an important role in both projects — SREB and Eurasian Economic Union (EAEU) as well. Within this cooperation, China may get new markets, and Belarus — new investments. At the same time, China conducts deeply echeloned, «cool and reserved» «expansion» in the region, taking care of its national interests and not compromising them for the sake of «brotherly feelings».

Key words: China, Belarus, the Silk Road Economic Belt, «the docking», China-Belarus industrial park.

Vladimir A. MATVEEV. MULTILATERAL PROJECTS IN THE SCO: ASSESSMENT OF THEIR IMPLEMENTATION MECHANISMS

The article is devoted to modern problems of the implementation of multilateral economic projects in the SCO. It substantiates the important role of public-private partnerships in attracting investment in large-scale infrastructure initiatives of China and Russia. A landmark in the problems of the public-private partnership implementation belongs to the legislation improvement in the aspect of long-term loans and guarantees for private investment.

Keywords: public-private partnership, SCO transport corridors, East-West infrastructure projects, legislation, development model, international financial institutions, concessions.

Rashid K. ALIMOV. ON CHINA'S ROLE IN BREAKING TAJIKISTAN'S TRANSPORT DEADLOCK

The author analyzes role and place within Tajikistan-China trade and economic cooperation of the “Kulma-Karasu” high mountain border check point. For the first time since the opening of the border check point 10 years ago (in May, 2004), statistical data on its operation are provided. It is stated, that thanks to the “Kulma-Karasu” border check point, Tajikistan has gained an exit from the dead-end zone and transformed itself into a transit country, securing interrelationship between China and countries of South and South-East Asia.

Keywords: Kulma/Karasu, Tajikistan, China, Silk Road.

Vyacheslav I. BALAKIN. THE REPUBLIC OF KOREA IN REGIONAL INTEGRATION STRATEGIES OF THE PRC

The article analyzes the PRC's regional integration strategy, which substantiates active investment cooperation between China and South Korea. East Asian integration seems very important both for China and the Republic of Korea, since it gives them unique chance for creating regional market fitting their own parameters. From more distant perspective China-Korea strategic cooperation may guarantee both states solid diplomatic positions in the dialogue with such powers as USA and Japan. In that connection, bilateral diplomacy of China and South Korea, which reflects mutual aspiration toward more close partnership, causes serious anxiety of Japan. At the same time, tight interlacing of economic interests in the relations between South Korea with China and the USA permits Seoul to join any Beijing's or Washington's initiatives in the North Korean direction in any convenient time.

Keywords: China, Republic of Korea, integration, investment cooperation, regional strategy.

Maria V. ALEXANDROVA. AGRICULTURE OF NORTH-EAST CHINA IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY: ENDOGENOUS AND EXOGENOUS FACTORS OF AGRICULTURAL SPECIALIZATION

The paper analyzes internal and external factors that influenced the formation of the agricultural sectors of the North-East of China (primarily — cultivated plant) in the first half of the XX century. An important place is given to the study of reasons and characteristics of the geographical zoning of the main pulse crops, including soybean, sorghum, wheat. The region's role as the world's largest exporter of soybeans and soy semis is also considered. The author shows the role and significance of foreign advanced agricultural technologies and their impact on crop cultivation in Manchuria.

Keywords: Manchuria, migration, Qing Dynasty, Japan, Russia, leguminous plants (pulse crops), agricultural machinery, Chinese Eastern Railway (CER), prime cost, marketability, World war, river basins, crop areas, commodity grain, grain output, exports, the Songhua River, fertile soils.

Galina I. SARKISOVA. SOME ASPECTS OF THE LIFE OF THE QING EMPIRE IN PERCEPTION OF MEMBERS OF THE VII RUSSIAN ORTHODOX MISSION TO PEKING (1781—1794)

The article highlights some aspects of the life of the Qing Empire basing on the information of members of the VII Russian Orthodox Mission accumulated over a 14-year period of their stay in Peking (1781—1794).

Keywords: Russian Orthodox Mission, Peking Ecclesiastical Mission, VII Spiritual Mission, Qing Empire, Archimandrite Joachim, I.A. Orlov, Anton Vlydykin, Hieromonk Alexey.

Сведения об авторах

Александрова Мария Викторовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: alexandrova@ifes-ras.ru

Алимов Рашид Кутбиддинович — доктор политических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Таджикистан в КНР, почетный профессор Китайского и Шанхайского университетов международных отношений, лауреат международной премии «Шелковый путь — гуманитарное сотрудничество» (Пекин, 2012 г.).

E-mail: rashid.alimov@outlook.com

Антипов Константин Валентинович, старший научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: konstant2005@yandex.ru

Балакин Вячеслав Иванович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru

Болятко Анатолий Викторович, доктор военных наук, профессор, главный научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН, действительный член (академик) Академии военных наук.

E-mail: bolyatko@ifes-ras.ru

Васильев Леонид Евгеньевич, старший научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: levdvina@mail.ru

Виноградов Андрей Олегович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: vinandr@mail.ru

Гордиенко Дмитрий Владимирович, доктор военных наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН, действительный член (академик) Академии военных наук.

E-mail: gordienko@ifes-ras.ru

Кашин Василий Борисович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: v_kashin@yahoo.com

Клименко Анатолий Филиппович, генерал-лейтенант (отст.), кандидат военных наук, заместитель руководителя Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: klimenko46@mail.ru

Ларин Александр Георгиевич, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: alekclarin@yandex.ru

Ли Юнхуэй, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии при Академии общественных наук Китая. Главная специальность — внешняя политика России и российская политика в Азии.

E-mail: hui6768@yahoo.com

Лузянин Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, и.о. директора Института Дальнего Востока РАН, руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: lousianin@ifes-ras.ru

Матвеев Владимир Александрович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: matveevva@mail.ru

Мокрецкий Александр Чеславович, младший научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: 88am@mail.ru

Морозов Юрий Васильевич, кандидат военных наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: morozovyury51@yandex.ru

Петровский Владимир Евгеньевич, доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН, действительный член (академик) Академии военных наук.

E-mail: petrovsk4@gmail.com

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока».

E-mail: portyakov@ifes-ras.ru

Саркисова Галина Ивановна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: sarkisova1954@mail.ru

Сафронова Елена Ильинична, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН, отв. редактор и составитель ежегодного издания «Китай в мировой и региональной политике. История и современность».

E-mail: safronova@ifes-ras.ru

Тимофеев Олег Анатольевич, кандидат исторических наук, заместитель начальника Управления международной деятельности, доцент кафедры управления на транспорте Государственного университета управления (Москва).

E-mail: timooa@mail.ru

Титаренко Михаил Леонтьевич, академик РАН, директор Института Дальнего Востока РАН, лауреат Государственной премии РФ в области науки и технологий за 2010 год, председатель Научного совета по проблемам комплексного изучения современного Китая Отделения общественных наук РАН, член Научного совета при Совете Безопасности РФ, Межведомственной комиссии Совета Безопасности РФ по международной безопасности, Экспертного совета при председателе Совета Федерации, член Научного совета при МИД РФ, председатель Общества российско-китайской дружбы.

E-mail: ifes@ifes-ras.ru

Уянаев Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, заместитель руководителя, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: svuyav@yahoo.com

Ян Юйхэн, аспирант Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: yangyuheng@mail.ru

Научное издание

**Китай в мировой и региональной политике
История и современность**

Выпуск XX

Ежегодное издание

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Корректоры *О.У. Муфаззалова, Н.Б. Потапова*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 25.08.2015.

Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».

Печ. л. 23,5. Бумага офсетная. Тираж 500 экз. (1-й завод — 150 экз.)

Заказ № 14

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке института
со свободным доступом, находящейся
на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru.

Контакты:

по вопросам работы электронной библиотеки —
Отдел наукометрии и информационных
технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:

Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.